

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Г. Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

12й

ВЫПУСК

*По благословению о. Николая Епишева,
настоятеля церкви
во имя Покрова Божией Матери
с. Борисово Новгородской обл.,
Старорусского р-на*

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2015**

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза Писателей
при участии
Академии Русской Словесности и
Изящных Искусств им. Г.Р.Державина*

*Проект Евгения Раевского
«С Россией в сердце»*

Под общей редакцией Е.П.Раевского

Шеф-редактор: Н.А.Веселова

Редактор отдела поэзии: Е.П.Раевский

**Редколлегия: Л.Б. Ильина, С.Н. Скакун, А.Н. Молоканов,
А.М. Губаревская, Н.Е. Кострицына,
Е.В. Сакс, Ю.В. Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmsp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

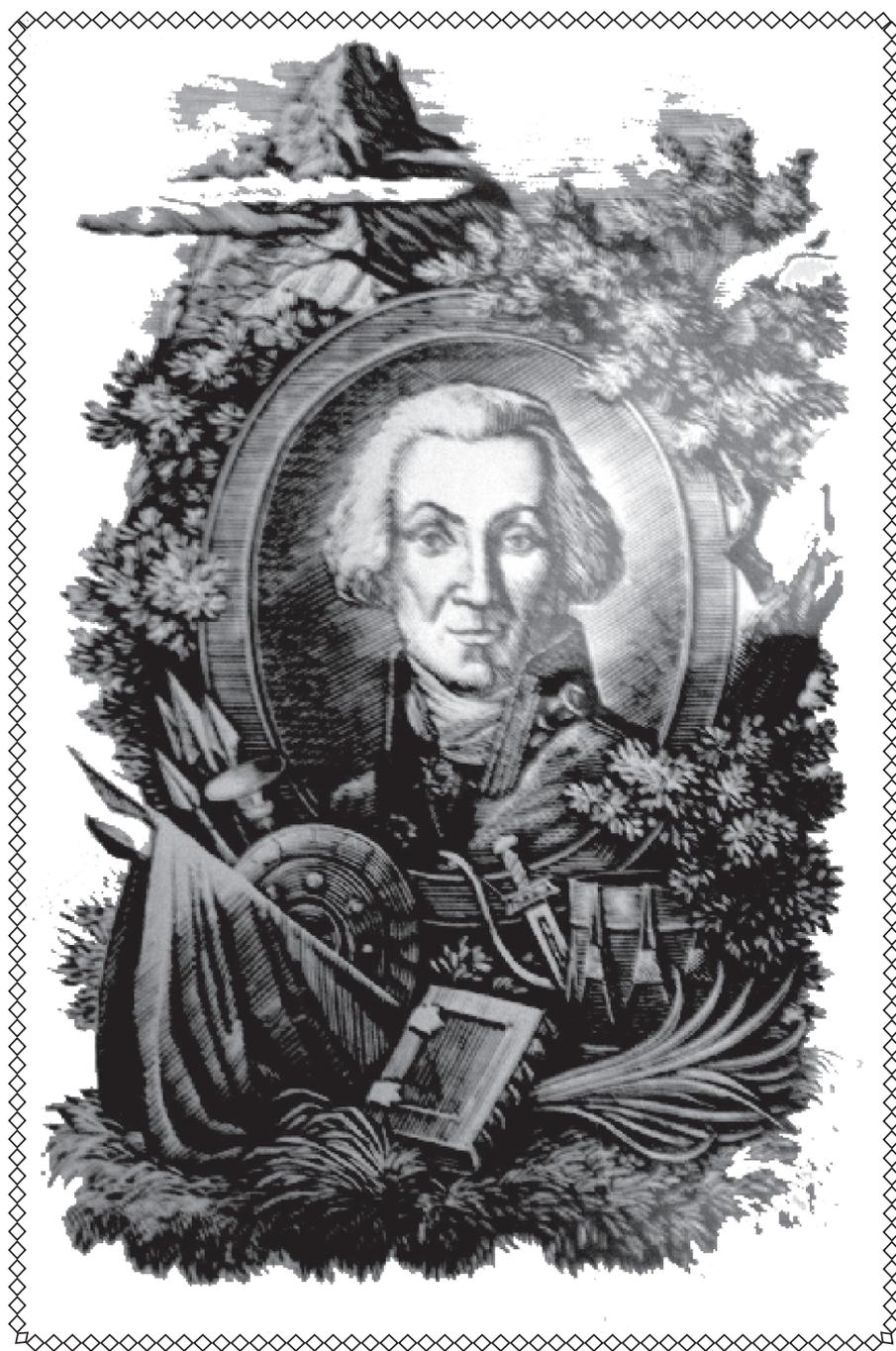
*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2014 года*

**На первой странице обложки: музей-усадьба «Тригорское»
в Пушкинском заповеднике; Б.Биргер «Пушкин в Тригорском у Осипо-
вых», В. Виноградова «Пушкин в Тригорском близ Михайловского»
(Донецкий государственный музей). Фото из Интернета**

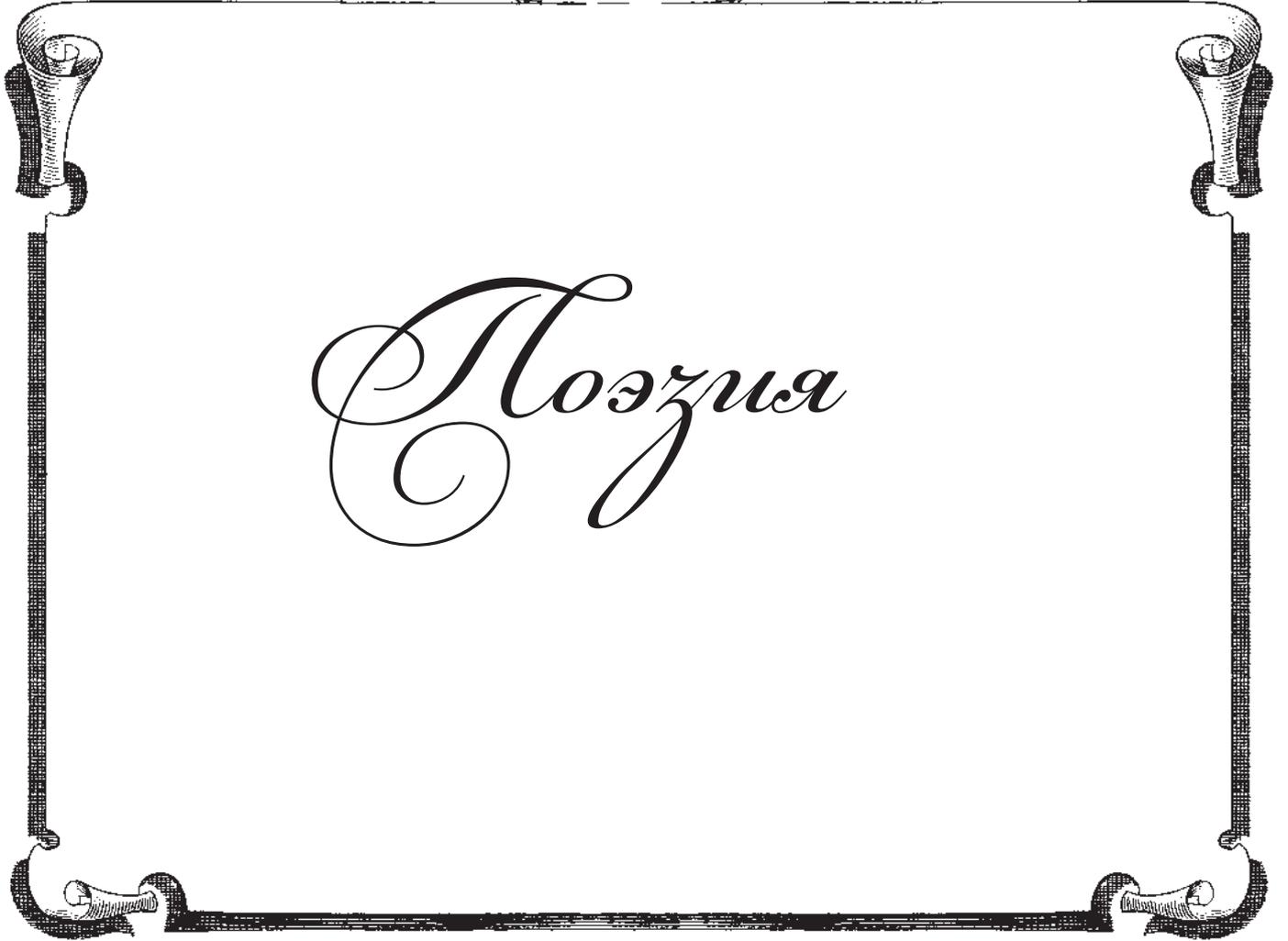
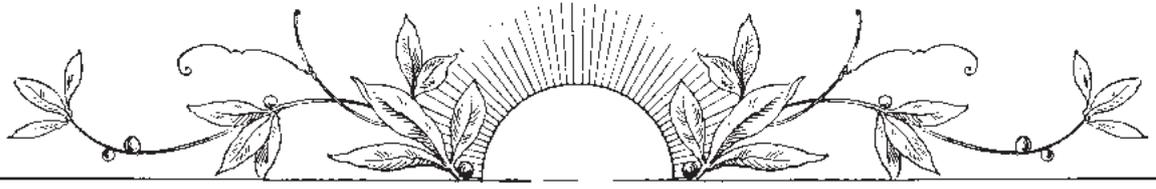
ISBN

© Коллектив авторов, текст, 2015
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2015
© И.А. Сафронов, фото на 4-й стр.
обложки, 2015

*Академия русской словесности
и изящных искусств
им. Г. Г. Державина*

2015

Виктор ОРЕШКИН

Дуэль жасмина и сирени

1

Давай, погоде вопреки,
Течение вечера нарушим,
Пересечем свои шаги
И на двоих устроим ужин.

Известно вроде бы давно:
Свидание тоску излечит,
И наша близость, как вино –
Чем больше выдержка, тем крепче.

Налей, о прошлом не скорбя,
И утоли глотком разлуку,
Чтоб тело было вне себя,
И чувство становилось звуком.

Рукой по шелковой груди –
Сердечная приятна кража.
А что там будет впереди,
Нам только поцелуй подскажет.

Прикосновеньем жарких губ
Клеймить доверчивую смелость,
Вплетая в дикую пургу
Все, что сплести давно хотелось.

2

Я предлагаю вам прийти
Так неожиданно, как лето.
Все, что осталось без ответа,
Уже не суждено спасти.

Я приглашаю вас пройти
По лабиринту обещаний,
Ключом настойчивых желаний
Все открывая на пути.

Я позволяю вам войти
В миндальный аромат надежды,
И чтобы минимум одежды
У поцелуев на пути.

3

У нас с тобой нет больше времени –
Одни синхронности и ритмы,
Сердцебиением проверены,
По хрусталям сполна разлиты.

Границы дышат, иллюзорные,
Они условности пространства.
Дубы ложатся непокорные,
А бабочки свободно странствуют.

Не виноваты, не обязаны,
Порой не те, что истолкованы,
Лишь строчками стихов повязаны,
Мои слова с твоими молвлены.

Теперь нам вовсе не до ревности –
Каких бояться нам грабителей! –
И только артефакты древности
Изобретаем упоительно.

4

О нас не напишут в бесплатных газетах,
История наша не вызовет дрожи.
И я не Ромео, и вы не Джульетта,
Хотя времена временами похожи.

Цепей предрассудков разорваны звенья,
Для жизни, для счастья дороги открылись.
Нам больше не нужно соперничать с Тенью –
Мы с ней познакомились и примирились.

Как все изменилось!.. И дышится легче,
Ни холод не страшен, ни марево зноя,
И руки спокойно ложатся на плечи,
А крылья по-прежнему там, за спиной.

Бессонный Аид наконец-то задремлет,
Калитка открыта, и Кербер не лает...
Идет Персефона на грешную землю,
Снега одиночества медленно тают.

Доверчиво-нежно глядят первоцветы,
А мы в темноте, как с Амуром Психея...
Когда б не Ромео, что б стало с Джульеттой?
Когда б не Джульетта, то был бы Ромео?

6

Заглянул, поглядел, только взглядом погладил...
Отчего-то ушел, ничего не сказав.
Дразнит ракурс такой – как бы сбоку и сзади –
Полутень-полувзгляд. Он, наверное, прав.

Этот век непростой... Веера, кринолины,
Небольшой каблучок и качели размах;
Изумрудные ветви висят балдахином
И смущаются розы в нескромных руках.

Все как будто игра, приключенье, интрижка –
Призовой поцелуй, шаловливый упрек.
Вот рука, не колеблясь, находит задвижку
И уверенно взгляды ведут в уголок.

Где-то будет гроза, собираются тучи,
Здесь, в бесчисленных складках, таится пожар...
Так легко и галантно премудростям учит
Ароматный наставник любви Фрагонар.

7

В какой карман полезть за нужным словом?
Куда послать почтовых голубей?
Мой садик, что когда-то был вишневым,
Все более похож на сад камней.

Прозрачны мысли жестов утонченных,
Целует дым печальное лицо,
А собеседник зимний и бессонный –
Спасительное белое кольцо.

Живем опять, как в годы молодые,
Распознавая время по теням.
И только хризантемы золотые,
Тепло свечи, и тени по углам.

8

Пушисто-ласковый, внимательный и нежный,
И жадный до любви, в свиданиях свиреп,
Играющий собой, меняющий одежды,
Так зорок в темноте и в яркий полдень слеп...

Ты падал лепестком и вишней наливался,
И наблюдал рассвет, цветной творящий рай, -
Послушав хор цикад, кружась в беспечном вальсе,
Судьбу не огорчай – свечу не задувай.

Горение, увы, не может длиться вечно,
И тени, словно дым, уйдут в узоры стен.
Утешься коньяком и Моцартом беспечным,
А ладан – на руке, и на губах – Шопен.

9

В меня опять вселилось утро
Непредсказуемо и странно,
Так вдохновенно и так шустро
Свергая с теплого дивана.

Зачем хлебать горячий кофе,
Кусая бутерброд неловкий,
И этот путь – не до Голгофы,
А до ближайшей остановки?

О, звук захлопнувшейся двери!
Опять никак не понимаю,
Зачем уютный этот берег
Я на рассвете покидаю?

Чем более живешь, тем чаще
Приходят мысли о спасенье.
Тем более, когда ты спящий,
Тем более, что в воскресенье.

10

*...не все мы умрем,
но все изменимся вдруг,
во мгновение ока,
при последней трубе...
1Кор, 15:52-53*

Любить на прощанье... любить напоследок...
И в каждом касании хлещущих веток,
Как слов, распустившихся вдруг поцелуем,
Принять безнадежную мудрость земную:
Все будет, как будет. Взовьется - и ляжет...
А как оно было, никто не расскажет.

11

Закончился сахар, и стал удивительным чай –
Прекрасное средство от грусти в погоду любую.
А день не торопится петь серенаду ночную,
Советуя: - К сумеркам все же себя приучай.

У них по-кошачьи внимательный шаг, и глаза
Готовы ловить полусотни оттенков и смыслов:
Вот знаком вопроса луны закорючка повисла,
Дымком потянуло, темнеет небес бирюза...

По доньшку стукнула чайная ложка, но там
Остались крупицы «любимый», «мой нежный»,
«мой сладкий»,

И что-то еще на душе, и немного в осадке...
Чаек с бергамотом – уже не чета коньякам.

- А может быть, в Питер, и все образуется... - Да,
Он примет тебя и покажет заветную дверцу.
Закончился сахар, и стала вкуснее вода,
И жизни запасы изрядны и соли, и перца.

12

Слово за слово – вышла дуэль
Беззаботно, легко и игриво,
А в окно постучалась капель
Романтично-условным призывом.

В этом городе так повелось –
Не считается дождик событием.
То ли это земная ось,
То ли зонтика наше укрытие...

Нам расскажут простые стихи
Тополя у дороги пустынной,
И порадует дом у реки
Крепким кофе из чашки старинной.

Все проходит, умчалась гроза!
Собеседники – равновелики,
И смеются стальные глаза
Поножовщиной солнечных бликов.

Мир Детства, творчества и сказки

* * *

Как же в детстве было все прекрасно:
Солнце, лужи, а на горке ветер.
Два печенья, в середине масло –
Лучшее пирожное на свете!

Но уже конёчки маловаты,
И скучают лыжи на балконе,
С прежним упоением и азартом
В жизнь уносят нас иные кони.

А призы – дороже и веселей:
Жить в дворце и целовать – богиню!
Только греют ночью на ладони
Два печенья, масло в середине.

* * *

Памяти Софьи Агранович

Пятнашки, детства милая забава,
Увеселенье каждого двора.
Ужели прошлого исчезла слава,
И в прах ушла знакомая игра?

Границы, сговор и расчет по кругу...
Есть в равенстве особенная роль –
Тебе подарок иль соседу-другу,
Теперь лишь соответствовать изволь.

Все врассыпную, чаще бьется сердце,
Смеющийся звенит переполох.
Так убегают от любви и смерти,
Чтоб ими быть настигнуты врасплох.

Как в жизни, все решается мгновеньем:
Неловкость иль усталости волна –
Ты узнаешь Судьбы прикосновенье,
К тебе ладонь, неважно, чья она.

Но если в стену: - Чур, меня не трогать! –
То вроде ненадолго отлегло.
Теперь другие пусть уносят ноги,
А с пращурами тихо и тепло...

Вот жить за печкой так бы, за беленой,
Да в тишине родного очага,
Чтобы ступать через порог с поклоном
И уважать другие берега.

Ведь всех в конце сравниет переправа,
В одном ряду цари и дурачки...
А Мудрость улыбается лукаво
И ласково глядит через очки.

* * *

Сердцу не подвластны море и дорога,
И не все словами можно рассказать.
Когда дева смотрит на единорога,
Он уже не хочет никуда бежать.

Только зло боится колокольных звонов,
Шрамами на сердце – милости судьбы.
Когда дева гладит своего грифона,
То ему не нужно никакой борьбы.

А цветов все меньше яркого окраса,
Небеса все выше, холоднее твердь...
Когда дева слышит своего пегаса,
Он уже не хочет никуда лететь.

Сонет серебряный

Словно смакуя серебряной ложечкой специи,
Счастье словесное сеют поэты-язычники:
Северных скальдов подлунных сказания зычные,
Шепот романтиков или модерна инвенции.

Слово охранное метко, молитва внимательна,
Сплетни снуют воробьями, гранятся признания...
Мы выбираем и носим с особенным тщанием
Крестик нательный, цепочку, колечко с гранатиком.

Лечит шаман, иль профессор шаманит на лекции?
Воду в стакане поставь на окно в полнолуние –
Ты не умрешь, и наутро исчезнет безумие,
Только останется шрам от любовной инфекции.

Верному сердцу приятна такая отметина,
Утро встречая двоих двадцатипятилетия.

Сонет золотой

Тускло мерцают оклады и свечи бесслезные,
Гулки шаги, Командор подойти не торопится.
Курочка Ряба – подземного мира пророчица –
Дедушку с бабушкой сделала очень серьезными.

Осень щедра, да листва покрывается ржавчиной.
Сколько ни сказано, больше ума не приложится,
Краткость – таланта сестра и мамаша убожества,
Скромности тетка и мудрости дочка удачная.

Солнечный луч задержался за рощей осиновой,
Нас провожает вселенная оком божественным.
Все происходит с улыбкой, светло и естественно,
Значит, не зря совершается наша алхимия.

Кудри взлет непослушною нежною гривой...
Ты мое золотце, счастье мое молчаливое!

* * *

Хрустальный рог – символика былого,
Родителей заветная мечта,
Не много в нем сегодня дорогого,
Как прежде, бесполезна красота.

Хранят серванты память Амалфеи,
Предчувствие грядущих светлых дней.

Ах, где же вы, дукаты и гинеи,
И тихие посланцы лотерей?

Но настает черед иных желаний,
Лукавый Плутос манит всех подряд.
И только полированные грани
Тяжелое мерцание хранят.

Сонет ювелирный

Вы снились мне вчера с корзинкою цветов –
Жемчужных ландышей с нефритовой листвою.
Их не сожмет мороз жестокою рукою,
Их не померкнет цвет с течением веков.

Мерцание витрин влечет, как мотыльков,
Завороженных нас, причудливой игрою
Эмалей и камней, изысканной резьбою
И остроумием причудливых даров.

На золотых стеблях в тяжелом хрустале
И нас переживут, цветы разнообразно
В тиши дворца на питерской земле.

Дай Бог покоя им на новом вираже!
А может, это мы, глазеющие праздно, -
Сон васильковый мэтра Фаберже.

* * *

Мы летнею порой встречались у фонтана.
Тогда был яркий день, теперь зима, мороз.
Так было хорошо в далеких теплых странах,
И ветер-шалопай тот аромат принес.

Потоки подо льдом не холоднее Леты,
Крещенская купель смывает груз души,
Но я успел глотнуть, и вот не знаю, где ты
И как тебя узнать среди людской глуши.

На ощупь и на вкус, на запах, на упругость –
Руки твоей вопрос и губ моих ответ.
Что, дрогнув, напряглось, в истоме разогнулось,
Откроет нам двоим свой шелковый секрет.

Еще один глоток – из правого потока –
Возможность вспомнить все и мудрость обрести.
Река покрыта льдом. Фонтан молчит до срока.
Тот яркий день прошел. Теперь зима. Прости.

Евгений ЕМОДЯКОВ

Георгиевская лента

Эпопеи, былины и саги –
Свет в душе не для сонных тетерь –
Повествуют о русской отваге, –
Жаль, что мало читают теперь!

Шли вперёд,
 умирали на месте.
Оставляя потомкам пример.
Мерой воинской доблести,
 чести
Стал георгиевский кавалер.

На пути, что со славою пройден,
Как Святого Георгия перст,
На героя указывал орден:
Лента – путь,
 символ подвига – крест.

И мой дед из далёких походов
Вынес рядом с крестом от Христа
На невиданной бойне народов
Три георгиевских креста...

Путь, что кровью своей оросили,
Зарастёт ли травой – забыт?
Символической лентой России
Бойкий торг на проспектах открыт.

Для почёта, а не для бравადы
Награждала героев страна,
По заслугам вручала награды.
А сегодня почём ордена?

Есть цена и российскому флагу,
И гербу с золочёным орлом,
И отличью за чью-то отвагу –
Дымно-огненной ленте с крестом.

Лента – память для всех безутешных
И заслужена ратным трудом.
Ну, а кто наживался на грешном,
Не боится жиреть на святом.

Жгучей боли накал не остынет
За политое кровью вчера.
Как попала на торги святыня?
Прашур чей за неё умирал?

С ней миллионы собой заслоняют
Дом родной и страну от огня.
За неё на майданах стреляют
В безоружных средь белого дня.

А для тех, что в беде не согнутся,
От неё обновление души.
Вымой руки, чтоб к ней прикоснуться, –
Не пойдут тебе впрок барыши!

Пусть Россия сегодня иная,
Но наш путь неисхожен и крут...
Люди,
 в грозном единстве шагая,
Стометровую ленту несут.

2015

На родине Владимира Даля*

Я русский! Какой восторг!
А.В. Суворов

*И мы сохраним тебя,
русская речь,
Великое русское слово.*
А. Ахматова

А Далю было не дано предвидеть,
Что тем,
 с кем делим общий небосвод,
Возможно так свирепо ненавидеть
Живущий на своей земле народ.

Он манною небесною не грезит,
Порвёт стеснивший шею воротник,
Ни в чей карман за словом не полезет
И кланяться давно уже отвык.

Коль спорить – так любое лыко в строчку,
А коль дружить – всем миром и навек!

А наслаждаться счастьем в одиночку
Не приспособлен русский человек.

Не обделён ни статью, ни обличьем,
В осаде головою не поник ...
Как трудно рядом жить с косноязычем –
Кому отроду русский дан язык,

Кто брал невзгоды на своё оплечье,
Чтоб постоять за вечные права!
Не найдены в бендеровском наречьи
Эпохе соразмерные слова.

Под мордобой избранников народных
Теперь
 с невнятным сленгом на устах
Выбрасывают в окна неугодных
У онемевших в страхе на глазах.

Как дорого обходится молчанье –
Не сказанное вовремя «Не смей!»
И в ненависти рыщет одичанье,
Неся в себе насилие и смерть.

Гремит над кровом русским непогоде,
И в бедствии охваченной стране
Бесчинствует бандитское отродье,
Подпитанное помощью извне.

Здесь каждый камень
 русской кровью полит
И встал горняк с оружием в руке
За жизнь того,
 кто мыслит и глаголит
На Богом данном русском языке.

Земля здесь не избавится от шрамов,
Пока разгул насилья и раскол
В дикарстве попирают святость храмов
И русской речи праведный глагол.

Но ни фашизма выползни, ни панство
Не замутнят целительный родник!
Извечно православное славянство
Везде находит русских и роднит.

Ещё наш гнев преступников отыщет,
А ныне боль,
 как никогда,
 остра,

Что вопли наших братьев с пепелища
Не слышат на крутых берегах Днепра.

Здесь пушки разговор ведут басами,
И от огня не спрятаться за щит.
И птица с человечьими глазами
Печально на побоище глядит.

Не внемлют в ошельмованном народе,
Что прорицает вещей Гамаюн.
И ныне рвутся к европейской моде –
Кто растерял талант творить свою.

Врут,
 что была Россия,
 да вся вышла, –
Посторонись и путь ей не сужай!
Цветёт в садах украинская вишня, –
Ей всё равно,
 кто снимет урожай!

А нам обноски западные узки!
Мы,
 коль ещё придётся,
 так умрем
за право думать,
 чувствовать по-русски
И говорить на языке родном.

Растут на русской почве с мирозданья,
Как под весенним дождиком трава,
Чарующие музыкой звучанья
Насыщенные мудростью слова.

Несокрушима русская порода!
Спрессовано за долгие века
Духовное величие народа
В бессчётных самородках языка.

Пусть в рубище,
 онучах и опорках,
И растеряв от санкций барыши,
Мы сохраним в бессмертных поговорках
Несметные сокровища души.

2015

* Владимир Даль – создатель «Толкового
словаря великорусского языка» – родился в
г. Луганске в 1801 году

У Благодатного огня

Здесь веры главная обитель.
Здесь люди близки, как родня.
Здесь грот,
 где смерть поправ Спаситель,
Рождает сполохи огня.

Сюда стекаются народы
В день воскрешения Христа,
Чтоб видеть таинство природы
И слышать вещи уста:

– Уйми,
 раб Божий,
 злую волю,
Созданье Господа не тронь!
Ведь не разит мгновенной болью
Неопаляющий огонь!

Пока приносит в мир спасенье
Огонь, творящий благодать,
Обречены на поражение
Те,
 кто рискнёт с огнём играть! –

Ах, как претензии не новы
За нас измыслить,
 как нам жить!
Мы помним всё,
 всегда готовы
Разгорячённых охладить.

Рвались воители заката,
Инстинкты волчьи оголя,
Туда,
 где, сказочно богата,
Лежала русская земля.

Предтечи тех,
 кто нынче сдуру
Нас отчуждают рубежом,
Шли насаждать свою культуру
Огнём, мечом и грабежом.

Штыки остры,
 пищали метки, –

Со всех стекаясь волостей,
Вставали гневно наши предки
Встречать непрошенных гостей.

И обращали вспять вторженья,
Злодеев пришлых гнали вон.
А кровь,
 пролитую в сраженьях,
Впитал победный шёлк знамён...

В небесной выси наши деды
Не имут сраму пусть за нас,
Пока цвет знамени Победы
Мы носим в жилах про запас.

И наша кровь ещё прольётся,
Свой красный цвет не изменя,
Чтоб жить,
 покуда не прервётся
Сход благодатного огня.

2015

У окна

Мы с русской печью, баней и сохой
Ещё не знали лемеха из стали.
Зимой долгой лёжа под дохой,
От буржуазных новшеств поотстали.

И Пётр в Европу прорубил окно, –
Мозоли на ладонях царских вспухли,
Чтоб знать одеть в голландское сукно
И густо напомаженные букли.

Рванулась к обновлению страна,
Сдирая прочь насохшую коросту.
Но сколько раз блокада и война
Остановить пытались нашу поступь!

Отжившее давно пора на слом,
А всё боятся русского Федула.
И санкции,
 как ставни на проём:
– Ах, как бы из России не надуло!

Познать Европе стоило б труда

Все наши восхождения и спуски.
Подсмотренная в щёлку ерунда
В основе представления о русских.

Вестимо:

русский –
стало быть, медведь.

В стране порядок –
значит, гнёт державный...

Нельзя в окно Россию разглядеть,
Тем более,
когда закрыты ставни!

2015

* * *

Нет, Россию не взять под уздцы!
Как же сладить с такою громадой?
И пугают нас новой осадой
Респектабельные лжецы.

Как ни бьются,
а всё нипочём
Нам,
осилившим все испытанья.
Устоит ли стена непризнанья
Перед нашим державным плечом?

Мы на мир не глядим из бойниц,
Но,
конечно,
не спустим задаром

Тем,
чья ненависть
грозным пожаром
Полыхает у наших границ.

И с оттенком коричневым грязь
Отскоблим от славянской основы.
Мы к защите Отчизны готовы,
Смотрим в будущее,
не боясь.

С клеветой на русский народ
И с мечом
к нам соваться негоже.

Ну, а если отважатся всё же,
Вновь нас Родина-мать позовёт.

Я на этот призыв отзовусь
И любые невзгоды осилю,
И не дрогну в бою за Россию –
За священную вечную Русь.

2015

Сносит крышу

Это – болит, как рана,
Это – свербит душа:
Волны вражды с майдана
Узы родства крушат.

Не расчищать огрехи
Чернь с утра собралась:
Валят памяти вехи,
Над прошлым своим глумясь.

Перевераны преданья,
Выдумана вина.
Бьётся за выживание
Преданная страна.

Вопли вандалов слышу –
Очередной погром...
Сносит сначала крышу,
Памятники – потом.

2015

Светлана ДАНОВА

* * *

Я шагаю по звёздному полю,
Слышу вечности гулкой шаги.
А миры – сколько вас надо мною?
Вы как лёгкого дыма круги.

И с сомнением, а может, в смятении
Наблюдают за мною сейчас
Хоть и видят меня в отдалении
Лев и Заяц, Журавль и Пегас.

Удивлённые звери и птицы
Молоко пьют из Млечной реки,
Что бежит по небесным станицам
Всюду жизни оставив ростки.

Молоко, проливаясь по капле,
Обернётся вдруг новой звездой,
Чтобы жизнь никогда не иссякла,
Чтобы вечен был мир надо мной.

* * *

Тот отблеск золотой, те храмовые блики,
Что сосны издали на кронах принесли,
Расскажут об одном, лишь об одном владыке,
Чьё имя на устах у всех людей земли.

На грани бытия вновь проступают знаки,
Которые судьба лишь сможет разгадать.
Земное - для земных, а остальное знать нам
Увы, друг, не дано, и не дано понять.

Но для меня та грань священная отныне,
И стынет тишина, загадочность храня.
И в хрупкой тишине я повторяю имя,
Которое во мне переживёт меня.

* * *

Чтоб Божье увидеть творенье
Чтобы познать всю прелесть бытия
Нам нужен взрыв, порыв, волненье.
Горенье собственного Я.

Чтоб мир открыть – желанья мало,
А чтоб такое сотворить,
Боюсь, что Богу предстояло
Свою подругу пережить.

Вкусить любовь, желанье, страсти
И всё мгновенно потерять,
Иначе мир такой, к несчастью,
Ему, пожалуй, не создать.

* * *

Не уйду я вовек, как хотите!
Умереть божий свет мне не даст.
Вы получше меня схороните,
И оставьте в тиши про запас.

Пусть меня так же в землю спрячут,
Как весною сажают зерно.
Надо мною дожди пусть поплачут,
Раз опять мне взойти суждено.

Я колосьями руки раскину,
Васильками глазами взгляну
И зелёную травушку спину
Я под солнце подставить рискну.

И подыметесь рожь золотая
Светлым волосом всех удивит,
И крестьянин, колосья срезая
Божьей плотью людей одарит.

* * *

Я счёт теряю времени, пространству,
Скольжу на грани бытия,
С завидным трепетом и постоянством
Определяю собственное Я.

Оно давно во мне переродилось,
Настроилось на внешние миры.
И вместе с тем опять ко мне явилось
Сознание веры, правды, чистоты.

Той чистоты, что будучи ребёнком
Лишь ощущаешь, народившись вновь,
Когда Господь вдохнёт в тебя силёнку,
И вместе с ней вселенскую любовь.

* * *

Мир окружающий – основа,
А мы лишь чёрточки, стежки
В узоре, проступившем снова,
От той, божественной руки.

Меняются маски и краски,
Но неизменно лишь одно:
Возникнувшее, будто в сказке,
Магическое полотно.

Мы в этой магии священны.
В нас смысл и чудо бытия.
Мы плод, созревший во вселенной.
Его прекраснейшее Я.

Людмила ГОРДЕЕВА

Г. Саранск

Вечное

Честное слово

Как жаль, что без честного слова обходятся люди,
Что клятвы святыя стали не в чести...
Русское слово, следуя легкомысленной моде,
Оскверняют походя, утонув в корысти.

Сегодня честным словом никто не клянётся,
И стало нестерпимо стыдно ему среди нас:
Между тысяч слов затаилось оно и не отзовется,
Ведь не в чести быть честными сейчас.

Как не хватает мне живого слова,
Лучшего искренностью чувств,
Пропитанного нежною любовью,
Слетающего с материнских уст.

Меня учила мать дружить со словом,
Быть бережней, речей не расточать,
Учиться правде у Иоанна Богослова:
За слово сказанное отвечать.

Учитель – носитель духовной меры,
Пусть совесть твоя будет чиста!
Следуя канонам православной веры,
Открывай детям честное слово Иисуса Христа.

Из глубины веков дошёл завет потомкам:
Как главное сокровище Руси,
Честь береги свою и честным словом,
Как жизнью, дорожи, до внуков донеси.

Вечное

Бал выпускной. Мне семнадцать лет.
С книгой стою у родного порога,
Передо мною открыт белый свет,
Тонкою лентой вьётся дорога.

Я угадала свою колею,
Радость дарующую и открытия,

Знание и жизнь детям я отдаю,
Школе и людям служу полстолетия.

Книги украсили бытность мою
Замысловатым плетеньем узора,
Благоговейно, как душу свою,
Я распахну широту их простора.

Книги, как сад, окружают меня,
Книги - опора моя и богатство,
От выпускного до судного дня
Не перестану я в книги влюбляться.

Будни как праздник

Идем вперед дорогой светлой,
Бог наградил такой судьбой,
Бесценно время жизни этой
В моей Мордовии родной.

Пусть уйма дел, забот немало,
Но от хлопот не устаю,
Как в годы юности бывало –
Творю, мечтаю, создаю.

Уроки, поиски, находки,
Научной выкладки доклад,
Листы литературной сводки,
Знакомству с книгой каждый рад.

С надеждой ждем, как ждут награду,
Поэта с книгою стихов,
И зажигать добра лампаду
Спешили Девин и Петров.

Тропа добра просторней стала,
Оставив прочный след в сердцах,
Идут в музей и стар и малый,
И дружбе нашей нет конца.

И так хотелось нам продлить
Героев жизнь в сетях сюжета,
Автограф друга получить
И прочитать творенье это.

Мы ваши книги, как святыни,
В музее лучшем сохраним,
В них рассказано все о Мордовии,
О земле, что мы любим и чтим.

Наша Родина

Наша Родина самобытная
Посредине России стоит,
Испокон веков сила скрытая
И питает тебя и хранит.

Мы за матушку землю держимся,
Сеем хлеб и героев растим,
За покой в стране богу молимся
И всем миром традиции чтим.

Люди добрые делом славятся,
Семьи строятся по любви.
Наша Родина раскрасавица,
В сердце мудрой России живи.

Пусть шумят поля золотистые,
Не иссякнет вода в родниках,
И мордовская, и российская
Красота не померкнет в веках.

Мы за матушку землю держимся,
Сеем хлеб и героев растим,
За покой в стране богу молимся
И всем миром традиции чтим.

Зубова Поляна

Тебя не забыть мне, любимый посёлок,
Где тёплое солнце на Парцей встаёт,
Где в гуще зелёных сосновых иголок
Беспечная юность меня в гости ждёт.

Она поселилась под сводами парка,
Где пышно бордовый шиповник цветёт
И музыка льётся над летней верандой,
И в звёздах высоких цветной небосвод.

Любимый посёлок! Как в юные годы,
С восторгом по улочкам тихим пройдуся,
Впитаю, как прежде, всю прелесть природы,
Училищу, школе, друзьям поклонюся.

Имерка

Теплостанской зарницы огни,
Утра сиянье голубое,
Плеск волны и дыхание весны
Вдохновляли Новикова-Прибоя.

Озёрное детство подарил мне дед.
Новиков-Прибой был его другом.
Обвивал берега черёмуховый цвет,
Мы спешили туда заливным лугом...

Писательский домик в два окна
Отражался в озёрных водах.
Завораживающая тишина
Нам дарила покой и отдых.

Милая родина! Заповедное озеро, луга,
Крупные капли дождя, раскаты грома
Потаённый лесной родничок, радуга,
Резной петушок на коньке деревянного дома.

Преображённый Саранск

Меркушкину Н.И.

Над Саранском вновь купола блещут,
В Ушаковском храме свечи горят,
Колокольный звон разливается,
Свет православия возвращается.

Соборная площадь и новый технопарк,
Памятник стратонавтам и пушкинская арка,
Пугачёвская палатка и аллея славы –
Всё это ты, Саранск, величавый!

Город стадионов, музеев, дворцов,
Город чемпионов, мастеров,
Ты говоришь на разных языках,
Твоё многоголосье звучит века!

Настало время – просто строить, жить;
Растить детей – просто любить, дружить;
Саранск преобразённый, тёплый дом,
Открыты двери будущего в нём!

Юлий ТАРЕР

Ничего не губя

Я заснул бы навек,
Чтоб во сне — лишь тебя,
Мой один человек,
Знать и видеть, любя.

Чтоб лишь добрые сны
Видеть мне в забытьи,
Чтоб в объятьях весны
Мне из яви уйти.

Чтобы ласки твоей
И любви — без преград
Звонко пел соловей,
Сладкий зрел виноград.

Мой один человек,
Ничего не губя —
Я заснул бы навек,
Чтоб любить лишь тебя.

Ну а жизнь — правда в ней,
Для тебя всё ж иной —
Пел бы вновь соловей
О любви земной.

Амеба

Я амёба в тухлой бочке,
Родилась я не в сорочке,
Рядом с бочкой одуванчик
Распушил свой сарафанчик,
Пролетела стрекоза —
Напустила пыль в глаза,
И у бочки, поднял ножку
Кобелёк, сойдя с дорожки...

Под удушливой волной
Недр души автомобиля
Одуванчик — светик мой,
Стал как жертва Баскервиля.
Инфузория штиблетка —
Симпатичная наседка

Дружелюбно улыбнулась —
Сапожок забыл сутулость!

Я порадуюсь за них,
Рядом с бочкой вечер тих,
А наутро в мире дна
Поплыву совсем одна...
В бочку льют водой проточной —
Чей пожар гасить черпнут?!
Снова в вихре неурочном
И расплещут, и распнут...

И в возвышенном полёте
Испарений над огнём
Чьей души вы не найдёте —
И ни ночью, и ни днём?..
Я амёба в тухлой бочке
И хочу поставить точку.

И то, и это...

*Отношения надо заводить
только с замужними женщинами,
потому что кроме любви
им ничего не нужно...
Циничное высказывание*

Когда возлюбленная пишет,
Порой, прекрасные стихи —
Моё забьётся сердце тише...
В гармонии её стихий.

Но если пошлым рифмоплётством
Душа её увлечена —
То сердце словно разорвётся,
И между нами вновь стена!

Она не слушает советов
Стремясь издать и то, и это...

*

Быть может, путь её к Эрато
Коварен сладостной изменой?
О, сердца бедного утраты —
Она венчалась с Мельпоменой...

А, как известно, жён в законе
Пегас не возит — возят кони.

Хотя я тоже двоежёнец,
Но быть с двумя одновременно...
Не заработать и червонец —
Сколь велика цена измены?!

Конечно, в странах на Востоке
Иные держат и гаремы...
Но остальные — одиноки
В решенье жизненной дилеммы.

С неба до сердец

Ты — моя фантазия —
Призрак счастья дней,
Не ищи okazji —
Нет пути длинней...

Что-то недопонято,
Что-то через край —
Планки выше подняты —
Можешь, догоняй...

Ты — моё желание,
Иллюзорность лет —
Богомеломания —
Где тебя-то нет.

И трепещет музыка
С Неба до сердец —
А в сердцах-то грузики
От чужих колец.

Кольца обручальные —
Наигрались — плавь...
Призраки венчальные —
Образа поставь.

И увидев в зеркале
Всю Нарцисса спесь,
Не беги, проехали —
Зеркала завесь.

Ты — моя фантазия,
Умер твой герой —
Нет ему okazji,
Нет пути с тобой.

А давно ли понято
То, за что убит... —
Сердце болью тронуту,
А лицо — лишь вид.

Знала ль ты заранее
Кто из всех — живой,
В Богомеломании —
Настоящий твой?

Безумный мир

(частушки)

Все мы, братец, здесь психи,—
Ты шальной, а я вот тихий,
Всех излечат доктора —
В шизняке у них игра.

Доктор — шизик первый сорт,
А больной притащит торт!
Ведь второго сорта психи
Первым вродя как шутихи...

Здесь такое завелось
С той поры, как выбрось-брось... —
Весь психмат на третьем курсе
Обучался в крымской бурсе,

Гоголь нам писал об этом
Походив по белу свету.

Все мы, братец, здесь психи,—
Кто шальной, а кто и тихий,
Каждый пишет как попало —
Сеть аптек расшифровала...

Там в аптеках тожа люди,
Но другой диагноз будя.

Придираются частенько,
Будто я не псих, а стенка, —
Кто выписывал рецепт?! —
Ведь не я, а врач-адепт,

Вот и бегай к психиатру —
Он свою аль матер-матру
Ни фи́га не уважает
И больного обижает.

Я к нему идти боюсь,
Апосля него напьюсь!

Опьянею, протрезвею,
На лицо порозовею —
И опять свою рутину
Превращу в кинокартину!

Все мы, братец, здесь психи,—
Ты шальной, а я вот тихий,
Каждый пишет что попало —
Лишь бы мысля догоняла...

Путники

Все мы путники в тумане,
Всем нам нужен свет,
И очаг нас тёплый манит —
Отдохнуть от бед.

Где порой его мы ищем,
Голову сломя —
Там, где ветер злобно свищет,
В пропасть нас маня.

Вот и я искал покоя,
Доброго тепла —
Ну а вьюга, волком воя,
Путь мой замела.

В бесконечных неудачах
Понял я одно —
Светит мне, смеюсь иль плачу,
Лишь одно окно.

Мне, наверное, в одном лишь
Повезло в пути —
Мама, ты лишь сына помнишь —
Сколько б ни идти.

* * *

Нет, ты не знаешь обо мне
Того, что знать тебе не должно,
Что, с толстой сумкой на ремне,
Я покупал лишь то, что можно...

Я покупался на понты
Развратных, глупых негодяев,
И похоть им сводила рты,
И как один — все скупердяи.

Забыв своих законных жён,
Они меня желали мерзко,
И их влияньем осквернён,
Я стал несчастным, злым и дерзким.

Ошибки молодости — чушь!
Самопознанье, грязь и холод —
Уловки для наивных душ,
Для тех, кто вечно будет молод.

Мне одиночество года
Покой дарило без свободы
Любить хотя бы иногда
Любви достойных не уродов.

Нет, я тебя не удивлю
Своим бесстрастным откровеньем,
Быть может, я тебя люблю... —
Люблю в то самое мгновенье.

Мгновенье правды на двоих,
Как разделённый хлеба ломоть —
И в мыслях сумрачных своих
Я это счастье буду помнить.

Павильон

Однажды ночью, невпервой,
Под творческое бденье,
Моей фантазии большой
Представилось виденье...

Иду куда-то, сбоку ряд —
Лотки, ларьки, палатки,
Кто предлагает вам наряд,
Кто книги, кто облатки...
Я ж почему-то захожу
В стеклянный павильон,
Резной прилавок там, гляжу —
На нём хамелеон...
За ним стоит Судьба сама,
А с виду лишь девица,
Уж не схожу ли я с ума? —
Решил я удивиться,

Но дева, мой потешив глаз,
Сгнала хамелеона,
И на прилавке в сей же час
Предстали миллионы...

Чего б вы думали? — Цветов!
Я не упал, хоть был готов.

Там были пламенные розы,
И георгины, и сирень,
И гладиолусов угрозы,
И семена, и всё, что день
Рождает солнечному свету,
И прячет к ночи в лепестки,
Но у меня познания нету,
Чтоб перечислить все цветки.
Я помню гордые тюльпаны
И восхитительный нарцисс,
Из орхидеи икебану —
Но от цены я тут же скис,
Там было несколько цветочков,
На что хватало мне финансов,
Но здесь я ставлю только точки,
И вспоминаю о романах...

*

Но голос вкрадчивый, как ток,
Напомнил мне о том, что я
Не волен не купить цветов,
Хотя лишь я цветам судья.
И я отдал свой вклад без сдачи,
И, свёрток пряча, вышел вон,
Но какова была б удача —
Когда бы там остался он...
А я прошёл бы, просто, мимо.
Но ведь Судьба... неумолима.

Моей фантазии больной
Представилось виденье,
Однажды ночью, не впервой,
Под творческое бденье.

Кораллоцвет

Отупело взгляд замирает,
Вперясь в нечто — чего и нет...
В безответности отгорает
Ждущий вечно Кораллоцвет.

Ждущий вечно заснёт в безвременье
Не надолго — на полчаса,
Нетерпенье живёт без бремени,
Только холод — остра коса...

Только холод — скелет мысли,
Только отсвет, а не ответ!
Полчаса — или полжизни,
Смерть-закат — или жизнь-рассвет?

В ожидании — всевозможность,
У заката темна краса,
И росой — лишь безнадёжность,
Но восход — через полчаса...

Рождество

На опушке леса волки,
Заяц прячется в норе,
А вокруг нарядной ёлки
Дети пляшут во дворе.

С неба звёзды смотрят тихо,
И снежинки вниз летят,
Напугав волков, шутиха
Искры мечет в снегопад.

Снеговик морковным носом
Зайца манит из норы,
Только волка глаз раскосый
Вновь сверкнул из-за горы.

Каждый что-нибудь споёт,
Только каждому — своё...

Татьяна НИКОЛАЕВА

Ласточкино гнездо

(легенда)

Когда случилось то, никто не помнит.
Людей в то время было мало на Земле,
Зато богов там пребывали сонмы,
Хоть счастье тоже улыбалось им не всем.

Раз как-то Посейдон – морской Владыка,
Осматривал владения свои
И поразился от увиденного лика
Авроры, что была богиней Утренней Зари.

В тиши рождалось утро золотое,
Сопровождаемое тихим плеском волн,
Луч солнечный уже светил над морем,
Был ароматом дивным воздух напоён.

Прибрежный камень омывали волны.
Богиня нежная стояла на скале...
Такою Посейдон её запомнил,
Прекрасную, как утренний рассвет!

Любовь жгла сердце гордого Владыки,
Как-будто молнии удар его пронзил,
Но чувствовал несчастный горемыка,
Что от Авроры не дожждётся он любви.

Страдал один, не находя себе покоя,
А на воде не прекращался шторм
И волновалось всё сильнее море Чёрное,
Губя суда в разгуле страшных волн.

Вот Посейдон, богиней ослеплённый,
Решил красавицей обманом завладеть.
Позвав Эола – бога ветра окрылённого,
В коварный план свой захотел его вовлечь.

Взять хитростью любимую стремился,
Чтобы любовь Авроры обрести,
На ухищренья Посейдон пустился
И стал Эола страстно он просить

Закрыть на время небо голубое,
Чтоб в чёрных тучах был весь небосвод,

Не видно было б солнца золотого,
Когда на утренней заре оно встаёт.

Решили боги то, что это мудро!
Напрасно ждёт Аврора на скале...
И не дождавшись солнца в это утро,
Она забылась в непривычном сне.

Был Посейдон уже к богине близко
И глаз с неё влюблённых не сводил,
В руках его корона золотистая
И остаётся сделать шаг один.

Уже коснулся девушки рукою,
Надеть корону ей хотел на лоб –
Тогда б ему она была женою
И в море он на век её увлёл.

То, что придумал он, то было подло.
Не вышло и не нам о том жалеть...
Проснулась девушка, рука у бога дрогнула,
Корона покатила по скале.

Большой алмаз, лучистый и красивый,
Слетел с короны и упал в расщелину скалы.
Так колдовские потерялись силы
И луч рассветный тучи чёрные пронзил.

Мир осветился утренней зарёю:
Всё засияло, заиграло, расцвело...
В расщелине алмаз светил звездю
И искры полетели от него.

Никто не понял, блеском ослеплённый,
Как замок дивный вырос на скале,
Став символом любви неразделённой
С времён тех незапамятных навек.

На мысе Ай-Тюдор под небом чистым
Звездой алмазною над Крымом засиял.
Тот замок взоры поражает нам и мысли.
Рыдают волны у подножья голых скал...

*

Теперь туристов в замок водят,
Он Ласточкиным называется Гнездом
И олицетворяет издавна в народе
Любовь, что испытал когда-то Посейдон.

Коль вы на замок поглядите с моря,
Захватит дух от несказанной красоты
И пусть гласит легенда, что он – символ горя,
А в нас рождаются прекрасные мечты!

Сказка об эдельвейсах

Во времена, какие и не знаю,
Была страна богатая одна,
В ней Королева проживала ледяная.
Твердили все, что её сердце изо льда.

Была прекрасна молодая Королева,
Пленяли формы самый строгий взгляд –
Хоть справа обойди её, хоть слева,
Взор отводить не хочется назад.

О красоте её неповторимой,
О белых локонах, в которых снег сверкал,
Словно алмазов отблески невиданных,
Народ уже легенды сочинял.

Была одна великая опасность,
Нависшая над горною страной –
Когда-то колдовскою злою властью
Был сделан заговор над Королевой той.

Людей о том заклятье знало малость
И женихи скакали на конях,
Преодолевая неудобства и усталость,
Мечтая быть у Госпожи в мужьях.

Но было сердце изо льда у Королевы,
Нельзя любить ей было никогда,
А коль полюбит, то волшебники от гнева
Её страну разрушат навсегда!

К ней женихи отчаянно стремились,
Ведь никому не запрещается мечтать,
Всё ж, больше в их сердцах не чувства жили,
А жажда сказочным богатством обладать.

*

Она встречала гостя утром ясным,
Вела в дворцовые покои за собой,
Там угощала винами и яствами...
Гость от увиденного сам бывал не свой.

Он пожирал красавицу глазами,
Но забывал её в тот миг, когда она
Вела его в сокровищницу прямо
И возникала перед ним её казна.

Улыбка гасла на губах у Королевы,
В её глазах, словно кусочки льда
Сверкали сталью, когда гость нетрезвый
Руками золото несметное хватал.

Лишь жадность в его душу приходила,
Он золота касался второпях,
Оно ему всё тело холодило
И каменел он, золотою статуею став...

Ну вот, и этот приезжал напрасно!
Парк, правда, статуей пополнился другой
И золотой жених её злосчастный
Теперь уже являлся сам казной.

Так, в общем, пролетали дни за днями,
А Королева ледяная всё одна...
Однажды солнце встало за горами
И в ту страну опять пришла весна.

*

К воротам королевства подошёл несмело,
На нём одежда небогатая была,
А сердце странника так почему-то млело...
Его хозяйка точно не ждала.

Ночь постепенно в бездну уходила,
И горы ждали солнечного первого луча.
Окно она навстречу утру приоткрыла
И незнакомца увидела невзначай.

Горел восток зарёю светло-красной,
Дул ветерок прохладно-озорной
И Королеве юноша несчастный,
Вдруг почему-то стал такой родной.

Придерживая платье алое руками,
В сад по ступеням Королева шла
И юношу растерянного с добрыми глазами
Она в хранилище поспешно повела.

Он, спотыкаясь, шёл за этой девой
И не сводил с неё свой восхищённый взгляд.
Ещё вчера не думал он, что с Королевой
Пойдёт, куда её глаза глядят.

В том подземелье, где они остановились
И друг на друга посмотрели при свечах,
От золота и серебра полы ломились,
Но нету алчности у спутника в очах!

Он даже не взглянул на те богатства
И сердце дрогнуло у девы ледяной –
Неведомое чувство стало в нём рождаться
И Королева полюбила всей душой!

Но слуги про пророчество слышали,
Растерянного юношу связав,
К скале высокой, как преступника, погнали,
За руки Королеву удержав.

Но было поздно...

Сердце Королевы
Любовь горячая согрела ото льда
И рухнул замок, превратились в пепел
Сокровища, народ и города.

Из глаз несчастной слёзы так и лили...
Она пришла к скале в вечерний час
И долго плакала в том месте, где любимый
Увидел свет зари в последний раз...

*
На том должна история прерваться.
Там, где упали слёзы Королевы ледяной,
Серебряные звёздочки с времён тех распускаются –
Их эдельвейсами назвал народ простой.

До наших дней все люди точно знают –
Коль кто цветок такой найдёт в горах,
То несомненно скоро повстречает
Свою Любовь,

ведь то о ней рассказ!

Лемпи КАРЗОВА-ГОЛОВИНА

Молитва

*Величественный белоснежный
Кафедральный собор на Сенатской
площади называют жемчужиной
Хельсинки.*

Поднимусь по гранитным ступеням
К поднебесной жемчужной святыне,
С куполами в подоблачной пене,
С золоченым крестом на вершине.

Прохожу меж колоннами к входу,
Отворяю ворота собора.
На скамье я присяду под сводом,
Размышляя в церковных просторах.

Под органную музыку Баха
Успокою тревожную душу.
Вспомню прошлое с пышным размахом.
Слезы проснутся, рвутся наружу.

Помолюсь о судьбинushке новой.
На другом берегу мысли к Богу.
И да будет молитва основой,
Пусть поможет найти мне дорогу.

Багряное пламя

Взгляну на яркую красу я.
Цветными красками рисуя,
Нам осень дарит на прощанье
Пейзажи дивного создания.
Пестрят в цветных нарядах клены:
Желты, багровы и зелены.
Рябины в огненных сережках,
Златые листья на дорожках.
Багровый плющ ползет на скалы,
Как будто осень вышивала
Бордовой нитью серый камень.
На стены ввысь взметнулось пламя –
Изыски северной столицы.
Смогу ль привыкнуть здесь, ужиться?
Душа болит, она не камень,
И в ней горит, бушует пламя.

Осенний приговор

Полураздетые леса
Стоят в осеннем приговоре.
У ног лежит листва-краса.
Тоска о красочном уборе.

Намокли ветви под дождем.
В лесу темно, природа плачет.
Судьбы дальнейшей подождем.
Зимой будет все иначе.

Любовь моя, Россия!

Любовь моя, Россия!
Обнять тебя хочу.
Взгляну на небо синее
И птицей полечу

Над соснами, заливом,
Над городом Петра.
Полет мой, будь счастливым!
Лети уже, пора!

И с радостью, и с болью,
С сердечною тоской,
Смирившись с этой долей,
Спешу к себе домой.

Вечерний Петербург

Петербург вечерний встретил
Пышной роскошью огней.
Лучший город на всем свете!
Буду в Питере пять дней!

Дивна, красочна подсветка,
«Петропавловка» и «Спас».
Приезжаю только редко!
Не свести с красот мне глаз.

Там вдали спокойней, проще.
Нет богатых куполов.
Нет раздолья, русской мощи
И родных, знакомых слов!

Птичка в клетке

В красивой клетке сытно и тепло,
Но птичке там тоскливо, неудобно.
Глядит на вольных пташек сквозь стекло.
Когда-то и она была подобной.

По сини неба плыли облака.
Лучи касались клетки, согревая.
Свобода от бедняжки далека!
Мечта ее – быть вместе с птичьей стаей.

Металась в клетке, об решетки билась.
На счастье птички дверца отворилась.

Заметила открытое окно –
На волю путь. Судьбой дано оно.

Парила над землей свободной птицей.
Хотелось петь, в высоты устремиться.

Смотрю в ночное небо

Смотрю в ночное небо.
В казарме тихо, спят.
К тебе сорваться мне бы!
Нельзя – сейчас наряд.

Звездою заглянуть бы
В желанное окно.
В разлуке наши судьбы.
Не виделись давно.

В кармане греют строчки,
Написаны тобой.
Наверно спишь ты с дочкой.
Как хочется домой!

Смотрю в ночное небо.
Любимая вдали.
Прийти к тебе во сне бы,
Чтоб свидеться могли!

Крик чаек

Солнце скрылось за кронами.
Ветер сосны качает.
Чайки плачут со стонами.
Как волнует крик чаек!

Душу мне вы тревожите
У балкона паря.
Показалось мне, может быть,
Что со мной говорят.

Что кричите, пророчите,
Белокрылые птицы?
Уходить мне не хочется,
Почему-то не спится.

Душу мне вы тревожите
У балкона паря.
Показалось мне, может быть,
Что со мной говорят.

Цветение сирени

Роскошно сирени цветение.
Пьянящий ее аромат
В душе вызывает смятение.
Не нравится что ли наряд?

Как мама ждала пробуждения
Земли после злых холодов.
Любила цветы, птичье пение
И ярких лучей нежный зов.

Мечтала дышать свежим воздухом,
Любуясь земной красотой.
Но гостя пришла с черным посохом,
Забрать чтоб ее на покой...

В сиреневой роскоши проводы.
Как хочется плакать, кричать!
Цветение это по поводу –
Ушла навсегда моя мать!!!

Галина ИВАНИНА

Время-доктор

Память раздирает сердце в клочья,
Разжигает искорки тоски.
Мечешься в плену бессонной ночи,
Чтоб к утру потухли угольки.

Призову скорей на помощь время
Устаканить жизненный уклад.
Жаль, на нем лежит в нагрузку бремя,
Бежит оно вперед, а не назад.

Время лучший доктор - оно лечит,
Как по капле, каждый миг и час.
За каждым расставанием будет встреча.
Есть прошлое у каждого из нас.

Жизнь-зебра

Полосы светлые, полосы темные
В жизни идут чередой.
Если сейчас окунулся ты в черную,
Не опускайся, стой!

Выход найдется из всех ситуаций.
Вектор чуть-чуть измени.
Не раскисай и не слушай нотаций!
Веру в себя сохрани!

В жизни бывает то взлет, то паденье,
То темнота, то просвет.
Так и в природе, за ночью темной,
Утром наступит рассвет.

Проще простого плыть по течению,
Руки по швам опустить.
Сдастся на волю судьбе, провидению,
Тихо пощады просить.

Только куда заведет то безволие?
Ты же не скот на убой!
Встань, распрямись и с силою, волею
Двери несчастью закрой!

Ты ж человек, ты ж искорка Божия,
Так заиграй, заискри!
Будь Господином, а не прохожим!
С духом живи и твори!

Когда мы в разлуке

Тянутся дни, когда мы в разлуке
Время стоит в ожидании.
Помню твои сильные руки.
Ласки мужские, свидания

Помню я жаркие белые ночи,
Где ночь перепуталась с днем.
Сутки летели, и миг был короче,
Когда мы были в двоём

Жду нашей встречи,
Когда же я снова расту в объятьях твоих,
Накрою на стол и зажгу для нас свечи,
И будет весь мир для двоих .

Ночной экспресс

Ночной экспрес увозит мою память,
Плутая в прошлой жизни лабиринтах.
Под сердца стук стараюсь душу ранить!
И тут же ей накладываю бинты.

С бессоницей, подругой-проводницей,
Что в прошлое бесплатно отправляет,
Пытаюсь я на брудершафт напиться,
Чем больше пью, тем круче отрезвляет.

На прошлое поставлю блокировку
Взорву ночной экспресс, на этом точка!
И проводницу за борт - снов воровку!
Коктейль из слез пусть глушит в одиночку!

Осень - жизни зрелая пора

Осень - жизни зрелая пора,
В роли модной стильной кутюрье,
Гардероб меняет вся листва,
Начинает ярко дефиле!

Закружились листья хороводом,
Вышла осень в платье золотом!
Провожает лето год за годом,
И встречает зиму под зонтом.

Осень и весна - две проводницы!
Юности и зрелости расцвет!
Улетают-прилетают птицы
Осень может мудрый дать совет.

Разбитая чашка

Разбитую чашку не склеишь -
Так утверждает молва.
Разбитое сердце - исцелишь,
Хоть кругом идет голова!

Затянет душевные раны,
Ведь время все сводит на нет.
Лишь стоит сменить панораму -
Увидишь другой звезды свет!

Закроешь и эту страницу,
Печальный - он тоже урок.
Еще заиграют зарницы,
Не вешай на сердце замок!

Дождь диджей

Дождик выступает как диджей.
Весело стучит-бренчит по лужам!
Улыбнитесь люди поскорей!
Убеждает нас: «Я ваш! Я нужен!»

Все считают, дождь и хмур и сер.
Что отождествляется с ненастьем,
А он вместо клуба выбрал сквер,
Чтоб дарить нам радугу и счастье!

А как дышится потом легко!
Капли растворяются в эфире,
Тучки улетают далеко.
Дождь-диджей ты лучший в этом мире!

За сто верст

Хочется сбежать от серой пыли,
Шума, копоти и суеты людской.
Чувства здесь как будто притупили,
В жестком стиле - ритме городском.

За сто верст умчались и в деревне,
На лугу в прибрежной полосе,
Как Адам и Ева - люди древне,
Нагишом купаемся в росе.

Притаились мы на сеновале,
Звуки города остались в далеке.
Лишь сейчас с тобой мы осознали,
Счастье хрупкое висит на волоске.

Быть с тобою сладостная пытка,
Вся огнем желания горю!
На губах моих цветет улыбка!
Я за все судьбу благодарю!

Крутится планета

Крутится наша планета Земля
В вечности в мире Вселенной
Мы родились с вами, люди, не зря
Ведь наши души нетленны.

Много религий, наций и стран -
Все из земли сотворенны,
Библия наша, восточный Коран -
К Богу пути неизменны.

Крутится жизни, судьбы колесо.
Люди, прошу вас проснитесь!
Чтобы вам в жизни повсюду везло -
К Богу лицом обратитесь.

Души откройте, Спаситель придет!
Верьте, все в жизни исправит.
Вас на пути отведет от невзгод,
Лучшую долю подарит!

Ночь на пляже

Месяц сырной долькой
В небе цвета слив!
Как вино в бокале,
Плещется залив!

Друг другом ненасытны,
Но пьяны от любви!
Судьбы, как магниты,
Нас с тобой свели!

Какое это счастье!
Лишь пульс стучит в виске.

С тобой построить замок,
Пусть даже на песке!

Звездная подсветка -
Наш ночной кураж!
Будем долго помнить
Ночь и этот пляж!

Проводы любви

Посмотри - шикарная осень!
Под ногами шуршит листва.
Мы о чувствах друг друга не спросим,
Помолчим - ни к чему слова.

Ветерочек раздел березки.
И курлыча летят журавли,
Это нашей любви отголоски.
Это проводы нашей любви!

Вот и нам бы с перелетными птицами,
Сохранив теплоту наших встреч,
Чтоб от счастья хлопать ресницами!
Наши чувства от стужи сберечь!

Улетай со мной

Вон печали из сердца, грусть!
Для любви я открыла дверь!
Ничего я с тобой не боюсь,
И другой не нужен, поверь.

Пусть не первым то был росток .
Предлагаю сорвать тебе
Повзрослевший любви цветок,
Чудом выживший на окне.

Я царицей взойду на престол!
Для тебя копила я страсть!
Чтобы выложить картой на стол,
Как игрок козырную масть!

Жар любви, и сплелись телеса,
Улетай со мной, улетай!
Разразите меня небеса,
Если это будет не рай!

Я, как губка, впитаю, вдохну.
Всё до капли, тебя до конца!
И украдкой рукою смахну,
Я от счастья слезинки с лица!

Наталия КОСТРИЦЫНА

Г. Саранск

Поэт - не лжет!

Поэт – не лжёт!..
В поэте – сила Божья.
Стихи его –
То с Небом разговор.

Плоды трудов
Земле кладёт к подножью.
И всем неправым
Вечный шлёт укор...

Врагам

Идите с миром!
Я вас прощаю.
Ну а прощая,
Не осуждаю.
Не осуждая,
Припоминаю:
За что вас всех я
Сейчас прощаю?

За лжи сплетенье,
За лиходелье,
В меня неверье,
За одолжение,
За снисхожденье
И сожаленье
Того, что мало
Мне влито зелья...

Мала мне доза,
Что вами влита!
Она допита
И не разлита –
Ничуть, ни капли!
Но я сильнее.
Всех вас сильнее.
Да-да, сильнее!

Мне мало солнца
И света тоже,
Звезды сиянья,
Огня мерцанья
И созерцанья
Без содроганья
Того, что душу
Обуглить может!

У обелиска

Уют презревших
Обожествляю,
И презираю
Надменность сытых!
И на могильных
Солдатских плитах
Я всё святое
Благословляю...

Благословляю
На то горенье,
Что душу вечно
Терзать мне сможет.
А это значит:
Меня не сгложет
Тоска бессонных
Ночей сомненья!..

Я жду с волнением
Огней заката
И хрипло плачу.
Нет, я рыдаю!
И понимаю:
Нельзя иначе,
Когда я вижу
Плиту солдата...

Я – у надгробья.
Я содрогаюсь
И преклоняюсь.
Я – на коленях!
Он не увидит
Дождей осенних,
Цветов весенних
И вдохновенно
Он не споёт нам,
Взьерошив память...

Спят солдаты

Спят солдаты мира. Спят солдаты
Отгремевших тех военных будней...
Пусть не снятся им войны раскаты.
Пусть на миг забудут путь свой трудный.

Прошагать пол-Европы пришлось им,
Каждый в каске тяжёлой и робе,
По истерзанном спелым колосьям,
Сохранить землю русскую чтобы.

Пусть же спят солдаты, спят солдаты.
Пусть сияют ярче звёзд награды!
Вспоминают пусть их супостаты
И тому, что живы, будут рады!..

Прошагать пол-Европы пришлось им,
Каждый в каске тяжёлой и робе,
По истерзанным спелым колосьям,
Нам дышалось свободнее чтобы.

В Александровском парке

*На основе воспоминаний
труженицы тыла,
ветерана войны и труда
АННЫ ПАВЛОВНЫ ФОКУСОВОЙ*

В Александровском парке бойцам поклонюсь,
Что не встретили май в сорок пятом.
Поклонюсь и всем тем, кто остался навек
Без имён – неизвестным солдатом.

Ты один – воплощение тысяч ребят,
Что погибли, страну защищая.
И стоишь, наш герой – неизвестный солдат,
На живых с постамента смотря.

Я тебе положу у подножья цветы,
Окроплю их слезами своими.
Там могла быть и я, где погиб, милый, ты –
Под пригорками неродными...

Я просилась на фронт, чтобы вместе с тобой
Защищать в свои полных шестнадцать
Беззаветно любимый край мой родной, -
Военком мне сурово дал полный отбой.
Но совсем не хотелось сдаваться!

Как могла, умоляла, - один был ответ:
«Подрасти ты сначала немного.
А пока потрудишься для грядущих побед, -
И для фронта будет подмога».

Я пошла... И в тылу, уж ты мне поверь,
Я трудилась до крови и пота,
Чтобы в варежках тёплых ты мог бы строчить
По врагу чётко из пулемёта.

Для солдат неустанно онучи ткала,
Веря: Родина будет свободной!
Из картошки гнилой я лепёшки пекла
Для себя и сестрёнки голодной.

А продукты несла для отправки на фронт,
«ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!»
Чтобы чистым и ясным был наш горизонт,
Не коснулись бы Родины беды!

Мама рыла окопы и ночью, и днём,
Где сменялись рассветы, закаты,
Чтоб ответить могли перекрёстным огнём,
В них укрывшись, наши солдаты.

А отец – инвалид. Так случилось, родной...
Он на фронт трудовой был отправлен.
С своим сердцем больным и с группой второй
Шёл с обозом в жару, шёл и в дождик, и в зной.
В сердце мысль: «Так приказывал Сталин!»

А обозы всё шли. И под тяжестью их
Гнулись лошади, рвались подпруги.
Сколько вымученных вороных и гнедых, -
Напряжённые мышцы упруги!..

И под скрипы телег, и под хрип лошадей
Сердце рвалось как будто на части.
Но под песни военных лет шли всё смелей
Сквозь туманы, ветра и ненастья...

Все мы знали, что ждёшь, незнакомый солдат,
Ты от нас неизменной подмоги.
И мечтали о фронте как сотни ребят,
На унылые глядя дороги!..

...В Александровском парке бойцам поклонюсь,
Что не встретили май в сорок пятом.
Поклонюсь и всем тем, кто остался навек
Без имён – неизвестным солдатом.

Афганская весна

*ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЕ ПОЖАРСКОЙ,
участнице войны в Афганистане*

В Краю Ставропольском, в станице Преградной
Девчонка родилась, глаза - угольки...
Едва одолела трудной жизни преграды.
И счастье прогнать ей уже не с руки!

А имя ей дали такое родное
И близкое всем. Это имя Любовь.
Живёт на земле и не знает покоя.
Покой только грезится ей вновь и вновь.

В Афганской земле полегли её сёстры
И братья по духу в суровой войне.
Всевышний ей дал прошагать эти вёрсты,
Вернуться из пекла к родимой стране.

Горящие танки, свистящие пули
И грохот бомбёжек среди тишины.
А птицы ей пели, что в Вечность шагнули
Друзья, что уже не вернутся с войны...

Тому, кто остался живым и здоровым,
Любить и страдать суждено за двоих, -
И прочь разорвать ледяные оковы,
Нахлынувших чувств не стесняться своих!..

Ах, эта весна! Лучик мартовский ясный
В душе воскресил те волнения вновь.
А с этой весною вернулся прекрасный
Мир солнечных грёз. С ним мечты и любовь...

Так пусть же звезда её ярче сияет
И пусть не смолкает птичий хор в её честь!
А женщина эта быть может не знает,
Что людей восхищённых ей сегодня не счесть.

* * *

Как жизнь сложна и удивительна.
В ней столько истин непростых!
Средь тех, кто в ней вершит открытия,
Вдруг завтра смерть возьмёт иных.

Сегодня снег кружится, падает,
На землю опустив покой.
Но стаи птиц меня не радуют
В строю, очерченном тоской.

Глаза полны печали тягостной,
Нет сил снять хмурь с своих бровей...
Но им ведь тоже жить не радостней
Средь чуждых им красот морей!

Тоска по Родине израненной
Или жить желанье – что сильнее?
Я слышу стон в палате каменной
И помню крики журавлей!..

Я жить хочу! И видеть Родину!
Смеяться, плакать и дышать.
Чтоб целый мир в ладони крохотной
С улыбкой детства удержать...

А вёсны будут. Будут заново
Ручьи струиться и журчать,
Чтоб снова песней мир порадовать.
И для кого-то жизнь начать!..

* * *

Жизнь – прибой у подножья времени.
Экскурс самых земных событий.
Чьи-то ноги летят из стремени,
Где-то первый успех открытий!

Звон малиновый строк есенинских,
Нежность звука блоковских строк, -

Это всё, что в царящей вечности
Обуздало мыслей поток...

У речушки, бегущей из лесу,
Есть начало, есть свой исток.
И мне верится: всё я вынесу
Под гулливость родных дорог!

И под буйство ветров непрошенных,
Под томящую песню рожка,
Что в душе залегла, словно брошена
На спасение друга рука...

Я и сердце прошу петь радостней, -
Мне сейчас только жить да жить!
А успеха плоды тем сладостней,
Чем трудней было их заслужить.

Из цикла «1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства»

* * *

Шумбрат, Мордовия, шумбрат!
К тебе я обращаюсь снова.
Здесь каждый нам с тобой и друг, и брат.
Здесь память стоит дорогого...

В семье единой

Соединились с Русью мы навеки,
С народами России мы едины.
Для всех шумят поля, бушуют реки,-
И мы сильны, как горы-исполины.

Гордимся тем, что мудрость дал Всевышний –
С Россией-матушкой идти по жизни смело,
Чтоб в мае расцветающие вишни
Нам опалить судьбина не посмела.

Мордву, татар, марийцев и чувашей,
Удмуртов и башкиров – всех сроднила
Единой сильной, крепкой дружбой нашей,
Одной мечтой всех Русь объединила.

Одной дорогой и одной судьбою
Скрепила нас единая Россия.
Одной любовью движимы с тобою,
Мой брат, как заповедал нам Мессия.

Нам сам Господь дарует это чудо –
Держаться вместе и любить друг друга.
В семье единой счастливы, покуда
Россия нам сестра, мать и подруга.

Дмитрий ЧДОВКИН

Туман

Над туманом, засверкала над туманом полоса
Появилась, появилась в небе зарева краса
То не звезды – это Солнце, его теплые лучи
Заскользили, над туманом запыхлала кумачи.

Здесь сияют уникальной чистотой
Тучи с снегом, тучи с талою водой
А внизу туман парит, как снежный ком,
Весь покрытый благородным серебром.

Туман клубится по-над лесом, над рекой,
Оставляя всюду влажность за собой,
Под туманом, его природной сединой
Плачут травы, плачут слезною росой.

Плавно падают росинки на кусты,
На деревья и на разных трав листы,
Лучи рассеивают скученный туман
Засияет Солнца яркий талисман...

Осенняя тишь

Встал сегодня утром рано:
Тишь. Вокруг ни ветерка
Только в небе как-то странно
Все ж скользили облака.

И в лесу нет шума, скрипа,
Никаких волнений
Замерли березка, липа,
Заснул дуб осенний.

Вижу - лист сорвался с ветки,
Слышно даже, как летит.
В глуши леса ручей редкий
Так заманчиво журчит.

Молчит прибрежная вода,
Обнимаясь с ивами...
В тишь мечтать приду сюда
С думами красивыми...

Стал бы Дон спокойным...

Дон древний, могучий, в поймах разливной -
Что шумишь под кручей, вздорною волной?
Пенки взгромоздились на гребнях волны
Волны зло взъярились: с южной стороны

Вихрь столь внезапный налетел с горы,
Был так неприятен стихии порыв:
Волны бесновались, возмущен был берег
Его разрушает вздорных волн набег.

Вдаль вихрь умчался, замолк шум волны,
В прибрежье остался след пенной слюны.
Еще шевелились кувшинок листы,
Дону возвращались, прежние черты

Селезень и утка, крики за грядой...
Выплывает лодка с четой молодой.
С холмика спустилась пара байбаков
Бобры суетились, подправляя кров...

*

Проплывают воды, вдоль гор и равнин
Прносятся годы, только Дон один.
Всюду, всюду пары: людей, птиц, зверей
Женить бы Дон старый с согласия морей,

Обручить с желанной, с праздною рекой -
Мчались воды б плавно на простор морской.
И не шумели б волны, плескаясь о берег
Стал бы Дон спокойным, счастливее всех.

Татьяна БЕЛЯЕВА

Г. Саранск

Другая реальность (Фата Моргана)

Мой караван шагал через пустыню...

Новелла Матвеева

Странная женщина с голосом детским,
С именем зыбким как дюны – Новелла,
Перебирая гитарные всплески,
Песню пустыни когда-то мне пела.

Там, где в закатах пески догорают,
Пляшут на углях костра саламандры,
Веруют люди в Другую Реальность:
Ждут волшебства феи Фата Морганы.

Белый корабль плывет по пустыне,
Словно мираж, наваждение дыма...
За горизонт (сквозь века и донныне)
Путь в бесконечность – мечта пилигрима.

Песни Новеллы сегодня не в моде:
След от волшебных колёс исчезает,
И сновиденья цветные проходят...
Фата Моргана жонглирует нами.

* * *

Тридцать лет прошло, о, Боже Мой!
Будто снова улыбнулась юность.
Здравствуй, южный пляж, морской прибой –
Я к тебе, Абхазия, вернулась!
Нынче здесь упадок благородный,
Время ход давно остановило.
Гордо смотрят прямо с неба горы
И растут, как прежде, мандарины.
Всё осталось там, в восьмидесятых,
Как немодные пластмассовые клипсы,
И автобус ходит номер пятый –
У него маршрут не изменился.
Помню: море, воздух, олеандры,
Танечку – из Киева подругу,
В клубе дискотеки вечерами
И огромную луну на всю округу...
Брошу в море с берега монетку,
Постою у старых эвкалиптов.

Вряд ли я когда-нибудь поеду
В Турцию, на Кипр или в Египет.
За недолгое сентябрьское солнце
Я благодарю тебя, любимый.
Обещай, что мы еще вернёмся
Посмотреть, как зреют мандарины.

Глаза орхидей

Бело-розовое молчание,
Неподвижны цветы орхидей.
Не тревожат боль и отчаянье
Безмятежные блики теней.

Ароматно дыханье спокойное,
Горьковато-сладкий мотив.
Орхидеи с улыбкою знойною
Смотрят, томно глаза опустив.

Восхищают нежной экзотикой:
Как по-детски наивен их взгляд!
Незаметно растения тропиков
Хищным оком за жертвой следят.

Стоит только приблизиться бабочке,
Подлететь глупой мошке к цветку –
Раз! Мгновенно «закроется лавочка»,
Не спасти свою жизнь мотыльку.

Ах, обманчива их беззащитность!
Ты красоткам жестоким не верь...
Есть какая-то первобытность
В приоткрытых глазах орхидей.

Букет невесты

Закончив свадебный банкет,
Все гости дружно встали в круг.
Невеста бросила букет
В толпу подвыпивших подруг.

Над головой из-за плеча
Метнула нежные цветы,
Чтоб осчастливить всех девчат,
Чтоб тоже замуж вышли бы.

Девчонок охватил кураж –
Как в цель запущенный снаряд
Летит нарядный «флёр д оранж»
И в без того нестройный ряд.

Но не достался никому
Желанный праздничный трофей:
Лежит, измятый, на полу
Он под ногами у людей.

Смотреть на этот «смех и грех»
Стереотип нас осудил –
Нам важно, чтобы «как у всех» -
Летят букеты что есть сил.

Факт – нам к традиции чужой
Не надо было привыкать.
Давайте заново, с душой
Цветы дарить, а не бросать.

Белая чашка

На холсте натюрморт очень милый,
В нежных красках, уютный, домашний.
И стоит в самом центре красиво
Одинокая белая чашка.

Кружевная салфетка под блюдцем,
Ярко-жёлтый лимон и цветочки.
Есть желание им улыбнуться,
Но не хочется здесь ставить точку.

Если честно, немного обидно:
«Милота» эта грусть навевает.
Всё прекрасно, но так очевидно –
Чашке пары её не хватает!

Это значит, в тоскующий вечер
Иль в больное бессонницей утро,
Не ворвётся желанная встреча,
Не придёт в гости кто-то к кому-то...

Я подолгу гляжу на картину,
Поддаваясь магической власти,
Представляя, что рядом любимый,
Моё тёплое женское счастье.

Как же горе внезапно подкралось,
Разрушая порядок вчерашний...
Без тебя я сегодня осталась –
Одинокая белая чашка.

Сёстры Печали

Грусть и Тоска – злые сёстры Печали –
Однажды Любовь за порог прогоняли,
Задёрнули шторы, всё двери закрыли,
А Радость и Жизнь в темноте заточили.

Сёстры Печали слёз не жалели:
Ручьи родились, зазвенели капли,
И вот побежали две быстрых реки –
Одна река Грусти, другая Тоски.

В изгнание Любовь поселилась навеки.
Ей не одолеть эти бурные реки.
Ключи потеряли от сердца-замка
Незрячая Грусть и слепая Тоска.

Печалью сменилось недолгое счастье,
Так сёстры весь мир поделили на части.
Забыты красивые светлые чувства.
Как это печально, тоскливо и грустно...

Начало рассвета

Ты уходишь, чтоб скоро вернуться,
И со мной в тишине остаются
Запах выкуренной сигареты
С шумом тёплого летнего ветра.

С фотографии смотришь в глаза мне.
Я сдала твой самый сложный экзамен:
Как бы странно оно не казалось,
Всё как было, всё так и осталось.

Мне, поверь, дорогой мой, не страшно
За любовь свою биться отважно.
Но из рук выпадает «оружие» -
Ты со мной и сражаться не нужно.

Право выбора у человека.
Мудрецы говорят: «Век от века
Изменяется всё во Вселенной.
Вечна только любовь и нетленна!»

Это грех от неё откаться.
И над Верой нельзя насмеяться.
Не обманешь Надежду, случается -
Параллельные пересекаются.

Ты уходишь сейчас, но вернёшься.
Почелуешь меня, улыбнёшься...
Жаль, что ночи короткие летом.
Мне ль не знать: ночь - начало рассвета.

Синеглазый ветер

Уставший от предательств и разлук,
Он шёл куда глаза глядят, по свету.
Заблудшая душа, свободе лучший друг,
И верный побратим бродяге-ветру.

Рублей не мерял, женщин не считал,
И для печали не было причины.
Не строил дом, деревьев не сажал,
Но стал отцом единственного сына.

Да разве ветер в стенах удержать?!
Так круто повернулся жизни флюгер:
Измены гнусной чёрная печать
Не редкость в отношениях «супругов».

Разбита чашка – клей её ни клей.
Бесцеремонно в душу наплевали!
Растёт и крепнет ураган страстей,
Когда друзья становятся врагами.

Вернуться б в детство. Наперегонки
Бежать за ветром за деревню, в поле,
Где звёздами синеют васильки,
Где были счастливы все и не знали горя!

Отчаялся и думать перестал
О том, что счастье поджидает рядом.
Как дальше жить, что делать, он не знал,
И вдруг случайно встретился с ней взглядом...

Твоё дыханье слышу за спиной,
Открыв глаза с улыбкой на рассвете.
Со мною навсегда, а я с тобой,
Любимый мой, мой синеглазый ветер.

Бабье лето

- Ответ мне, в сентябре возможно ль это,
Чтоб солнцем жарким были дни согреты?
Чтобы сверкали звёзды до рассвета?
- Конечно! Наступило «бабье лето»!

- В календарях осенние прогнозы,
Но бабочки порхают и стрекозы,
И хоть покрылись золотом берёзы,
По-летнему цветут на клумбах розы.

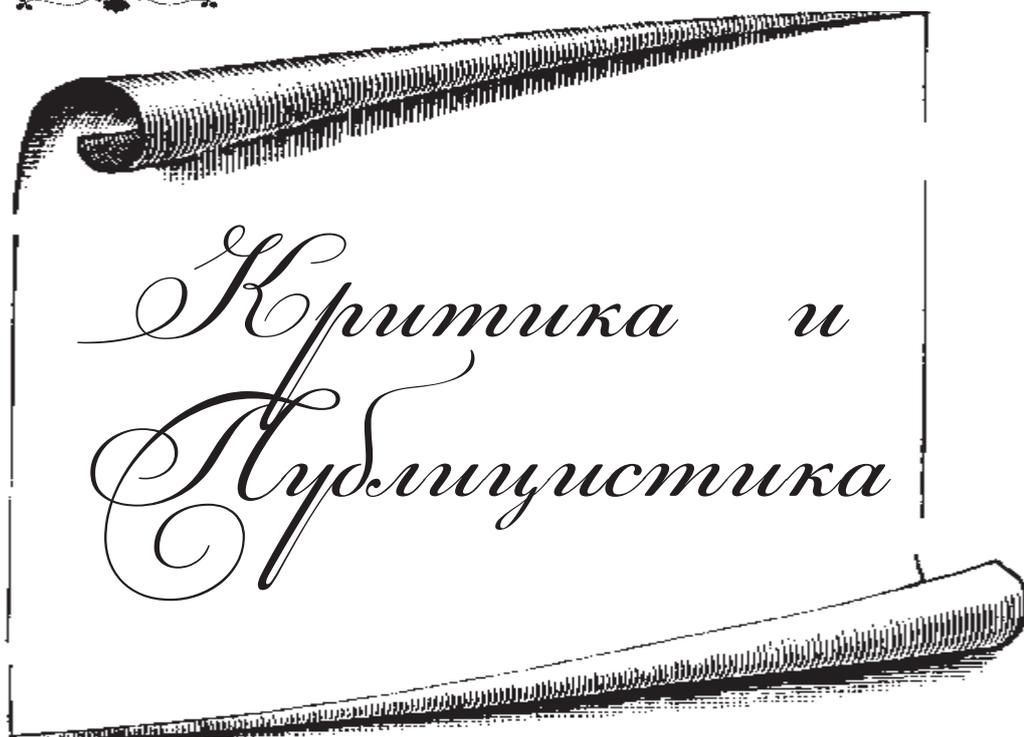
- Недавно только был июньский вечер,
В который и заняться было нечем.
- И он остался б, меж другими незамечен,
Да только счастье вышло нам навстречу.

- Там, где мы раньше были одиноки,
В одну соединились две дороги.
- Остались в прошлом прежние тревоги
И чувства родились, сложившись в строки.

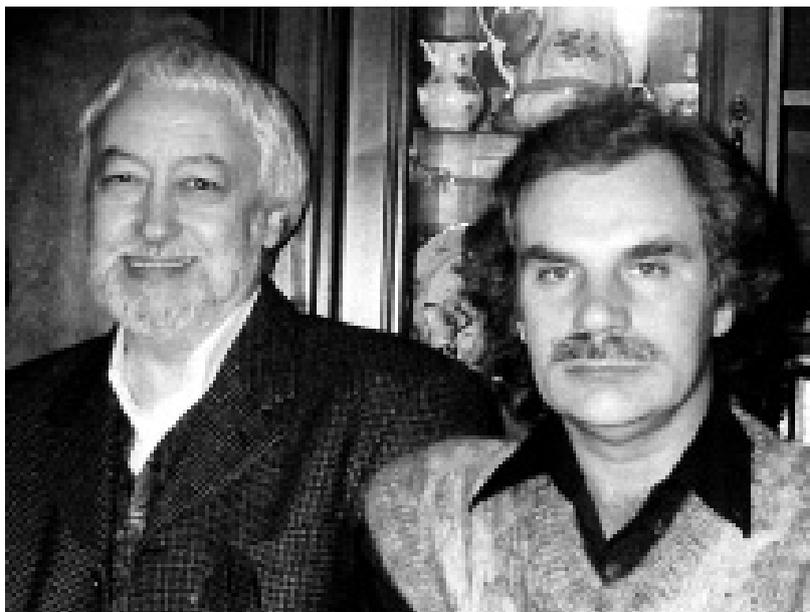
- А птицы будто улетать не собираются.
Любовь рябиной спелой разгорается
- У нас с тобой всё только начинается,
И бабье лето к нам на свадьбу наряжается.

Элегия

Уж ни к чему знакомых цифр ряд
Искать среди проезжающих машин,
Мечтать о том, чтоб встретился тот взгляд,
Который очень долго был любим.
Другие чувства разорвали цепь,
И одиночество грустит, побеждено.
Там, впереди, неведомая степь
Грядущего, что свыше нам дано.
Жизнь поменяла серый блёклый цвет
На яркие счастливые тона,
Прошла печаль, оставив слабый след.
Душа спокойна, если не больна.
А в дебрях незнакомых адресов,
У обывательских превратностей в плену,
Закрыта память на тугой засов,
В благоустроенную угодив тюрьму.
Оранжевым мигающим значком
На ленте повседневных «сайтных» встреч,
Нет-нет, да и мелькнёт она тайком,
Чтоб на забвение не дать себя обречь.
Уплыли прочь слова дежурных фраз
И канули в обманутую тьму.
Здесь тайны нет, как не было и нас.
Всё ни к чему... Всё было ни к чему?

**Памяти великого советского и русского кинорежиссера,
Заслуженного деятеля искусств Российской Федерации,
Заслуженного деятеля искусств Украины,
Почетного члена Академии русской
словесности и изящных искусств
им. Г.Р. Державина, моего старого друга
Георгия Эмильевича Юнгвальда-Хилькевича**

Е.П. Раевский с Г.Э. Юнгвальдом-Хилькевичем

Ушел из жизни великий человек, кинорежиссер, писатель, неистовый общественный деятель.

Георгий Эмильевич был восхитительным новатором во всем, в творчестве, видении мира, жанра, в отношении к людям.

Нет, я не посмею в чем-либо упрекать гения, а наоборот хочу отметить то, что Юра (как называл я его в жизни) находил в друзьях, приятелях и знакомых те качества, которые другие люди вообще не замечали. Я не буду поименно перечислять тех актеров, которые получили не только путевку в творческую жизнь, но и яркую славу значимости и незаменимости.

Народный артист России Николай Петренко, недавно выступая на телевидении, сказал:

- Мы мало хвалили Хилькевича, мало уделяли ему внимания, а ведь быть в неоплаченном долгу всегда стыдно.

И действительно, Георгию Эмильевичу не рукоплескали даже обязанные ему люди, а

попросту забывали своего творческого отца. Фальцет Владимира Преснякова был фактически открыт и рекомендован для пения обладателю, что поистине сделало его звездой русской эстрады, даже несмотря на некоторое

*Портрет Е. Раевского работы
Г. Юнгвальда-Хилькевича*

Портрет Е. Раевского работы
Г. Юнгвальда-Хилькевича

сценическое подражание западным вокалистам. Певцом особого дарования Юра называл Игоря Наджиева, помогая ему на первых порах его творческого становления. Яркость, смелость, опять-таки режиссерские новаторства открыли абсолютно с другой стороны таких актеров, как Вениамин Смехов, Лев Дуров, Ирина Алферова, Надира Мирзоева, Александр Авилов, не говорю о великих актерах, таких как Маргарита Терехова, Михаил Боярский, Алиса Фрейндлих, Владимир Высоцкий и многие другие ослепительные, уникальные имена российской артистической богемы.

Обо всем Юра говорил со свойственной ему значительностью, с уверенностью, с большим осуждением относился к представителям сексуальных меньшинств, или «большинств», как он выражался.

Пожалуй, не было ни одной науки, в которой бы не мараковал Георгий Юнгвальд-Хилькевич. Его эрудиция была равна его величию. Да простят меня читатели, но к моей поэзии Юра относился с изысканным восхи-

щением... благоговением, знал многие мо стихи наизусть.

- Хватит, Женя писать о политике, об остросюжетном. Не для поэзии это - для прозы. Хорошо тебе гнать эту волну, о любви пиши, о женщинах, они этого стоят... Да и тебя они любят, у тебя и внешность Д'Артаньяна. Эх, попадись ты мне раньше, я бы из тебя большого актера сделал. Впрочем, пиши стихи. Нравятся мне твои сонеты. Сейчас таких поэтов и в природе-то нет.

Юра, как говорится, «торчал» от моего «Лесного сонета», «Приношения женщине», «Алой мистерии», «Шуршащего сонета» и много много другого.

- «Навстречу птицам движутся легко/ небесные камни облаков»... Ну, дорогой, это гениально, затейно, весомо! - так любил говорить Юра.

Думаю, не без помощи Георгия Юнгвальда-Хилькевича на один из моих творческих вечеров в Москве пришла сама Анастасия Цветаева - сестра великой русской поэтессы, которая также являлась почитательницей моего твор-

Портрет Е. Раевского работы
Г. Юнгвальда-Хилькевича

чества.

Юрой было нарисовано несколько моих портретов. Некоторые из них он мне любезно подарил, а некоторые оставил себе на память. На одном из портретов надпись: «Это, конечно, малая плата за сонеты... но... что могу, то могу. Георгий Юнгвальд-Хилькевич. 1993 год».

Господи, порой мы даже не понимаем, кто с нами сейчас рядом, не ценим, не любим, равнодушничаем, не понимаем, сколько чувств, сил, таланта, знаний вложил в нас тот или иной человек, какое важное влияние оказал он на нас. А жаль!..

Меня всю мою сознательную жизнь тянуло к людям мощным, уникальным, неутомным. Я никогда не боялся тех, кто, возможно, был более значим, чем я. Мне хотелось всегда дотянуться до вершин профессионального, и встречи с Георгием Юнгвальдом-Хилькевичем многому меня научили. Юра помог мне стать настоящим поэтом и руководителем, а главное - стать личностью.

Заслуженный деятель искусств России, заслуженный деятель искусств Украины Георгий Юнгвальд-Хилькевич имел славную родословную и мог бы в другие времена претендовать на польский престол. И пусть по-

рой этот сиятельный аристократ превращался в трогательного ребенка, ищущего заботы и внимания, это не мешало мне преклоняться перед его великим талантом и говорит о том доверии мне, которым я горжусь и поныне.

Мне бы хотелось закончить мое дружеское повествование об этом выдающемся человеке одним из его любимых стихотворений:

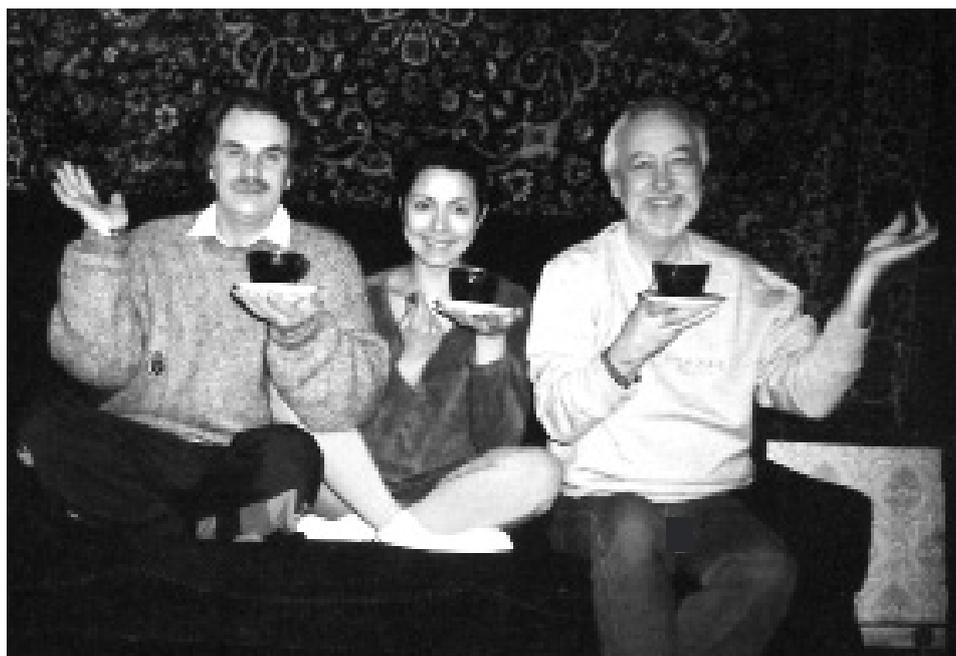
Мы быстро забываем о былом,
Безвременно расходимся с друзьями,
Не злоба, равнодушие движит нами,
Обыденность гнетет наш ум и дом.

На лица нам набросив сеть морщин,
Удавы-годы выскользнули в вечность,
Желанья на Голгофе за беспечность –
Бесстрастный спор с судьбой неразрешим.

Опомнившись в путях мирских забот,
Ограбив жизнь в потугах выживания,
Мы просим у забытых сострадания,
К их сердцу не набрав простейший код.

Растратившись, отдав долги себе,
Скорбим мы о друзьях и о себе...

Русский поэт Евгений Раевский

Евгений Раевский, Надира Мирзаева и Георгий Юнгвальд-Хилькевич

Сергей ПСАРЕВ

Мир Ольги Сафаровой

В издательстве Санкт-Петербурга “Арт-Экспресс” недавно вышла книга Ольги Сафаровой «Маски любви и смерти. Саломея». Только не ищите на обложке фамилию автора. Ее там нет, есть литературный псевдоним - О. Странник. Зато на обложке есть другая запись: «Призраки Санкт-Петербургской Академии художеств», и нам становится понятно, кто же поведет нас по ее страницам...

«...И мы пошли...». Неповторимый, ошеломляющий дух Петербурга, творческой атмосферы и молодости. В книге получился некий сплав всего этого, им дышит каждая строка. Автор блистает знанием среды и детальной работой над каждым словом.

Перед читателем постепенно открывается неповторимая атмосфера Академии художеств: «шорох грифелей, шелест бумаги»... Это часто создает эффект личного присутствия. Автор влюблен в этот безумный и волшебный мир. Иногда возникает ощущение, что по этой книге можно постигать секреты мастерства рисовальщика...

Язык изложения сочен, насыщен специальной терминологией и большим объемом информации. Возможно, все это покажется кому-то сложным для восприятия, но каждый сам волен выбирать чтение. О себе говорю сразу: это моя книга...

Да, автор влюблен в этот мир и говорит о нем с особой нежностью и доброй иронией. А мне иногда хочется быть волком, поскольку тоже люблю мир творчества, но в жизни своей прошел по нему, едва только зацепив его. Так сложилась жизнь. Пришлось в молодости учиться в изостудии и работать учеником в мастерской одного известного в прошлом скульптора. У последнего, утром, еще и выполнял обязанности курьера по доставке на рабочее место бутылок спиртного. Без выпивки

того стакана мастер не начинал своей работы, не было нужного вдохновения. Самому мне по молодости пить не позволялось, но потом оба трудились с полной отдачей. Посвятив свою дальнейшую жизнь службе в армии, всегда был благодарен судьбе, давшей возможность прикоснуться к этому удивительному миру...

Читая книгу Ольги Сафаровой, у меня часто возникало ощущение некоего особого театральности действия. В нем не только жили, но и играли роли. Да, именно играли в масках и без них...

«...И мы пошли...». Я тоже пошел по страницам этой замечательной книги. Пошел и заблудился... захотел остаться там. Даже и без Солнцедара, этого шуточного символа безвозвратно ушедшего, но совсем не потерянного для нас времени...

Потому что все это по-прежнему живет в нас. Здесь есть особый вкус и хорошая эстетика. Есть «ядренные девахи среднего роста, крепкие, как кегли», здесь бродят Антиной, Зигфрид и рыжий самурай. Мне очень близок по духу рассказанный автором японский миф о Деве Лисице, неотразимо влекущей любого мужчину, которому она явилась... «...Я прошептал: - глаза твои, как те изумруды... неукраденные; неукраденные... - эхом прошептала она»... Такие строки бьют, любого как шаровая молния, и заставляют вспомнить «Суламифь» Александра Куприна...

«...И мы пошли...». Автор словно ведет нас за руку в своем мире. Книга писана от первого лица, но его присутствие иногда и очень часто не замечается. Может быть, он призрак, Странник, блуждающий по залам Академии художеств и улицам мистического Петербурга? Тогда мы и сами тоже призраки, и весь этот удивительный мир только существует в нашем воображении. Он есть и его уже нет... Трагический финал написан на разрыв души, до боли. Только боль тоже бывает

разной. Иногда этого совсем не нужно бояться в жизни, если все это происходит после прочтения хорошей книги. Получается очищение нашей души от толстого слоя безразличия и равнодушия, которым полна окружающая жизнь. Хочу от души поздравить автора и всех нас с выходом новой книги.

Хорошая книга сегодня - всегда большой праздник. К слову отмечу, что это уже четвертая книга члена Российского Межрегионального союза писателей Ольги Сафаровой-фон-Штайн, поэта, прозаика, переводчика и потомственной петербурженки, живущей на Васильевском острове.

А еще существует ее удивительный мир живописи и рисунка, есть ее картины, гобелены и росписи с удивительным перетеканием цвета, создающие ощущение переливающегося воздуха, воды и сверкающих самоцветов...

Воистину говорят, что талантливый человек – талантлив во всем. Потому что все здесь говорится только об одном человеке высокой образованности, культуры и большой личной скромности – Ольге Алексеевне Сафаровой...

Полет ласточки

*Ты, наверное, испугался
увидеть меня без крыльев?*

Наталья Сорокина, "Раненая колибри"

Наталья Сорокина - известная петербургская актриса, певица и поэтесса...

Некоторые мысли вслух после презентации ее нового сборника стихов и прозы "Полет ласточки". Представление книги, состоявшееся 12 сентября 2015 года в "Буквоеде" на Лиговском проспекте, превратилось в прекрасный творческий вечер, тепло и с интересом встреченный собравшимися. Неформальное общение с читателями продолжалось не меньше официальной части встречи. В этом нет ничего неожиданного.

Каждое выступление Натальи Сорокиной – это маленький спектакль, который притягивает зрителей и смотрится на одном дыхании.

Ее репертуар необыкновенно широк. Русские романсы, эстрада, оперетта, мюзикл...

Неожиданно почувствовал себя в удивительном и прекрасном мире. Словно Данила-мастер, увидевший маленькую зеленую ящерку на камне. Едва успел руку протянуть, как она девицей красной обернулась, в лесу исчезла. Только голос тайный потом услышал: «Бойся песен хозяйки медной горы, навсегда дорогу к дому забудешь. Не цепью прикует, по своей воле останешься».

Не послушался, стал подниматься на каменную лесную горку. Где-то рядом иволга напевала, а среди сосновых веток печально завывал ветер...

Мне кажется, что созданные яркие образы являются частью ее самой. Вот она птица подранок, жар-птица, хвост которой издерган руками или вольная степная кобылица. Каждый раз она уже совсем другая, непохожая на себя, прежнюю. Будто черпаются все эти образы из волшебной малахитовой шкатулки. По обыкновению, таким образом многие женщины хранят свои фамильные драгоценности. Но здесь-то шкатулка не совсем обычная – непродажная памятка. Потому что в ней оказалось наследство совсем иного рода – все то, что смогли передать родители, русские интеллигенты, а позднее учителя замечательной петербургской творческой школы...

Об этом она всегда помнит, и ее поэтические строки нередко обращены к самым близким людям и друзьям:

*Я наследство свое вам по рифмам раздам,
Дочь законная физиков-лириков...*

В творчестве Натальи Сорокиной незримо присутствует связь времени, "не порвана тонкая нитка", возвращающая ее к родному костру. В родительской старой хрущевке "дорога даже пыль на чердачном пространстве". Здесь каждый предмет хранит "артефакты времен", голосом ребенка в дом жалобно просится привидение. Грустные размышления приводят ее к мыслям о потерянном поколении...

Страшно приходить на пепелище
Родного дома наяву, во снах,
Смотреть на черной дырки ртище
И чувствовать самой животный страх.

Здесь ощущается особый нравственный стержень. Все, о чем пишет Наталья Сорокина, глубоко русское по характеру и своим истокам. Родина для нее не просто красивое слово, а своеобразный компас, указывающий нужное направление. Улетая осенью в далекие края, ласточка всегда возвращается обратно, к созданному ею родному гнезду.

Оттого так страдает душа автора, когда разрушаются национальные ценности. Русское поле, славянская статья... Обо всем этом она говорит без пафоса, с болью об униженной стране: “Сердцу горем разбитому хочется в лето, мне его не собрать на ветру леденящем”...

Ах, в поле за околицей высокая трава,
Кто за меня помолится, скажу спасибо я...

В этой книге выстрадано каждое слово. Ее строка не всегда гладко причесана, но выверена и точна по мысли. Порой они похожи на пули, разящие цель. В них присутствует особый, звенящий как струна нерв. Такие строки у поэтов не придумываются, а рождаются где-то внутри и выплескиваются вместе с болью. Написанные стихи становятся освобождением от нее.

Это общение с читателем во имя спасения себя...

Я себя выворачивала наизнанку,
Диафрагмой зажав онемевший
от боли живот.

Позиция самого автора всегда излагается предельно ясно:

Поэты только правду говорят,
А если правды нет, – они молчат.

Вот только современный мир не торопится принимать такую правду. Он ранит ее цинич-

ным расчетом, несправедливостью и предательством:

Есть люди, как змеи,
Есть люди, как жабы,
А я – как подранок хромой...

Она не терпит подмены подлинного и настоящего в искусстве, остро чувствует фальшь и пошлость окружающей жизни. Для автора это химеры, из-за которых можно потерять страну. Значит, следует биться насмерть, пробиваться словом “сквозь асфальт, давши силу росткам, сквозь брусчатку и гнутые мостики”.

Теперь жизнь проходит среди “перекошенных переулков, где никто никого не спас”... Страшная власть денег в стране для поэтессы превращается “в растущую плесень на ладонях”. Для нее больше не существует закрытых тем, нет ничего недозволенного. Враг определен, все ставки уже сделаны. Страстное слово автора не таится в записных книжках, а открыто звучит со сцены в ее стихах и песнях...

Вы просили душевный стриптиз?
Повторяю на бис:
Я раздеваю себя догола.
Смотреть можно, трогать нельзя...

Наверное, поэтому Наталье Сорокиной так близок поэтический образ свободного полета ласточки. Он превратился в название самой книги.

Под крылами пернатых не видно границ:
С высоты не пугают запреты...

По древним восточнославянским поверьям ласточка – чистая святая птица, наделенная нежной женской символикой. Совет она на доме гнездо – будет в том доме счастье, выйдет девушка замуж. Ласточка символ весны и доброй вести в осажденном блокадном Ленинграде. Туда она залетала без особого труда.

Эта маленькая птица большую часть сво-

его времени проводит в небе. Кто же из нас не наблюдал за ее стремительным и безошибочным маневренным полетом? Настоящие черные молнии...

Светлы и прекрасны лирические строки автора, собирающего «лучи от счастья переломанных прожекторов» в свою волшебную шкатулку. Они не гаснут, потому что сами превращаются в новые стихи...

Если уж любить, то “до слез, до боли у виска”. Нужно жить с удивительной чистотой в душе, чтобы сказать близкому и родному тебе человеку:

Ведь я на Вас, как капелька, похожа
И вижу в Вас, как в зеркале, себя.
Я зеркало для каждого из тысяч,
Что чередой проходят сквозь года,
Чтобы слова любви на сердце высечь
И обрести любимых навсегда...

Об индивидуальности исполнительского мастерства, ярком вокале Натальи Сорокиной признанными специалистами сказано уже немало. Безусловно, это продолжение традиций лучших артистов в жанре русского романса. Еще ее сценический образ лепится из прекрасного выразительного лица и особого драматизма в движении рук. Тогда и получится тот самый каменный цветок уральского Данилы-мастера. Цветок, безусловно, удивительный, который смотрит в этот мир широко открытыми глазами...

Пусть читателя не обманет стремительная легкость и взрыв импровизации, которые сопровождают ее выступления на сцене. За всем этим мучительные сомнения и трудный поиск. Любое творчество – это большое испытание. Потому она всегда “горой на актерскую братию, кто живет в этой жизни без кожи”...

Меня били, не добились,
Меня гнали, не догнали,
Я росла, как куст крапивы,
Не сорвешь – могу ужалить...

В этом независимость сильного характе-

ра, желание освободиться от всего пошлого и продажного...

У беды – сегодня выходной.
Я друзей на праздник собираю...

Нужно научиться стойко принимать удары судьбы и улыбаться, когда тебе больно. Ты не имеешь права быть другой, потому что ты актриса...

Это значит, что перед каждым новым выступлением на сцене нужно снова закрыться, как ракушка. Отрешенно и сосредоточенно мысленно пропустить через себя предстоящий концерт, войти в новый образ. Нет мелочей даже в деталях: подборе платья, театральном гриме или работающем микрофоне. Они в любой момент на сцене станут самыми главными. Ожидание в какой-то момент покажется томительным, но последней минуты часто не хватает.

Объявление выхода на сцену всегда волнительно, каждый раз как впервые. Без этого нельзя. Как же тогда собрать свои чувства и эмоции, если внутри покой и холод? Артист чутко впитывает ответную реакцию зрителей. Его первое слово на сцене и зал мгновенно замирает, внимательно вслушивается. Легкий одобрительный шепот проносится по рядам и это уже немного теплее. Такое всегда заряжает особой энергией...

Почему-то сразу вспоминаются любимые мною знаменитые пушкинские строки:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы...

Океан зала больше не пугает неизвестностью, он доброжелателен. Артист с ним одно единое целое. Через несколько минут тишина взорвется аплодисментами. Незаметно возникнет необыкновенная легкость, душевный порыв или кураж, как говорят сами артисты. Тогда на сцене получается решительно все...

Теперь ты королева бала и ради этого

мгновения действительно стоит жить. Что же тогда вся твоя остальная жизнь? Это только путь на сцену, иногда очень трудный и длинный. А еще в нем есть твои близкие, родные, друзья и недруги. Порой тебя многое раздражает в окружающем, и сама незаметно превращаешься в деспота. Когда концерт закончится и разом навалится усталость от пережитых эмоций, глаза еще долго будут хранить отблески волшебных огней рампы...

Наталья Сорокина, лауреат международных конкурсов, Мисс Романс Северной столицы и просто женщина, заботливая мама... Ее богатой, насыщенной событиями и стремительной жизни хватит еще на три. Все они могут составить сюжет захватывающего и увлекательного романа. Если говорить серьезно, то из этого получилась бы поучительная история о непростой судьбе талантливой актрисы и певицы. Обо всем этом всегда лучше писать самой героине, так получается честнее и достовернее.

Думаю, что Наталья Сорокина не станет заниматься этим в ближайшее время. Дело совсем не в отсутствии свободного времени. Просто история творческой части ее биогра-

фии еще далека от своего завершения...

Красота притягательна. Ее портреты у художников часто получаются очень разными и не всегда похожими. Наверное, многим было сложно выйти на раскрытие внутреннего образа.

Для нас часто остаются неразгаданными женские характеры и их непредсказуемые поступки. Что же тогда говорить о талантливой актрисе?

Свой сценический внешний образ она может менять бесконечно, как театральную маску. Бессмысленно гнаться за этим, как за бегущей тенью облаков на воде. Каждый увидит в этом что-то свое, таким его и запомнит...

Вот и закончилось путешествие Данилы-мастера к хозяйке медной горы. Уходить действительно не хотелось...

Сверкающие уральские самоцветы хозяйки оказались ее яркими талантами. Другие богатства мы ищем в своей жизни. И никакая она не каменная, но и не земная тоже. Потому что рвется ее израненная душа, ломая замкнутое пространство душевной клетки. Дивной ласточкой, режет она небесную синь бесконечным стремительным полетом...

Алексей ВОРОНОВ

«Электра» Жан-Пьера Жироду – пророчество, оставшееся не услышанным

Пятнадцать лет назад, в июне 2000 года в Париже скончался Жан-Пьер Жироду – известный писатель, драматург и общественный деятель, сын одного из величайших французских литераторов XX столетия Жана Жироду. Моя первая рабочая встреча с «Иваном Ивановичем» (так шутливо называл себя сам Жан-Пьер) состоялась зимой 1994 года, во время его приезда в Санкт-Петербург по приглашению театрально-продюсерского «Классик-центра», в котором я продолжаю работать и сейчас (правда, профиль нашей деятельности с тех пор несколько видоизменился). Жан-Пьер Жироду был одним из попечителей Международного Русского фестиваля искусств в Париже, учреждённого Классик-центром в 1998 году и проходившего во французской столице на протяжении семи лет. Во многом благодаря поддержке Классик-центра в 1997 году в Петербурге, на Малой сцене академического Театра имени Ленсовета состоялась премьера спектакля «Электра» по одноимённой пьесе Жан-Пьера Жироду. Через два года после первого представления спектакль был снят с репертуара театра и впоследствии забыт. Однако сейчас, по прошествии времени, многие проблемы, поднятые в пьесе и спектакле, всё явственнее воспринимаются как пророчество, начинающее сбываться прямо на наших глазах...

В самом известном пригороде французской столицы - Версале, неподалёку от прославленного дворцово-паркового ансамбля, на тихой улочке стоит небольшой двухэтажный дом. Ещё каких-нибудь 15-20 лет назад каждый, кто останавливался у его входной двери, слышал сначала заливистый лай собаки, а затем хлопанье крыльев и громкий крик попугая. Хозяином этого удивительного дома, где кроме собаки и попугая жили ещё три кошки, два хорька и черепаха, был Жан-Пьер Жироду

известный французский литератор и общественный деятель, президент Фонда Жироду, основанного им в память отца, Жана Жироду - одного из величайших европейских драматургов первой половины XX века. Пьесы Жана Жироду, созданные в период короткой «передышки» между двумя величайшими войнами минувшего столетия (а умер он в 1944 году, во время фашистской оккупации), в послевоенные годы получили широкое признание во всех странах мира. Единственным исключением оставался лишь Советский Союз, где имя Жана Жироду долгие годы находилось под негласным, но весьма ощутимым запретом.

Известно, что на протяжении многих лет советские «чиновники от искусства», оценивая творчество отечественных и зарубежных писателей, руководствовались, прежде всего, идеологическими критериями («наш» или «не наш»). Надо отдать должное незабвенным Огурцовым и Бываловым – они действительно трудились не покладая рук, добросовестно выискивая крамолу чуть ли не в каждой когда-либо написанной строчке. Благодаря их титаническим усилиям, «не нашими» в разные годы были объявлены и Сергей Есенин, посмертно запрещённый на протяжении целых 30 лет, и «нытик» А.П. Чехов, и «религиозный мистик» Ф.М. Достоевский, и популярнейшая в начале XX века детская писательница Лидия Чарская. Если даже к отечественным классикам наши доморощенные идеологи относились без всякого почтения, то с зарубежными писателями они и вовсе не церемонились. В пьесах Жана Жироду их категорически не устраивало мировоззрение автора - его свободный взгляд на мир, лишённый национальной и идеологической предвзятости; его верность гуманистической традиции равенства всех национальных культур. Не случайно на страницах театральной энциклопедии, изданной в Советском Союзе в середине 1960-х годов, ничего не говорится о постановках пьес Жана Жироду в нашей стране - в то время их

ещё попросту не было. Только в семидесятые годы его драматургия впервые появляется на отечественной сцене. Театральный Ленинград открыл для себя это имя после того, как в академическом Театре комедии была сыграна пьеса «Троянской войны не будет» в блистательной постановке Петра Фоменко. Затем, уже в конце 1980-х годов, на сцене ТЮЗа увидела свет «Унди́на» (этот спектакль, поставленный Андреем Андреевым, сохранялся в репертуаре театра более 10 лет).

Жан-Пьер Жироду, как и его отец, занялся литературным творчеством в достаточно зрелом возрасте. Он получил блестящее образование, свободно разговаривал на семи языках, в том числе на русском, которому в детстве обучался у эмигрантов, живших во Франции. В годы Второй мировой войны воевал против нацистов вместе с Шарлем де Голлем, затем был самым молодым за всю историю Франции депутатом парламента - и лишь после тридцати лет взялся за перо. Как и его отец, Жан-Пьер Жироду в своём творчестве проявлял большой интерес к культурам различных наций, непрерывно пополняя свой интеллектуальный «багаж», невзирая на возраст. Так, английский язык он начал изучать в 70 лет и вскоре овладел им в совершенстве, называя его своим вторым языком. Помимо русского и английского, «Иван Иванович» также свободно владел немецким, итальянским и испанским языками; по-португальски, как он сам признавался, читал хорошо, а говорил неважно. Из русских писателей Жан-Пьер больше всего любил читать Чехова в подлиннике. И ещё он очень любил читать по-русски Агату Кристи, так что каждый из петербургских гостей, появлявшихся в его гостеприимном версальском доме, непременно прихватывал с собой в подарок увесистый том творений английской писательницы. Как-то «Ивану Ивановичу» сказали, что в России появилась своя «Агата Кристи» – писательница Александра Маринина, получившая известность в 1990-е годы. При первой возможности он достал одну из её повестей, но, прочитав, не мог скрыть разочарования: «Она какая-то холодная, ужасно злая. И у неё совсем нет чувства юмора».

Во второй половине 1990-х годов, благо-

даря постоянным контактам между Фондом Жироду и Санкт-Петербургской Академией театрального искусства, петербургские студенты, курсовые и дипломные работы которых были посвящены французскому театру, каждое лето приезжали в Версаль, останавливаясь в доме у «Ивана Ивановича». Находясь во Франции, они имели редкую возможность увидеть в различных театрах спектакли по произведениям не только Скриба или Мольера, но также Корнеля, Расина, Мариво и других известных французских авторов, пьесы которых ныне появляются на российской сцене не лишь изредка, как бы в виде исключения. Впрочем, и произведения самого Жан-Пьера Жироду практически неизвестны отечественному зрителю - лишь в сентябре 1997 года на Малой сцене Академического театра имени Ленсовета состоялась премьера спектакля по его пьесе «Электра».

Это событие во многом оказалось возможным благодаря давним контактам автора пьесы с Классик-центром, начало которым было положено в 1993 году. Именно тогда петербургские артисты приняли участие в фестивале, проходившем во французском городе Тюренне, под патронажем Фонда Жироду. Спектакли по пьесам А.П. Чехова «Дядя Ваня» и «Предложение» имели большой успех у зрителей, а сам Жироду вскоре по нашему приглашению побывал с ответным визитом в Санкт-Петербурге. В то время Классик-центр ежегодно устраивал на берегах Невы Международный фестиваль драматического искусства – и наш гость с удовольствием принял участие в работе одного из этих фестивалей, в качестве почётного члена жюри. По ходу фестиваля, проходившего в декабре 1994 года на Малой сцене академического Театра имени Ленсовета, состоялась встреча почтенного мэтра французской литературы с руководителем театра - легендарным петербургским режиссёром и актёром, народным артистом СССР Игорем Петровичем Владимировым. В результате этой встречи, «ленсоветовцы» получили эксклюзивное право на постановку пьесы Жан-Пьера Жироду «Электра», премьера которой состоялась осенью 1997 года. Сам Владимиров к тому времени уже не работал в

театре - в конце 1995 года он вынужден был навсегда попрощаться со сценой вследствие тяжёлой болезни, не оставлявшей его до самой кончины. Постановку «Электры» осуществил режиссёр Юлий Дворкин, перевод пьесы на русский язык был выполнен Еленой Баевской. Большую помощь в создании спектакля оказал также его консультант, доктор искусствоведения, профессор Лев Иосифович Гительман, в то время считавшийся главным специалистом по французскому театру не только в Петербурге, но и в России.

Подобно отцу, Жан-Пьер Жироду нередко обращался в своём творчестве к мифологическим сюжетам (так, вслед за «Амфитрионом-38», созданным Жаном Жироду, появилась пьеса «Амфитрион-39», написанная уже его сыном). К античному мифу об Электре также обращались сначала Жан Жироду, чьё произведение было написано в 1930-е годы, затем Жан-Пьер, пьеса которого датируется 1975 годом. Как и других авторов французской «интеллектуальной драмы», также нередко обращавшихся к античной мифологии, и отца, и сына интересовал, прежде всего, духовный мир их героев. Перемещение известных всем античных персонажей в иную эпоху, в новые для них «предлагаемые обстоятельства» даёт прекрасную возможность проследить за «движением во времени» человеческих верований и идеалов. Использование этого приёма позволяет авторам наглядно показать, как обесценивается то, что прежде было свято - и, напротив, многое из того, что мы раньше «в упор не замечали», едва ли не в одночасье становится объектом всеобщего поклонения. Это относится и к «мифологическим» пьесам Жана и Жан-Пьера Жироду, герои которых не существуют вне исторических и временных границ; их слова, мысли и поступки неотделимы от социального, духовного и культурного контекста времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить два драматургические версии мифа об Электре, созданные отцом и сыном с интервалом почти в полвека.

К античному мифу об Электре, покарвавшей убийц своего отца, царя Агамемнона, - его неверную жену Клитемнестру и её любовника Эгиста, - обращались многие выда-

ющиеся драматурги, начиная с Эсхила и Софокла. Как правило, Электра представляла в их произведениях решительной и отважной, а справедливость совершённого ею акта возмездия не подвергалась сомнению. Не стала исключением и пьеса Жана Жироду, воспевавшая мужество заглавной героини, не желавшей мириться с царившим вокруг неё злом. Подобная трактовка древнего мифа была во многом продиктована общественной ситуацией первой половины 1930-х годов, когда Европа, едва оправившись от кошмара Первой мировой войны, лицом к лицу столкнулась с угрозой фашистского порабощения. Многие выдающиеся писатели того времени, обращаясь к мифологическим сюжетам, создавали на их основе произведения, прославлявшие мужество, героизм и способность отстаивать свои идеалы даже в заведомо безнадежных, трагически неразрешимых ситуациях. Один из самых известных примеров - пьеса Жана Ануя «Антигона», написанная в те годы, когда Франция была оккупирована нацистами и неоднократно ставившаяся в нашей стране. Многие петербургские театралы до сих пор помнят, в частности, сценическую версию «Антигоны», созданную в 1996 году режиссёром Т. Чхеидзе на сцене Большого драматического театра - спектакль, ставший значительным событием в культурной жизни нашего города и по итогам сезона отмеченный премией «Золотой Софит».

Обратившись к сюжету об Электре уже в 1970-е годы, Жироду-младший вступил в своеобразную эстетическую и мировоззренческую полемику с отцом. Он не стал углублять или уточнять его мысли и идеи — он просто написал совершенно новую пьесу, героям которой присущи совсем другие идеалы. Более того, многие герои древнего мифа в драматургической версии Жан-Пьера Жироду изменились абсолютно до неузнаваемости.

Если сравнить «Электру» Жан-Пьера Жироду с античными трагедиями Эсхила и Софокла созданными на основе этого мифа, то основное их отличие заключается в детальной, тщательно проработанной психологизации образов, присущих его пьесе. В древнегреческих трагедиях почти у всех авторов

(за исключением Еврипида) герои лишены живых человеческих характеров и предстают перед нами как воплощение неких отвлечённых идей (у Электры это «идея мести», у Эгиста - «жажда власти», у Клитемнестры – «ненасытная похоть», у Ореста – «очищение от скверны» и т.д.). У Жан-Пьера Жироду эти же герои выписаны как тонкие феномены, детально разработанные характеры. Более того - практически каждый персонаж, поначалу как будто абсолютно ясный, проявляет себя по ходу пьесы с неожиданной, нередко парадоксальной стороны.

Так, «благородный мститель» Орест на поверку оказывается слабовольной игрушкой в руках своего оборотистого друга Пилада - самовлюблённого эгоиста, не только осознающего собственную никчёмность, но и вполне расчётливо играющего на людских слабостях (ему явно доставляет удовольствие стравливать ближайших родственников, самому при этом оставаясь в стороне). Клитемнестра, согласно мифу решительная и волевая женщина, без колебаний убивающая собственного мужа, в пьесе Жироду оказывается безвольной рабыней своей похоти, бездумно плывущей по жизненному течению и старательно оберегающей себя от вторжения в её жизнь подлинных (а не фальшиво-показных) чувств и страстей. Эгист - не жестокий злодей, а всего лишь целеустремлённый прагматик, стремящийся извлечь политическую выгоду от собственных хитроумных комбинаций (жертвой которых, в конце концов, сам и оказывается). Впрочем, пересмотру подвергаются не только характеры, но и сюжетная основа древнего мифа. Во всех предыдущих драматургических версиях «Электры», как и в древнем мифе, убийцами Агамемнона были Эгист и Клитемнестра. В пьесе Жан-Пьера Жироду эта версия поначалу также не подвергается никакому сомнению (во всяком случае, Электра безоговорочно уверена в виновности собственной матери и ненавидимого ей отчима). Однако, по мере того, как характеры этих людей раскрываются новыми гранями, появляется всё больше сомнений в их способности на подобное злодеяние. В конце концов, выясняется, что Эгист и Клитемнестра на самом деле не совершали

никакого убийства – но при этом много лет подозревали друг друга в смерти Агамемнона, по разным причинам скрывая свои подозрения... Возникает почти детективная коллизия, разрешающаяся только в финале пьесы, уже после гибели предполагаемых «убийц» от руки Ореста.

Известно, что традиция подробной психологической разработки героев пьес, берущая начало в произведениях Шекспира, созданных в конце XVI века, получила дальнейшее развитие именно во французском театре (прежде всего, в трагедиях Жана Расина – великого трагика XVII столетия, одного из первых «драматургов-психологов»). Так что Жан-Пьер Жироду в данном случае продолжает и развивает традиции, заложенные его великими предшественниками. Однако герои созданной им «Электры», по своему мировоззрению очень напоминают наших современников с точки исповедуемых ими системы ценностей. Стало уже общеизвестным высказывание о том, что, какие бы грандиозные достижения науки и техники не приходили бы на помощь человечеству, какие бы глобальные катастрофы не потрясали нашу Землю — все равно сам человек по своей природе остаётся неизменным. Мысль эта, однако, нуждается в небольшом уточнении. Да, человек не меняется - но меняется среда его обитания, а вслед за этим происходит и своего рода «переоценка ценностей». Эта тенденция обнаруживается и в драматургической версии «Электры», созданной Жан-Пьером Жироду - здесь, возможно впервые за всю историю драматургической интерпретации древнего мифа, проблема мести отходит на второй план, уступая место теме любви. Все герои пьесы горячо и страстно любят - но в атмосфере всеобщей духовной слепоты, когда разобщённые друг с другом «индивидуумы» перестают слышать не только друг друга, но и самих себя; когда на смену истинным чувствам приходит эгоистическая жажда наслаждения любой ценой, любовь оказывается не созидательной, а разрушительной силой. Даже поступками Электры (роль которой стала блестящим дебютом молодой актрисы Ирины Савицковой) движет не столько желание восстановить справедли-

вость, сколько неудовлетворённая страсть. Мечь Электры – своего рода протест против того, что никто не воспринимает её как женщину, способную любить. Для одних она является всего лишь объектом политических манипуляций, для других – досадной помехой на пути к удовлетворению собственных страстей и безудержных амбиций.

В спектакле Театра имени Ленсовета, как и в пьесе Жан-Пьера Жироду почти не было прямых сопоставлений с современностью. Однако аллюзионный контекст постановки просматривался вполне отчётливо – особенно в связи с событиями в Европе, хронологически совпадавшими по времени с премьерой спектакля. Еще недавно ей как будто ничего не угрожало – и вот в 1990-е годы в бывших республиках некогда дружной Югославии, одна за другой разразились гражданские войны, начавшиеся как будто «из ничего». Затем по странам Старого Света прокатилась кровавая волна терактов – и, наконец, в 1999 году над Балканами раздались взрывы американских бомб, сброшенных якобы «во имя защиты мира и демократии»... В древнем Аргосе, где происходит действие «Электры», тоже на протяжении многих лет царили мир и благоденствие. Однако достаточно было одного дня, чтобы весь город погрузился в бездну кровавой братоубийственной войны. И виной тому было не вторжение неприятельских войск откуда-то извне – страшная разрушительная сила притаилась внутри самих персонажей спектакля. Не хватало лишь толчка, чтобы таившаяся до времени стихия выплеснулась наружу – и этим «толчком» оказалась предстоящая свадьба Электры, которую Эгист, желая обезопасить свой трон от падчерицы-смутьянки, намеревался выдать замуж за пастуха и отправить подальше от столицы. Но неожиданно в городе появился брат Электры Орест, которого много лет считали погибшим – и с этого момента Аргос погрузился в пучину безумной кровавой вакханалии... Погибнут все – и Эгист, и Клетимнестра, и Анаксобия, (сестра Агамемнона), и несчастная Электра. Орест, против своей воли, оказавшийся убийцей собственной матери, сойдёт с ума. Теперь от его имени разорённым и обескровленным

Аргосом будет править «модный мужчина» Пилад, как будто только что сошедший с обложки глянцевого журнала – красивое, но абсолютно холодное и пустое человекообразное существо...

Работа над спектаклем в Театре имени Ленсовета была достаточно напряжённой, причём взаимоотношения режиссёра с автором пьесы складывались весьма непросто. Ещё весной 1997 года, во время приезда автора в Петербург на генеральную репетицию спектакля, стало очевидным несоответствие эстетики, предложенной режиссёром, с проблематикой пьесы. Впрочем, эта проблема сейчас актуальна для всего отечественного театра. Как известно, Анатолий Эфрос, Георгий Товстоногов, Пётр Фоменко и другие признанные мастера режиссуры старшего поколения весьма бережно обращались не только с классическим наследием, но и с современной драматургией (не случайна ставшая уже крылатой фраза Г.А. Товстоногова о том, что главная задача постановщика – «вскрыть автора»). Сегодня мы видим, что многие режиссёры как будто не доверяют (или не до конца доверяют) драматургическому тексту, включая в поставленные ими спектакли как можно больше содержательных «надтекстовых» элементов. Мастера отечественной режиссуры 1960-х – 80-х гг., при всей изобретательности в области мизансцен, выражали проблематику своих спектаклей, прежде всего с помощью актёрских личностей, нередко выступавших полноправными соавторами их творений. В современном же театре актёры всё чаще отступают на второй план, занимая в структуре спектаклей место, принципиально неотличимое от других элементов «знаковой системы». Для режиссёров старшего поколения классическая драматургия была подобна драгоценному хрустальному глобусу – сейчас, благодаря усилиям так называемых «постановщиков-новаторов», она всё чаще становится похожей на заляпанную географическую карту с весьма расплывчатой системой координат.

Противоречия между драматургом и режиссёром, обнаружившиеся во время работы над спектаклем, во многом были связаны с тем, что жанр интеллектуальной драмы, к

которому принадлежит «Электра», предполагает выражение авторской мысли прежде всего через слово, через актёрскую индивидуальность. Режиссёр же (возможно из опасения, что напряжённый интеллектуальный поединок героев пьесы не способен заинтриговать зрителей) больше всего был озабочен выстраиванием многосложной системы сценических метафор. Некоторые из них действительно были удачными (как, например, кровь, льющаяся вместо воды из-под крана после убийства Эгиста и Клитемнестры, в которой моет руки Электра), другие же уводили зрительское внимание в сторону от сути происходящего, затрудняя восприятие и без того непростой пьесы.

Самые большие разногласия возникли у Юлия Дворкина и Жан-Пьера Жироду по поводу нескольких «вставок», внесённых в спектакль из произведений Гомера, Софокла и Еврипида. Замысел режиссёра был понятен — он хотел выйти за камерные рамки пьесы, раскрыв всю кровавую родословную семейства Атридов. Поэтому на сцене периодически появлялись «герои» из потустороннего мира, повествовавшие о гибели Агамемнона, о вражде Атрея и Фиеста, о трагедии Гектора и Андромахи — однако большинство этих вставок носило чисто иллюстративный характер. Пожалуй, лишь страстный монолог убитого Агамемнона в исполнении Дмитрия Баркова и сцена, в которой Оресту являлись три ведьмы, оказались органически включёнными в структуру спектакля — остальные добавленные сцены лишь утяжеляли его конструкцию. После премьеры Жан-Пьер Жироду остался в целом довольным спектаклем, но попросил режиссёра ещё поработать над его художественной целостностью. «Электра» сохранялась в репертуаре Театра имени Ленсовета почти два года — но в 1999 году театр по разным причинам покинули актёры Ирина Савицкова, Михаил Трухин и Георгий Траугот, исполнявшие роли Электры, Ореста и Пилада. После их ухода, спектакль бесследно исчез с афиш...

Впрочем, в 1980-е — 90-е годы у Жан-Пьера Жироду складывались непростые отношения с театром и на его родине. Не только его произведения, но и пьесы его отца (равно

как и пьесы многих других признанных классиков) весьма редко ставились во французских театрах, предпочитавших откровенно коммерческий репертуар. Осенью 1997 года, в преддверии премьеры своей «Электры», «Иван Иванович» дал интервью газете «Невское время», где, в частности так определил своё отношение к современному театру и своё место в этом театре: «Ненавижу современный театр вообще. Выродившийся театр. Есть иногда хорошие пьесы, но они очень редки. Театр абсурда терпеть не могу. Пьеса мне может нравиться, если она совсем не модная. А мои пьесы — это ни на что не похоже. Я — один, у меня нет коллег. Я — не типичный автор» (Жан-Пьер Жироду. Моя «Электра» — единственная. /«Невское время», 1997, 27 сентября/). В этом утверждении заключался определённый парадокс — Жироду ненавидел современный театр, но писал пьесы именно для современного театра. Впрочем, это не единственный случай в мировой практике — достаточно вспомнить Льва Толстого, весьма критично относившегося к театру, что не помешало ему написать драмы «Власть тьмы» и «Живой труп». Или Марину Цветаеву, писавшую о том, что ненавидит и презирает театр, — и в то же время сотворившую прекрасные пьесы «Федра» и «Конец Казановы».

Слова «Ивана Ивановича», сказанные им в интервью, были, скорее всего, попыткой передать внутреннее ощущение себя в современном театральном процессе, носящем весьма неоднозначный характер. Жироду говорил, что отрицает многие направления современного театра — но эти направления всё равно сказывались на его творчестве. Каждый художник живёт и творит не в вакууме, а в конкретной социальной среде, поэтому нередко подвергается влиянию тех явлений, к которым субъективно не испытывает никаких симпатий. Поэтому когда в драматургической интерпретации «Электры», созданной Жан-Пьером Жироду, возникают разные типы любви и разный характер чувствований, когда каждый персонаж по-своему воспринимает эту губительную страсть — то здесь очевидно влияние так называемого «сюрреалистического» театра. Уйти от абсурдного внутрен-

него самочувствия своих персонажей (при, казалось бы, вполне оправданных психологических характеристиках) Жироду не мог. Для него был неприемлем такой театр на сцене, но душа художника всё равно впитывала различные события и явления, происходившие вокруг – в искусстве, в политике и, наконец, в нас самих.

Известно, что для современной постмодернистской культуры, берущей начало как раз в 1960-е – начале 70-х гг., одной из самых значимых является идея «перевёртышей». В постмодернистской эстетике такие диаметрально противоположные понятия как добро и зло, любовь и ненависть, милосердие и жестокость нередко становятся неотличимыми друг от друга, надевают маски или меняются местами, оборачиваясь своей противоположностью. В спектакле Театра имени Ленсовета, как и в пьесе Жан-Пьера Жироду, любовь внезапно оборачивается неким роком и всеобщей губительностью; вместо радости и счастья она несёт с собой разрушения и смерть. Сегодня эта тема на наших глазах становится всё более острой и актуальной. Вследствие происходящей на наших глазах глобальной «подмены понятий», человечество ощущает себя всё более беспомощным перед новыми «вызовами», многие из которых носят трагически неразрешимый характер. Очевидно, что остановить новый «девятый вал» насилия и жестокости можно только вместе, только объединив усилия различных стран и народов. Однако непреодолимой преградой к спасительному объединению всё чаще становятся чрезмерная гордыня и духовная слепота, поражающие целые нации, подобно неизлечимому вирусу.

Как чуткий сейсмограф первым улавливает ещё неведомые никому подземные толчки, так и Жан-Пьер Жироду, работавший над «Электрой» в относительно благополучные семидесятые годы, вроде бы не предвещавшие новых бед и напастей, сумел выявить многие зловещие приметы будущих катастроф, на наших глазах становящихся явью. Эгоизм и душевная чёрствость героев пьесы, их чрезмерная озабоченность собственными мелкими проблемами, помешавшими вовремя разглядеть настоящую большую беду – всё это мы

наблюдаем и сегодня, когда Европу настигает расплата за многолетнее равнодушие к судьбам других народов. Многие страницы «Электры» сейчас воспринимаются как сбывающееся на наших глазах предсказание – только жертв от настигающего нас «всеобщего хаоса» в реальной жизни оказывается значительно больше, чем на сцене. Неожиданный финал пьесы, когда выясняется что погибшие, Эгист и Клитемнестра на самом деле были невиновны в смерти Агамемнона (Электра «немного ошиблась» в поисках убийц своего отца), не только подчёркивает бессмысленность призрачной идеи «мести ради мести», но и заставляет нас вновь задуматься над проблемой истинных и мнимых ценностей. Ведь никакими логическими доводами невозможно объяснить ту чрезмерную лёгкость, с которой мы то и дело бросаемся навстречу новоявленным «пророкам» и «чудотворцам», обещающим нам незамедлительное решение всех проблем – а на деле преследующим собственные, далеко не бескорыстные цели, старательно прикрываемые грубой ложью и наглой демагогией.

Главный завет Жан-Пьера Жироду, оставленный нам, людям двадцать первого века, очень прост и понятен – не быть равнодушными и безответственными, не проходить мимо чужого несчастья, не оставаться безучастными к чужой боли. Одержать победу над силами зла и одолеть разрушительный вселенский хаос мы сможем лишь в том случае, если преодолеем свою чрезмерную гордыню, излечимся от безудержного самоослепления и самопревозношения. Конечно, отказаться от привычного комфортного существования ради достижения высших целей очень трудно – но другого пути просто нет. Потому что без обретения подлинной целостности и внутренней гармонии – как на индивидуально-личностном, так и на общественном уровне – у нас нет и не может быть никакого будущего. Об этом нам напоминают нам сегодня произведения Жан-Пьера Жироду и его творческих единомышленников – выдающихся мастеров культуры XX века, каждого из которых можно по праву назвать совестью всего человечества.

Елена САКС

Уроки прошлого

Э.Ф. Климберг-Вильберг и Е.В. Сакс

На сей раз мне бы хотелось рассказать немного из истории своей семьи. Эта публикация была подготовлена двоюродной сестрой моей бабушки, ветераном Великой Отечественной войны Эльгой Климберг-Вильберг. Её отец Фердинанд Климберг работал учителем в Луге - этой «жемчужине Ленинградской области», как справедливо пишут краеведы в своих путеводителях. Я с детства люблю этот городок, несмотря на нелестный отзыв о нём самого Александра Сергеевича Пушкина!.. Как и отец, Эльга Фердинандовна стала преподавателем. Можно без преувеличения сказать, что Э. Климберг-Вильберг - хранитель нашего семейного архива. Несколько лет назад мы собрали воедино сведения о нашем генеалогическом древе, ведущем начало с 1825 года, и оказалось, что оно насчитывает более 150 персоналий (!).

...Эльга Фердинандовна родилась в 1922 году на эстонском хуторе деда по линии матери - моего прапрадеда Кристьяна Вильберг. Вместе с сёстрами Таали и Лехте она четыре года училась в эстонской школе, где преподавал отец, а потом перешла в русскую среднюю школу. В 1938 году отец был репрессирован и расстрелян... В 1939 году поступила в 1-й Ленинградский педагогический институт ино-

странных языков (ул. Смольного), жила в общежитии при институте. «Небольшая улица, - вспоминает Эльга Фердинандовна, - спускалась прямо к Неве, а позади нашего дома был сад. Он отделялся от берега Невы широкой каменной стеной. Наш дом был, по-видимому, когда-то одним из крайних корпусов Смольного монастыря... В тот солнечный июньский день мы готовились к следующему экзамену... Я зубрила латинские спряжения и склонения, когда кто-то прибежал и закричал: «Война! Все на митинг в большую аудиторию!» Вот так для нас началась война.»

Сдав последний экзамен за 2-й курс, Эльга вместе с группой студенток из общежития пошла на работать на мебельную фабрику, где изготавливали минные ящики; в августе их послали «на окопы» - рыть противотанковые рвы на правом берегу реки Луга, но так как в сентябре немцы уже были на южном берегу, девушек перевезли в город. В октябре Эльга работала в госпитале, расположенном рядом с институтом. А затем с подружками пошла служить в армию в 14-й полевой пекарне, которая располагалась под Ленинградом с северной стороны, в районе Левашово - Белоостров. Жили в землянках, в палатках работали. Смена 12 часов, 6 часов другой работы и 6 часов на отдых. В одном «цеху» - три девушки и один профессиональный пекарь-мужчина. Когда мужчин забрали на передовую, Эльга стала мастером в своём цехе. Работали по-сменному, сначала с мукой, затем с суррогатом. Пекли так называемый жидкий хлеб. В блокаду получали по кусочку хлеба в день и миску хряпы. Работал только один цех... Когда стала действовать Ладожская «Дорога жизни», работа пекарни возобновилась.

В 1943 году переехали на новое место. Сами снимали и ставили печи, таскали мешки по 60 кг, носилки по 120 кг, но никто не жаловался. В 1943 году девушек наградили медалями «За оборону Ленинграда», в 1944 - «За боевые заслуги». В 1944 году командира от-

деления, сержанта Эльгу Климберг-Вильберг перевели в 120-ю пекарню, относившуюся к 2-й ударной армии. В составе Ленинградского фронта часть (№ 09587) двигалась на юг через Лугу, Нарву, Таллинн. По пути сами снимали, ставили печи и продолжали работать. Эшелоном переправившись в Польшу, опять своим ходом шли к Германии в составе 59-й армии 1 Украинского фронта, которая участвовала в разгроме последних фашистских формирований. Это уже было в начале 1945 года. Часть долго стояла в городке Оберглогау (теперь - г. Глогав, Польша), откуда отделение было командировано в горное селение Зюльц. Именно там их застало известие о Победе. Но продолжали двигаться дальше до города Глатц и демобилизованы были только в конце июля 1945 года во Львове, откуда наконец отправились домой в Ленинград...

В 1947 году Эльга Фердинандовна с отличием окончила 1-й Ленинградский педагогический институт иностранных языков, но как дочь «врага народа» её не взяли в группу выпускников немецкого отделения работать в Германии. Путь в аспирантуру был также «заказан»... Но тем не менее это не помешало Э. Климберг-Вильберг состояться в профессии - около 40 лет (!) она проработала на кафедре иностранных языков Ленинградского педиатрического медицинского института.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Э. КЛИМБЕРГ-ВИЛЬБЕРГ

(Впервые материалы опубликованы в сборнике «Эстонцы на берегах Невы»)

...До войны в Луге была Загородная улица. Она шла между Ленинградской и Московской, пересекая улицу Урицкого, от железной дороги до проспекта Кирова (бывшего Крестьянского). Там, сделав небольшую ступеньку, переходила на другую сторону и не очень прямо направлялась в сторону реки. Немощёная пыльная улица с зелёными пригорками, на которых стояли деревянные дома, больше частные. Многие из них во время войны сгорели. И совсем исчезли те, что стояли между улицами Урицкого и Кирова.

Ничто не напоминает о том, что здесь

Э.Ф. Климберг-Вильберг

было в 20-е и 30-е годы прошлого века. Только в памяти людей, пока ещё живущих, сохранились этот старый квартал, его постройки и люди, которые здесь жили и работали. И может быть, только мне всё это особенно памятно.

В Луге в те годы жили, кроме русских, нацмены, как тогда говорили. Поляки и белорусы, евреи и татары, латыши, финны и эстонцы. Больше всего было эстонцев. Наверное потому, что Эстония расположена близко. Когда в 60-х годах 19-го века многие эстонцы, среди них мои прадед и дед со стороны матери, покидали свои скудные земли в родных местах (особенно в Северной Эстонии) и переселялись к Востоку Российской империи, значительная часть из них осела в окрестностях Пскова и Луги. Они обрабатывали целину в лесах и болотах, строили хутора. Селились эстонцы и в маленьких городах, и в самом Петербурге-Петрограде. В Луге в квартале между Московской и Загородной улицами жили несколько эстонских семей.

На пригорке на углу Кирова и Загородной стояла лютеранская церковь - «эстонская кирка», как её называли. Дальше по Загородной в одном дворе с церковью была эстонская школа. От школы вдоль по Загородной тянулся деревянный забор до низенького одноэтажного дома, в котором был эстонский клуб. Все

эти три строения были в то время до известной степени центром, в котором собирались эстонцы Луги и Лужского района.

Церковь представляла собой очень простое деревянное строение. Вытянутое с запада на восток, с башенкой вроде колокольни и крестом наверху. Главный вход, с западной стороны, с широким крыльцом и просторным балконом, выходил во двор. Перед входом небольшая открытая площадка, а дальше росли высокие клёны. Помню, что к таким праздникам, как Пасха или Рождество, съезжалось много народу – эстонцы из деревень и хуторов. На улице вдоль заборов с одной и другой стороны стояли телеги или сани с лошадьми. А во дворе толпились люди.

Старые клёны бросали густую тень на окна школьного здания. Здесь на втором этаже жила наша семья, здесь отец наш, Фердинанд Карлович Климберг, был заведующим и учителем, а мы, его дочери, учились и закончили начальную эстонскую школу, 4 класса.

Когда была организована эстонская школа, я не знаю. Отец начал работать здесь, по видимому, с 1923-24 года. Школа работала тогда по типу маленьких сельских школ, т. е. в одном классном помещении занимались 1-й и 3-й классы вместе, а на следующий год 2-й и 4-й классы. Сначала отец был единственным учителем.

В начале 30-х годов школа стала расширяться, стала семилетней. Было 5 классных комнат. Приехала новая заведующая школой Хельми Вессарт, член партии. Это была женщина энергичная, несколько мужского типа.

Ф. Климберг у здания школы. 1930-е гг.

Ходила почти всегда в военной блузе, подпоясанная ремнём и в красной платочке, повязанном выше ушей. Она преподавала историю. Её муж был учителем естествознания. У Вессартов были двое маленьких детей: старшая девочка Майя и мальчик помладше. Их няня, пожилая женщина, кажется, русская, жила в семье и взяла на себя заботу о детях после ареста родителей.

Ф. Климберг преподавал русский и эстонский языки и литературу. О других учителях ничего не помню. Помню только фамилию одного из них – Линаск.

В школе учились дети эстонцев не только из Луги, но и из деревень и хуторов района. Жили они у городских родственников или в школьном интернате. Небольшой интернат помещался в эстонском клубе.

Клубом этот домик стал, наверное, тогда же, когда начала работать эстонская школа. Самая большая комната была оборудована как зрительный зал, с простыми скамейками и маленькой сценой. Возможно, отец заведовал и клубом в 20-е годы. Хорошо помню, что был он в клубе и постановщиком, и автором некоторых пьес, и актёром. Ставились спектакли на эстонском и на русском языках – на тему дня, или из эстонского фольклора, или так называемые «живые газеты». В актив клуба входили как эстонцы, так и русские молодые люди.

Школьники тоже участвовали в спектаклях, «живых газетах», проводили вечера, посвящённые праздникам.

Ф. Климберг писал пьесы, рассказы, стихи на эстонском и русском языках, переводил с русского языка на эстонский революционные песни, участвовал в составлении учебников для эстонских школ.

В книгах, посвящённых истории эстонской литературы, есть сведения об авторах и изданиях, которые печатались в Советском Союзе в 20-е – 30-е годы на эстонском языке. Говорится, что первые азбуки появились в 1921 году, а всего их вышло восемь. Авторы азбук К. Валнер, Ф. Климберг и другие. Издательство «УусКюла» («Новая деревня») печатало пробы пера начинающих поэтов, среди них Ф. Котто, Хуго Ангервакс, А. Тармсон, Л.

Саартс, Ф. Климберг...

В приложении «Леегид» к ленинградской газете «Эдази» («Вперед») печатались прозаики П. Мейзель, К. Трейн, А. Юхкур, Ф. Климберг...

Книги отца, которые были у нас в семье, во время войны пропали. Через несколько лет после войны я нашла в деревне Высокая Грива на чердаке дома моих тёток (сестёр матери) две книги на эстонском языке: «За коллективной работой» – азбука эстонского языка для эстонских школ 1-й ступени. Авторы: Ф. Климберг, С. Холстинг, Т. Тамман, Г. Арге и А. Арге. Издательство «Кюльвая». Ленинград, 1930; «Вторая литературная хрестоматия для начальной школы. Четвертый год обучения». Издательство «Кюльвая». Ленинград, 1933.

Почему эти книги оказались в деревне? Ещё одна эстонская начальная школа, Черенская, была когда-то организована в бывшей барской усадьбе. Высокая Грива называлась также Черень, а хутора в лесу – Черень вторая. Деревни как таковой не было. Были хутора эстонские и русские вдоль просёлочной дороги из Толмачёва в Осьмино. Они отстояли друг от друга на километр-полтора. В лесном массиве к северу от дороги было много эстонских хуторов. Дети этих хуторян и учились в Черенской школе. Некоторые русские дети тоже ходили в эту школу и знали эстонский язык. Например, Таня Егорова, Вера Иванова.

Мой дед (отец матери) никогда не имел своего хутора, а ездил в окрестностях Луги и Пскова и арендовал на время землю у богатых крестьян или мелкопоместных помещиков. Перед революцией он арендовал землю в Высокой Гриве и жил со своей большой семьёй в каком-то помещении господского дома. Когда в бывшей усадьбе организовали школу, дед перебрался в перестроенную конюшню и жил там вместе с одной из дочерей до своей смерти в 1939 г.

Ф. Климберг стал одним из первых учителей в Черенской школе в 1919–1920 гг. Здесь он встретился с моей матерью. Здесь, в доме деда, родились и мы, три их дочери. Позднее мы переехали в Лугу, а учителями в Черенской школе стали супруги Арге.

В 1934–35 гг. большинство эстонцев были

раскулачены и сосланы. Оставшиеся хутора свезли в маленькую деревню и объединили вокруг хутора двух моих незамужних тёток. Дом их стоял у самой дороги в полукилометре от школы и не перестраивался. Потому среди старого хлама смогли сохраниться два изгрызенных мышами учебника. Школа перестала функционировать в 1930-е гг. А во время войны сгорели все постройки бывшей усадьбы. Шоссе из Луги в Осьмино выпрямило старую дорогу и проходит через то место, где были сад и эстонская школа. Только большие старые березы, под которыми мы в детстве играли, помогают узнать эти места.

Мой отец Климберг и другие учителя Лужской эстонской школы были арестованы в феврале 1938 г. Многие жители Луги и большинство нацменов были тогда репрессированы. Школа перестала существовать. Церковь тоже была закрыта, даже раньше. Клуб, разумеется, тоже.

В 1939 г. я окончила среднюю школу № 3, которая сейчас находится на Урицкого и носит какой-то другой номер. Тогда это была новая школа, наш класс был первым её выпускником. Я уехала учиться в Институт иностранных языков в Ленинград и больше в Лугу не возвращалась. Во время войны была в армии. Мои мать и сёстры были эвакуированы. После войны жили в Эстонии. Там они похоронены.

В декабре 1986 г. в газете «Лужская правда» была напечатана статья писателя Ивана Антонова «В моей душе они живут и ныне». Антонов тепло вспоминал своих первых в жизни учителей: «Были такие люди и у меня: супруги Вессарт, Ф. Климберг, К. Павлович, В. Алексеев... С Климбергом и Павловичем меня связывало и Лужское литературное объединение, которым они руководили... Люди моего поколения и те, кто учился в школе у Вессарт, Климберга, Павловича и Алексеева, конечно же помнят и хорошо знали их. Знали и долгие годы боялись признать знакомство с этими людьми потому, что все они были объявлены в 30-е годы врагами народа и репрессированы. Невероятно, но факт, что многие из них погибли».

Из Эстонии прислал воспоминания один из учеников Лужской школы Владимир Ав-

густович Аннус: «Директором школы была Хельми Яковлевна Вессарт. Высокая, худощавая, средних лет добродушная женщина. Она преподавала нам историю. Помню, как она рассказывала нам о Китае и жёлтой реке Хуанхэ. Как директор она проявляла большую заботу о детях... Её муж Леопольд Яковлевич Вессарт давал географию и ботанику, очень спокойный был, хотя мы баловались на уроке, он спокойно решал наши споры и недоразумения... Преподавателем языка был Фердинанд Карлович Климберг, музыкальный, энергичный – наверно, никогда он не был сердитым, всегда с приятной улыбкой, ещё он проводил занятия музыки и руководил драмкружком».

*Эльга Фердинандовна
Климберг-Вильберг,
Санкт-Петербург*

*Машины приехали за хлебом. 1943 г.
Э. Климберг-Вильберг третья справа*

*Э. Климберг-Вильберг (справа)
с солдатом своего отделения. 1944 г.*

Горько писать об этом, но, согласно данным «Ленинградского мартиролога», Фердинанд Карлович Климберг, директор Лужской эстонской школы Хельма Вессарт, учителя Оскар Сааме и Леопольд Вессарт были расстреляны в 1938 году по так называемым Спискам эстонских шпионов. Трое братьев моего прадеда по линии отца - Сакс Августа Романовича - также были расстреляны в тот же период, а прадед Антон Антонович Кивистик умер в Карлаге (Казахстан) в 1942 году... Позднее все были реабилитированы.

Евгений Раевский

Отцам и дедам

Сегодня я оплакивал, скорбя,
Пред Сталиным склоненную Россию;
Нет, мне не жаль последнего рубля
На памятник народного бессилья.

Я сталинщины цепи не ковал,
И, слава Богу, что не пролил крови,
Иконы не сжигал, а целовал,
И не был ворошиловским героем.

Я не лишал в тяжелые года
Поэтов хлебных карточек и дома,
Невежеству не верил никогда,
А ханжество мне с детства не знакомо.

Отцы и деды! В чем-то вы пример,
Но рушить церкви – ложное геройство,
Без тирании сталинских химер
Мы мир построим нового устройства.

Мы не позволим детям столько лет
Жить чьим-то культом, утонуть в застое,
Рукоплескать иллюзиям побед,
И вытерпеть пять раз в стране героя.

Уроков прошлого звучит прямая речь:
Даем обет на будущие годы,
Что в ножны времени не будет вложен меч
Борьбы за полновластие народа.

1986

АНТОНИНА ЛИПИНА

*Мил сердцу мне ты, край родной,
Берёзкой стройной, осинкой хрупкой,
Сосной могучей, зверьком лесным,
Травинкой каждой душе ты мил.*

Автор

Государственный природный комплексный заказник «Раковые озёра»

Заказник «Раковые озёра» приютился в центральной части Карельского перешейка в большой древней, оставшейся после отступления Литоринового моря озёрной котловине, окружённой крутыми высокими берегами, поросшими лесом. Площадь его составляет 9 700 гектаров, из них 600 гектаров – акватории озёр. Принадлежит заказник Выборгскому району и организован в 1976 году.

Отец с детьми рассмотрели карту заказника и выяснили, что северо-западная часть его занята Ториковским болотом. Середина его заросла травой и сфагновыми мхами, но уже теснят их вахта, сабельник и осока. Даже ивняк и черноольшатник – заросли чёрной ольхи – разрослись по краю, а кое-где и вех ядовитый. Юго-восточная часть превратилась в верховое болото, поросшее сосной и мхами с примесью ягод.

Центральная часть заказника занята Большим Раковым озером, обрамлённым по берегам травяной и моховой растительностью, ивняками да черноольшатниками. Ближе к центру озеро украшено рдестом плавающим, золотистыми фонариками жёлтой и малой кубышки, роголистником погруженным, бело-снежной кувшинкой, водокрасом, шелковником дихотомическими большим количеством изумрудной ряски и лишь на отмелях элодеей.

Погибающее Охотничье озеро находится в крепких объятых травяной сплавины из тростника, рогоза широколистного и узколистного, речного хвоща, озёрного камыша,

сабельника, ежеголовника, вахты, манника, тростянки, частухи и лютика длиннолистного.

Уточнили ориентиры заказника и направились к нему. С юга заказник ограничен шоссе Петербург – Выборг, с востока – шоссе на Вуоксу недалеко от посёлка Барышево. Дорога на Вещево отделяет его с запада, а с севера ограничивается дорогой Звереве – Житково.

Создан заказник был потому, что проходит здесь Беломорско-Балтийский перелётный путь птиц с остановкой на озёрах. Ещё это и место гнездования редких птиц: орлана-белохвоста, скопы, золотой ржанки, даже журавлей. Озёра являются местом нагула и нерестилищ рыб: щуки, леща, плотвы, окуня, язя, карася. Богат заказник разнообразием животного и растительного мира зоны тайги.

В заказнике Алёнка собрала в свою гербарную коллекцию: тростянку, иву лапландскую – северный вид, южный вид сфагнума болотного – очень редкого вида для нашей области, прострелы весенний и луговой, гроздовники ромашколистый и полулунный, гаммарбию болотную, зимолобку зонтичную, мякотницу однолистную, осоку омскую, рис водяной, многоножку обыкновенную.

Тимоша записал в своём дневнике, что границы заказника не тронуты. Бедой заказника является обмеление и зарастание озёр да превращение их в непроходимые болота. Отметил его на контурной карте.

Экстренное собрание

Когда подъезжали к заказнику, Норка услышала, как дятел телеграфирует лесным обитателям об экстренной встрече, поэтому отказалась дальше ехать с людьми. Она пове-

ла своего сыночка на лесное собрание.

Не только они торопились на эту встречу. Спешили и лесные жители заказника: горностаи, американские норки, енотовидные собаки, ласки, лесные хорьки, куницы, ондатры, лоси, кабаны и волки. Рассекая крыльями воздух, слетались птицы: кряква, свиязь, шилохвость, широконоска, чирки свистунок и трескунок, хохлатая чернеть, красноголовый нырок, гоголь. На лесной опушке уже сидели, важничая, редкие виды птиц этих мест: большая выпь, большой подорлик, орлан-белохвост, болотная сова, скопа, серый журавль, коростель и серощёкая и красношейная поганки. Даже удостоили своим присутствием останавливающиеся здесь на отдых гуси белолобый и гуменник, лебеди кликун и тундряной, казарки белощёкая и чёрная, утки речные и нырковые.

Опять экстренная встреча лесных жителей. На сей раз урезонивали, стыдили Водяного за прыткость и неизменно неуёмную жадность. Явился он вместе со своей подругой и соратницей Кикиморой по прозвищу Болотная. На него было жалко смотреть: весь взъерошенный, лохматый, выпачканный в сапропели, увитый комарами, но весёлый и довольный. Под стать ему и Кикимора, видно, подражая Веряве, принарядилась. Волосы хоть и грязные, слипшиеся, но зато с цветком кувшинки, вплетённым в косу вместе с тинной. Длинные охотничьи сапоги, надетые на босу ногу, доставали ей до туловища. Она достойно улыбалась и считала, что перещеголяла нарядами саму Веряву, но вся лесная братия шушукалась и посмеивалась, а она по этому поводу недоумевала.

Водяной сделал шаг вперёд и начал оправдываться: «Не виноват я вовсе. Это всё люди в последнее время вмешиваются в естественный процесс озёр. То вдруг им покажется, что слишком много воды, и они мелиорацию устроят. Спустили воду на три метра из озёр, всё думают, что это благо, а ведь мне-то только это и надо, всё в радость старому. Я ведь быстро помогу прибрать к своим рукам да в болото превратить».

Уже Охотничье и Малое Раковое озера я давно сгубил и вплотную подобрался к Боль-

шому Раковому. Оно мелеет и зарастает. Это ведь для людей беда, а для меня счастье. Не жадный я вовсе, а хозяйственный, я просто прикрыл обнажённую гладь озера от людского глаза редкими видами ив: сизоватыми, чернеющими, филиколистными и даже реликтового вида ивы лапландской не пожалел. Приютили они в своих нижних ярусах разнотравье: сабельник, хвощи, ирис, осоки, но кое-где даже и сплошные покровы мха. А озёра-то начинают зарастать с берегов.

Ведь не давали финны мне этого сделать, когда владели этой территорией. Они народ радушный, но бережливый и хозяйственный. Не зря у них эта территория была заповедной. Не жалели они денег даже на постройку каскада плотин, поддерживающих уровень воды в озёрах. Они тоже однажды допустили оплошность, спустили воду в одно из окрестных озёр. Когда же уровень воды упал на три метра, финны увидели последствия, очень быстро спохватились и вновь сделали его прежним. Не давали мне распоясаться, регулярно очищали озёра от водной растительности да образующегося на дне сапропеля. Не зря эти места в своё время были полны зверем да дичью, а озёра рыбой да раками. Потому они и назывались Раковыми, что было их там видимо-невидимо.

Под юрисдикцией России озёра были забыты. Не до того было стране в эти тяжёлые послевоенные годы разрухи. Плотины прохудились, в них появились промоины, уровень воды понизился, и опять обмелели озёра. А я тут как тут, со своей-то прыткостью быстро прибрал их к своим рукам, в болота превратил.

Сейчас люди опять что-то затевают, хотят уровень воды в озёрах поднять вроде бы на полметра. Они осознают уникальность этих мест и озёр, где останавливается сорокатысячная армия перелётных пернатых на отдых. Но я теперь уже просто так не верну им, бороться за своё буду. Я им теперь со дна весь торф на поверхность подниму, сплавиной озёра покрою. Ведь я столько лет старался, накапливал торф. Превращу теперь всё в плавающий торфяник, вот и моя Кикиморушка мне в этом поможет».

В знак одобрения Кикимора обняла Мокрого и даже пустила слезу. А Водяной воскликнул: «Ну почему вы меня не цените, я же для всех стараюсь!».

Леший прервал его и сказал, чтобы не мешал людям в их хороших намерениях. Для нас большое благо, что они осознали это и стремятся исправить свои ошибки. Потом спросил, нет ли жалоб у переселенцев-пернатых из «Сестрорецкого разлива». Призвал всех лесных обитателей потесниться и поделить свою территорию с вновь пришедшими собратьями: «Ведь людям подвластно всё, и мы можем в любой момент потерять своё жильё, если вдруг им захочется провести мелиорацию территории нашего заказника или организовать стройку».

К великому удивлению Лешего стали жаловаться птицы: пеночки, славки, трясогузки, зырянки, крапивники, мухоловки, зяблики, овсянки и даже воробьи – на кукушку, потому что каждая особь подкидывает до двадцати яиц за весенний период, а кукушата рождаются очень сильными, крепкими, вырастают быстрее. «Они не только прожорливые бестии, но и очень жестоки. Без зазрения совести кукушата выкидывают наших птенцов из гнёзд, чтобы самим быть в более комфортных условиях», – жаловались птицы.

Кукушка

Призвали к ответу кукушку. Птица она жеманная, хоть росточком не удалась, зато нарядилась на славу. У самца головка и спинка в сизый цвет окрашены. Крылышки длинные полосатые, а снизу бурые. Хвост длинный чёрный в полосочку, словно тельняшка, а грудка с брюшком, как манишечка, тоже белые в чёрную полоску. Ну совсем как морячок. Идёт, кокетничает, подпрыгивает на ходу. Самка и вовсе себе голову в рыжий цвет покрасила, старается людям подражать. Ну моднее не придумаешь!

Не оценили её красоты лесные жители. За глаза её весь лесной народишко называет Шухершей. Попросили кукушку объяснить своё поведение.

Вот её оправдания: «Я птица красивая,

модная и не могу себя утруждать заботами о потомстве. Несу яйца через пять-семь дней в течение полутора месяцев. Но не могу я себе позволить так долго сидеть на гнезде. Да и самец у меня непутёвый, незаботливый, совсем мне не помогает. Ведь так я и фигуру, и красоту свою потеряю. Вот и придумала я, как пристроить и прокормить своё потомство и себя сохранить. Но я не совсем уж такая плохая. Я тоже нужна природе, лесу. Уничтожаю таких гусениц, которыми другие птицы даже брезгуют. Например, гусеницы пядениц, золотух, непарного шелкопряда. Потом я же не каждой птице яйцо своё подбрасываю, а доверяю только самым заботливым родителям, действую выборочно и наверняка. Я тоже забочусь о будущем здоровье своих птенцов. Зря меня люди называют обидными прозвищами: Вековуха, Бездомница, Шарлатанка. Ведь я в лесу тоже имею свою функцию. Стою на страже тишины и порядка. Оповещаю всех жителей леса об опасности, о приближении хищников к травоядным, об охотниках и сборщиках грибов и ягод. Я даже знахарством занимаюсь, гадаю людям, предсказывая, долго ли им ещё жить на этом свете. И зря вы меня обвиняете за такой пустяк!»

Лисица по прозвищу Квартирантка

Норка с сыночком подошли на это лесное собрание, когда уже разбирали поведение лисы. Ну конечно же, наша модница принарядилась, она знала, что на собрании будет много лесного народца, но как ни старалась, выглядела неопрятно: всё-таки мех у неё летом редеет, и цвет становится палево-рыжим, не таким красивым как зимой.

Послушаем объяснения лисы. «Я изнеженная особа и очень люблю порядок, а Барсучок такой чистюля, такой милашка, что жить с ним в норе одна радость. Занимаю я жильё только на время, как бы снимаю квартиру, и исключительно только в период рождения и выращивания своего молодняка. Что касается зимнего периода времени, так я вообще люблю в снежке поваляться, отдохнуть. Совсем я не хотела его выживать из норы, наоборот, хотела скра-

сить его одиночество. Я же не виновата, что он не переносит запахи экскрементов моих лисят и кругом разбросанные остатки пищи. Да и с едой я скромный зверь: летом сижу на диете, питаюсь только мышевидными грызунами, насекомыми, между прочим, приношу большую пользу, когда уничтожаю их. Что же касается зимы, так не обессудьте, попробуйте достань-ка столько мышей из-под глубокого снега. Вот и приходится перебиваться: то зазевавшегося тетерева поймаю, то на рябчика ненароком набреду, а галки, вороны да сороки сами ко мне в рот просятся. Бывает так, что и шустрый зайчишка случайно на меня выскочит, – ну не упускать же мне такую возможность.

Что касается людей, так напраслину на меня наговаривают, что я их курятники разоряю да кошек таскаю. Уж если случается, так это только в чрезвычайных ситуациях. Чем такого страха натерпеться, уж лучше падали наестся». Чтобы побольше вызвать к себе жалости, даже слезу лисица пустила, хвостиком свой носик прикрыла. Но плутовку знают все, поэтому большого сожаления она к себе не вызвала.

А Лиса продолжала: «Ну где я весной возьму себе нору? Зря вы так, я заботливая мать. Мне и так тяжело деток вынашивать почти два месяца, потом весь выводок-помёт в двенадцать детёнышей воспитывать. А ведь какие они у меня красавцы: покрытые буровато-чёрным пухом, только самый кончик хвоста белый. Многие люди за схожесть с волчатами путают их и уничтожают. Я их очень заботливо выхаживаю и выкармливаю, ведь они рождаются слепыми и глухими. Только через две недели они раскроют глазки и будут жалобно скулить, потому что у них прорежутся зубки. Но ещё месяц после этого мне приходится их кормить молочком. Я не одна воспитываю детей и обучаю их, мне всегда помогает в этом мой лис. Кто же нам еды принесёт, если я не могу бросить нору? Но к осени я выращу детей и покину её.

Барсук не вытерпел моей неряшливости, уже давно сбежал, покинул свою нору и сам по собственной воле не хочет туда больше возвращаться. Нет совсем моей вины в том, что я

временно снимала у него квартиру. Меня просто вынуждали обстоятельства. Ведь не зря все звери прозвали его Чистюля». А в конце Лисица прибавила, что Барсук-то ведь тоже не святой. И за ним водятся грешки: мучает свою жертву, перед тем как съест.

Барсуки

Попросили объясниться и барсуков, отчего это они мучают свою жертву перед тем, как её съест, и показывают плохой пример своим детям.

На середину круга вышли Барсук с Барсучихой по прозвищу Чистюли. Они были похожи на парочку поросят, такие же коренастые приземистые толстячки на коротких ножках с узкими мордочками. На бочках серебристо-серые полосы меха, а брюшко чёрное. Сами ухоженные, холёные, гладко зачёсанные, с чёрными бакенбардами. Все восхитились их скромным, но изящным нарядом.

Оправдываться стала самка. Все собравшиеся вдруг поняли, что у них не только внешнее сходство с поросятами, но и голоса у них хрюкающие.

«Да мы делаем около своей норы спортивную площадку! Там мы обучем своих барсучат навыкам и приёмам охоты. Отрабатывают они их на живых птичках, лягушках и мышатах. Как же иначе их научить, ведь мы же хищники и должны этому хорошо обучить барсучат с детства. Мы спасаем деревья и растения от личинок майского жука, поедаем моллюсков и мышевидных грызунов, не жалуем и лягушек. Даже являемся санитарами леса, изредка питаемся падалью. Мы всеядны, но можем быть и вегетарианцами. Есть орехи, корневища, грибы, а также ягоды, за день можем съесть до пятисот граммов пищи.

Вообще-то я очень заботливая мать, ведь барсучата рождаются беспомощными: слепыми, глухими и маленькими – до пятнадцати граммов. Вот эти пять комочков мне нужно согреть, накормить, приголубить, а слышать и видеть малыши смогут только через тридцать пять дней. И всё это приходится делать одной. Самец мне, конечно, помогает, приносит пищу, занимается уборкой норы. Только когда

он дома, я могу себе позволить понежиться на воздухе, отдохнуть и принять солнечные ванны, полечить нос в гнилом пне. Остальные же заботы все на мне. Барсучата только через срок дней смогут выйти из норы, в два месяца начнут охотиться сами. Лишь к осени, когда подрастут, барсучата становятся самостоятельными и роют норки каждый сам себе, но под нашим пристальным родительским вниманием и недалеко от нас.

Мы, барсуки, очень самостоятельные, даже нору каждый из супругов строит сам себе. Для создания семьи Барсук приходит в мою нору, а потом уходит к себе домой. Но всё-таки мы, прошу это учесть, заботливые родители. Нору мы сооружаем основательно под землёй на возвышенных участках, чтобы не затоплялась талыми водами. Разноуровневую в несколько этажей с отнорками, кладовыми, гнездовыми камерами и с запасными выходами. Расширяем её к весне перед появлением детёнышей и углубляем к осени. Мы настолько чистоплотны, что туалетные ямы делаем возле нор. Чтобы теплее и удобнее было зимовать, устилаем норку мягкими подстилочками. Отъедаемся к зиме, набираем побольше жирка и спим себе до весны, не мешаем никому, не в пример другим зверям. Мы очень осторожны и стараемся охотиться по ночам. Хорошо, что наш мех малоценен, иначе бы нас давно всех переловили. Зверьки мы осёдлые, стараемся объединиться посёлками, потому что не агрессивны между собой. Очень прошу, защищайте нас, ведь мы уже становимся редкими животными».

Государственный природный комплексный заказник «Кургальский»

Заказник довольно молодой, возраст около десяти лет. Создан в 2000 году в Кингисеппском районе, который так богат на заказники и памятники природы. Площадь заказника составляет 59 950 гектаров, но это не только территория суши, в него ещё входит акватория Финского залива, которая составляет 38 400 гектаров и акватория озёр 848 гектаров.

Дорога вилась среди лесного массива, состоящего из растительности, типичной для подзоны южной тайги. Ох, как прекрасны эти леса из клёна, липы, вяза, ясеня и, конечно же, красавца-дуба, не затеняющих света и стоящих на расстоянии друг от друга, позволяющих в подлеске между ними поселиться калине, лещине и жимолости.

Многих животных кормят, лелеют и оберегают они: бурого медведя, косуль, садовую соню, белок и даже пятнистых и благородных оленей, завезённых на полуостров в 1975 году.

Чем ближе приближались к приморской террасе, тем заметнее менялась флора и фауна. Дорогу уже обступали боры-зеленомошники, они сменялись елово-сосновыми лесами. Но всё-таки примесь дуба, липы и клёна по-прежнему были их украшением и утопали в разнотравье из чины весенней, печеночницы и ароматной медуницы.

Но самое удивительное было впереди. Наконец-то подъехали к островам архипелага Кургальский риф, который распустил на глади залива свой шлейф из каменных гряд, прикрытых песчаными и галечными косами, кое-где принаряженных тростником, волоснецом песчаным, ситником балтийским, гонкенией буртелаковидной, ледвянцом Рубрехта, овсяницей песчаной. Красоту и покой нарушали кваканье лягушек, которых оказалось три вида: остромордая, травяная и озёрная, да ещё серая жаба. Отметили обилие рептилий: уж, живородящая ящерица, веретеница и даже великие модницы, разукрашенные орнаментом, гадюки. Нашли здесь себе приют и гнездование множество птиц: лебедь-шипун, турпан, чернозобик, серый гусь, пеганка, камнешарка, чеграва, скопа, орлан-белохвост и даже речной сверчок. Поражало множество гнёзд кулика-сороки. Полюбовались обилию на островах колоний чайковых и других околоводных птиц. Огромные валуны Кургальского рифа служат местом лёжки серых тюленей и кольчатой нерпы.

Объехав заказник, Тимоша сделал такие записи: «Заказник охраняет природные комплексы: широколиственный лес, прибрежное мелководье, риф, места гнездования водопла-

вающих, околородных, лесных и редких птиц, а также лежбища балтийской нерпы и серого тюленя. Нашли здесь уют и редкие растения. Опасение нарушения экологии вызывает строительство и работа порта Усть-Луга, выросшего рядом с таким уникальным заказником».

Алёнка собрала для гербария растения: черемшу, прибрежницу одноцветковую, золототысячник красивый, ситник балтийский, армерию обыкновенную, овсяницу высокую, полушник озёрный. В реке Россонь взяла моллюска – европейскую жемчужницу. И отметила заказник на контурной карте.

Лесное собрание

Норка же обследовала заказник с сыночком самостоятельно. Они шли на лесное собрание, и она своему детёнышу рассказывала. Озёра Белое и Липовское являются наследниками древней долины реки. Когда-то речка Нарва была намного длиннее и шире и впадала в Финский залив на полуострове Кургальский.

Но Архитектору-Леднику не понравилась эта смелая речка, встретившаяся на его пути, вот он и подправил рельеф, перегородил её на полупути своей мореной. Стала она намного короче, а от её нижнего течения на полуострове остались только два меандровых озера. Да вот ещё озеро Липовское осталось, соединено с заливом протокой, и вода в нём солоноватая. Нет-нет, да и обменивается залив с озером своими водами, а помогает им в этой затее буйный ветер.

Так за рассказами и добрались Норка с сыночком до места встречи. Сразу обратили внимание на Веряву. Пришла она вся выпачканная в угольной пыли. Всем любопытным она пояснила, что сегодня ветер дул в сторону её резиденции. Хотя брови и веки были подкрашены углем, но глаза до сих пор слезились, а волосы стояли копной, в которой даже застряла расческа с поломанными зубцами. Была Верява в платье, сшитом из мешка изпод угля. Губы почернели, при разговоре слышался неприятный скрип на зубах. Даже Леший расстроился, уж не заболела ли она.

Берендей на собрание пришёл с палочкой,

он ещё не отошёл после инфаркта. Грузно сел на поляне и казался кустом, распластанным по земле. Он тяжело дышал и потел так, что возле него в солнечный сухой день образовалась лужа. Остромордая, озёрная, травяная лягушки и даже серая жаба тут же присоседились к нему и на глазах у всех изумлённых собравшихся стали бесцеремонно принимать грязе-водные процедуры, изредка квакая от удовольствия.

Кикимора собирала растения на литорали залива. Когда вышла из воды, то оказалась жёлто-коричневого цвета, лицо лоснилось. Волосы хоть и слипшиеся, не лежали гладко на голове, как у модниц, намаженных бриолином. Так и явилась в мокром платье, прилипшем к телу.

Тут заговорил Леший, и взоры собравшихся устремились к нему. Все обратили внимание на то, как он сильно состарился в последнее время. Руки его тряслись, всегда горящие глаза как-то потускнели, и даже в коленях прослеживалась дрожь. Он начал свою речь тихим старческим голосом:

«Вы, конечно же, все помните, как тяжело пришлось нам, когда огромную территорию люди отвели под строительство порта. Сколько животных пришлось переселить в другие заказники. Много живущих в почве погибло под ножами бульдозеров и экскаваторов, а кто-то не пережил такого волнения. Животные ведь тоже подвергнуты стрессу. Как перенаселили территорию других заказников!.. Многим животным и птицам пришлось потесниться и даже поделиться местами гнездования и своими норами. С такой большой территории очень тяжело переселить всех безболезненно, это равноценно катастрофе! Тогда у Берендея даже инфаркт случился, так тяжело он переживал всё это. Сколько растений уникальных погибло, да и сейчас вокруг порта растительность либо меняется, либо исчезает, не приспособившись к новым условиям произрастания.

Сильно переживаю я за жемчужницу европейскую, которая осталась только в реке Россонь этого заказника и то в небольшом количестве. Она эндемик заказника, и очень страшно, если погибнет. Загрязняется аквато-

рия бухты Лужская губа судами, приходящими под погрузку. На побережье появляются мусорные свалки. При погрузке много угольной взвеси поднимается в воздух и оседает в залив и на растения, и в почву. Течением всё разносит по заливу, отравляет и губит прибрежную растительность и животный мир.

Нужно сказать Домовому, чтобы он передал наши пожелания людям. Если они не хотят превратить этот райский уголок в безжизненную территорию, то пусть находят другую, более экологичную технологию погрузки угля. Мы призываем людей быть более гуманными к окружающему их миру и аккуратными, меньше организовывать свалок и засорять акваторию Лужской губы.

Мы понимаем, что людям нужен этот порт. Но вот если бы и они ещё понимали, насколько хрупко и уникально растительное и животное сообщество. Это богатство они могут потерять в одночасье, если случится какая-либо авария в порту. Ведь уйдут многие десятилетия, а может быть и века, чтобы восстановить всё утраченное на прежний уровень».

Дальше он свою речь продолжать не смог, у него от обиды образовался комок в горле. Прибежал очень взволнованный Домовой, лицо его светилось радостью, глаза блестели. Таким собравшиеся Квартирного давно не видели, все стали расспрашивать его. А он объявил, что пришёл он с хорошими и плохими вестями. Леший, внимательно разглядывающий его, попросил не томить присутствующих и начинать с хороших вестей.

Тогда Домовой объявил с ходу: «Во-первых, прослышал я от людей, что на очередном собрании депутаты издали указ об образовании заказника „Сестрорецкое болото“ площадью 1950 гектаров, даже правила посещения заказника составили, а тех, кто будет не выполнять или нарушать их, пригрозили штрафом наказывать.

Во-вторых, место в районе Лахты, где когда-то взяли огромный камень для поста-мента памятника – всадника Александра Невского, станет теперь охраняемым памятни-

ком природы площадью три гектара.

В-третьих, по совету иностранных защитников природы в заказнике „Берёзовые острова“ решили усилить контроль за поддержанием численности малых лебедей-кликунов и пообещали следить, чтобы не загрязняли и не проводили дальнейших застроек в местах обитания этих птиц.

Ну, теперь плохие новости. Люди собираются в Лахте деловой центр строить в виде многоэтажного здания – высотной башни. Сторонятся птицы шума, гама да и людского присутствия тоже. Негде будет некоторым перелётным птицам поправить своё здоровье, отдохнуть, прокормиться да набраться сил для дальнейшего перелёта. Покружат, покружат, да и улетят, потому что у каждой стаи своя стоянка, своё перелётное место. И так уже стали останавливаться на отдых птицы ближе к Кронштадту в Невской губе.

Ещё одна плохая новость. В городе Кингисеппе на градообразующем предприятии случилась беда: в воздух попал сернистый газ, который образовал едкий туман. Это очень плохо теперь скажется на растительном, животном мире и на людях, а ведь рядом заповедные места.

А теперь чрезвычайное происшествие. В водной акватории Кургальского заказника при сильном шторме в знак протеста против людской безалаберности море выбросило десять тонн мазута со своего дна, который копился много времени. Ведь это такая беда для всего живого в акватории моря».

Тут Леший подвёл итог собрания: «Слышал я, что не только в нашей области, но и по стране люди десять новых национальных парков организуют, одиннадцать заповедников и десять заказников расширят, даже денег на них потратят восемьсот миллионов рублей. Это, конечно, похвально, что люди собираются организовывать новые заповедники, заказники, памятники природы и национальные парки. Но очень хотелось бы, чтобы они сохранили своим потомкам и старые, давно организованные заповедные территории».

Ольга ПОЛЯКОВА

Традиции и современность.
Рисунок в учебной программе Российской
Академии художеств
(Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный академический
институт живописи, скульптуры и архитектуры
имени И.Е. Репина»)

В начале XVIII в. во многих городах Европы были созданы академии искусств, где разрабатывалась стройная система законов художественного восприятия мира с учетом достижений науки того времени. В перспективе, композиции, цвете и свете всюду анализировались строгие закономерности, порядок и ясность с целью организации серьезного художественного образования. Этот процесс проходил и в России.

Идею создания Российской академии Петр I озвучил в 1718 году. Он писал: «Сделать Академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет». В петровском «Юрнале» от 3 ноября 1715 года записано: «Его величество был в Академии, срисовали человека». Царь посещал Рисовальную школу при Санкт-Петербургской типографии.

Великий русский ученый, поэт и художник М.В. Ломоносов писал: «Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущество в храбрости и самым высокомысленным супостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекая к себе внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей Европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия, которого ни откуду приобрести невозможно, как от почтенных художеств...» М.В. Ломоносов и И.И. Шувалов, один из образованнейших людей своего времени, «куратор» Московского университета, осуществили идею создания Академии художеств.

В первом выпуске возглавляемой И.И. Шуваловым Академии художеств были: А.П.

Лосенко, В.И. Баженов, Ф. Шубин, И. Ермелев, Ф. Рокотов, К.И. Головачевский, Н.С. Саблуков, Г.И. Козлов. Они были подготовлены иностранными педагогами, но постепенно начали появляться русские имена, и Академия художеств крепла и приобретала свое характерное Петербургское лицо.

Педагогическая система Академии, основанная еще во время партикулярного руководства, т. е. сугубо частного кураторства И.И. Шувалова, была ориентирована на последовательное, усложняющееся овладение рисунком, на творческое переосмысление античного искусства и представлений о прекрасном.

Сначала ученики рисовали простые геометрические фигуры и орнаменты, затем гипсовые головы, античные фигуры и экарше и лишь потом живую модель. Большое внимание уделялось копированию рисунков и гравюр, специально подготовленных видными рисовальщиками и закупленными Академией с учебной целью. Очень важное условие обучения – наличие, сохранность и систематическое использование на протяжении всего времени существования Академии художеств бесценных вспомогательных мастерских и хранилищ: методический фонд, кабинет анатомии, костюмерная, грунтовочная мастерская, библиотека – богатейшее в России собрание книг, гравюр, рисунков, фотографий.

Кабинет анатомии. Богатейшее собрание многочисленных анатомических пособий, разнообразных форм костей, черепов, скелетов, экарше, учебных рисунков. В этом кабинете читал лекции известный пластический

анатом Бамес в 70-х годах 20 в. Его лекции были очень образными, во время которых использовалась обнаженная модель, натура двигалась, на ней были отмечены цветными мелками точки, а студенты работали с отвесами в руках, проверяя динамику движения.

Педагоги могут завести студентов в кабинет анатомии в любой момент и, используя пособия, пояснить трудно дающиеся построения обнаженной фигуры или головы, а так же кости и экарше из кабинета используются для демонстрации во время рисунка в мастерских.

Методический фонд. Все дипломы студентов принадлежат Академическому собранию, экспонируются, репродуцируются, проводится научная работа. Методический фонд содержит большое количество образцов работ по каждому заданию за многие годы. Рисунки подобраны с учетом разнообразных творческих приемов и индивидуальных замыслов студентов, длительности работы, техник исполнения. Во время выполнения задания образцы берутся из фонда и демонстрируются в мастерских, чтобы студенты могли брать за основу и ориентироваться на лучшие работы предшественников.

На архитектурном факультете существует специальное помещение, где вывешиваются работы и можно посмотреть более обширный фотоматериал по текущему заданию находящийся в большеформатных альбомах. Студенты активно пользуются методическим фондом.

Костюмерная. В Академии художеств есть так называемая костюмерная, где хранятся драпировки различных цветов и фактур, старинные костюмы, мужские и женские для исторических костюмированных постановок, манекены. Немало костюмов музейного уровня, начиная с середины 19 века, а также различные предметы для натюрмортов.

Грунтовочная мастерская. Очень важную функцию выполняет грунтовочная мастерская, где студенты при помощи технолога, профессионального грунтовщика могут загрунтовать холст, картон, доску различными грунтами для работы маслом, темперой, акрилом и получить высококвалифицированную консуль-

тацию по свойствам различных грунтов для живописи и рисунка. Умение самостоятельно приготовить холст означает гарантию сохранности живописи и оценки автором технических возможностей, а так же использование различных живописных приемов.

Музей слепков. Богатейшее собрание скульптур, которое создавалось лучшими выпускниками. После успешного завершения обучения академистов посылали в Италию, Францию, страны востока для проведения досканальных обмеров памятников архитектуры и исполнения подробных макетов из пробки, дерева гипса причем раздвигающихся для лучшей наглядности, с росписями внутри, а также исполнялись отливки с лучших образцов скульптур. Все эти макеты и скульптуры находятся в замечательной сохранности и сегодня служат наглядными пособиями. В Академии хранятся первые формы античных произведений и многие сотни других ценнейших образцов мирового искусства, причем швы совмещений не зачищены, что позволяет проанализировать логику техники отливки, рациональных совмещений фрагментов формы. В музее хранятся маски слепки кисей рук известных русских писателей поэтов и монархов, в учебной программе было задание по снятию слепка с живой головы и рук. Студенты учились снимать слепки с живой модели, очень интересное задание. В музее осуществляются рисунки интерьера, скульптур, проводится работа «фигура в интерьере». Серьезное внимание в современной Академии, так же, как и в 18 веке, уделяется копированию, оно осуществляется в музее Академии художеств, Эрмитаже, Русском музее. Проводится на всех факультетах с целью изучения классического наследия и понимания профессиональных приемов и техник.

Фотолаборатория. Систематически снимаются лучшие работы студентов, макеты, дипломы и проведение ректорских обходов студенческих semesterных выставок. В батальной мастерской основной составляющей программы профессионального обучения художников баталистов было изучение лошади, собаки, оружия, военного быта и снаряжения различных эпох. Благодаря фото и кино съем-

кам, произведенным академическими фотографиями, мы можем видеть множество исторических сюжетов конца 19 и 20 веков, снятых профессионально и высокохудожественно.

В библиотеке хранится множество фото альбомов, снятых по программе изучения истории и этнографии России конца 19-20 веков. Фотографии многочисленных балов в Императорских дворцах, церковных и светских праздников, подробные отчеты путешествий по всему миру и Российским губерниям: костюмы различных слоев населения, съемки ландшафта, архитектуры, интерьеров жилищ разных слоев общества. Это бесценный материал не только для художников. Причем он находится в хорошем порядке, классифицирован, каталогизирован.

Библиотека. Научная библиотека - настоящая сокровищница мировой истории и культуры. Книги, журналы, гравюры, фотографии - все что издавалось в 18, 19, 20 веках, закупалось Академией художеств, а также более ранние книги и гравюры всех времен и народов. Это и подлинники офортов Рембрандта и Зубова, гравюры Пиранезе и других великих мастеров прошлых веков и современных художников. Всеми этими материалами студенты могут и даже обязаны пользоваться при создании своих работ, а также копировать, изучать. Все русские монархи считали своим долгом пополнять собрание библиотеки сокровищами мировой литературы и графическими произведениями.

Батальная мастерская. В современной мастерской живут лошади, пони, собаки, которые используются в качестве натуры для рисунка и живописи, что очень оживляет и разнообразит работы и уровень подготовки студентов.

Летняя практика. Важное завершение работы на протяжении учебного года. I курс выезжает на пленерную практику на базы, основанные в конце 19 века в Крыму, в Алушке возле Воронцовского дворца и в Пушкинских горах Псковской области. Там продолжается учебный процесс, пишут натурщиков и пейзажи, причем, практика продолжается два месяца под постоянным внимательным руководством опытных профессоров. Студенты приобретают серьезный опыт пленер-

ной работы. Архитектурный факультет проводит пленерную практику после третьего курса в Петербурге и пригородах, а также выездную в других городах, после первого курса – геодезическую практику после второго – обмерную по Санкт-Петербургу, что необходимо каждому архитектору-практику. Осенью в залах музея Российской Академии художеств проходит выставка летних работ, являющаяся итогом учебного года.

Кафедра рисунка ежегодно проводит конкурс на самый лучший рисунок. Просмотр проходит в два этапа, участвуют все факультеты и курсы на равных условиях. С 2011 года награждается медалью за лучший рисунок, что является важным стимулом и мотивацией дальнейшей работы над совершенствованием в сложнейшей дисциплине – рисунке. Премии могут быть присуждены за любое задание и рисунок гипсовой головы на I курсе и парную постановку обнаженных фигур на V курсе и рисунок Эрмитажного интерьера на архитектурном факультете. Решение принимают все члены кафедры рисунка голосованием. Затем на кафедре проходит обсуждение результатов работы и делаются выводы как общие, так и каждый профессор, педагог делает свои заключения и проводит необходимые корректировки в преподавании рисунка у себя в мастерской, а также в выборе постановок, материалов и размеров рисунков. Каждой весной проходит педагогическая выставка в прекрасных залах Академии художеств. На ней все педагоги считают своим долгом принимать участие. В то же время, это серьезное испытание для авторов, демонстрация того, что слова профессоров не расходятся с делами, что они могут многому научить, так как сами являются видными художниками. Студенты самые взыскательные, требовательные зрители, особенно к своим преподавателям. Ежегодно печатается каталог выставки и все видят творческую деятельность учителей, их энергию, активную жизненную позицию. В Академии работают только неравнодушные люди и высочайшие профессионалы. Ежегодный конкурс на лучший рисунок чрезвычайно полезен как для студентов, так и для руководителей, а также для поддержания уровня

академической школы.

Раз в несколько лет проходят методические выставки рисунков младших курсов, а так же выставки рисунков разных факультетов.

Программа дисциплины «Рисунок» в Академии художеств принципиально не отличается от первых программ XVIII века, и в этом ее сила. Делаются небольшие корректировки в сторону меньшего использования тона или незначительные, диктуемые временем, штриховые вариации, изменение размеров рисунков в большую или меньшую сторону, с последующим возвратом к классическим размерам.

Над программой думают видные художники. О.А. Еремеев, заведующий кафедрой рисунка, профессор, народный художник, автор и составитель современной программы с почасовой разработкой.

Программа дисциплины «Рисунок».

Обучение дисциплине «Рисунок» обязательно на всех факультетах. Рисунок является самостоятельным видом изобразительного искусства, но одновременно обеспечивает беспредельные возможности в реализации творческих планов. Овладение навыками академического рисунка способствует свободе выражения идей и творческих задач художников. В процессе обучения необходимо научить студентов рисовать с натуры голову, фигуру человека с тонкими и в то же время глубокими характеристиками внешнего и внутреннего образа.

Будущий художник должен овладеть навыками длительного рисунка и быстрыми острыми зарисовками разными материалами. Выпускник Академии обязан знать пластическую анатомию, перспективу, рисовальные материалы, графические техники, приемы и грунты. Свободно пользоваться всевозможными этими знаниями для осуществления.

Рисунок должен быть хорошо скомпонован, т. е. величина изображения, его место положения, тональное решение, ритм и движение в листе, светотень, трактовка фонов и т. д. Пропорции должны быть верны и гармоничны. Культура исполнения в реалистической манере без чрезмерной детализации по

поверхности формы. В рисунке органически соединяются знания перспективы, анатомии, пластики движения.

Размер и материалы рисунков.

Размер в пол-листа наиболее целесообразный для исполнения рисунка гипсовой головы, гипсовой фигуры, интерьера. Материал при выполнении может быть любой, но решить задачу передачи ощущения материальности гипса лучше всего графитным карандашом. Тонко отточенные разной мягкости карандаши позволяют исполнить рисунок любой сложности, применяя все многообразие штриха и напряжения тона. По разрешению педагога можно выполнять рисунок на большем размере мягким материалом – уголь, сангина, соус.

Интересно проходит задание рисунок обнаженной модели пером на чуть тонированной бумаге. Сначала выполняется набросок на кальке мягким материалом – углем, сангиной, затем переводится на бумагу и выполняется черной или коричневой тушью с включением слабых тональных заливок. Освещение постановок имеет большое значение для решения поставленной задачи. Лучше всего использовать искусственное освещение, т. к. оно делает форму более внятной, отчетливее видны рефлексы, ясен светораздел, тени неподвижны.

I курс.

На первом курсе основным заданием является голова человека. Изучается череп, его конструкция, внимательная проработка, пропорции и характер. Проводится задание голова в трех поворотах с различным тональным решением голов. Все эти задания являются фундаментом для дальнейшей работы над портретом. Дополнительное задание ознакомительный рисунок обнаженной фигуры. Копирование классических рисунков.

II курс.

На втором курсе основное задание фигура человека, фигура в двух поворотах с анатомическим разбором. Повторное задание по изучению головы сопровождается рисунками по памяти, краткосрочными рисунками и набросками.

Копирование классических рисунков.

III курс.

На III курсе более углубленное рисование фигуры в разнообразных сложных движениях, одетая и обнаженная модель, портрет, рисунок складок, портрет с психологической характеристикой с использованием навыков, полученных на предыдущих курсах.

IV курс

Постановки – обнаженная фигура в сложном движении и ракурсе, лежа, фигура в интерьере, портрет и рисунок двойной постановки. Зарисовки и наброски для задуманной картины.

V курс

Групповые постановки. Задача научить студента компоновать две фигуры в пространстве с характеристиками моделей. Работа над портретом и композиционными зарисовками к преддипломным эскизам. Форма контроля: экзаменационный просмотр после каждого учебного семестра.

VI курс

Работа над дипломным произведением.

Литература

1. Беккер И.И., Бродский И.А., Исаков С.К. Академия художеств. Исторический очерк. Л.-М., 1940.
2. Галич Л.Ф., Маслова Е.Н., Рохлина С.В., Русакова А.А. Русская и советская художественная школа. Путеводитель по музею Академии художеств. М.-Л., 1965.
3. Лисовский В.Г. Академия художеств. Лениздат, 1972.
4. Ростовцев Н.Н. Очерки по истории методов преподавания рисунка. М., 1982.
5. Ткаченко В.Я. Николай Семенович Самокиш. Жизнь и творчество 1860-1944 гг. М., 1964.
6. Учебный рисунок / под ред. О.А. Еремеева, Н.Н. Репина, В.А. Королева/ изд. 2-е, дополненное. Китай, Тяньцзинь, 1996.

Задание «рисунок интерьера»

Начинается работа над интерьером с поиска рабочего места, определения горизонта низкого или среднего. Это очень важно, так как с низкого горизонта акценты рисунка будут на верхней части интерьера и обостренных ракурсах. Введение на переднем плане архитектурных деталей или декора и видения изображения через этот передний план или обыгрывается сложное освещение из окон и одновременно от светильников. Решается задача изображения интерьера, освещенного прямым и отраженным светом от солнечного блика на полу. Отраженный свет бросает на архитектурные формы активные рефлексии.

В эскизе необходимо придумать логическую последовательность пополнения работы над интерьером. Это тщательный рисунок с учетом использования классической итальянской перспективы, однако, с некоторыми нюансами, продиктованными идеей, заложенной в эскизе. Возможно акцентировать внимание на декоре и архитектурных деталях переднего плана: перила, вазы, скульптуры, витрины для экспозиций, подсвечники, канделябры, муляжи животных, мебель, и уводить в мягкую дымку задний план.

Возможен прием использования перспективы, при которой зритель лишь боковым зрением воспринимает ближние предметы и стремительно увлекается автором в глубину зала, где блуждает, любуясь шпалерами, скульптурами, или видит отражение интерьера, светильников в стеклах книжных или экспозиционных шкафов. Архитектор А.Х. Кольб в своем отчете о пребывании в «чужих краях» подробно описывает различные законы перспективы, которыми пользовались художники при рисовании интерьеров. Учитывается специфика образного архитектурного мышления.

Центром композиции может быть источник света, в этом случае моделировка архитектурных деталей производится по принципу обращенности формы к источнику света.

В композиции интерьера зачастую доминируют светлые участки помещения. По этим соображениям можно выделить передний

план интерьера приемом световой перспективы от светлого к темному. Однако, возможно применение этого приема в обратном порядке, когда передний план делается темным, а задний светлым.

Тональное решение так же может быть с большой амплитудой и очень темное и светлое. Для передачи перспективы интерьера, имеющего большую глубину, одного перехода от темного к светлому или от светлого к темному бывает недостаточно. Необходимо применить прием нескольких состояний освещенности и переходов от одного источника света к другому. Часто для активного тонального набора используется имприматура.

Архитектурные детали придают рисунку законченность, завершают образ интерьера. Выгодно смотрится при скользящем освещении фактура различных материалов: мраморные мерцающие бликами колонны, чугунные решетки, майоликовые детали, лепнина.

Эскиз детально обсуждается с педагогом, так как совокупность всех этих задач очень сложна.

Важен выбор материалов. Студенты должны быть хорошо знакомы с различными графическими техниками: соус, перо, китайская тушь, отмывки, ретушь, итальянский карандаш, свинцовый карандаш, знать нюансы использования этих материалов и их совмещение, что чрезвычайно актуально в работе над интерьером.

Интерьер в изображении всегда очень трудоемок из-за сложности перспективного построения, многослойной техники передачи освещения, мягкости светотеневых переходов глубокого затемненного пространства. Однако, правильная методика ведения работы, техническая грамотность, внятное представление о природе и законах освещения в интерьере значительно способствует высокопрофессио-

нальному, быстрому оптически верному и эмоционально напряженному равнодушно-му рисунку интерьеров.

Без владения техникой миниатюры нельзя завершить работу, нельзя глубоко и полно рассказать о предмете изображения, нельзя закончить работу, сохранив в ней свежесть первоначального эскиза. Не смотря на свои сравнительно небольшие размеры, они полны монументального величия. Необычайно живо, простыми и экономичными приемами можно передать свет солнца и прозрачность теней, изысканные формы архитектуры.

Миниатюра представляет очень поучительный пример, иллюстрирующий технику детализации. Архитектурный рисунок должен восприниматься как на большом расстоянии, так и вблизи, где он подвергается детальному рассмотрению, критике, оценке. Выдержать такую критику может только изображение, имеющее наибольшую законченность, точность рисунка, высокий уровень техники.

Интерьер должен показывать помимо совершенства рисунка законченность разработкой формы, изящество детализации.

Сосредоточенное рассматривание зрителем интерьера должно быть вознаграждено не только подлинной художественной содержательностью, но и виртуозной филигранностью ее отделки. Миниатюрная техника ничем не заменима, имеет большое методическое значение, воспитывает вкус к совершенствованию техники, бережное и высокопрофессиональное отношение к изобразительным материалам, вкусовая возможность их сочетания друг с другом воспитывает любовь к законченности, полной завершенности работы.

Такое воспитание поможет молодому художнику подняться на самый высокий уровень мастерства.

Вячеслав ПОЛЯКОВ

Блистательный Петербург немыслим без казаков

В августе 2011 года в Санкт-Петербурге в Центральном выставочном зале «Манеж» состоялась международная художественная выставка «Земля родная», организованная и осуществленная секцией изобразительного искусства Петровской Академии наук и искусств.

Участниками стали признанные мэтры и молодые авторы, требующие поддержки, а также приглашенные гости – художники реалистического направления, разделяющие эстетические взгляды членов Петровской Академии.

О том, что выставка удалась, говорят многочисленные восторженные записи зрителей в «Книге отзывов» и их устные отклики в духе: «Великолепная!», «Восхитительная!», «Как мы все истосковались по реалистическому национальному искусству!», «Жаль, что подобные выставки стали очень большой редкостью!», «Устали от бесконечных попыток удивить «авангардом» и т. д.

Удивительно, даже при полном отсутствии рекламы и поддержки с официальной стороны в залах было много зрителей. В полноте представленных жанров: станковых произведений, исторических картин, пейзажей, портретов, натюрмортов, восхищало большое разнообразие техник: графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и фото. Хочется особенно отметить присутствие на выставке казачьей темы. Вероятно, историческая миссия казачества не исчерпана, коль во всех видах и жанрах искусств все больше авторов вдохновляет казачья тема. Многие из них ведут большую исследовательскую, научную, экспедиционную работу, изучая культуру, историю, фольклор удивительного феномена – казачества.

Иностранные туристы, прибывающие в Санкт-Петербург, на банальный вопрос: «Куда

хотят пойти вечером после Эрмитажа в театр или на концерт?» - две трети хором отвечают: «На балет в Мариинский театр». Остальные также хором: «Фолк коссаков!» - казачий фольклор. Казачий бренд настолько популярен во всем мире, как швейцарские гвардейцы в Ватикане или шотландские у Вестминстера. Порою мы просто не хотим замечать. У нас в городе треть всего шоу-бизнеса давно уже «аля коссаков». Большинство при этом скажет: «Конъюнктура – причем тут казаки в культурной столице? Пусть себе живут и «творят» в местах компактного проживания: на Дону, Кубани, Тереке». К сожалению, большинство просто не желает избавляться от стереотипов в восприятии казачества, созданных в период расказачивания.

Нас вынудили забыть, что знаменитая «Катюша» - песня военного времени – старая казачья. «Орленок» - гимн молодого гвардейцев – казачат, партизан, чернецовцев и многое, многое другое. Мы не знаем, что такое казачий романс. Высокая поэзия Н.Н.Туровой.

Северо-Западный регион ошибочно считают местом «нетрадиционного» проживания казаков. Уже в 15 веке, задолго до создания Града Святого Петра, в Ивангороде, Старой Ладоге, Капорье, Пскове казаки несли службу, охраняя северо-западные рубежи Руси, при Иване Грозном служили более чем в десяти гарнизонах нашего региона.

В Санкт-Петербурге казаки со дня его основания. Они участвовали во взятии крепости «Орешек» и «Ниеншанц», в битве под Нарвой и во всех сражениях Северной войны. Донские казаки в 1656 г. у острова Котлен одержали победу над кораблями шведского флота.

Постоянную службу по личной охране Государя Императора, Наследника Цесаревича и всей царской семьи казаки несли с 1769 года в трех лейб-гвардейских полках: Лейб-гвардии Его Величества, Лейб-гвардии Его Высочества – Атаманском полку, Сводном лейб-казачьем

полку, Собственном Его Императорского Величества Конвое и 6-й лейб-гвардии Казачьей батарее. Гимном собственного Его Императорского Величества конвоя был «Свадебный марш» Мендельсона. Со слов Наполеона: «В атаку казаки шли, как женихи под венец».

Память о них сохранилась в названиях улиц, площадей и мостов города, уцелевших архитектурных комплексах казарменных городков и полковых храмов.

В Санкт-Петербурге на протяжении всей его истории проживали, служили и творили представители всех одиннадцати Казачьих войск Империи.

Многие поколения казаков внесли свой вклад в искусство, культуру и науку великого города. Нельзя забывать о том, что выдающимися казаками были: И.Е. Репин – чугуевский казак, В.И. Суриков – сибирский казак, М.Б. Греков, Н.Н. Дубовской, В.М. Конашевич, Н.С. Самокиш – академик батальной живописи, Н.П. Крымов, известный театральным художник Гранд Опера и Оперного театра Нью-Йорка – К.В. Попов и многие другие донские казаки, а также казачка – дочь отставного лейб-гвардии вахмистра – Агриппина Яковлевна Ваганова.

В конце XIX века в Санкт-Петербурге возник «Донской курень» - казачий клуб, объединявший казачью интеллигенцию и казаков старших возрастов для помощи студентам и юнкерам, ставший впоследствии казачьим землячеством. Первым атаманом которого был избран профессор геологии И.В. Мушкетов. Последним – выдающийся художник Н.Н. Дубовской, собравший в «Донской курень» - «Невскую станицу» - представителей всех казачьих войск.

Сегодня в Санкт-Петербурге служат, живут и творят тысячи талантливых, выдающихся казаков, в чем можно убедиться на выставке «Земля родная».

Сразу в аванзале поражает мощь молодого таланта, сила дарования, убедительно мастерски написанные полотна Григория Гукасова «Мы от рода русского» и «Казаки разбойники». В свои тридцать лет он зрелый мастер Великой русской национальной Школы, а ведь это только начало творческого пути. Ему

уже удалось достигнуть величайшей образности. Эти произведения навсегда войдут в ряд самых знаковых произведений национального искусства и станут в один ряд с величайшими мастерами, составившими «Золотой фонд» национальной культуры. Прекрасны и не попавшие в экспозицию, но вошедшие в каталог произведения: «Казачий круг», 2006 г., «Воин», 2007 г., «Атаманы», 2007 г. и «Песня», 2008 г.

Очень приятно, что Григорий Гукасов преподает в Институте имени И.Е. Репина и имеет возможность передать творческий и душевный порыв, высокое профессиональное мастерство следующим поколениям русских художников.

Атмосфера праздника льется с холста «Масленица», 2009 г. прекрасного художника Лукашенка Анатолия Даниловича, профессора кафедры рисунка Института имени И.Е. Репина, члена-корреспондента Петровской Академии наук и искусств. Радость, казачье здоровье и удаль, красота и самобытность казачьей культуры создают ощущение и колорит любимого народного праздника. Великолепны вошедшие в каталог: «Лесное озеро», 2010 г., «В старом городе», 1999.

Автора волнует казачья тема. Он прекрасно почувствовал и смог тонко увидеть и прекрасно подать ее.

Хочется особенно отметить на выставке работы известного петербургского художника - дочери священника старого рода кубанских казаков – Жоховой Ольги Владимировны. От ее работ веет искренностью и добротой, присутствием и самому автору. Глубина национальной традиции, блеск профессионального мастерства, отсутствие лукавства и манерности отличает работы.

Ее искусство несет в себе радость и восторг перед русской изобразительной традицией. Автору удалось найти в национальных образах свой собственный индивидуальный стиль. Великолепное, мастерское владение материалами – холодным батиком, по различным тканям, темперой по дереву, оргалиту, паволоке и левкасу при исключительно изысканном вкусе, глубокой духовности и образности делают работы автора произведениями искусства.

Великолепны декоративные панно на атласе и шелке: «Зимние сказки» (1988 г.), «Музыка в природе» (1997 г.), «Весенние голоса» (1987 г.), «Беление холста» (2005 г.), «Ангел над городом» (1989 г.), «Св. Георгий» (1997 г.), «Альфа» (1995 г.), «Омега» (1995 г.). Прекрасны исторические образы: «Княгиня Ольга» (1995 г.), «Плач Ольги» (1995 г.), «Месть Ольги» (1995 г.), «Видение креста» (1995 г.), «Сергий Радонежский» (1992 г.). Поражает глубина и проникновенность в работах «Зимний праздник» (1992 г.), «Мелодия Севера» (1990 г.).

У Ольги Владимировны значительное место в творчестве занимает Казачья тема. На выставке были представлены батники: «Заветы отцов» (2006 г.), «Ветер в гриве» (2007 г.) и пастель «Атаман сотни К.Д. Ермолаев» (2007 г.). При всей декоративности, в образах казаков присутствуют портретные индивидуальные характеристики героев. Таковы, например, портреты в батнике известных современных казаков Петербурга.

Прекрасно стилизуя, автор демонстрирует приверженность к реалистическому искусству. Художник Жохова О.В., на взгляд автора статьи, одна из самых интересных в декоративно-прикладном искусстве последних десятилетий.

Полозов Александр Федорович – вот уж в ком открывается истовый казачий характер пассионария. Участник многих полярных и морских научных экспедиций, он всегда в движении, в приключениях, а тот, кто живет в них, как в собственном доме, носитель Духа Воинственности и по природе своей победоносен.

Александр Федорович не просто художник открыватель, исследователь, романтик. Он постоянно впереди, как подобает природному казаку «идти на восход Солнца». Открывать для себя и зрителя все новые и новые горизонты. Его работы несут восторг открытия не только новых земель и впечатлений, но и характеров. Полозов прекрасный портретист и пейзажист. В его работах герои времени, люди неординарные, яркие как и он сам: «Почетный полярник Арнольд Будрецкий» (2010 г.), «Начальник Морской экспедиции 55 РАЭ» (2010 г.),

«Полярник в океане» (2010 г.). Великолепны портреты выдающихся петербуржцев современников: «Композитор В.П.Чистяков» (2005 г.), «Поэт Евгений Раевский» (2009 г.).

Философские, завораживающие пейзажи Крайнего Севера «Вечность» (2010 г.), «Вечер на станции Прогресс» (2010 г.), «Станция Прогресс. Сумерки» (2010 г.). Мастеру удается передать восторг, трепет, остроту восприятия бесконечного и такого прекрасного мира. Он торопится поделиться со зрителем своим восхищением прекрасным и героическим.

Многих зрителей на выставке завораживает своим мастерством блистательный рисовальщик – художник-график Ольга Александровна Полякова. «Портрет бабушки», на котором изображена ее родная бабушка Елена Андреевна с портретом своего молодого красноармейца-мужа, навсегда ушедшего в блокаду, под арку уже давно несуществующего дома на Боровой улице. Память, которую пожилая женщина удивительно выразительным жестом рук как бы защищает от любых посягательств. Это настолько сокровенно и глубоко, что сразу у зрителя возникает ощущение «нетленка» - что это так же бережно будет сохраняться в будущих поколениях. Память о конкретном человеке, несущем портретные черты и характеристики, создают удивительно трепетный и вдохновенный образ героя блокады. Мы видим в работе удивительный стилистический отбор и не натуралистический прием в сочетании с высоким академическим рисованием. Автор обладает индивидуальным стилистическим, неповторимым изобразительным языком.

В серии «Спорт» улавливаются традиции русской рисовальной школы 20-х – 30-х годов Яковлева, Самохвалова, Дейнеки. В листах «Чемпион Мира по карате Иванов Виктор» и «Начало» изображен правнук терского казака Епифания Сехина, в доме которого три года прожил граф Л.Н. Толстой, и Епифаний стал прототипом героя повести «Казачьи», написанной в этот период. Образ спортсмена в кульминационных ситуациях, характерных для карате.

Художник Полякова – известный анималист. На этой выставке была представлена ра-

бота из серии «Мои собаки».

Природный кубанский казак, художник, член Петровской Академии наук и искусств, член Союза художников России Сергей Викторович Морозов представил исторические картины: «Служба в Воскресенском соборе Новочеркасска» (2010 г.), «Уйти от погони» (1998 г.), пейзаж «Воспоминания детства» (2002 г.). Автора отличает глубокое знание казачьей темы. Его образы известных атаманов, написанные с большой любовью к тонким и очень конкретным деталям, аксессуарам, отличаются исторической точностью. Он подчеркивает нюансы, понятные специалистам и знатокам, знающим язык «справы» - умения носить казачий военный мундир – национальную одежду. Морозов документально точен, что делает его работы интересными не только в художественном смысле, но и в историческом.

Известный петербургский график, живописец Пермяков Виктор Афанасьевич, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, член СХ, член Союза писателей, родился в семье уральского казака. На выставке «Земля родная» выставил прекрасные холсты: «Поморский крест» (2009 г.), «Антониев-Сийский монастырь» (2006 г.), «Белое море» (2006 г.), «Николай Чудотворец на русском севере» (2006 г.), «За Русь Святую» (2005 г.), Тонкое понимание суровой северной природы, лаконичность цветовой гаммы в сочетании с изысканной графической формой завораживает зрителей.

Что бы ни изучал и не делал автор статьи – все про казаков получается, такова «отягощенная» казачьим происхождением природа. Отдавая дань предкам, было сделано много портретов родственников, друзей живых и навсегда ушедших. Десятилетиями изучая и исследуя, живя этой темой, я накопил огромный материал, в том числе и изобразительный. На выставке представлены серии: «Казачьи офицеры и генералы». Более двадцати лет рисовались портреты из различных источников. Накопилось более пятисот образов участников Великой войны и гражданской. В Париже мой друг казак Виталий Жуменко издал прекрасный альбом «Белая Россия». Многие докумен-

тальные материалы послужили творческим импульсом для создания серии графических портретов. На триптихе «Отец и дядья» изображены донские казаки станицы Елизаветинской, самые родные и дорогие люди: отец – Поляков Анатолий Георгиевич – врач, долгое время проработавший в родной станице, его двоюродный брат – дядя Коля – Харенков Николай Евгеньевич – хранитель родового очага и второй двоюродный брат папы дядя Боря – Борис Александрович Музыченко – более сорока лет возглавлявший Новочеркасский Институт Виноградарства и виноделия. Это образы казаков-современников, потомков славнейших казачьих родов.

На выставке была представлена часть живописного триптиха «Глаза стихий»: «Глаз бури» (2004 г.). Человек наделяет стихии антропоморфными свойствами и чертами. Они в сознании людей несут всю гамму человеческих свойств и чувств. Могут, завораживая, глядеть в душу зрителя.

В творческих мастерских художников казаков еще много законченных и задуманных полотен; листов и скульптур на казачью тему, которые ждут встречи со зрителем.

Основные научные направления в исследованиях феномена Казачества

Уникальность казачества заключается в его способности к самосохранению и развитию на протяжении более 550 лет и возможности возрождения сегодня.

Аналогичные формы сообществ практически сошли с исторической арены в XII-XX вв., а казачество претендует на свою нишу в XXI веке. Это уже похоже на явление уникальное. В чем же секрет такого самосохранения после 70-летнего расказачивания? Прежде всего, в силе казачьего духа и казачьей идеи, в единстве его судеб и судьбы России.

Феномен казачества наиболее полным образом выразил одну из доминант русской истории - «стремления силами нескольких сотен богатырей захватить, освоить, одухотворить и закрепить за теми или иными формами го-

сударственную целостность». Плод освоения евразийских степных форм существования, их одухотворение восточно-христианской – русской культурой, а затем кристаллизация в устойчивую систему социальных норм – это и есть казачество: «Была бы воля, все остальное прибудет, сыщется!».

Приключение (авантюра) может служить для казака достаточным основанием любой степени риска. А тот, кто живет в приключении, как в собственном доме, – носитель первородства от Духа Воинственности и по природе своей победоносен.

«Феномен казачества» возможно определить как производную от двух магистральных факторов «Скандовизантия» Д.С. Лихачева и «Славотюркика» Л.Н. Гумилева. В этих формулах, при внешней противоречивости, заключена существенная содержательная характеристика судеб страны, освоившей шестую часть земной суши между Великой Степью и Великой Тундрой. Речные магистрали образовали географический каркас исторического пространства, стали трассами расселения восточного славянства.

Этносоциальные группы, подобные, российскому казачеству, существовали в самых разных регионах при военно-политическом противостоянии государств и народов. Сходство экономических и политических, социокультурных и социально-психологических черт позволяет провести параллели между такими общностями, как бродники, черкасы, славянские и венгерские гайдуки, балканские граничары, запорожские и донские казаки, немецкие ландскнехты, швейцарские кнехты, конкистадоры Пиренейского полуострова, японские самураи, гурки Северной Индии, североамериканские рейнджеры, ливанские марониты, греческие страгиоты и т. д. Это свидетельствует о том, что возникновение самородного казачества не было исторической случайностью.

На современном этапе глобальных геополитических изменений, обусловленных распадом СССР и становлением новых национально-государственных образований в рамках СНГ, внимание историков и политологов все чаще привлекает концепция евразийства, историческая роль казачества в контек-

сте этой модели общественных процессов. В основных чертах эту концепцию сформулировали в 20-х годах XX века: П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин и др. Однако, на наш взгляд, евразийская концепция со всеми ее изъятиями открывает широкие возможности для нового прочтения истории казачества и осмысления процесса его возрождения в современных условиях.

Военизированные казачьи общины-колонии создавали своеобразную «буферную» зону в геополитически нестабильных районах. Они возникали в условиях смешения славяно-русских и элементов малых автономных этносов. Китайский вельможа и дипломат Фен Ты-мин подметил, что «границы России лежат на арчаке (деревянной основе) казачьего седла».

Казачество России как «евразийский феномен» включает, на наш взгляд, следующие черты:

1. Сочетание европейской идеи свободы и русского понимания воли, подчиненной государственным интересам;
2. Соединение демократических и авторитарных традиций в политическом и гражданском самоуправлении военизированной общины – квазигосударства;
3. Высокая культура заимствования, опирающаяся на форумность (соборность);
4. Православие при веротерпимости.

В состав казачьих войск входили компактные группы «контактных этносов»: калмыки, татары, мордва, казахи, якуты и др. Казачество легко воспринимало и усваивало лучшие этнокультурные традиции «врагов-соседей», оставаясь при этом самостоятельной общностью, не теряя этнокультурную индивидуальность.

Анализ истории казачества в контексте евразийской концепции позволяет сформулировать новые теоретико-методологические подходы в исследовании проблем социогенеза российского казачества. Станет ли возрождающееся казачество традиционным интегрирующим социокультурным фактором в развитии российской государственности – покажет время.

Несмотря на достаточно большое количе-

ство теорий происхождения казачества, имеющих убедительное научное обоснование, ни одна из них на сегодняшний день не является общепризнанной. В дальнейшем всестороннем изучении нуждаются как миграционная, так и автохтонная концепции. И та и другая имеют изъяны, особенно когда исследователи впадают в крайности, пытаясь определить конкретных предков казаков. Часть сторонников миграционной концепции тоже впали в крайность, всячески подчеркивая значимость происхождения казаков от беглых крестьян с территории Руси и Украины, отстаивая гипотезу «воровского», «холопского» происхождения казачества, выдвигавшую на первый план не этнические, а социальные, «классовые» моменты. Обе крайности особенно проявились в зарубежной казачьей эмигрантской и советской официальной историографии и лишь осложнили приближение к истине.

Итак, загадка по-прежнему не разгадана, а вокруг нее возникают околону научные мифы.

Сегодня необходимо продолжать серьезные археологические и этнографические исследования, отрабатывать новые теории, которые включали бы в себя положительные наблюдения различных гипотез и концепций автохтонного казачества. Такой подход позволит увидеть динамику зарождения казачьего этноса и внутреннюю логику его развития, учитывать влияние многофакторности этого процесса.

Складывание казачества как социальной общности происходило под сильным воздействием целого ряда факторов, среди которых достоверно можно выделить: геополитический, социокультурный, демографический, социально-психологический, а также собственно географический и климатический факторы.

Рождение идеи главенства геополитического фактора относится еще к XIX в., когда трудами русского ученого-историка С.М.

Соловьева было доказано влияние географических условий на судьбу российской государственности, и в том числе на отличительные особенности южно-российского населения.

Цивилизация Нижнего Дона

В данной статье автором утверждается, что в дельте реки Дон – древнегреческом Танаисе, где пересекались древние пути миграции наших далеких предков, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки палеолитических стоянок, возникла одна из поречно-займищных цивилизаций. Она носила кочевой – номадический тип.

В очень богатом биологическими ресурсами ландшафте возникли древнейшие поселения, может быть, с доинструментального периода. В отличие от других сходных по условиям центров возникновения древнейших поречно-займищных оседлых цивилизаций Египта, Инда, Янцзы и др., именно в дельтах Дона, Терека, Кубани и Днепра, связанных в единую водную систему через Кумо-манычскую впадину, Северский Донец и Азовское море, сформировалась удивительная поречно-займищная цивилизация номадов.

Она распространялась на огромные территории Евразийского континента. Совершенно неважно как назывались народы, включенные в эту удивительную номадическую по своему духу цивилизацию, на каких языках в отдельные периоды своего существования говорили включенные в нее народы. Главное, они сохраняли и распространяли все первичные признаки культуры поречно-займищных номадов.

Наследником, наверное, последним этой древнейшей цивилизации, исчезнувшей навсегда, на наш взгляд, являются Нижне-Донские Старые Казаки - Черкасы – Азовцы – Камышники. Метисация и взаимопроникновение различных культур привело в последствии к поликультуризации казачества.

Автору статьи необыкновенно повезло родиться и вырасти в удивительном месте на Земле в станице Елизаветинской, что в дельте Дона, - древней Танае, Азове, и застать последний луч заката древнейшей из номадических поречно-займищных цивилизаций.

В середине прошлого века мир стал быстро изменяться - исчезли предметы труда и

быта, понятия вместе с ними, стали непонятными многие слова. Они навсегда ушли из современной лексики. Сегодня у современных жителей этих мест, даже тех, кто имеет университетское образование, нет ни малейшего понятия о том, что здесь было, а главное им невозможно объяснить, потому что отсутствует сам предмет «вещь», «инструмент».

К великому сожалению, многие авторы и ученые апеллируют лишь к печатным изданиям, зафиксировавшим очень немногое, что безвозвратно за ненужностью исчезло навсегда. Носители древней культуры не фиксировали знания письменно, считая что все, что они знали так естественно, а собирать эти крупницы, «бриллианты» знаний должны «ученые», которые глубоко не вникали в удивительный диалект Камышников, да и особого интереса к нему не имели.

На наш взгляд, окончательная точка была поставлена в конце пятидесятых, вводом в строй Цымлянской ГЭС, уничтожившей остатки «Божьего присуда», хищническое истребление которого началось еще в 20-х годах XX века с приходом иногородних «хозяев» «гегемонов». Но во время Великой Отечественной войны на короткое время «покорение казачьих земель» было прервано. Поэтому после войны – в конце 40-х – начале 50-х «рыба еще перла горбом», ресурсы немного восстановились, чтобы навсегда затем исчезнуть.

В начале 60-х уже появились дюралевые «Казанки» с «Вихрями», а Донская вода растекалась по бесчисленным оросительным системам, напоив «Голодную Степь». В сознание ворвались СМИ: радио и газеты. Начался научно-технический «прогресс». Молодежь перестала понимать о чем «буровят старики». Все дружно собрались «взять от природы все своими руками» и покорить Космос. Это произошло так внезапно, что никто не услышал тихий ропот и плач «стариков» о том, что, когда вырастут наши дети, нам нечего будет им показать. «Ничего уже тогда не будет. И мы ничего и никогда уже не поймем!». Так говорила моя прабабушка Анна Понкратьевна Харенкова, урожденная Ландырева. 1877 года рождения, она была всего на тринадцать лет

старше моей родной бабушки Матрены, являясь ее родной тетей. Но жив был и другой прадед Силантий. Он был 1871 года рождения.

Когда репрессировали бабушку Анну в 1921 г., она была уже бабушкой, ей тогда шел 45-й год. Воспитывала она меня до 17 лет, находясь в полном душевном здравии. Окружавшие ее подруги детства, наша бесчисленная родня были и того старше. Дедам, участникам Первой мировой и гражданки было всего по 50 – 60 лет, а вернувшимся героям Второй мировой войны по 30 лет, т. е. меньше, чем моим детям сегодня.

Рассказы дедов 80 – 90-летних были о Русско-Турецкой 1878 года. Часто они говорили о том, что успели рассказать их прадеды – участники войны 1812 года. Поскольку «Усе гасеты и радиво брехали», а мораль была двойной, что в дальнейшем и привело к невосполнимым утратам. Жили мы бесконечными «байками и таллайками дедов и бабушек». И чем тише и таинственнее гутарили старики, тем больше у нас «вырастали уши». «Если ты хочешь, чтобы у тебя были папочка и мамочка, дедушка и бабушка, никогда никому не рассказывай, о чем говорят дома» - так нас учили все взрослые.

В школе была мораль строителей коммунизма, она проявлялась абсолютно во всем. Нас учили говорить на русском языке: «Иначе не будет ходу», «Ты не поступишь в ВУЗ». В первых классах мы еще «буровили» на необыкновенно красивом ниже-донском диалекте, более чем наполовину состоявшем из тюркских слов. Когда в первом классе мне вешала Октябрьскую звездочку моя дальняя родня, а в станице все были родственники, пусть даже очень дальние, - Татьяна Попова, - у меня она просила «За ради Христа» прощение и умоляла: «С енттой пакостью у двор не входить. Бабка ентово не переживет». С пионерским галстуком было тоже самое.

Нас учили и поучали буквально все взрослые, пытаюсь спасти от той неправды, которой нас учили в школе.

В первом классе я задал вопрос бабушке и ее подругам: «Если мы казаки беглые, где тогда наша родина? Откуда мы родом?». Все присутствующие хором ответили: «Ето наша

земля от сотворения Мира! Мы сдся были усегда! Ты об ентом должен помнить завсегда и завещать своим праправнукам, если доживешь да их!».

Лет в шесть мы с бабаней гуливали на вечерней зорьке над Доном. Она шла молча, и из ее широко раскрытых глаз текли слезы. Я спросил, о чем она плачет. «Вот ты вырастешь и у тебя будут дети, а ты не сможешь показать им и рассказать о том, какой Дон был прекрасный и что твои предки были великанами». «А какого они были росту? - спросил я. - Ведь лошади и дома были такие, как сейчас. Как же они могли сесть на коней, войти в дом, если были великанами?» «Вот этого вам и не понять будет, что ваши предки были Великанами душою, ростом до самых небес», - был ответ бабули.

Много воды с тех пор утекло в Дону, да и в Неве тоже. Но многое из того, о чем поведали старики, до сих пор гудит колоколом в моей голове. Где бы я не учился, чтобы и где не исследовал, мне до сих пор мешает моя «отягощенная казачья наследственность». Многие десятилетия я знакомился и изучал материалы и документы в Публичной, в БАНе, в ЦГА и многих других хранилищах. Непроизвольно в руках оказывались материалы о казачестве.

Вдумчивый, очень образованный дипломат господин Ли Джи – консул Китая по культуре в СПб, с которым мы подружились лично, в одной из теплых частных бесед к вопросу о казаках сказал удивительную для меня фразу: «Как нам жаль терять вас – Казаков как цивилизацию!». Эта фраза зазвучала еще одним набатным колоколом в моей голове и обратило к далеким детским воспоминаниям моих пращуров.

Теперь уже в далеких 50-х годах XX века, в конце марта начинала подниматься в Дону весенняя вода, тогда еще не было Цимлянской ГЭС. Вся дельта – станица Елизаветинская уходила под воду. Это 300 км² плюс левобережные займища более 4000 км². Оставались «на плаву» только древние юры. Казачьи дома строились только на юрах с 2-х – 3-х метровым каменным подклетом, вход в который ограждался от воды высоким иногда в 5 – 6 ступеней валом. Базы для скота поднимались

в зависимости от высоты юра на 0,5 – 1,5 метра над невысоким юром. Вокруг дома были «гульбища – крыльца» для закрытия ставень. Через все проходные «ендовы» - углубления на заливных лугах – «паше» были переброшены деревянные мостки. Юры – это удивительные возвышенности естественного вначале, культурного в дальнейшем слоя. Они отделяли ерчики – протоки, вытекавшие из ериков и впадавшие в них. В некоторых местах Юры возвышались над водой на 4-5 м., поэтому никакая «низовка» или «горовая» вода им не была страшна.

Когда начинался весенний разлив «с горы» шел сверху шерех – расколотые, ломающиеся подтаявшие льдины и мелкие осколки льда. В это опасное для плавания время в Дон «пербуркун» - икрная, сладкая жирная рыба, поднимавшаяся на нерест. Отнерестившись, она называлась бегуном – тощей нетоварной.

Вся паша – заливные пойменные луга, где выпасался скот до прихода воды и после ее схода. На них росла займищная растительность с высоким содержанием сахарозы, в 4 – 6 раз выше, чем на степу – незаливных ровных, широких, не паханых полях. Отсюда необыкновенно сладкое молоко, сливки каймаки и сметана. Кто хоть раз в жизни пробовал это чудо, никогда уж больше не забудет этого вкуса. До разлива большой воды ранней весной изголодавшийся на зимних кормах скот «выбривал под ноль» весеннюю травку, как на английских газонах. Вода покрывала пашу на 0,5 – 1,5 метра, прекрасно нагревалась к концу апреля и рыба, отнерестившись, пыталась уйти обратно снова в Дон, но была отрезана мелководьем и юрами, которые сама набивала из ила, - супропеля. Она просто кишила в ерчиках и ямах «ендовах» у каждого юра. Ее можно было брать голыми руками, что и делали играющие дети. Иногда, а температура воздуха уже была 25 градусов, а вода – 20, приходилось вытаскивать большую скользкую рыбу по 20 – 30 килограммов. Это были огромные сазаны, гедуки да и красная попадалась, приходилось снимать единственную одежду – трусы, чтобы достать, обхватив голову за «зябри». Рыбы было столько, что порой, играя, мы могли добыть несколько центнеров.

Взрослые ругали нас – ведь основной засол «в корень буркуна» был уже сделан. Нельзя было черпнуть ведром из Дону воды. Всегда в нем была рыба. Не только малек, можно было зачерпнуть «бержика» - суленка или подлещика и много всякой мелочи. Приходилось цедить через марлю или «хамсаросу» - мелкую сеть для ловли хамсы и отпускать мальков в ерик.

В займища на этот природный пир слеталось, сползалось, прискакивало и прибегало такое количество всякой живности: тучи мигрирующих водоплавающих птиц, за ними охотников - камышовых котов, лисиц, кабанов, а за ними бирюков – волков и т. д. На всем пойменном пространстве просто кипела жизнь, похлеще, чем в разных там Серенгети и других современных национальных парках мира. Не скатившаяся обратно в реку рыба погибала. Ее поедал бесчисленный планктон, служивший новым поколениям рыб отличным кормом.

В очень отдаленные времена, сдается нам, на такой пир вулкана биомассы и приходили наши очень далекие предки еще в доинструментальный период своего развития. Они вступили в битву с хищниками за то, что казаки потом называли «Божьим присудом». И эта битва никогда не прекращалась вплоть до 1921 года. Свидетельства таятся в каждом юру, кстати каждый имеет свое имя. Не было никогда свободных, незанятых людьми юров. Жизнь за многие тысячелетия все выше вздымала культурными слоями каждый юр.

Автору довелось жить на Шибшинском юру Казачьего ерика станицы Елизаветинской. Поскольку на вершине каждого юра стоял казачий двухэтажный дом – «курень», то археологических изысканий под ними не производилось. Только когда рыли новый погреб или фундамент под новый дом, то натывались на старые постройки. Иногда на «просола» - емкости для «коренного засола» рыбы IV века до н. э. по свидетельству археологов, бесчисленные артефакты (осколки керамики, оружие, грузила для сетей и многое другое).

Юр к берегу ерика или реки обрывался яром, представлявшим идеальный археологический срез всех пластов иногда до материка. На выхолаживающемся песчано-глиевом бе-

регу, как на ладони, после очередной низовки – быстрого поднятия вод из Таганрогского залива с Юго-Западным ветром, появлялись очень интересные «вещицы».

В детстве мы удивлялись, что в трех метрах от стены нашего дома можно было найти странные заостренные камни, очень похожие на те, что хранились в Старом Азовском краеведческом музее в разделе «каменные орудия» палеолита. Нас они почти не интересовали, мы искали монеты, оружие, разные черепки и посуду всех времен и народов. После наводнения яр щедро делился своими тайнами.

Мы играли и обменивались находками, но самым сокровенным местом, «схороном», в каждом казачьем дворе было место, где хранили все «копанки», что «отдавала щедрая земля». Куда ни ткнешь лопату – всюду находки: в саду, огороде, бахче. Весь металл (казаны, сковородки, крышки, горшки, наконечники копий, пик, ножи, клинки, лемеха, подковы и другой металлолом) хранили и, как в старину, несли в Кузню, чтобы перековать в нужное изделие.

Часто встречались совершенно непонятные вещи. Было много наконечников стрел, гарпунов, рыболовных крючьев, каменных грузил, корабельных гвоздей и много другого. Попадались бронзовые орудия, чаще обломки топориков, скребков и т. д. Бронза особенно «ценилась» - из нее местные умельцы отливали винты для моторных лодок. По легендам находили золотые и серебряные клады. Серебро я и сам находил.

В станице Елизаветинской по реестру на 1910 год было описано 6500 курганов. В 1959 г. в Царском кургане «Пять братьев», это не более 1 км от нашего дома, захоронение скифского царя IV в до н. э., около 1300 золотых изделий. Нашим любимым занятием было играть на этих курганах и слушать бесконечные рассказы стариков о далеких временах.

Главная мысль, о чем поведали пращур-ры пращуров, была в том, что эта земля всегда была плотно заселена. Были времена, когда только в казачьем ерике жило более 10 тысяч народу. На тонях: джюлке, шмате, колузаеве, и др. были курени, вмещавшие более чем по 100 человек. Со слов стариков, Низовые каза-

ки относились к той особой категории охотников, которые по месту охоты назывались камышниками. Жили «по камышам и по озерам – займищам, пашни не имели, ели то, что Бог пошлет». А Господь посылал более чем достаточно.

В начале 20 века в станице было 297 рыбосчетных завода. По данным отчета в 1911 г. Главному Статистическому Управлению, Станица Елизаветинская в доход Войска сдавала 4 750 000 пудов балыков красной рыбы (осетра, белуги и севрюги). Этого сегодня, как говорила бабушка, никак не понять современникам, которые даже не знают того, что в Дону вообще водились осетры. Еще в 50-х годах в местной газете «Приазовье» писалось, что за одно притонение (один невод) вылавливали по 850 центнеров благородной рыбы. Я помню, эти тони по двадцать буйволов плюс 3 – 5 тракторов тащили один невод, а в нем 60 – 100 тонн рыбы, которую нужно было всю перебрать по сортам. Самую ценную отправить в «водаки» - барки с проточной водой через щели в бортах.

Местное казачье население брало совершенно бесплатно ровно столько рыбы, сколько могло переработать, и ни рыбкой больше. Сгноить «Божий Присуд» было большим грехом. Вот почему взрослые ругали нас, детей, за не вовремя пойманную рыбу, ведь ее нужно было тотчас обработать, а это целая культура. Я не встречал более нигде столь высокого ее уровня в отношении переработки и хранения.

В Рождество пилили аханку (полыню) в форме креста в Дону у Большой Буравки (острова у того места, где начинался Казачий ерик) после крещения «во Иордане» начинали пилить специальными большими пилами по двое, а внизу груз лед. Затем возили ровные глыбы (по 20 – 60 кг) в ледник, которому была не одна сотня лет. На высоком незатапливаемом Юру в заранее вычищенные ямы на солому с опилками укладывали лед порциями по 3 – 5 тонн, закрывали «рогожами» (циновками из рогоза - чакана) и засыпали опилками с соломой, сверху опять рогожа, а затем засыпали метра 1,5 землей. В ряд было много траншей – метров по 30 – 60. Этот ряд хранился все жаркое, при жаре под 40 градусов, лето до

следующей зимы и по мере необходимости извлекался для охлаждения рыбы перед засолом в просолах, разделенных на 5 – 7 отсеков для поэтапного просаливания с «репанием» (разминанием и подергиванием вдоль хребта) пока не исчезнет звук хруста.

О казачьей кухне и технологиях переработки не только рыбы, но и огромного количества водоплавающей птицы (уток, гусей) особых «чеканных» староказачьих приемах забоя животных, необходимо писать отдельную книгу.

Тем более, что о разносоле и о том, как гуливанили «Жрали как старые Черкашены» по две недели, не выходя из-за стола, по всему не только Дону ходили легенды.

Но речь не о богатстве ресурсов, а о том, как наши предки могли развить и преумножить это несметное богатство, которое не истощалось в течение долгих тысячелетий, но погибло в одночасье из-за непонимания древней культуры – камышников – ревностных хранителей «Божьего Присуда». Ведь на самом деле казаки служили царям – государям не за страх и за совесть, «Не за гроши и славу», а за «Божий Присуд». За то, что научились хранить и преумножать.

Только в одной станице Елизаветинской ежедневно заступало два батальона «команды защиты рыбных ловль». «С Дону нельзя было воды испить (черпнуть) во время нереста», нельзя было разговаривать громко, тем более петь, вообще ходить только «на цыпочках», не то что ходить по Дону многотысячными сухогрузами днем и ночью каждые 3 – 5 минут. Ничего перестраивать или преграждать естественный ход на нерест рыбы. Она «вертается» нереститься «в тот куток идее родилась». Ей нельзя устраивать на пути никаких преград. В донское русло при казаках-камышниках – наследниках великой Нижнедонской цивилизации не могло подняться ни одно судно, чтоб не «заразить реку всякой морской скверной». Погрузка иностранных судов велась только на рейде в море или внеречных портах. Рыба идет только на самую «глубокую струю под опечек «на стрежень».

Очень важным в культуре камышников были сами камыши. За ними исправно ухаживали

вали, их осенью и ранней весной до подхода рыбы «палили», «косили», «стригли». Весь свежий, вызревший урожай аккуратно собирали и пускали «в дело». Старым камышом топились, из нового делали массу полезных вещей: крыли крыши построек, плели «захити» - укрытия от ветра, снега и дождя. Из чакана (рогоза) плелись циновка, кашолки, масса других поделок.

Существовал особый камышовый язык, тайный для непосвященных. По сплетению и заломам камыша можно было передать очень многое. Параллельно был в обиходе и боевых условиях язык посвистов. Во-первых, он непонятен посторонним. Во-вторых, слышен на большем расстоянии. Отсюда, наверное, русское «Соловей-разбойник».

Удивительными были казачьи кайки, каюки, байды, будара, струги и легендарные боевые «Чайки».

Мы не станем рассматривать плавсредства как вершину научно-технической мысли любой цивилизации. Важно то, что камышная поречно-займищная цивилизация развивалась как кочевая, постоянно мигрируя по рекам: на Дунай, Днепр, Терек, Кубань, Волгу, Урал, Семиречье, Обь, Иртыш, Енисей, Лену, Амур, Хатангу, Калыму и далее Аляску. Все по рекам – именем которых стали называться вновь образованные казачьи войска. Казаки одухотворяли огромные пространства «На восход Солнца» своей древней поречно-займищной культурой. Отметим, шли не конно, а только по рекам, озерам и морям каботажно.

Для номадов, господствующих на водоразделах серьезным препятствием являлись большие реки, озера, болота, займищные заболоченные поймы и дельты, в которых обитали камышники. Во все времена, тесно взаимодействуя, культуры взаимообогащались во всех сферах жизнедеятельности. Постоянно возникали конфликты на почве обоюдного грабежа «по праву сильного».

Степняки-кочевники, в виду их явного численного преимущества и большой мобильности, до определенного периода были сильнее. Им всегда противостояли номады поречники своей исключительной организованностью, умением почти мгновенно отсту-

пить. У казаков главное в боевом искусстве – «Скуство в теку». Казачий «вентерь» - умение заманить противника в ловушку, чтобы «остричь» его с флангов. Река сформировала не архитектурную цивилизацию, а сформированную поймой, ландшафтом, природной средой, единую, и в полной слитности с нею культурную среду, где все элементы подчинены логике защиты от непрошенных гостей.

Казаки промышляли на займищах, в ериках, ерчихах и гирлах дельты небольшими партиями – ватагами – куренями. Есть много толкований слова «курень». Но никому в голову не приходило, ибо не довелось испытать на себе, что такое «мошка». Представьте себе тысячи кв. километров теплой стоячей воды дельты и займищных озер и болот. Бывали такие лета, что от мошки – комара, света белого не видно. Просто невозможно вдохнуть воздух. Все просто горит от бесчисленных укусов. Вытерпеть этого невозможно даже одну минуту, какая там тайга и тундра. В камышах просто стоит «тихий гул» от обилия насекомых – идеального корма для мальков рыбы. Вот откуда такое изобилие. В тайге иногда спасает северный ветер. На Дону летом в районе плюс 40 градусов и полное безветрие.

За тысячи лет было много изобретений у камышников. Пожалуй главное из них – куро-вище. Видов, сортов камыша много. Помню, что мелкий камыш назывался кугой, но был и очень высокий, 5 – 6 метров над водой. Рогоз – чакан тоже различался по сортам: на мягкий и тонкий, на широкий и длинный. Каждому было свое применение. Непереспевшие соцветия длинные и тонкие собирались в начале июня в огромных количествах. Вообще заготовкой камышей занимались круглый год. Длинный непереспелый шел на перекрытие кровли, вязку чаканом захитей и сооружение «буканов» - шалашей и навесов. Куга на подстилку, которую сверху покрывали «лантухами» - толстыми покрывалами, вытканными из конопляных ниток, толстых по размеру, иногда достаточному для того, чтобы накрыть нагруженный воз. Лантухами называли и лоскутные покрывала и одеяла, сшитые из старых шинелей, ватников (кухваек), стеганых кофт и вообще из любых поношенных вещей.

Идеально высушенные соцветия поджигались в «куровищах» при появлении комаров. Они представляли из себя старые металлические ведра (иногда медные) строго цилиндрические, в отличие от цыберок – конических ведер. Внизу пробивались отверстия по кругу и закрывались обручем. Закуривался из камыша огонь, ставилась решетка, поверх которой вертикально плотно ставились сухие соцветия. Сверху прилаживался мех из брезента или кожи. Когда куровище начинало испускать удивительно приятный ароматный бело-зеленый дым, отверстия внизу куровища перекрывались обручем с ручкой. Если сильно разгорались соцветия, их обрызгивали водою из лейки. При правильно закуреном куровище его хватало на всю ночь. Этот прекрасный аромат курился над всею дельтой и насекомые были нипочем. Поскольку куреном старые камышники называли любое место, где курились куровища, вежливо спрашивали: «Позвольте к вашему куреньку?» «Дари Христа» - таков был ответ. Постоянных жилищ на огромных речных и займищных просторах не ставили, в них просто не было нужды. От жары, ветра и дождя прекрасно укрывали буканы и захити. Отдыхать на толстой подстилке из кучи, «накровшись лантухом», с несказанным ароматом куровища – неопишное удовольствие, поверьте автору. Даже в лютой мороз при сильном пронизывающем ветре казаки в считанные минуты соорудят из камыша надежное укрытие для себя и своих боевых друзей – коней.

Зимой казаки-камышники аханили – ловили рыбу «аханом», особой сетью через «аханки» - полыньи с помощью длинных жердей, слег ее подвешивали подо льдом. Аханки прорубали «семенем» - «семенили».

Вся казачья жизнь в основном вертелась вокруг «кабичьки» - печьки с котлами, но без чугунного настила под буканом, иногда в захити или «кабицы», с чугунным настилом – плитой. Рядом были столы и тандыр для выпечки хлеба. Топили их «кизяками» - утоптанной лошадыми смесью из соломы и перепрелого навоза, поформованного в кубики 20 x 30 см и идеально высушенного, или камышом, длин-

ным, не резанным. Подавался в топку прямо сноп по желобу из досок или металлического листка. Вообще в кабицах сгорало все: будылки – сухая сорная трава, бурьян, солома, обрезка деревьев и кустарников – черепа, и вообще весь мусор.

«Тоня» - это специально подготовленный участок берега реки, ерика, озера, затона для «притонения» - «ламания» - вытаскивания невода. Отсюда «уломаться» или «наломаться» значит сильно устать, работая на «тоне».

Рыбу в невод загоняли особым орудием – «шлепугой» - длинной слегой, закрепленной на прове байды с большим куском резины на конце. Им сильно ударяли по поверхности воды. Только на Нижнем Дону белугу, порой достигавшую веса 600 – 800 кг, осетров, севрюг и крупных сомов ловили крючьями. Этот очень древний способ ловли требовал особого индивидуального мастерства. Только самые смелые и умелые брались за добычу таким способом. Немало опытейших «рыбалок» - рыбаков погубило, поймавшихся в собственную снасть. Но не было куреня, где б в самых укромных «схоронах» не ржавели «крючья» кованые, размером 150 – 200 мм из 6 – 8 проволоки. Острые, каленые, они крепились на поводках через 25 – 30 см на «бичевке». Вся снасть проваривалась в рыбьем жире с подсолнечным маслом и вывешивалась на рыбных дорожках в 0,5 метра у дна. Очень часто попадались на берегу остатки костяных крючьев, сделанных, может быть, не одну тысячу лет назад. Ловили и донными речными тралями – «саками».

В детстве в 10 – 12 лет с «кайки» вдвоем с братом мы «саковали» за 30 минут по 2 – 3 сапетки раков. В каждой «сапетке» - двуручной корзине из ивовых веток на 2 – 3 больших 12-литровых ведра. Столько тогда в казачьем ерике было крупных, величиною больше мужской ладони, отборных раков. Половину из них, что поменьше, мы тут же выпускали обратно в ерик, «на дорост». Все пищевые остатки, которые не съедали домашние животные и птица, обязательно отправляли на корм ракам в ерик.

Нина ОЗЕРОВА

Юбиляру посвящается...

Книга Юрия Иосифовича Пейсаховича «О, сколько боли в этой жажде жизни!...» (Сборник избранной любовной лирики 1963-2015гг.) наконец-то увидела свет в сентябре этого 2015 года, несмотря на то, что должна была появиться ко дню рождения автора 15 мая 2015 года, очень важного для него – Юбилейного года. К сожалению, такое случается по независящим от автора причинам.

Нет необходимости напоминать, что Ю. И. Пейсахович очень разноплановый автор – это не только стихи, интересная проза и публицистика. Автор более 30 изданий общим тиражом более 270 тысяч экземпляров в том числе теперь уже 19 книг стихов.

Настоящая книга в 624 страницы напечатана на хорошей бумаге, очень хорошо оформлена и не кажется тяжеловесной. Крупный шрифт доступен любому читателю. Фотографии и рисунки порой комментируют и дополняют содержание стихов.

Статьи к настоящему изданию таких авторов как Елена Попова (газета «Петербургский посад») и Виктора Орешкина (действительного члена и профессора АРСИИ им. Г. Р. Державина) раскрывают для читателя сущность самого автора стихов. А раздел «На Парнасе» содержит высказывания членов Российского Межрегионального союза писателей г. Санкт-Петербурга и не только...

И «я благодарю судьбу за нашу встречу» которая состоялась в 2003 году. Ю. И. Пейсахович тогда не состоял в АРСИИ им. Г. Р. Державина и еще не был так знаменит...

Теперь и мне оказана честь печататься в журнале «Золотое Слово» под руководством Е. Раевского, Д. Киршина и Н. Веселовой и быть в рядах АРСИИ.

Привожу мою рецензию на книгу стихов Ю. И. Пейсаховича «К тебе стремлюсь...» которая была издана в 2005 году. Эта статья не потеряла своей актуальности и сегодня. Итак:

«Из письма к Автору или вместо рецензии:

Дорогой Ю.И.! Я поняла, что страсть Вашей жизни – поэзия...

Завидую тем женщинам,
Что вас любили.
Завидую им всем, что их любили Вы.
Какими яркими те встречи были:
Полны огня, любви и красоты.
Благодарю я и судьбу
За нашу встречу,
И книгу, чье название «Свидание».
Надеюсь, что для Вас
Совсем «еще не вечер».
Простите мой порыв...
И пылкое признание.

Эти строки родились после прочтения Ваших стихов. Это первое впечатление, как печатать, легло на душу и сердце.

Конечно, выразить свое мнение о Вашем творчестве непросто, особенно после высказывания Ваших коллег – журналистов, поэтов и друзей, добавить что-либо сложно. Но, смею заметить, что их слова – это скорее оценка и признание специалистов. Я же хочу высказаться прежде всего как читательница, как женщина, как поклонница. Ведь тема талантов и поклонников вечна...

Моя любовь к поэзии вообще привела к встрече с Вашими книгами. Я имею первый автограф Ваш на трехтомном издании, которое вышло два года назад. Ваше имя в списке моих любимых поэтов:

Овидий, Шекспир, Петрарка, Пушкин, Северянин, Кузьмин, Ахматова, Бродский, Рождественский, Ороховацкий – среди этих книг-друзей теперь стоят и Ваши книги. Есть расхожая фраза: «В жизни всегда есть место подвигу». Я бы ее переиначила:

«В жизни всегда есть место подвигу любви», радость жизни и уважение – это вневременные ценности.

Все это есть в ваших стихах.

В Вашей лирике меня завораживает до глубины души женская тема, она прорисовывается сквозь призму Вашего отношения к Женщине... А Вы – рыцарь и Мужчина.

Мало кто из поэтов умеет артистично читать свои стихи, не всем это дано. Но когда слушаешь Вас со сцены, будь то литературный вечер в санатории или чтение где-то в гимназии для старшеклассников – это всегда праздник Слова, праздник для души, ума, сердца – и Ваш необыкновенно проникновенный бархатный голос...

Когда слушатель или тем более слушательница воспринимают все как личное обращение.

И еще. В наше непростое время, когда радио или теле - эфир заполнены стенаниями по поводу экологии окружающей среды... Об экологии души не говорит никто. Ваши лирические стихи – это «живая вода, экологический чистый источник» для души.

И женщины, читая Ваши стихи, должны гордиться тем, что это они – источник вдохновения. И стараться оставаться быть женщинами независимо от политического строя и

экономической ситуации.

Хорошую книгу не заменит ничто, а стихи о любви тем более.

Пожелаю всем женщинам быть достойными хоть одной поэтической строчки.

Ваша любовная лирика – это памятник женщине.

Р. Рождественский «Ожидание. Монолог женщине»:

Слова говори мне.

Без этого радость – не в радость.

Скажи, что со мной хорошо

И что я тебе нравлюсь.

Скажи, что ты любишь меня...

Рядом с бронзой царей ...

Должен встать памятник Женщине,
Ждущей любви!

Светлый памятник Женщине,
Ждущей обычного счастья...

С уважением,

Н.П. Озерова

19.03.15

Иван ИЛЬИН

Хроники семьи Кешнер

(Моя мама была немка и её девичья фамилия Кешнер)

Замок Орлик над Влтавой (Orlik Kastl)

Семейные «преданья старины глубокой»

Недавно мой племянник Федя смотрел историческую передачу о Богемии и якобы даже узнал древний замок Орлик над рекой Влтавой, которым когда-то управляли Кешнеры, бывшие вассалами герцога Шварценберга. Фотография этого замка хранилась в фотографическом архиве моей тёти Эльзы.

Первый Шварценберг – Эркингер пришёл в Чехию. Как крестоносец, боровшийся с приверженцами Яна Гуса. Вместе со Шварценбергом в Богемию пришли ещё несколько рыцарей, среди которых был и мой предок Йозеф Кешнер (Keschner) Очевидно, что герцог Шварценберг хорошо относился к Йозефу Кешнеру, так как он сделал Кешнера своим вассалом, поставил его управляющим замком Орлик и даже был крёстным отцом сына Йозефа Кешнера Адама.

Возле замка Орлик через реку Влтаву существовал брод, по которому через реку могли переправляться телеги и коляски. Переправа облагалась пошлиной. Вот для охраны брода и взимания пошлины и был построен замок Орлик. Кешнеры и командовали рыцарями,

охранявшими брод и брали пошлину за переправу.

Территория Богемии, находящейся в центре Европы, на протяжении столетий постоянно подвергалась разным политическим, социальным, религиозным и военным катаклизмам. Но герцоги Шварценберги во все времена и при любой власти занимали достойное положение, а Кешнеры были их вассалами.

Сейчас река Влтава перекрыта плотиной, и замок Орлик возвышается на скалистом мысу, вдающемся в большое водохранилище.

Но это легендарные «Преданья старины глубокой». Родословную немецкой семьи Кешнеров мой племянник Федя расписал на большом листе ватмана до периода раннего Средневековья. Но я так и не сумел правильно разобраться в сложных родственных отношениях своих предков.

Достоверно известно, что мой прапрадед Кешнер Фридрих-Вильгельм приехал в Россию в начале XIX века. Поселился в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, где ещё с основания Петербурга была колония землячества петербургских немцев и, очевидно, жили его дальние родственники. (По книге

«Весь Петербург» за 1911 год на Малом проспекте В.О. несколько домов принадлежали хозяевам с такой же фамилией, как и у моего деда, то есть – Кешнер).

Фридрих Кешнер начал с того, что открыл небольшой сахарный заводик на Васильевском острове. Теперь там кондитерская «Невские берега». Потом построил ещё заводик на 2-й линии и ещё сахарный завод. В 1847 году получил звание «мастер-сахаровар» и звание «Почётный гражданин». Далее все Кешнеры имели потомственное звание «Почётного гражданина».

Сын Фридриха Кешнера – Вильгельм продолжал дело своего отца, но в 1882 году разорился и обанкротился, так как сгорел самый большой сахарный завод, доставшийся ему в наследство. Это банкротство так подействовало на моего прадеда, что его хватил паралич и остаток жизни прадед просидел в инвалидном кресле.

У Вильгельма Кешнера было четверо сыновей – Фридрих, Эдуард, Адольф и Базиль. Жена прадеда, урождённая Бекман Мария Христиановна, продала свои серьги и кольца и на вырученные деньги купила новинку того времени – английскую чулочно-вязальную машинку.

Прабабушка сидела дома, ухаживала за больным мужем и за четырьмя сыновьями, а по ночам вязала чулки, которые сдавала галантерейщику и многочисленным родственникам. Сыновья учились в гимназии Петри-шULE при Петри-кирхе на Невском проспекте. Братья ходили в гимназию на Невский проспект с Васильевского острова пешком. Считалось, что мальчикам для здоровья обязательно нужен моцион. (А может быть, не было денег на извозчика) Братья ходили в гимназию одетые по-немецки в короткие кожаные штанишки, чулки и ботинки. Их дразнили: «Бульонные ножки». Но все дружно кидались в драку и очень ловко пинались крепкими ботинками. Что такое карате, тогда ещё не знали, но французский бокс уже был.

Братья

После окончания гимназии старший брат, Фридрих, устроился на работу рассыльным

в бухгалтерию Гардинно-тюлевой фабрики. Потом Фридрих стал счетоводом. Потом стал бухгалтером. Потом стал САМЫМ ГЛАВНЫМ БУХГАЛТЕРОМ. Помогая владельцам фабрики зарабатывать деньги, и сам тоже хорошо зарабатывал, получая проценты от коммерции. На заработанные деньги Фридрих Вильгельмович скупал акции своей фабрики и стал одним из главных совладельцев. После большевистского переворота в 1917 году, распропагандированные большевиками рабочие, мазали владельцев фабрики солидолом, валяли в мохнатых очёсах и с тачки опрокидывали в Неву. Но Фридриха Вильгельмовича от такого позора отстояли старые рабочие. Он, как главный бухгалтер и совладелец, платил рабочим значительно больше, чем на других фабриках. Выделял деньги на медицину и лекарства. На Гардинно-тюлевой фабрике давали оплаченный отпуск матерям и помогали рабочим, уволенным по старости. То есть на фабрике уже действовали некоторые принципы социализма, за которые ратовала РСДРП, когда готовила революцию. Фридрих Вильгельмович стал Фёдором Васильевичем и оставался главным бухгалтером УЖЕ НЕ СВОЕЙ фабрики. Он дожил до 1933 года и умер СВОЕЙ смертью, не подвергаясь репрессиям.

Второй сын моего прадеда, Эдуард, после окончания гимназии, пошел в военное училище «На казённый кошт» и стал офицером. В Первой Мировой Войне участвовал в Брусиловском прорыве и был тяжело ранен. Был отправлен в госпиталь в Новониколаевск (теперь Новосибирск).

Мой дед, Адольф Вильгельмович (впоследствии Васильевич) не пошёл, как старшие братья, служить на казённую службу, и не получил специального образования, но УМЕЛ ВСЁ!!! И знал столько, что получил прозвище: «Ходячая энциклопедия»!!! У него был драйв, кураж, апломб, улыбка во всю харизму и усы, закрученные по-гусарски. Вместо службы мой дед женился на красавице Аделаиде Иордан и получил в приданое МИЛЛИОН РУБЛЕЙ, положенных в банк всеми родственниками моей бабушки к её свадьбе!!! Мой прадед по бабушке был врачом-психиатром в Военно-Медицинской Академии, имел высокий чин и ордена. А его брат был известным худож-

ником. Брак Аделаиды Иордан с моим дедом, конечно же, был мезальянсом. Баронство деда было опозорено бюргерством (т.е. бизнесом) и банкротством, а прадед по бабушке был очень знатен и богат. У меня есть фото прадеда в ордене. Жить в Петербурге, в окружении богатых родственников, скептически смотревших на «бедного» родственника, дед и бабушка не захотели и, забрав деньги, уехали в Казань.

Сиротки казанские

В Казани купили хороший двухэтажный дом на Односторонке Третьей горы с садом на 300 яблонь. У меня есть фотография этого дома. Есть фото чаепития на веранде. Дед и бабушка занимались благотворительностью и меценатством. Дед удостоился звания Почётного Гражданина города Казани. Детей у них было двое. Альфред родился в 1904 году и моя мама Эльвира, родилась в 1908 году. У меня даже есть фотография, сделанная в день рождения моей мамы, когда ей исполнилось 4 года. А в гостях у мамы мой будущий папа, которому 8 лет. Ильины были соседями Кешнеров. Старший брат мамы Альфред Кешнер и мой будущий отец Дмитрий Ильин учились в одном классе гимназии и даже сидели за одной партой.

Младший из четырёх братьев, Василий, тоже устроил мезальянс, но в противоположную сторону. Он женился на собственной служанке Капитолине. Тётя Капа была прекрасным человеком, очень практичная, умная и работающая. Впоследствии тётя Капа стала моей крёстной. Чтобы избавить брата и его жену от пренебрежительного отношения со стороны богатых и знатных родственников, мой дед забрал младшего брата Василия и его жену православную Капитолину вместе с собой Казань. В просторном доме все жили вместе одной семьёй.

У меня был очень умный и прозорливый дед. После революции 1905 - 1907 гг. мой дед стал как-то догадываться, куда клонится социальная, экономическая и политическая ситуация в Российской Империи. Понял больше, чем сумели понять Правительство и Царская власть. Книгу «Двенадцать стульев» мой дед

ещё не читал, но то, что «Спасение утопающих дело рук самих утопающих» дед догадался.

Чтобы спасти свои деньги от грядущих социальных катаклизмов дед решил публично «обеднеть». Сперва, они с дядей Васей организовали фабричку по производству школьных чернил. Чернила получились хорошие и дешёвые, но разорились на дорогих пузырьках. Фабричка обанкротилась и вложенные в неё деньги якобы «пропали».

Потом дед организовал конюшню скаковых лошадей и стал играть на скачках. Ставил крупные суммы на своих лошадей и проигрывал. Выигрывали свои подставные люди на процентах. Конюшня тоже обанкротилась.

Но, очевидно, что самым хитрым и «выгодным» шагом к «бедности» был «Крымский гамбит», который дед устроил после убийства Столыпина. Почти сразу после этой трагедии, поехали дедушка с бабушкой отдыхать в Крым. (Детей оставили с дядей Васей и с тётёй Капой.) Чтобы не жить у чужих людей и не мыкаться по гостиницам, купили старинный особнячок с большим виноградником, с винодельней и с винным погребом. Пожили, отдохнули, а перед отъездом наняли управляющего. Наняли самого жуликоватого управляющего, какого сумели найти. Два года этот «управляющий» присылал отчёты о том, что год не урожайный, что виноград съела тля, что вино прокисло, а цены на вино низкие. Вот дед поехал в Крым и продал такое «убыточное» хозяйство за бесценок крымскому соседу греку. Хитрый грек этот виноградник знал. И винодельню тоже знал. А в винном погребе «управляющий» не нашёл отдельного подвала со старым выдержанным вином. Дед сам закопал и замаскировал тайный вход в этот подвал. С мизерного «бесценка» даже налог взяли мизерный. А истинную цену грек заплатил наличными деньгами. Эти наличные дед положил в частный немецкий банк. Но то, что у России будет две войны с Германией, дед просчитать, конечно, не сумел. Деньги и сейчас лежат в каком-то частном немецком банке и на них выросли очень приличные проценты. Но, чтобы их получить, нужно стать гражданином Германии.

А после каждого «банкротства» дед дарил бабушке бриллианты!

«Казанская катастрофа»

Ко времени Февральской революции 1917 г. дед почти совсем разорился. Все знакомые считали моего деда неудачником и жалели. Но чулочновязальную машину, как у прабабушки, пока ещё покупать не было необходимости. Жили, якобы на то, что торговали яблоками из своего сада.

Казань это не столичный Петербург и не Москва. Это губернский город в глубине России. Между Февральской и Октябрьской революциями и, после отречения Императора, в Казани было непонятно, что за власть в России и какие деньги, кроме золотых рублей, правильные. Ходили и царские рубли и керенки. Порядка не было никакого. Отсутствие настоящей власти и порядка привело к трагедии, которая в истории называется «Казанская катастрофа».

14 августа 1917 года на Казанских пороховых заводах начался пожар, который привёл к уничтожению заводов и распространению паники в городе. Пожар, продолжавшийся по меньшей мере до 24 августа, возник в результате взрыва снарядов на складах, разбросанных по промышленной части города. Тем не менее, большая часть взрывчатых веществ была затоплена водой из водохранилищ, что предотвратило более крупные взрывы. Пожар был начат небрежным караульным, который бросил окурок около станции Пороховая (в настоящее время Лагерная). Снаряды, взорвавшиеся на станции, зажгли ближайшее железнодорожное депо. Нефть из цистерн, расположенных на берегу реки Казанки, также загорелась. Рабочие заводов бежали в пригородные посёлки, что привело к распространению паники в городе. Многие из 200 000 человек населения Казани бежали из города пешком, на извозчиках и на поездах.

Мой дед и бабушка, спасая детей, тоже пешком ушли из города. С собой взяли только то, что успели схватить впопыхах и унести на себе. Тётя Капа заявила, что никуда не побежит, а будет молиться и Бог спасёт. Тётя Капа

и дядя Вася остались охранять дом от мародёров, которые грабили брошенные дома.

«Казанская Катастрофа» ускорила начало «Корниловского мятежа» против Временного правительства. Это была последняя попытка предотвратить большевистский переворот. Там, где это «происходило», не было никакой власти. Не ходил транспорт. Не было полиции. Был «Русский бунт!». А семья моего деда с двумя детьми пыталась куда-то идти и где-то спастись. В Казань вернуться не удалось. Наняли подводу до Уфы. От Уфы до Семипалатинска шли пешком. В Семипалатинске сумели сесть в эшелон с беженцами (слова «эвакуированные» не было). Поехали на восток по Транссибирской магистрали. Где-то параллельно ехали восставшие чехословаки и Колчаковский эшелон с царским золотом.

Говорят, что на детях природа отдыхает, а на внуках играет! Мне иногда кажется, что мой дедушка Адольф Вильгельмович срисовывал свою приключенческую жизнь с моей, описанной в книге, «Дороги длиной в жизнь».

Мыловар

В Новониколаевске (теперь Новосибирск) эшелон с беженцами поставили где-то на запасных путях. Было неизвестно, что будет дальше. Могли отправить через час, а могли и через неделю. Могли и просто выгнать беженцев на шпалы под дождь, если кому-то понадобятся вагоны. Власть была колчаковская. Дед закрутил усы, взял трость с серебряным набалдашником и пошёл в город добывать пищу жене и детям.

Во времена всенародных смут и неурядиц всегда не хватает чего-то самого необходимого. Обычно нет спичек, соли, мыла, лекарств. Оборотистые мелкие спекулянты быстро делают свой бизнес на этом дефиците. А крупные фабриканты терпят крах, не имея поставок сырья, ухода кадров на фронт и пр. Вот один такой мелкий казанский купчишка и решил наладить производство мыла. Он повесил несколько объявлений, что ему срочно нужен мастер-мыловар. Дед пришёл к этому «заводчику» и представился немецким инженером

мыловаром. «Но, вы понимаете, что я сразу не могу приступить к работе. Семья в эшелоне, жилья нет. Нужно немного времени, чтобы обустроиться». Деньги были, непонятно какие, но дед даже предложил вступить в долю. (Очевидно, продал бриллиантик какому-то ювелиру). Ударили по рукам. Дед нанял квартиру, перевёз в неё на извозчике жену и детей. Дал бабушке денег на обзаведение. А сам засел в городскую библиотеку читать книги о том, как надо варить мыло. Мой дед любил повторять, что «в книгах всё есть»! Нужно сперва всё внимательно прочитать, а потом можно делать любое дело!!! Через десять дней дед пришёл к этому купчику-заводчику. Они наняли рабочих и быстро наладили производство хорошего мыла.

Когда мне нужно было браться за строительство церкви, то я положил перед собой старенькую жестяную коробочку с надписью: «Мыло Кешнера» и, глядя на неё, очень долго думал, вспоминая своего деда. Потом пошёл к друзьям в библиотеку Эрмитажа, и они мне дали несколько старинных книг о том, как надо строить деревянные церкви. Начитался и построил церковь Святителя Василия Великого по древним псковско-новгородским канонам!

Должность инженера-мыловара позволяла не только самим жить весьма прилично, но можно было ещё и заниматься благотворительностью. Вот моя бабушка и отправилась с благотворительным визитом в Госпиталь, где ещё лежали раненые офицеры с Германского фронта. Каково же было её изумление, когда она узнала в одном из тяжелораненых Эдуарда Кешнера, родного брата своего мужа. Бабушка стала служить в госпитале сестрой милосердия. Но спасти Эдуарда не удалось. Ранение было слишком тяжёлым, и он умер. Бабушка, продолжая служить в Госпитале, заразилась тифом и тоже умерла. Мой овдовевший дед Адольф Кешнер похоронил брата и жену, нанял соседку, чтобы стряпала и ухаживала за детьми, а сам продолжал варить мыло.

Белая дача

Но шло время. Колчака расстреляли. Цар-

ское золото утопили в Байкале. Чехи вернулись в Чехословакию. Красные дивизии прошли «По долинам и по взгорьям и на Тихом океане свой закончили поход» К власти пришла власть Советская с жёсткой политикой «военного коммунизма», которая не жаловала всяких «бывших буржуинов». Испугавшись этой Советской «политики», хозяин мыловаренного заводика забрал деньги и куда-то удрал. Завод закрыли, а дед остался без работы в чужом городе и с двумя детьми. Он также понимал, что «чистка», устроенная НКВД и его может замести, как буржуинского прихвостня. Нужно было срочно уезжать из Новониколаевска.

Возвращаться в Казань смысла не было. Это было бы даже опасно. Дом всё равно реквизируют, а в городе все знали, что Адольф Кешнер «из бывших богачей». Дед поехал в Петербург к старшему брату Фридриху, который продолжал работать на Гардиннотюлевой фабрике, а жил вместе с женой Эрной Георгиевной и дочерьми Эльзой и Ирмой в собственном маленьком деревянном домике с садиком рядом с Ботаническим садом. (Этот адрес есть в справочнике «Весь Петербург» за 1911 г.) У Эрны Георгиевны была младшая сестра Маргарита, на которой моего деда вскоре и женили. Так у моей мамы и дяди Альфреда появилась мачеха.

В маленьком домике двум семьям жить было тесно. Но это был уже 1921 год. Эпоху «военного коммунизма» сменил «НЭП». Мой дед пошарил за подкладкой старого пиджака и нашёл там, провалившийся из рваного кармана, камушек. На этот «камушек» дед взял в аренду Белую Дачу у станции Бернгардовка. Это был бывший усадебный дом швейцарца Иоганна фон Бернгардта, владельца мызы Бернгардовка. У Бернгардта также была прекрасная молочная ферма. После революции швейцарцы уехали в Швейцарию, а породистых швейцарских коров «разобрали» соседи. Вот мой дед и начал возрождать эту молочную ферму. Отремонтировал коровник, нанял рабочих и выкупил у соседей несколько породистых коров. Дело пошло. Молоко, сметану, творог, масло возили на рынки Петербурга. Начали делать сыр. У меня есть старая фото-

графия. На ступенях широкого крыльца Белой Дачи многочисленные друзья и родственники, приехавшие в гости к деду из Петербурга.

Но и «НЭП» был недолговечен. Советская власть сумела ещё раз устроить «экспроприацию экспроприаторов». НЭП закончился тем, что «недорезанные буржуины» потеряли чувство опасности и вылезли на свет Божий со своими спрятанными деньгами. У буржуинов всё пересчитали, а потом всё отобрали, а их самих постреляли или послали в тайгу рубить лес.

Цветы

Но мой дед Адольф Вильгельмович был уже очень опытным и хитрым банкротом. Он позаботился о собственной безопасности на год раньше, чем в стране началась сплошная коллективизация в сельском хозяйстве и национализация в промышленности. Для своей молочной фермы дед заказал в Англии в кредит какие-то сверхновые и очень дорогие сепараторы. Безграмотные и неумелые рабочие эти сепараторы сразу поломали, а кредит нужно было срочно выплатить и какую-то ещё неустойку с процентами. Пришлось отказать и от молочной фермы, и от Белой Дачи. На «остаток» денег дед купил простой (но двухэтажный) деревянный дом вблизи станции Бернгардовка. От многих банкротств дед был настолько опытен в денежных делах, что устроился работать скромным бухгалтером в детский дом, расположенный в старинной усадьбе Приютино. На своём приусадебном участке дед сажал не картошку, а цветы. Цветов было много. Были и клумбы, и оранжереи, и в горшках, и на стенах. Дед опять начался умных книг, и многие цветы на его участке были экзотическими. Дед получал семена цветов из Ботанического сада и в конвертах от других цветоводов. Дачники платили деду за жизнь среди цветов, намного больше, чем у соседей. И цветами можно было торговать. Это Советской властью тогда это не возбранялось. Конечно, дед оставил себе пару породистых коров. Дачники покупали хорошее молоко и цветы.

P.S. Потом, в помещении Белой Дачи

была школа. Мой друг Олег ещё ходил учиться в эту школу за 3 км. Сейчас Белую дачу разрушили и построили на её месте современные коттеджи.

А что в Казани?

Права была тётя Капа, когда они с дядей Васей остались в Казани, понадеявшись на Божью помощь. Взрывы пороховых заводов и складов многое разрушили, но дом моего деда уцелел. После Октябрьского переворота в дом заявились пьяные матросы, перепоясанные пулемётными лентами с целью реквизировать буржуинское жильё. Но тётя Капа заявила, что дом уже реквизирован и она, бывшая служанка, теперь хозяйка дома, в котором была прислугой. Тётя Капа напомнила матросам слова Ленина, что «кухарка будет управлять государством», и угостила водкой. Выпили, закусили и ушли.

Дядя Вася, брат деда сумел выправить документы, что он был садовником в господском доме, а его жена была служанкой. Для новой власти это было хорошим прикрытием. Торговали яблоками из сада и потихоньку распродавали мебель. Получали письма деда. Знали, что моя бабушка умерла, а дед и дети живут в Петербурге у брата Фридриха. Уже можно было ездить по железной дороге, и что-то из одежды и более мелких вещей сумели перевезти в Петербург. Но, конечно, тётя Капа понимала, что это только временная отсрочка. Большой дом всё равно реквизируют. Нужно забирать самое ценное, а из Казани уезжать. Но в Петербурге жилья у них не было. Совершенно случайно дяде Васе и тётю Капе удалось завербоваться в Чудово, работать на стекольном заводе. После многолетней разрухи в стране было перебито много посуды. Не хватало даже простых бутылок, а водка была основным доходом государства. В Чудове дали квартиру и работу с хорошей зарплатой. Когда дед уже арендовал Белую Дачу, то тётя Капа сумела как-то передать ему ещё часть вещей, вывезенных из Казани.

А моя мама не ужилась со своей мачехой Маргаритой Георгиевной. Когда дед арендовал в Бернгардовке Белую Дачу, то мама оста-

лась в семье дяди Фридриха со своими двоюродными сёстрами Эльзой и Ирмой. Но мама хорошо помнила своё детство, когда в Казани жили одной семьёй с дядей Васей и тётёй Капой. Мама любила добрую и хозяйственную тётю Капу, почти как родную мать. Когда тётя Капа обжилась в Чудово, то мама уехала к ней и устроилась работать стеклодувом на Стекольный завод. Наверное, хорошо работала. У нас хранилась районная Чудовская газета, где была статья про ударный труд моей мамы и фотография, на которой приезжавший в Чудово В.М. Молотов вручает маме почётную грамоту и пожимает руку. А сама грамота не сохранилась.

Писать о приключениях семьи Ильиных,

соседей Кешнеров по Казани, нужно отдельно. Но в 1930 году Дмитрий Ильин работал журналистом в «Красной газете» («Петербургские ведомости», «Ленинградская Правда»). От дяди Фридриха Дмитрий узнал адрес моей мамы, поехал в Чудово и женился, а через год родился я. Детская любовь не стареет.

А мой дед спокойно прожил в Бернгардовке среди цветов до самой войны. Умер в Блокаду, но не от голода, а от инфаркта. Дед считал себя немцем и не смог пережить позора от того, что именно немцы устроили страшную Ленинградскую Блокаду. Перед смертью дед из последних сил потряс сжатым кулаком и со злобой произнёс: «Проклятый тёзка!» Это мой дед проклинал Гитлера.

Мой дедушка
Адальф Кешнер

Моя бабушка Аселанда,
урожденная Иордан

Мой прадед Иордан,
профессор Военно-
Медицинской Академии

Макар АЛПАТОВ

Дождь

...А просто летний дождь прошёл...

Слова из популярной
в прошлом песенки
из кино

И почему в этот день я не взял с собой зонтик? Ведь с утра стало абсолютно понятно, что за окнами Бог, а значит, и природа, не только нахмурили погоду, а явно сердились, гневались на нас, грешных, - казалось, что-то не устраивает их в нашей теперешней жизни - грозные грозовые тучи нёс куда-то зловещий ветер, гнувший к земле ещё недавно гордые под солнцем деревья и кусты, и даже трава была беспокойной.

В последнее время память начала круто подводить меня, и обстоятельства научили важное заранее записывать на листках календаря. Перевернув его страничку, я прочёл, что сегодня - 70 лет назад - мой отец вернулся с войны. Весь израненный, но - Слава Господу! - живой. Ему ещё предстояло долго пролежать в госпиталях, пережить «палату смертников», выжить и совершить много хорошего... Тот летний день для всей семьи остался навсегда радостным и незабываемым и запомнился ярко-солнечным...

...К нынешнему юбилейному Дню Победы во многих газетах и журналах люди рассказывают о своих родных - Героях Великой Отечественной Войны. Это, мне думается, хорошо и правильно, но почему-то кажется как-то нескромно выделять кого-то конкретно. Главный Памятник - Неизвестному Солдату - ведь Героями были ВСЕ, а обо всех невозможно поведать миру. Я бы мог рассказать много интересного о своём отце - капитане Советской Армии Леониде Ивановиче Алпатове - герое Отечества, защитнике Ленинграда, и не только я, а и его боевые и трудовые товарищи, но никого из них не осталось на земле, все они - неизвестные Герои-Победители, осво-

бодившие планету от фашистской гадины. Так пусть МОЙ отец остаётся в МОЁМ сердце, в МОЕЙ памяти Героем на все времена.

Много планов намечалось на этот день, но руки мои моментально сами одели меня, а ноги вынесли на подхвативший, как скорый поезд, ветер. Через полчаса я стоял у могилы родителей, и тут всё переменялось вокруг - выглянуло солнце и установилась тишина. День будничный, на кладбище - никого. Вот они мои Герои - отец-воин и мама, спасшая меня от смерти в блокаду, и бабуля рядом, и крёстная - поклон вам земной! Свечи догорели быстро. Да и сигарета потухла. Ноги привели к храму - в церковь «Кулич и Пасха». Здесь меня крестили ещё до войны, и крестик все годы жизни со мной - стёрся уж от времени, но не потускнел, как и Вера моя. И вот я на своей малой Родине - за Невской заставой на Троицком поле. Конечно, ВСЁ изменилось - школы, где учился, больше нет, на её месте - громада жилого дома, двор заставлен дорогами автомашинами. К блокадному детсаду не смог подойти - там ремонт идёт вовсю, а дом, где в войну находился магазин, откуда мы получали свои блокадные кусочки хлеба, отремонтировали - он пока стоит пустой и выглядит на фоне общей разрухи и обшарпанности (особенно моего бывшего дома) как белая ворона, вернее, кремовая - по цвету. Постоял у окна своей блокадной квартиры. Воронка от бомбы, из-за которой я чуть не погиб, с 1942-го года заросла, но контуры ещё видны. Здесь - всё рядышком. В разных домах и парадных жили мои родные, друзья по детсаду, одноклассники, вон в той парадной - моя первая любовь... Откройся, дверь, и пусть она выйдет красивая и ненаглядная!.. Но... Практически никого из них уж нет. Захотелось зайти и посмотреть - как там сейчас внутри, кто живёт? Да разве можно? Неудобно беспокоить людей. Горка посреди двора, где я мальчишкой пел, славя Победу 9 мая 1945 года, уже не деревянная, а современная - из разноцветных радужных материалов. Поразило множество нерус-

ских лиц - и взрослых, и, особенно, детских. И непонятная чужая речь...

Вспомнились наши жаркие споры с приятелем-блокадником, хороший был певец (мир светлой памяти!) - любили его зрители. Он настаивал, что у нас совсем мало используют профессиональных **КОРЕННЫХ** деятелей культуры, искусства, науки и спорта, родившихся на берегах Невы. Остальных он называл странным словом «приблудные» - «сам знаешь, откуда родом та или этот» - и твёрдо уверял, что «город может и должен справляться своими силами, а «варяги» - пусть способные, да и понахальнее нас, рождены прославлять собственные города и страны». Он не завидовал их званиям и регалиям, их успеху - у него всё это было, отдавал дань, что они приносят славу нашему городу, но переубедить его никак не удавалось. На мои возражения он отвечал всегда: «Они были, есть и будут - чужаки. Им не дано понять душу нашего города - это надо пережить самому, с этим надо родиться. Они врут зрителю, когда твердят, что любят, играют чувства, а мы живём Ленинградом - Петербургом - Петроградом - Петрополем. А ты - добрый, для тебя - все хорошие. Это неправильно». Нет! Я не добрый и совсем не хороший, а такой, какой есть - простой обычный пролетарий искусства, не меньше его любящий свой неповторимый город - читал ему свои стихи, приводил доводы и резоны, что можно сродниться с городом, где прошла основная часть их жизни, проникнуться его духом - бесполезно. Он так и ушёл в могилу, считая себя правым в своих переживаниях о нашем будущем. Как и подруга моего блокадного детства, ненавидящая немцев и всё, что связано с Германией, с младых лет и до глубокой старости - у неё война и блокада отняли всех родных - «Никогда не прощу ни их старшему, ни их новому поколению, они навсегда - наши враги, так решила история, жизнь, и ты ещё в этом убедишься».

- Ну, не может быть плохим целый народ! - спорил я.

В ответ: «Исключения – только подтверждают правило. Наверное, ты прав, но я не изменю своим убеждениям».

Впрочем, каждый волен думать, как чув-

ствует, как хочет. Простите меня, ребята, я остаюсь лояльным. И благодарен всем, кто приносит себя, свой талант на благо моего родного любимого города... И всё же что-то тревожит, заставляет задумываться и помнить слова и рассуждения моих ушедших ровесников, земляков-блокадников, особенно здесь, где положено жить твоему детству и где не прогресс и время всё изменили, а что-то другое. Что?..

...Я остановился, зажатым между новыми незнакомыми домами. Всё застроено - нет былого простора. Шумит КАД, зовёт куда-то скоростная магистраль - десяток километров до Рыбацкого, а деревни Мурзинки нет - съел город. Мамина школа на проспекте Обуховской обороны сохранилась, а вот роддома, где я появился на свет - нет, там какое-то предприятие. Громада бывшего завода «Большевик» распалась, как связь времён, - филиалы концернов, новых незнакомых и непонятных организаций с иностранными названиями. Хотел дойти до сада «Спартак», вспомнить спортивное детство - как мальчишкой играл в футбол, поглядеть поближе на родную Неву: может, тронуть рукой святую невскую воду, но тут, словно решив не пускать меня в юность, полил сильный дождь. Укрыться было негде. Я тут же промок до нитки. Капли дождя и слёзы смешались. И, пожалуй, впервые в жизни мне стало ТАК жаль себя самого, до боли души. Я люблю дождь - он очищает во всех смыслах, можно дышать озоном, чистым воздухом, полной грудью, всю силой лёгких... Но мысль: «Почему я не взял с собой зонтик?» буквально буравила мозг. А ливень усиливался, не обращая на меня никакого внимания и гнал к станции метро «Пролетарская», которая по-современному, как тарелка НЛЮ, укрывала всех желающих от потока воды с небес... А я вдруг решил - не пойду в метро (пусть льёт бальзам дождя на измученную сомнениями душу!) и рванул к бывшему ДК им. В.И. Ленина, где ещё в середине прошлого века - не смейтесь! - спел свой первый концерт, где уже спел и мой внук, а может, и правнук когда-нибудь споёт.

Что, дорогой читатель, надоело на минорном прицеле дождя? Вспомнил я про пение,

и надо, чтоб на жизненную сцену вышел ещё один любопытный персонаж - моя соседка Любочка. Когда я назвал свою старшую дочь Любовью, друзья прикалывались: «А жена твоя, Елена Прекрасная, тогда кто?» А мне всегда нравилось имя Любовь, сейчас, в старости, даже пуще. Ноги вот что-то в последнее время стали подводить, плохо ходят, а соседка Любочка - она года на полтора постарше - уговаривает: «Расхаживать надо их, давай пойдём пешком от дома до метро - всего-то пара остановок.» Ну, мужик - всегда пижон, надо показать себя перед дамой даже через боль. Пошли. А Любочка из тех, кто не замолкает ни на секунду, и понеслось:

- Слыхала тебя в субботу по радио - как здорово, что ты любимую моего папы песню спел про солдат да про войну. У нас и пластинка твоя с этой песней есть, что ты маме моей подарил. Были - на виниле! Помнишь, они на твоём концерте в театре эстрады были? Так им понравилось, что мама, как только начинала печь пироги, особенно с капустой (твои любимые - помнишь, какая вкуснятина? - прям тает во рту!), так сразу первый кусок тебе доставлялся из двери в дверь. Да, насчёт пирогов - ты слушаешь передачу по радио с Лазерсоном - шеф-поваром? Вот он - молодец, наш человек, так болеет за своё дело, всё старается объяснить и сердится от души, когда у других не получается - настоящий знаток-шеф-повар! А вот второй ведущий - Спичка - у меня к нему претензии есть - хоть он и горит ярким пламенем. Ты там бываешь на радио, передай ему: нельзя так музыкально-кулинарный конкурс делать - когда Магомаев или Утёсов, Пугачёва или Леонтьев, ну, Валерия или, скажем, наши ансамбли «Дружба», даже «Кино», или иностранцы известные - ты знаешь, я на гитаре с юности играю, хоть и самоучка, в нотах не разбираюсь, всё по слуху, вот твоей маме песенки подыгрывала - популярную музыку могу отгадать, но этот Спичка зажигает такие не наши песни, что и молодёжь не узнаёт, кто поёт. Нельзя ставить нас в неравные условия - я и американцев и старых, как Синатра, знаю, и новых - вот который сам играет и поёт, Стиви - молодец! Да и другие...

- Уандер! - успел вставить я.

- Во-во! Но этих совсем новых безголо- сых хрипунов и визгулек - как всех узнавать? Несправедливо. Надо, чтоб хоть половина была русских наших, мы их буквы отгадаем и будем, как на «Поле чудес» стараться угадать всё слово зашифрованное, вернее, название блюда, чтоб с Лазерсоном познакомиться и его стряпнёй-готовкой. Так и передай.

- Да у нас редакции разные, - отшучивался я.

- Это жалко. Но всё равно скажи начальству - простые люди спрашивают: «В какой стране живём?» Вот диктор мелодичным голосом говорит о погоде, и вдруг ни с того ни с сего кто-то (и не понять какого рода) начинает дико вопить - я же языка-то не понимаю, только немецкий в школе учила, и мне всё думается, что они ругаются чуть не матом, сердятся на нас за что-то что ли, да у их песен слова почти одни и те же или кажется. Вот наем- ни после передачи об овощах (как их растить) объявили ансамбль «Нирвана» - ну, решила, нежное что споют, а тут он, сердешный, так заорал, что наш кот рванул с кухни в комнату и забился под кровать, еле потом уговорили бедную испуганную животную выйти поесть. И имя страшное - Кнут Кобельн.

Тут я чуть не упал от смеха:

- Да не Кнут Кобельн, а Курт Кобейн - это был популярный исполнитель в своём жанре!

- Да я не против, но после помидор и огурцов, да и кота жалко. Или вот Гребенщиков. «Аэростат» - авторская программа - ну, не любит он нашу музыку и всё тут, ему забугорную нравится слушать и нас заставлять, хотя сам, было дело, мелодичную пел и по-русски. Я его песню «Под небом голубым» подобрала на гитаре и детишкам играла. Потом, правда, оказалось, что только слова его, а музыка другого композитора, но слова мне нравятся. Да и ты в театре Эстрады пел его песню (помнишь? - про серебро Господа) - красивая ведь мелодия? А не нравится ему наша музыка, так пусть садится в свой Аэростат и летит туда, где его любимые песни поют да и нас в покое оставит. Нет, ты не думай - я считаю, у всех народов есть своя лучшая музыка - вот её и надо слушать по радио и по телевизору - мы знаем отличных артистов из Европы и

Азии, и Америки - всего мира. Есть вечером перед сном передача «Мой путь» - «Май вэй» по-ихнему. Там, бывает, здорово поют. И вот ещё что - к метро уже подходим. Предложение имею к твоему музыкальному начальству на радио - помнишь, делали радиомосты между странами? Теперь что-то не слышать. Так вот. Представь - хотя бы один день на радио в Нью-Йорке сделать так: - 6 утра - Гимн США. Дальше - последние известия - на их языке, конечно; и сообщение о погоде, и тут шикарная русская певица Лидия Андреевна Русланова запекает по-русски во всю ширь: «Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село, горе горькое по свету шлялося и нечаянно к нам забрело» и так целых 5 минут - красиво и раздольно. Потом снова на их языке - передача о вкусной и здоровой пище, после которой «золотой с хрустальным оттенком голос России» Ник. Басков заводит свою нескончаемую «Шарманку» по-русски, а вот передачу об успехах Евросоюза завершает неутомимый Валерий Леонтьев с песней «Бегут, бегут, бегут...». Рассказ о положении на Украине заканчивается родными мотивами президента Обамы в исполнении Ларисы Долиной. Передача из цикла «Любимые певцы эстрады Москвы» - здесь самому можно выбрать героев. Через пару часов - кого хочет в эфире послушать ветеран Любовь Иванова из Санкт-Петербурга - поют Лидия Клемент, Мария Пахоменко и Анатолий Королёв. Может, и ты бы спел? Ну, а перед сном всех жителей Нью-Йорка - любителей русского романса - пригласят на концерт Валерия Агафонова! Ну как, что будет (если такой радиодень состоится) с теми, кто его сделает? А у нас такое или подобное почти каждый Божий день - вот и повторяю вопрос: Где мы живём? В России? Что со своей-то музыкой?

Мы дошли до метро. Любочке надо было ещё зайти в магазин, а я уже торопился на радио.

- Знаю, ты - профессор, весь заслуженный артист, наград полна грудь, а слабо передать это предложение своему начальству и посодействовать? - улыбнулась моя соседка.

- Боюсь, не поймут юмора, дорогая моя тараторка, ни тут, ни там, - открестился я.

- Наш русский юмор не всякому по плечу. Не зря говорится - «умом Россию не понять...»

- Да, в Россию можно только верить...

- И нужно... Ну, бывай, соседка! Ноги то хоть расхотелись?

- Спасибо, Любушка-голубушка!...

...Музыка дождя навевала мысли о нашей действительности, о русском человеке, о его простоте и противоречиях, о вечных спорах, которые мы ведём сами с собой и между собой. Русский человек для меня - это аккорд, нет одноголосия - все мы разные... И куда и когда этот аккорд может разрешиться? В какое трезвучие, в мажор, минор или ещё во что-то - новое, непонятное, неизвестное... Тем более, у музыканта, у певца...

Когда носишь очки, то дождь - большая помеха: в очках ничего не видно - расплывчато, а снимешь их - ещё хуже - всё, как в тумане, и надо бояться оступиться и упасть.

...И за что и почему Господь так решил и лишил вдруг трёх привычных и долгожданных времён года? Взгляните на невское свинцовое небо - как будто постирали простынь жизни, пересинив до серого оттенка бытия... А где же зима, где свежий сладкий снег? Весна, когда зовёт всё изменить первый гром? Где лето, когда душа теплом и солнышком любви согрета?.. Неужели мне осталась лишь вечная осень? И не будет солнца, а только дождь? От этого тоскливо очень и осень начинает входить в привычку. И тут мне показалось, я понял - может, поэтому я и позабыл и не взял с собою зонтик...

...Вот и добрёл, вернее, довёл меня дождик до Дома Культуры - он теперь называется «Троицкий». Бог Троицу любит? И я - мальчишка с Троицкого поля, пусть МОЕГО Троицкого поля давно уж нет. А, может, и меня тоже нет, и мне всё это только снится-кажется... Хрен редьки не слаще в 75 годков, хотя душа с протянутой рукой просит молодости...

...Дождь по пятам смывал мои следы. Вода, торопясь, убегала в сторону Невы, чтобы раствориться в ней навсегда. А как же я?..

Да будет дождь! - сладко-солёные слёзы памяти, надежды и тоски по родным с детства незабываемым местам...

Бывает, что Господь Бог и природа плачут вместе с нами, грешниками - а что это значит? Дождь? А солнце где? Здесь - между строк? Ты видишь, пронизательный читатель? А я что, ослеп?!.

Из цикла «Юбиляры»

Лермонтову - 200 Спасибо, Лермонтов!

15 ноября 2014 года весь творческий мир отметил апогей 200-летия со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. У каждого свой Лермонтов. Вот и я и радовался и грустил. Почему? Расскажу. Всю жизнь меня сопровождали в нелёгком актёрском пути, в основном, три поэта - Пушкин, Лермонтов и Есенин. Конечно, к ним в разное время добавлялись и другие - особенно стихотворцы времён, обожжённых войной и блокадой. Пушкин - наше всё, это я стал чётко понимать, повзрослев, но Лермонтов и Есенин, которых любили мои родные, вошли в мою плоть и кровь с самого раннего блокадного детства. Первыми стихами для меня стали строки из знаменитого «Бородино» - им меня учила бабушка. И когда я выступал в госпитале для раненых, которые видели во мне образ своего ребёнка, рядом со стихами К. Симонова и песнями Соловьёва-Седого всегда звучали строки Лермонтова. И 9 мая 1945 года в День Победы они оказались со мною в праздничном концерте, хотя и не были запланированы - их встретили горячими аплодисментами. Первой моей школьной постановкой стала «Песня про купца Калашникова», где я, увидев в кино Н.К. Черкасова, решил сыграть самого Ивана Грозного, а во время пения гуслей нещадно мучил открытые струны школьного рояля. Когда я пришёл в хор Дворца пионеров им. А.А. Жданова, то первым моим сольным вокальным номером стал лермонтовский «Парус». Моему мальчишескому дисканту были подвластны предельные верхушки, и поначалу этот романс превратился в мой собственный, как теперь говорят, шлягер или хит. Мой отец, писавший на фронте и особенно после ранений в госпитале, стихи о своих товарищах-бойцах и о Победе, лю-

бил петь «Выхожу один я на дорогу» и «Нет, не тебя так пылко я люблю». Тогда я не знал, чьи это стихи - отец был почитателем Лермонтова. В день совершеннолетия он подарил мне четырёхтомник поэта, с которым я не расстаюсь и сегодня. Я прочёл всё - от корки до корки, и не один раз. Поскольку руководитель хора Дворца Пионеров - знаменитая М.Ф. Заринская - видела во мне в будущем профессионального вокалиста, мне всегда хотелось, чтобы для меня написали оперу «Мцыри» и я бы спел главного героя, но... Заброшенный судьбой в благословенную тогда Грузию, я не отказывался от своей юношеской идеи, в одиночестве любил ходить по лермонтовским следам, любоваться в ночи как бы висящим в небе храмом Джвари, продолжал мечтать. Уже спев в пушкинских операх Чайковского, я ждал своего часа в «Демоне». Но пока был молод и подготовил вечер вокальной музыки на стихи Лермонтова - четыре монолога Демона, романсы и песни, и это дало дополнительный заработок к студенческой стипендии. Тогда же я начал сотрудничать в грузинских газетах (надо было зарабатывать на пропитание) - мне доверяли рецензии на музыкальные спектакли. Я влюбился в юную танцовщицу, исполнявшую главную роль в балете С. Цинцадзе «Демон», и меня осенило: «Мцыри» - это балет! Я написал больше десятка вариантов либретто балета «Мцыри», но не забывайте, что я - русский, предположите: какого труда мне стоило добиться его осуществления. 50 лет назад на сцене Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили балет А. Баланчивадзе «Мцыри» (по М. Лермонтову) увидел свет - к 150-летию поэта.

Я не стану рассказывать обо всех трудностях - бумаги не хватит. Самой большой победой мне казалось убедить, что Мцыри не должен танцевать сцену борьбы за жизнь с одетым в шкуру барса актёром, а именно соло - один на один с силами природы. Нелегко было отстоять Горскую свадьбу с похищением Мцыри в первом акте и Танцы Золотых рыбок в бреду жажды истекающего кровью Мцыри. И ещё - Лермонтов первоначально именовал поэму «Бери» - монах по-грузински. Название «Мцыри» - малый, младший послушник

- появилось позднее. Прочтите повнимательнее название первого лермонтовского варианта поэмы - как с ассоциациями? Но мечта моего детства осуществилась, хотя я всё ещё надеюсь, что рано или поздно родится и опера с таким названием. Музыкальных спектаклей на сюжеты великого поэта много - и опер, и балетов, но мировое признание по большому счёту получила лишь опера Рубинштейна «Демон». И, конечно, стоит помечтать, что появятся композиторы, которые смогут воплотить блистательные произведения Лермонтова в современные музыкальные спектакли - мюзиклы. Особенно просятся на сцену «Маскарад», «Герой нашего времени», «Кавказский пленник» - это моё мнение.

Теперь о грусти. На сцене мне пришлось сыграть разных поэтов - С. Есенина (спектакль так и назывался «Я - Есенин»), К. Симонова («Жди меня или письма с войны»), Вс. Вишневского, М. Дудина, Ю. Воронова, Л. Хастова и др. К 100-летию С.А. Есенина театр «Родом из блокады» поставил спектакль «Есенин и блокада», вызвавший много споров, а главное - интерес. К 200-летию А.С. Пушкина вышел спектакль «Пушкин и блокада» - тоже не оставшийся незамеченным. Тогда же было намечено продолжить этот цикл к 200-летию М.Ю. Лермонтова - я считал это своим долгом перед любимым поэтом, но... судите сами! В спектакле должны были играть: нар. арт. РФ Ю.С. Родионов, засл. деят. иск. РСФСР, профессор З.В. Савкова (бабушка поэта), засл. работник культуры РФ, артист и поэт А. Молчанов (роль С.Раевского), артисты театра «Родом из блокады» - А. Баранов, З. Дмитриева, А. Снытников и др. Наброски сценария сделал наш завлит - известный литератор, журналист и педагог А. Гребенщиков. И поверьте мне на слово - это было не только интересно, а и необычно, но никто из них не дожил до наших дней. Отголоски этого несбывшегося спектакля прозвучали на Радио «Петербург» в традиционной передаче о театре «Родом из блокады» рядом с романсами и песнями на стихи вечно молодого юбиляра (странно чувствовать себя почти в три раза его старше - это просто не укладывается в голове).

И вот ещё смешная мажорная история,

связанная с М.Ю. Лермонтовым. Почти 20 лет назад на гастролях нашего театра в Париже я пошёл прогуляться перед выступлением в Российском Доме. Лермонтов, как ни странно, никогда не был за границей, тем более в Париже, но у него есть три стихотворения, написанные по-французски, которые я знаю наизусть. На площади Дягилева у Гранд Опера, вспомнив, что скоро день рождения поэта, у меня в голове стали звучать его стихи «Жё плёр ан сэкрэ» - «Я плачу втайне». И вдруг родился вальсовый мотив. С собой ничего не было, кроме газеты с рецензией на наши выступления, и я, начертив нотный стан, записал тему и поспешил в Российский Дом, где перед началом показал придумку концертмейстеру, и мы решили спеть этот экспромт зрителям. Передаю слово журналисту О. Сердобольскому - последний абзац его статьи из цикла «Автограф в антракте» под названием «Как я перевёл Лермонтова на русский язык» (с моих слов, разумеется): «В тот вечер со мной случилось ЧП. Во время исполнения, волнуясь, я забыл слова своего только что сочинённого романа «Я плачу втайне» на стихи Лермонтова, написанные по-французски. Обычно в таких случаях поёшь какую-нибудь абракадабру. Но произошло невероятное: я стал импровизировать русский перевод, полное впечатление, что с неба помогал сам поэт. Мне бы никогда так не удалось. И когда я потом посмотрел видеозапись, то вовсе не пришёл в ужас. У меня даже есть надежда, что Михаил Юрьевич, поняв обстоятельства происшедшего, за этот перевод не вызвал бы меня на дуэль...»

И всё же хочется, чтобы дорогие читатели хотя бы виртуально побывали на задуманном спектакле-воспоминании «Лермонтов и блокада». Готовы?

Открывается занавес. Мальчишник - гусарская пирушка - празднование юбилея Маёшки (это прозвище поручика Лермонтова), на сцене все в масках, гам, чоканье. Представили? Но вот зал замолкает - под гитару звучит романс, о котором я только что рассказывал вам, в исполнении друга и родственника поэта-гусара Александра Столыпина по прозвищу Монго (его роль была поручена мне). Громкие аплодисменты, возгласы одобрения,

снова начинается шум, но, перекрикивая всех, слово берёт тамада пирушки Монго:

Все до краёв наполнили стаканы?

Ведь мы, друзья, пока ещё не пьяны.

Сегодня в день двухсотый Михаила

Мы знаем - есть в нём поэтическая сила,

Что делает его великим среди людей,

Хоть он для нас гусар, что всех в бою

храбрей.

Про юбилей ваш Александр держит

слово.

А у маэстро музыка готова? (вступает тема вальса).

Порадуйте в один из славных дней!

Девиз наш грянем дружно: Пой и пей!

За Михаила! Чокнемся! Поздравим!

Заздравную споем! Маёшку мы

прославим!

Поручик Лермонтов, вам нынче 200 лет,

А ведь недавно были вы корнет.

Не уставали повторять, что вам

всего лишь двадцать пять.

*Что в нас во всех пируют бесы, что мы -
кутилы, бабники, повесы!*

Да! Славно мы за 200 лет повеселились!

А вы, мон шер, совсем не изменились -

Что 25, что 200 - одни и те же вести!

За Михаила! Чокнемся! Поздравим!

Героя времени прославим!

Ну, кто там возникает: тише, тише?

У нас здесь юбилей родного Миши!

Не замолчишь, так тут же на дуэль.

А мы всегда стреляем точно в цель!

Но выпить нам давно пора.

Пусть до утра звучит: УРА!!!

Во имя Бога и добра

пусть крепнет дружбы нашей сила.

Так пой и пей за юбилей! За Михаила!

(все дружно пьют... провозглашают здравицы)

Тамада:

И по традиции такого Маскерада

Нам слово предоставит юбиляру надо!

Лермонтов встаёт, снимает маску. Музыка, шумные приветствия смолкают.

Юбиляр (тихо): *Благодарю, братцы!* (вырубка света).

Нет, это Вам спасибо, Михаил Юрьевич Лермонтов! Хорошо и счастливо оставаться вечно молодым!

Р.И. Тихомирову – 100

Памяти Учителя

1 сентября 70 лет назад пришёл преподавать на кафедру музыкальной режиссуры нашей Консерватории Роман Иринархович Тихомиров - музыкант, режиссёр, педагог - редкий, как и его отчество, деятель русской культуры. «Иринарх» в переводе с греческого значит «Вождь мира», свободолюбивый непоседа, склонный к перемене мест и чётко верящий в себя, что и доказала вся творческая жизнь нашего героя - он оказался достоин своего предназначения. Отцовские гены не заставили себя ждать. Как-то он сказал мне, поздравляя с днём рождения в августе: «Мы - творческие люди, родившиеся летом, когда время отпусков, вынуждены праздновать свои юбилеи на сцене только осенью, но так уж определил Бог, зато Львы. Так и будет всегда».

Роман Тихомиров родился 100 лет назад летом на Волге в Саратове и упокоился тоже летом в городе над вольной Невой, немного не дожив до 70 лет. С малых лет его звала музыка - увлечением была скрипка, но он один из немногих, кто изведаль почти все актёрские и режиссёрские профессии. Начал играть в драматическом театре в родном Саратове - он был яркое, хороше собою, сценичен, ладно сложен, имел красивый тембр голоса. В 1936 году поступил в Ленинградскую консерваторию на факультет музыкального воспитания в класс известного режиссёра и педагога Э. Каплана. Уже с третьего курса начал сотрудничать с «Ленфильмом» - учился у М. Калатозова и братьев Васильевых, М. Ромма, работал помощником режиссёра на кинокартинах С. Герасимова «Учитель» и Я. Протазанова «Насреддин в Бухаре»... Это - фантастическая киношкола.

Перед войной успел закончить консерваторию ещё и по классу скрипки. Когда началась ВОВ, пошёл воевать с фашистами - очень не любил рассказывать об этом периоде жизни, особенно о том, как был тяжело ранен и несмотря на отчаянные просьбы отправить на фронт, комиссован с «белым билетом». Судьба занесла в Ташкент, где стал музыкальным

руководителем киностудии и режиссёром. Тянуло в Ленинград, ставшим близким и родным. И вот - внимание! - в 1945 году Р. Тихомиров заканчивает ещё один факультет нашей консерватории - дирижерский, это редчайшее явление - режиссёр музыкального театра, имеющий дирижёрское образование, обретает возможность легко читать и трактовать композиторскую авторскую партитуру произведения, которое выбрал к постановке, да и ещё на равных творить с музыкальным руководителем спектакля, незримо стоя рядом с ним за пультом. Дебют состоялся на сцене оперной студии консерватории в детской опере «Волк и семеро козлят» М. Ковалёва. Нас, ещё совсем маленьких, водили на этот спектакль, и хоть это было очень давно, помню свой восторг. А в 1951 году на Саратовской сцене Р. Тихомиров утверждает себя как профессиональный режиссёр оперного театра, успешно поставив «Майскую ночь» Н. Римского-Корсакова.

Тяга к перемене мест дала возможность изведать вкус чиновничьей работы в Москве, которую (по его словам) он не особо жаловал, но раз надо - так надо. Начальник отдела музыкальных театров, художественный руководитель Центрального ТВ, председатель худсовета творческих объединений телефильмов на киностудии «Мосфильм», - но всё это совмещалось с оперными постановками во многих городах тогдашнего СССР - в Сибири, на Волге, на Украине, в Прибалтике, в республиках Средней Азии, на Кавказе, а потом и за рубежом.

Пять лет наш юбиляр возглавлял Новосибирский театр оперы и балета, а с 1962 года стал главным режиссёром Ленинградского Академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова, где прослужил более 15 лет. Р.И. Тихомиров прославился тем, что поставил более 30 спектаклей за творческую карьеру. Здесь и классика - Моцарт, Чайковский, Мусоргский, Глинка, Бородин, Римский-Корсаков (феноменальный «Китеж» в Большом театре Союза), Верди (особенно вызвала интерес первая трактовка в СССР «Силы судьбы»), Доницетти, Делиб. А также пионерством, приоритетом в решении произведений современных композиторов, и не только советских -

Мурадели, Холминова, Держинского, Хренникова, Успенского, но и Бриттена, Эркеля, Гершвина.

В Новосибирском ТЮЗе им был поставлен драматический спектакль по пьесе Розова «Страницы жизни», а в Ленинградской муз. комедии оперетта Кальмана «Баядера». И все эти годы Р. Тихомиров продолжал педагогическую деятельность, начавшуюся в нашей консерватории, затем в Москве в ГИТИСе и в Гнесинке, а с 1962 года снова в Ленинграде. Я не был студентом класса Р.И. Тихомирова, моими руководителями на факультете музыкальной режиссуры стали Я.Б. Фрид, М.Д. Слуцкая и Л.А. Павлова-Арбенина (её столетие грядёт на будущий год) - Тихомиров высоко ценил её мнение как одной из немногих женщин-дирижёров. Она и посоветовала взять меня на режиссёрскую практику в Кировский театр. Я смог воочию наблюдать работу и учиться у Мастера прямо на сцене. Как мы - молодые тогда - восхищались, когда он буквально на наших глазах за короткий промежуток времени ставил не только мизансцены героям, но и труднейшие массовые сцены - хор, балет, солисты - образно и музыкально! Это вызывало гром аплодисментов у зрителей. Как вы понимаете, тогда далеко не все спектакли снимались на плёнку, но фрагменты его блестящих работ остались - это неповторимая учебная школа, тем более, что его ученики высоко подняли и понесли знамя творчества Мастера. Такие, к примеру, как народный артист России С. Гаудасинский, В. Гончаренко, нынешний режиссёр-новатор Мариинского театра А. Степанюк. Стоит отметить постановки массовых зрелищ на стадионах с использованием современной техники с участием самых популярных артистов нашей страны, а также праздничных концертов на сцене Кировского театра и на других престижных площадках, в которых и мне приходилось участвовать. Жаль, но теперь всё это забыто. Доля театрального режиссёра такова, что его спектакли остаются только в памяти поклонников жанра, в котором он выступал, и со временем покидают сцену. Да, сегодня зрители не смогут вживую увидеть театральные работы Р. Тихомирова, но остались его

кинофильмы. Режиссёр снял порядка десятка кинолент, в большинстве из них был сценаристом, и эти картины продолжают жить, периодически появляясь на сегодняшних телеэкранах. Это - «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», «Князь Игорь», «Крепостная актриса» (по оперетте «Холопка»), знаменитый фильм-концерт «Когда песня не кончается», проходящий на фоне панорамы города над вольной Невой. Современный интернет позволяет посмотреть и другие работы замечательного Мастера в этом жанре. Откройте, не поленитесь и вы убедитесь в правоте моих слов.

Мне странно, что я так намного его пережил. Казалось, он всегда будет рядом - заводным, молодым, осуществляющим новые планы... Народный артист России, заслуженный деятель искусств РСФСР и Киргизии, лауреат Государственной премии им. М.И. Глинки, получивший на Международном кинофестивале приз за фильм-оперу «Евгений Онегин», профессор Роман Ириархович Тихомиров оставил востребованное незабываемое музыкальное творческое наследие.

Радостно сознавать, что мне посчастливилось не только работать с ним рядом, под его строгим, но доброжелательным взглядом, но и бывать у него дома, знать его семью, что именно он вручил мне Диплом об окончании факультета музыкальной режиссуры Ленинградской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, и мы даже обмывали его вместе.

Сейчас в Театре «Родом из блокады» продолжают работать его сын и внук, помогая создавать видео-историю нашего коллектива, а, значит, Р.И. Тихомиров с нами! И это неудивительно. Такие Мастера не уходят! Не могут и не должны уйти!

Открывая сезон 8 сентября, наш Театр не забудет отметить его юбилейные даты и всегда будет следовать его творческим заветам!

Артеку - 90

Песни о городе над вольной Невой летят над «Артеком»...

Этим летом пришёл день празднования 90-летия «Артека». Жаль, врачи не разрешили полететь в Крым из-за болезни сердца. И взбудоражилась память детства, зазвенели в душе песни, что звучали под горой Аю-Даг в крымском Суук-Су в далёком 1952-м году.

Тогда мне, ленинградскому школьнику, учившемуся петь в Хоре Дворца пионеров им. А.А. Жданова, посчастливилось провести целую смену в «Артеке» и отпраздновать 30-летие Пионерской организации песнями о родном городе на Костровой площади на берегу Чёрного моря. Руководительница хора, теперь ушедшая, легендарный педагог-хормейстер М.Ф. Заринская, рекомендовала наградить меня путёвкой. Тогда ещё не было знаменитых песен Соловьёва-Седого «Город над вольной Невой» или «Подмосковные вечера» (которые мы, ребяташки, стали потом переделывать в «Ленинградские вечера»), но уже приобрели известность «Играй, мой баян» и «Соловьи», «Прощай, любимый город» и многие другие, актуально звучавшие на берегу моря - «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...».

Музыкальный руководитель нашего лагеря, классный аккордеонист Вольт Григорьевич, играл на шикарном инструменте, на котором красовалось название - «Вольт», и вот заряженные им, мы пели и в пеших походах на Медвежью гору, и в лодочных - к скалам Агалларам, к «Ласточкину гнезду» у Ялты или в город русской морской славы Севастополь: «Поднятие флага, туман Аю-Дага, тебя, наш любимый Артек, // И крымские зори, и Чёрное море-мы вас не забудем вовек!», «У Артека на носу приютился Суук-Су...», «Облупились носы, износились трусы - нам пора возвращаться домой!». Ребята съехались со всей тогда огромной страны, и круто нас связывали именно песни. Сохранились фотографии, и теперь, взглядываясь в эти пожелтевшие снимки, на них я маленький, смешной, я вновь оказываюсь в невозвратимых днях детства.

День 30-летия Пионерии запомнился особенно - по внутреннему артековскому радио нас поздравили с праздничной датой, потом мы пели и читали стихи у радиомикрофона, а вечером на берегу моря (тут уж без микрофона) зажгли пионерский костёр и до глубокой ночи летели над черноморскими волнами наши звонкие голоса. Ещё не скоро побывают в космосе Спутник и Гагарин, а мы уже пели: «Летим мы по вольному свету, нас ветру догнать нелегко. // До самой далёкой планеты не так уж, друзья, далеко!» Как я радовался, когда мне подпевали наши ленинградские песни новые артековские друзья - девчонки и мальчишки со всей страны. Я люблю нашу славную Балтику, неповторимый Финский залив, родную Неву, но ласковую сладость Чёрного моря не смогу забыть никогда - мы ловили крабов и научились делать сувениры для родных, помещая краба в остов электрической лампочки, варили и с удовольствием лакомились мидиями, в походе на седловину Аю-Дага мне удалось поймать змею - полоза-желтопузика, он потом долго обитал в живом уголке моей ленинградской школы. Там я выучил много песен на языках народов Кавказа, Прибалтики, украинском, белорусском - это была хорошая школа, всё пригодилось...

Когда 15 лет спустя композитор А. Островский меня, уже закончившего консерваторию солиста московского музыкального театра, позвал съездить в «Артек» - я с радостью согласился. И хоть в фешенебельной гостинице Гурзуфа нам предоставили номера люкс, вскоре поспешил перебраться в сам «Артек», поближе к морю, где жил вместе с артистами молодёжного состава оркестра Всесоюзного Радио Ю. Силантьева. Как всё изменилось с 1952 года! Палаточного городка уже не было, зато количество лагерей сильно возросло. Отстроили новую Костровую площадь, как стадион, где в центре сооружали просцениум для выступлений артистов. В лагере звучали языки народов всего мира - дети со всех концов земли слушали наши концерты, в которых, кроме популярных песен Островского (особенно тепло принималась «Песня не прощается с тобой»), звучали песни о Ленинграде, конечно, Соловьёва-Седого, Носова - «Я счастлив,

что я ленинградец», А. Петрова; песни, рождённые войной и блокадой. Мы побывали в каждом лагере, провели гала-концерт при огромном стечении детей разных народов, видели их радостные глаза и улыбки... Мне снова посчастливилось окунуться в детство, как и в волны Чёрного моря... Магическое число ТРИ преследует меня по жизни. Уже будучи солистом Ленконцерта, когда я объехал почти весь СССР и побывал много где за границей, поступило приглашение на гастроли по Крыму на целый месяц - с молодёжным музыкальным ансамблем и ныне народным артистом РФ, мастером художественного слова С. Новожиловым мы объездили весь полуостров. И вот после концертов в Ялте, Ливадии и Гурзуфе я решил посетить «Артек», но пробыл там лишь пару часов. Хоть и утверждают, что Бог Троицу любит, в последний, третий мой приезд в «Артек» активно не порадовала погода и я мало что сумел увидеть - лагерь жил своей повседневной жизнью и для меня было утрачено чувство праздничности, но от этого «Артек» не стал хуже, поверьте. Глаза детей по-прежнему светились счастьем, как и в мои детские годы! И я помолодел...

Вряд ли мне когда ещё придётся побывать в «Артеке» - прошло более 60 лет с моего первого детского выступления на его Костровой площади. Мир изменился, всё вокруг изменилось - новые песни придумала жизнь - не надо, ребята, о прошлом тужить! У каждого поколения своя музыка, но мне кажется, что в дни празднования 90-летия «Артека» волны Чёрного моря подняли из глубин незабываемые песни нашего времени, которые заняли своё почётное место, поздравляя юбиляра, а я снова стал юным мальчишкой из города над вольной Невой и запел: «Ах, Артек, ах, Артек - не забыть тебя вовек!» Надо уметь мечтать...

Георгию Новицкому—25

Имя «Георгий» ассоциируется с «Победоносцем». И правильно. Одному из самых молодых членкоррвов АРСИИ им. Г.Р. Державина Георгию Новицкому 19 октября 2015 года исполнилось четверть века. А вот на сцене наш

земляк уже около 20 лет - не удивляйтесь! Его творческий послужной список поражает и впечатляет. Судите сами. С пяти лет начал занятия вокалом, фортепиано и английским языком - в детской вокальной студии «Созвучие» пропел около 13 лет (педагоги Н. Раздолина и М. Медведь), занимался в хоровом училище Капеллы им. М. Глинки, пел в Церковном хоре Никольского собора. Работал в Мариинском театре (детский хор и солист - педагог-хормейстер А. Тютрин) - в опере Мусоргского «Борис Годунов» исполнял партию Царевича Фёдора, пел детские партии в операх Чайковского, Пуччини, Бизе и др. В юном возрасте вместе с театром побывал на гастролях за рубежом - Вена, Грац, Баден-Баден и др., закончил музыкальную школу им. Д.Д. Шостаковича, с 2006 года как внук блокадников стал петь в Театре «Родом из блокады» (его дед - Георгий Георгиевич Новицкий, в честь которого и назвали Гошу и которого внук очень любил, - был защитником Ленинграда, став бойцом Народного ополчения). После мутации-ломки мальчишеского голоса - я начал давать ему уроки классического вокала и ставить взрослое певческое дыхание, далее он закончил Университет Культуры и искусств (педагог Т. Ручинская). Во время обучения в музыкальном ВУЗе побывал на стажировке в Италии. Вернувшись, продолжая обучение и пройдя строжайший кастинг в театре Музыкальной комедии, был приглашён на одну из главных ролей - Альфреда - в шоу-мюзикл «Бал вампиров». Постановщик К. Балтус и дальновидный директор театра Ю. Шварцкопф разглядели в тогдашнем студенте 2 курса позитивное начало и большое творческое будущее. Новицкий сыграл более 160 спектаклей и был выдвинут в номинации «Лучшая мужская роль в оперетте/мюзикле» на престижную российскую национальную театральную премию «Золотая маска». Этой премии был удостоен мюзикл «Бал вампиров». Кстати, с самого раннего детства, участвуя в различных конкурсах, неизменно становился лауреатом («Серебряные голоса», «Хрустальный ключ» - Гран-при, «Золотая Пальмира», трижды на Международном конкурсе детского музыкального творчества им. Д.Д. Шоста-

ковича - Гран-при с получением сертификатов - денежных грантов). Уже будучи принятым в Державинскую Академию, наш герой стал лауреатом и получил приз зрительских симпатий на Международном конкурсе «Весна романса» в БКЗ «Октябрьский» в своём родном городе и завоевал лауреатское звание на Московском Международном конкурсе молодых исполнителей русского романса в Колонном зале Дома Союзов. Ему помогло исполнение романсов не только прошлых лет из репертуара, ну, скажем, В. Агафонова, но и новое своеобразное прочтение современных произведений на стихи Е. Раевского, особенно «Посвящение женщине» и «Давай с тобой увидимся во сне» В. Минкина, с успехом спетые в Большом и Малом залах нашей филармонии, в залах Дома композиторов и Капеллы. А слышали бы вы, уважаемые читатели, как в Доме Актёра им. Станиславского или в Доме офицеров проходила презентация романа Н. Веселовой «Друг мой, кот...», где чтение фрагментов о блокаде из этого блистательно-го произведения венчала песня «Остаюсь ленинградцем» нашего земляка-блокадника С. Пожлакова в исполнении Г. Новицкого! В его музыкальном творческом портфеле есть произведения и других членов АРСИИ, например, моя песня «Имидж» - памяти Дассена и некоторые мои переводы песен с английского и итальянского, в том числе, знаменитая «Petite» - «Для тебя». Надо отметить, что Новицкий и сам пишет стихи, музыку, делает аранжировки, но очень требовательно относится к своему творчеству и пока не выносит свои произведения на суд публики. Певец неоднократно безвозмездно, как и на сцене Театра «Родом из блокады», выступал на встречах-конференциях Академии в Музее Н. А. Римского-Корсакова, и присутствующие могли по достоинству оценить его мастерство и редкий по красоте тембра голос широкого диапазона. В репертуаре артиста русские народные песни (особенно полюбили зрители «Ах, ты, душечка» и «Калинка»), оперная классика (в Ледовом дворце в оперном шоу на льду покорила песенка Герцога из «Риголетто» Верди), песни войны и блокады, услышанные от бабушки-ленинградки и привитые ещё учителя-

ми в детской студии «Созвучие». Мне приходилось петь с Георгием на сцене в дуэте песни Соловьёва-Седого и Прицкера - искренность его исполнения подкупает. Все товарищи по сцене утверждают, что Новицкий - прекрасный партнёр. Его репертуар многообразен. Кроме упомянутого выше, разумеется, англоязычные мотивы «Be my love» и «My way», произведения из репертуара К. Кобейна, К. Тейлора, Ф. Синатры, Э. Хампердинка, Д. Гробана, песни на итальянском, французском, белорусском и украинском. Из наших певцов ему близки Е. Мартынов, В. Ободзинский, М. Магомаев - так он сам говорит в интервью, которых, к сожалению, не так много. Наш земляк круто скромн и это, надо признаться, большинством поклонников осуждается - но уж какой есть...

Директор театра «Родом из блокады», заслуженный работник культуры РФ Л.И. Демидова написала о Новицком в юбилейном буклете коллектива: «Его, как настоящего музыканта, всегда отличают глубокое и трепетное отношение к замыслу композиторов исполняемых произведений, тщательность проработки вокального материала, образность воспроизведения. Ему присущи воспитанность, корректность, интеллигентность и уважительное отношение к окружающим». Е.П. Раевский, вручая Новицкому очередную заслуженную академическую награду, отметил его чуткое прочтение сценического слова и редкую музыкальность.

Как же за четверть века удалось пройти такой творческий путь, что далеко не все могут уложить в целую жизнь? Спасибо надо прежде всего сказать маме - Елена Георгиевна Новицкая по специальности инженер-экономист, но в этой питерской семье музыка всегда почиталась особо, это шло от бабушки Анастасии Иосифовны - истиной меломанки. Гены не заставили себя ждать. В семьях, когда у ребёнка с самого раннего младенчества не закрывается рот и поётся целыми сутками без перерыва (по себе знаю), надо суметь понять любимое чадо и направить на творческую дорогу, хотя изначально понятно, что путь этот не может быть лёгким. Учиться петь - это в радость, а каково сидеть за фортепиано, вы-

игрывая гаммы, или за учебником английского, когда друзья-приятели от души гоняют в любимый футбол?! Надо было очень верить маме, чтобы слушаться и добиваться успехов. А у него не характер - норв - особое понятие о справедливости и честности, и вечно он борется за собственное мнение, за своих друзей, за правду. Это для всех хорошо, кроме него самого. На счастье по жизни ему попадались хорошие, крепкие, умные, профессиональные педагоги, и он научился их распознавать.

Вы что думаете, он весь такой светлый и пушистый, что его и поругать нельзя и не за что? Пусть не обижается, а я обязательно напишу. Закон «Артист-вокалист должен следить за своим здоровьем, заботиться о нём - это входит в понятие профессионализма» не вполне соблюдается Георгием. Другое дело, что он может работать в любом состоянии, но зачем же, создавая самому себе трудности, потом их героически преодолевать? Это подчёркивание национальной черты характера? У артиста большая нагрузка - спектакли, концерты, надо уметь организовать свой быт - вовремя и рационально питаться, соответственно одеваться (беречь горло), уметь отдыхать и главное - не прекращать, а увеличивать занятия специальностью - вокалом в первую очередь.

Известный педагог, актриса и режиссёр Театра «Родом из блокады» заслуженный деятель искусств РФ профессор З.В. Савкова, отмечая «эффектную сценическую внешность Новицкого», его «вокальную харизму и безупречную дикцию», сетовала на «некоторую скованность, зажатость и статуарность на эстраде» - «мало сценического движения».

По общему мнению, за время работы в Театре Музыкальной Комедии он сделал громадные успехи в пластике, танцевальности и драматической игре - это радует, но такой редкий по всем параметрам голос необходимо беречь, сохранять и - не удивляйтесь! - развивать. Всё зависит только от него самого. Георгию в создании сценических образов помогает теперь его подруга Кристина - своеобразный фотограф и любопытный дизайнер с безупречным вкусом.

Когда Новицкий представляет театр «Ро-

дом из блокады» на Дворцовой площади, на улицах Великого города над вольной Невой, на лучших концертных площадках (поверьте, не так много солистов, тем более его возраста, кто имеет возможность выступить в самых популярных и вместительных залах и не только родного города) и поёт песни войны и блокады - мы гордимся им. Когда он играет в зарубежных мюзиклах в нашем Театре Музыкальной комедии, знатоки да и обычные зрители понимают - что уровень его профессионализма на высоте. Хочу заметить, что крепкое знание английского языка очень помогает в работе с интернациональными постановочными бригадами, а владение фортепиано - самостоятельному изучению нового незнакомого нотного материала.

Когда он поёт в Москве в Колонном зале Дома Союзов - он представляет свой родной город, поднимая его музыкальный престиж. Он всегда стремится быть первым, и это похвально. Но необходимо расти выше. Некоторые его почитатели укоряют меня - куда уж выше. Лауреат стольких конкурсов - и наших, и Международных, и даже зрительских симпатий. В его возрасте ни у кого нет стольких наград - Орден Екатерины Второй, Почётный знак «Атака века» за пропаганду Подвига Краснознамённой подводной лодки «С-13» под командованием А.И. Маринеско, награждён Памятной медалью имени «военного балетмейстера» А. Обранта, медалями Г. Державина, М. Ломоносова, Ф. Достоевского, С. Есенина, «За заслуги в культуре и искусстве» и др. Всё это здорово. Сейчас вроде все болезни отошли в сторону, и орбита признательности ждёт Георгия Новицкого. Сколько сил придётся приложить - одному Богу известно. Но я верю в его успех, и я далеко не одинок - у него есть настоящие преданные и понимающие в

музыкальном искусстве поклонники. Нынче наш юбиляр занят концертной деятельностью - репертуар не мешало бы почаще пополнять и подновлять, но старые дрожжи музыки наших отцов и дедов только улучшат вкус современного песенного пирога. Он играет также в двух спектаклях театра Музыкальной Комедии - трагическом мюзикле «Джекилл и Хайд», где у него, скорее, драматическая роль мерзавца и негодяя С. Страйда (вокала там совсем мало) и, надо признать, играет успешно и убедительно. Да и усы ему идут, а как носит фрак - по-взрослому и аристократично, чего от него мало кто ожидал после инфантильного ангелочка влюблённого мальчишки Альфреда с почти детской походкой, так сладко певшего. В концерте «Хиты Бродвея» Новицкий рядом со своими звёздными партнёрами по «Балу вампиров» - здесь артист абсолютно разнопланов - чуть ли не десяток сценических образов, включая чистую импровизацию совсем без вокала и рок-танец - от гротеска до лирики и полного драматизма в роли Моцарта. Образ великого композитора актёру явно удался и вокально, и сценически. Хотелось бы увидеть весь спектакль-мюзикл «Моцарт» с его участием. Поздравляя Георгия Новицкого - Георгия-Победоносца - с 25-летним юбилеем от имени театра «Родом из блокады», от имени АРСИИ им.Державина позвольте пожелать ему здоровья (нагрузки ведь не уменьшатся), по вокальной традиции - голоса чистого и чтобы великий Моцарт помог сбыться его творческим сценическим мечтам и надеждам! И ещё - ждём обещанного сольного всеобъемлющего концерта! Победоносцу победного вокального шествия по творческой жизни! И маму от души поздравляем - у Елены Георгиевны в этом году тоже юбилей! - без неё ничего бы не случилось!

Proza

СЕРГЕЙ ПСАРЁВ

По ту сторону Балтики

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье...
И начал странствовать без цели.*

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Свои решения Белов часто принимал не раздумывая. После этого события иногда круто меняли его жизнь. Впрочем, он редко сожалел об этом. Привычная размеренная жизнь приводила Белова к душевной лени. Тогда многое происходило по инерции, давалось ему слишком легко. Трудности и испытания, напротив, закаляли его. Появлялась уверенность, что он все еще на что-то способен. Лучше всего для этого подходила приобретенная в прошлом привычка к перемене мест, которая поубавила в нем стеснительной скованности и следов провинциальности.

Такой живительной встряской ему казалась предстоящая поездка по приглашению в Швецию. Здесь было не только ожидание новых впечатлений, но и попытка реализовать себя в незнакомой среде. Белов рассчитывал представить там свои скромные литературные труды и петербургские рисунки. По давней установившейся традиции, он с первого дня принялся старательно записывать свои впечатления...

По следам Нильса и его стаи диких гусей

Когда лайнер вырулил на взлетную полосу в аэропорту Хельсинки, было уже совсем темно. Разбег крылатой стальной птицы показался Белову удивительно коротким. Лайнер поднялся на крутую горку, потом сильно накренился на левый борт, но скоро выпрямился. Незаметно ушло дрожание его сильного тела. Еще через несколько минут лайнер прорвал тучи, словно старое ватное одеяло. Земля, залитая темнотой ночи, осталась далеко внизу. Выше было фиолетовое небо с бледными мерцающими звездами. Совсем рядом с левым крылом самолета оказалась луна со светящейся короной. На земле она выглядела совсем иначе. Справа пылала несгораемая полоска заката.

Это северная белая ночь, которой давно уже не было на земле. Теперь внизу зияла темная пропасть. Линия горизонта мягко изгибалась, напоминая о сферической поверхности земли. Где-то совсем рядом была бесконечность космоса. Стальной корпус лайнера

плыл по самому ее краю. Белов подумал, что самолет сейчас очень похож на гуся Мартина, на спине которого сорванец Нильс спасался от своих неприятностей. Стоило этой шальной мысли прийти в его голову, как он тут же заметил на спинке переднего кресла крохотного смешного гнома в широкополой шляпе. Карлик скорчил ему рожицу и показал язык. Белов даже ущипнул себя за ногу, чтобы проснуться. Нет, он не спал. Наверное, это был гном из сказки Сельмы Лагерлеф. Тогда его впереди тоже ожидали необыкновенные приключения...

Скоро самолет снова накренился и нырнул в темноту. Его опять трясло и качало, бортовые огни тревожно мигали среди клочьев рваных дымных облаков. Пристегнутый надежными ремнями к удобному креслу, Белов улыбнулся и закрыл глаза. Он опять представил себя сидящим на скользкой как льдина спине гуся Мартина. Внизу сверкнули гирлянды огней аэропорта Арландо. Самолет мягко коснулся взлетной полосы и вырулил прямо к терминалу. Человечек в шляпе, сидевший на переднем кресле, куда-то исчез. Вместо него оказался русский турист, потягивавший спиртное из потаенной емкости через резиновую трубочку. Он весело подмигнул Белову и вместе с ним бодрым шагом двинулся через ярко освещенные залы к выходу из аэропорта. Здесь Белова ждали его друзья, Альрик и Дарья. В их доме он должен был прожить десять дней. Им предстояло еще несколько часов езды на автомобиле к небольшому городку Нюнесхамн...

Белов проснулся около полудня и вышел на улицу. Было не по-летнему свежо, небо сердито хмурилось. Вековые деревья упирались корнями в каменистую землю, а верхушками уходили в небо. Серые гранитные скалы поднимались ступенями в гору, нависали отвесными стенами вдоль петлявшей к морю трассы. Ветер гнал к берегу свинцовые волны. Он прошел мимо качающихся яхт и скоро оказался у большого пруда. На аккуратно стриженном зеленом лугу отдыхала стая диких гусей. Они совсем не боялись его. Напротив, один из них с достоинством подошел к Белову, захлопал крыльями и вытянул коричневую шею. Значит, они тоже благополучно долете-

ли сюда, в Швецию...

- Здравствуй, старина Мартин. Вчера ты был прекрасен в своем полете...

В ответ гусь только важно зашипел и пошел дальше, покачиваясь на своих коротких кривых ножках...

Город зеленых лесов и серых скал

Нюнесхамн оказался небольшим портовым городком. Чистый воздух бодрил и заряжал энергией, вода из-под крана была вкусной. К слову, за все время своих поездок по Швеции, Белов так и не увидел ни одной дымящейся заводской трубы.

По лесистой, изрезанной гранитными скалами местности поднимались игрушечного вида аккуратные двухэтажные домики крытые черепицей. Рядом с ними крохотные участки с зелеными газонами и ухоженными цветниками. Береговая линия изрезана фьордами и шхерами – многочисленными скалистыми островами, подводными скалами и гигантскими валунами, создававшими причудливый и сложный рельеф местности. Повсюду теснились маленькие пристани с яхтами, катерами и прочими маломерными суденышками. Похоже, что они здесь имелись в каждой семье, как и легковые автомобили. Куда не глянуть, у автомобильных парковок стояли спортивные тренажеры. По утрам и вечерам население городка превращалось в потоки бегущих спортсменов и велосипедистов...

При некоторой схожести с Карелией, местная растительность заметно отличалась. Это совсем другая, более южная климатическая зона. Хвойный лес сильно смешивался с широколиственным кленом, ясенем, дубом и липой. На лесных дорогах указательные знаки предупреждали о возможности встречи с дикими животными.

Первый день в Швеции вызвал у него грустные мысли. Балтийское море здесь называли иначе – Ostersjon (Восточное море). Все казалось чужим. Он как оторванный с ветки листок... В этих местах даже кукушки кричали иначе, а полевая трава совсем не пахла, как обычная писчая бумага. Возможно, все

это только казалось. Ему пора было действовать...

Белов принялся ускоренно знакомиться с городом. Попутно нужно было решить несколько жизненно важных вопросов. Следовало обменять валюту на текущие расходы и приобрести транспортную туристическую карту для свободного перемещения.

Центр города состоял из церкви, нескольких административных зданий и особого места, где проводились городские собрания и национальные праздники, своеобразного местного майдана. Магазины в городе закрылись рано.

Нюнесхамн был немного похож на Репино или Комарово, расположенных вблизи Петербурга. Правда, в Швеции не так сильно заметна разница в уровне жизни населения. Казалось, что здесь обосновался крепкий средний класс. Местное самоуправление по части строительства, ведения коммунального хозяйства, как и во многих других местах Европы полностью отдавались коммунаам. Здесь их название привычно для уха и не будило у людей негативной исторической памяти. Можно предположить, что так выглядел тот самый социализм с человеческим лицом, который долгое время собирались построить в России.

Белов решил поделиться своими первыми выводами с Дарьей. Она заметила, что все это только красивая фасадная сторона Швеции. Слишком мало времени, чтобы оценить ее со всех сторон. Впрочем, такой ее видели многие туристы. Реальность была сложнее. В крупных городах всегда существовали окраины с небогатым населением, которые туристы обычно не посещали. Проблем там тоже хватало.

Он довольно быстро усвоил десятка полтора шведских разговорных слов. Чувствовать себя глухонемым ему не хотелось. Теперь Белову не терпелось проявить свои способности на практике.

Первый опыт нельзя было назвать удачным. Белов зашел в небольшой портовый бар. Там было не многолюдно. Уверенным голосом, с широкой улыбкой, Белов поприветствовал присутствующих. Правда, вместо нужного слова “Hej (Хэй)” – “Привет” у него

получилось: “Хайл”... Да еще и рукой обозначил какое-то приветствие. Кажется, его не все поняли правильно.

Шведы сразу перестали пить свое пиво и внимательно уставились на Белова. Народ здесь по большей части спокойный и конфликтов избегал. Правда, двое посетителей африканского происхождения сразу заторопились к выходу. Какая-то женщина уронила бокал...

Свою ошибку Белов почувствовал сразу. Приложив руку к сердцу и улыбнувшись еще шире, он произнес шведское приветствие правильно. Торопливо глотая свое пиво, он думал, что на этот раз все благополучно обошлось. Наверняка, для кого-то и здесь “дело Брейвика жило и побеждало”. Воевали же граждане королевства в националистических батальонах в Украине. Только все это мало оправдывало его собственную оплошность.

Эта история изрядно насмешила Альрика и он принялся натаскивать Белова в шведском языке.

Как-то гуляя вечером, Белов заметил на опоре каменного моста нарисованного тролля - лохматого человечка с длинным фиолетовым носом. Всех их здесь принято считать представителями нечистой силы. Известно, что в Швеции некоторые тролли жили под мостами и беззастенчиво занимались рэкетом, собирая мзду с проходящих путников. Этот карлик хитро улыбался и кому-то грозил пальцем.

Белов тогда окончательно заблудился. Каждый раз тролль возвращал его к этому пруду. Пришлось бросить ему в воду монетку в одну крону. В это время из-под моста выплыла пара красивых белых лебедей. Белов тут же забыл о своих неприятностях и принялся рисовать их в своем альбоме. Лебеди оказались семейной парой и были общими любимцами в городе. Вообще, он рисовал здесь много, при каждом удобном случае. Домой Белов вернулся только к полуночи...

Альрик и Дарья

Альрик и Дарья тоже представляли собой средний класс Швеции. Оба были уже на пенсии, но все еще работали, желая обеспечить себе достойную безбедную жизнь. Содержа-

ние их большого дома требовало немалых средств. Они познакомились в Петербурге шесть лет назад и теперь состояли в браке, жили в мире и согласии.

Финн по происхождению, Альрик жил в Швеции давно. Обе скандинавские страны считал своей родиной. Россия тоже не была ему чужой. Он неплохо знал русский язык, любил Петербург. Вообще о русских людях Альрик отзывался с уважением, ценил их глубокий внутренний мир. Он признался, что ожидал встречи с Беловым. Их общие беседы о литературе и жизни вообще, казались ему интересными и познавательными.

Страницы новой повести Белова, рассказывавшие о Зимней войне 1939-1940 года, публикации о судьбе финнов в Карелии взволновали его, заставили вспомнить историю своих родственников. Правда, понимал далеко не все. Как-то Белов сказал, что когда ему было страшно в детстве, он закрывал глаза. Страх куда-то уходил, и его мать тоже так делала во время бомбежек. Потом она еще два года находилась на оккупированной немцами территории и тоже много боялась. В общем, Белов пытался показывать окружающий мир во всем его сложном многообразии. Страх, холодный и леденящий, тоже был его частью, за ним стояло презрение к человеческой жизни. Дарья не могла объяснить всего этого мужу.

В своей жизни Альрик успел переменить немало профессий. Был водителем, поваром, позднее имел свой ресторан. С заметным чувством гордости он рассказывал, как в дни национального праздника готовил блюда для королевского стола.

Альрик много путешествовал. Его можно было считать человеком отчаянным и смелым. Ему довелось водить легкомоторные самолеты, байки, активно заниматься яхтингом. Наверное, так он реализовывал многие детские мечты, доказывая себе, что для него нет ничего невозможного.

После вчерашней езды на автомобиле и поздней ночной выпивки Альрик грустно шутил над собой и просил “Дарюшу” купить ему в магазине новую голову. Его собственная голова сильно болела после вчерашнего. Теперь он просматривал у телевизора утреннюю по-

чту. Мужской клуб викингов снова прислал ему приглашение...

Вообще, Альрик выглядел сильным и прямодушным человеком. Иногда его грубоватые шутки доводили членов семьи до слез. Кажется, так он старался привлечь внимание к себе. В душе он по-прежнему оставался тихим и добрым человеком. Ему непременно нужно было о ком-то заботиться, жалеть или оказывать помощь.

Дарья производила впечатление женщины занятой собой, своим здоровьем и неувядающей внешностью. Так могло показаться только постороннему человеку, да и то на первый взгляд. Они оба прекрасно ладили и трогательно заботились друг о друге.

Со временем в Швеции у Дарьи сложился свой круг знакомых. Что-то вроде местного русского землячества. Иногда они собирались вместе. Это создавало для них привычную среду, не выезжая на Родину. Альрик относился к этому с пониманием, считаясь с особенностями русской души.

Многие русские здесь со временем неплохо устраивались, но при этом никогда не исключали возможности вернуться обратно. Кого-то просто тянуло в Россию, другим жизнь дома казалась проще, спокойнее что ли. Не всем по душе высокие налоги и социальные выплаты, которые часто уравнивали бедных и богатых...

Как-то раз, гуляя по Стокгольму, они забрели в небольшое кафе у Королевского оперного театра. Альрик пустился в лирические воспоминания о том, что они были здесь с Дарьей шесть лет назад во время ее самого первого приезда в Швецию. Дарье это место показалось незнакомым. Мало ли, где они еще были? После этого прошло слишком много времени. Тогда Белов решил немного подыграть Альрику и даже показал столик, за которым они могли сидеть. Конечно же, он стоял у самого окна. Теперь Дарья тоже вспомнила, что они были именно здесь. Просто в кафе многое изменилось, и только вид из окна оставался прежним.

Альрик тогда долго и старательно выбирал бутылку старого испанского вина. Потом они вместе сели за этот столик у окна, пили

вино и смотрели на площадь святого Якоба, на старую церковь с зеленой крышей. Все было, как и много лет назад. Официант зажег свечу на их столике. Белов подумал, что такой свет из окна всегда много значил для людей. В нем жила надежда, что о тебе помнили и ждали.

Уже дома, Белов показал своим друзьям рисунок лебединой пары на пруду. Затем взял и написал для них имена: Альрик и Дарья.

В глазах Альрика блеснули слезы...

Портрет шведов

Посещая новые для себя места, Белов часто обращал внимание на их жителей. Внешний вид, характер и образ жизни занимали его едва ли не больше, чем местные достопримечательности. Порой он так заглядывался на лица, что вызывал у встречных людей немой вопрос, но еще чаще встречную улыбку. В таких случаях лучше самому излучать дружелюбие и открытость. Тогда в передаче их начиналась цепная реакция. В Швеции принято приветствовать незнакомых людей. В вагоне электропоезда, магазине и даже на проезжей части в случайном общении между водителем и пешеходом...

Было заметно, что шведы любили и берегли себя. Они здесь получали удовольствие от жизни. При этом неторопливые шведы везде успевали и все делали хорошо и основательно. В облике зданий и даже оформлении витрин магазинов, музейных экспозиций читался их собственный, отличный от общих европейских веяний национальный вкус.

Здесь во всем искали повод для маленьких радостей. После окончания школьного учебного года в Нюнесхамне устроили праздник почти в каждом доме. Было шумно и весело. Взрослые пили за детей, за каждый заработанный ими балл на выпускных экзаменах. На деревьях рядом с домом развесили цветные шары. В одном месте Белов даже заметил любопытный плакат: "Наш сын студент". Ему захотелось сделать фотографию на память. Высоких и глухих заборов в городке не было. Вышедшая на порог женщина, тепло и радостно улыбнулась ему...

У Белова постепенно сложился портрет

типичных шведов. Они светловолосы и голубоглазы, с волевыми и мужественными лицами. Это чаще делало красивыми мужчин, нежели женщин. Последним, казалось, для не доставало нашей русской мягкости и нежности в облике. Это не слишком портило их. Они мало пользовались косметикой и выглядели при этом обаятельными, часто улыбались, были уверенными и свободно чувствовали себя в общении. Белову показалось, что здесь именно женщины выбирали себе спутника жизни и потом доминировали в семьях.

Особых слов заслуживали местные пенсионеры. Пожилые люди выглядели довольными и ухоженными. В России таких пенсионеров Белов видел только на рекламе пенсионного фонда.

Наверное, больше всего сходных черт нашлось у молодежи. Она постепенно и везде приобрела какие-то общие интернациональные черты. Так оно и должно было когда-то случиться. Возможность свободного передвижения, Интернет и всеобщая глобализация. Все это будущее нашей планеты.

Правда, такая «похожесть» часто рождала одинаковые проблемы: наркотики, спайсы, суициды и ранний алкоголизм. На лицах шведской молодежи нередко читался тот же нигилизм и нежелание принимать ценности своего общества. Во внешнем облике некоторых молодых людей протест приобретал самые яркие и экзотические формы. Пожалуй, шведская молодежь показалась Белову еще более раскованной по сравнению с ее питерскими сверстниками...

Размышления в электропоезде

Было около десяти утра, когда Белов выехал в Стокгольм. Поезд был удобный и внешне напоминал российский скоростной Сапсан, который курсировал между Петербургом и Москвой. За большим окном поезда мелькали поселки с симпатичными домиками, казавшимися собранными из элементов детского конструктора Лего. Рядом ухоженные поля местных фермеров и коровы на выпасе. Все это казалось Белову нарисованной лубочной картинкой. Русская неустроенность для него

всегда была привычнее и понятней. Как-то Дарья сказала, что в Швеции почему-то нет цирка, к которому она так привыкла в России. Наверное, ей без него было здесь скучно. Белову в России, скучать приходилось редко, а безбилетный цирк иногда начинался с самого утра...

Дальше полотно железной дороги проходило между отвесными скалами. Этот путь когда-то рубили через гранитную твердь. Она здесь, словно дремлющий подземный дракон, обнаживший свою широкую каменную спину. На всем этом монолите теперь прочно стояло шведское общество с его незыблемыми традициями, благополучием и знаменитым нейтралитетом. К слову, он не мешал Швеции принимать участие в военных учениях стран НАТО на Балтике...

На остановке в вагон вошло шестеро африканцев, скорее всего, ливийцев. Среди них оказались две девушки. Пожалуй, ими нельзя было не любоваться. Их одежда – какая-то странная смесь из национального арабского и европейских стилей, многочисленные браслеты на руках. Они изящны и грациозны как серны, у них огромные глаза и пухлые, словно цветок губы. Тонкие пальцы девушек уверенно обращались с дорогими смартфонами самых последних моделей. Их мягкая и незнакомая речь, словно арабская вязь на старинной вазе. Было заметно, что в их жизни все хорошо сложилось. Кажется, их компания ехала на какой-то праздник в Стокгольм.

Становилось понятным, почему мигранты так стремились сюда. Многие из них совершали опасный путь на утлых суденышках через Средиземное море, терпеливо ждали в переполненных перевалочных лагерях для беженцев. В Италии и Испании они долго не задерживались и искали надежные пути во Францию, а еще лучше в Англию или сюда, в Северную Европу. Здесь самые лучшие условия для жизни и можно было навсегда забыть об ужасах войны на собственной родине. Этим повезло больше, и теперь они любили Швецию. Убирать мусор на улицах им точно не приходилось. Здесь так не принято. Шведы всегда это делали сами без всякого стеснения.

Не всем так везло. Можно было увидеть немало нищих в вагонах электропоездов, на улицах Стокгольма, собиравших милостыню в бумажные стаканчики. Правда, среди них было больше представителей Восточной Европы и вольного цыганского народа.

Белов открыл местную газету. Там много и подробно писали о предстоящей свадьбе шведского принца Карла Филиппа и бывшей модели Софии Хеллквист, чья помолвка состоялась еще прошлым летом. Красивая пара, с ней можно было рекламировать модную одежду, автомобили и вообще, что угодно. Как всегда, в газете целые страницы рекламы. О России и событиях в Украине в международном разделе ничего не сообщалось. Этим здесь мало интересовались. Правда, иногда о России сразу вспоминали. Особенно, когда искали очередную подводную лодку у своих берегов или видели угрозу безопасности из-за учений российского флота в Ботническом заливе.

На этот счет даже появился забавный шведский анекдот: “Valkomna! Ni vet att systembolaget ar stangt pa sondagar va?” (Добро пожаловать! Надеюсь, вы знаете, что Сюстемболагет закрыто по выходным? Сюстемболагет - сеть местных алкогольных магазинов).

Между тем поезд нырнул в гулкий темный тоннель, потом он снова выскочил на поверхность и помчался по высокому мосту. Внизу на солнце сверкала бесконечная синяя вода, за нею открывалась сказочная панорама города. Впереди был Стокгольм...

Мелодия Стокгольма

У Белова не было определенного плана знакомства с городом. Просто хотелось побродить по средневековым улицам и сделать рисунки с натуры в GALMA STAN – самом старом районе Стокгольма. В Питере это называли бы исторической частью города.

Если верить легенде, то на месте города в давние времена молодой рыбак ранил копьем русалку. Ее кровь смешалась с морской водой и передала всю свою русалочью красоту окружающей природе. Стокгольм, расположенный на четырнадцати островах архипелага, дей-

ствительно, плыл по воде, подобно большому красивому кораблю. Это был город волшебных белых ночей. В этом он неуловимо похож на Санкт-Петербург с его дворцами, гранитными набережными и мостами. Оба они за все это по праву носили звание Северной Венеции.

Белов даже пожалел, что с ним не оказалось верного друга – старого гуся Мартина. Куда ни глянь – везде открытое небо, чистое и прозрачное. Взмахни крыльями и лети над водой с бесчисленными островами, над этими причудливыми дворцами и острыми башнями церковей. Сколько всего прекрасного сразу можно было увидеть!

Двигаясь без определенной цели, Белов скоро оказался у церкви святой Клары. Она одиноко поднималась над современной застройкой делового центра. Выбрав удобную позицию, Белов сделал несколько набросков в альбоме. Он нарисовал остроконечную романо-готическую башню с золотым петушком и старые стены, увитые плющом. Все это Белов делал быстро, без детальной проработки. Ему было важно поймать впечатление. Вместе с ним к нему приходило ощущение ушедшего времени. Тогда волею своего воображения, он переносился туда и видел живших в нем людей...

Рядом с церковью находилось старое кладбище, где раньше хоронили известных шведских поэтов, писателей, художников и музыкантов. Теперь здесь раздавали еду бездомным и нищим.

Толкнув тяжелые двери, Белов вошел в церковь. Все, что находилось под ее высокими сводами, больше напоминало богато украшенный концертный зал. Такое в традиции лютеранской церкви. Людей было совсем мало, скорее туристы, чем прихожане. Жители Швеции особой религиозностью не отличались. У алтаря, обрамленного коленопреклоненными крылатыми ангелами, играли двое музыкантов. Они что-то разучивали, периодически делая пометки в своих нотных тетрадях. Белов присел рядом и стал слушать. Здесь было хорошо размышлять, мысленно возносясь к высоким сводам собора. Женщина, игравшая на виолончели, несколько раз глянула на него с интересом, а потом исполнила сюиту, соло.

Кажется, что-то из произведений Себастьяна Баха. Подойдя, она спросила его: “Мюзик?”

Белов отрицательно замотал головой и протянул ей свою визитку.

- О, “Рюссланд”... русский... Мстислав Ростропович, - добавила она и... неожиданно поклонилась. – Русские умеют слушать музыку...

Немного растерявшись, Белов с признательностью ответил ей таким же поклоном. Игравшая на виолончели женщина, немного знала русский язык. Позднее, Белов узнал, что она получала музыкальное образование в Петербурге. Ее звали Уна. У нее короткая стрижка светлых волос, подчеркивавшая ее длинную шею. С правой стороны волосы были длиннее, чем слева. Уна немного щурила свои светлые глаза в очках с тонкой оправой. Они у нее были переменчивы, как балтийская вода...

- Кто вы? - спросила Уна.

- Я и сам этого не знаю. Сейчас был художником, вечером стану писателем. Завтра уйду гулять по старым улочкам Галма Стан и, может быть, стану рыцарем, - улыбнулся Белов.

Кажется, Уна не совсем поняла его. Она, словно ища защиты, растерянно поглядела по сторонам. Помощь пришла быстро, в лице высокого худощавого господина с тростью...

- Гуннар, - представился он. - Со мной вы можете говорить по-русски.

Гуннар сказал Уне что-то по-шведски. Кажется, перевел ей слова Белова. Она улыбнулась и кивнула ему. Уна все поняла...

- Она хочет узнать, о чем вы пишете...

- О любви, о хрупкости человеческих отношений.

- Приходите сюда завтра. В церкви будет наш концерт, а вы сможете читать здесь в кафе свою книгу. Позовите своих друзей. Сюда придут русские, им будет интересно вас видеть и слушать...

Такая встреча действительно состоялась в небольшом кафе этой церкви. Пришло человек четырнадцать, более из любопытства. Литературных критиков и представителей прессы среди них замечено не было. Встречу открыла Уна, представив его как своего друга

из России. Вопросы к Белову больше касались его впечатлений о Швеции и творческих планах. Прочитав пару своих любимых рассказов, он показал собравшимся зрителям рисунки Петербурга. Уне на память об этой встрече остался его рисунок “Питерский двор. Одиночество” с грустным черным котом...

Потом они провели вместе три дня. Этого мало для целой жизни, но много значило для каждого из них. Трудно сказать, что именно так внезапно толкнуло их навстречу друг другу. Белов ворвался в ее жизнь стремительно, словно набежавший шквал.

Уна – это волна по-скандинавски. Волна всегда свободна в своих решениях. Она откликнулась со всей страстью и, казалось, не о чем не жалела. Их жизнь проходила, но счастья в ней не было. Были только мгновения его, яркие вспышки, похожие на соленые брызги прибоя. Прощалась Уна сдержанно и спокойно, словно и не было между ними ровным счетом ничего. Она, как ракушка закрыла свои створки, и Белов неожиданно для себя натолкнулся на невидимую стену холода ее глаз. Волна никогда не останавливалась и искала свой берег. Впрочем, они оба знали об этом с самого начала: море у них одно, но берега разные...

Белов принял все это как неизбежное. Он пытался объяснить себе свое новое необычное состояние. Стокгольм на него подействовал каким-то странным расслабляющим образом. Здесь на все хотелось смотреть чуточку иначе. Он делал его свободнее и раскованней, теперь у него все получалось просто. Этого иногда хватало, чтобы совершать непозволительные шалости и поступки...

Возле Большой площади - Стурторьет (Stortorget) Белов заглянул в художественный салон, где у большого окна рисовала молодая темноволосая женщина. Работала она виртуозно, нанося краску на холст не только кистью, мастихином, но и пальцами. Руки у нее сильные, быстрые и ловкие. То, что получалось у этой женщины, было очень индивидуально по восприятию. Это был мир ее фантазий. Из цветowych пятен и линий проступали необычные образы. Собравшаяся толпа восторженных зрителей и внушительные суммы

на ценниках картин, говорили, что ее творчество здесь пользовалось большим успехом.

Они легко объяснились понятными только им жестами и быстро познакомились. Художницу звали Ингер. Белов показал ей свои рисунки, сделанные в Стокгольме. Ингер кивнула головой, показывая, что ей понравился рисунок, сделанный им на улице Мортена Тротзига. Она самая узкая в городе. В Петербурге тоже была такая улица, и она носила имя Ильи Репина. Ингер прекрасно знала имя этого великого русского художника. Оказывается, для их понимания и взаимного расположения было достаточно заниматься одним общим делом. Ингер огорченно показала ему свои руки, испачканные краской. Тогда Белов вымарал свои и они с Ингер, под смех и аплодисменты присутствующих, крепко ударили по рукам, скрепляя свою творческую дружбу.

Белов еще долго бродил по городу. Больше всего ему нравилось рисовать на узких улочках старого города. Была в этом какая-то особая атмосфера, словно излучали средневековые стены живое человеческое тепло. Примостившись на складном стульчике, он следил долгим взглядом за изгибами водосточных труб, убегающими в тупиках ступеньками и осколком синего неба над черепичными крышами домов. На бумаге в его альбоме рождались новые рисунки.

Он давно уже не обращал внимания, когда случайные уличные зрители следили за его работой, порой жарко дышали ему прямо в затылок. Белов, незаметно для самого себя, слился с толпой зевак, зазывающими головами торговцев антикварных и сувенирных лавок, плачущих нищих и стал частью этого удивительного мира.

Национальный День Швеции

Можно было сказать, что Белову повезло со временем его приезда в Швецию. Пока он рисовал львов у величественного королевского дворца, мимо уже торжественно шествовали праздничные колонны жителей столицы с национальными флагами. Совсем как на Первомае в советское время, под музыку с песнями и танцами. Разве что портреты руково-

дителей здесь не несли. Все это было это так заразительно, что Белов тоже не удержался и зашагал рядом с ними...

- Оооо... рашен... "Putin? Ja fan, skitfin kille!" (Путин? Да, он очень славный парень!), - все весело смеялись...

Он даже не заметил, как потом оказался со своими новыми попутчиками в парке Кунгстрэдгорден на пивном фестивале. В нем одновременно участвовало несколько тысяч человек. Полицейских было много, но все они только равнодушно взирали на окружавший их пищевой разврат и потоки пива. Никто из участников праздника в фонтане Юхана Петера Мулина с лебедями не купался. Мусор в парке сразу же убирали в большие черные мешки ловкие спортивного вида девушки, покрытые художественными татуировками...

В шесть вечера вместе встречали короля, торжественно выехавшего из дворца в сторону площади Густава Адольфа. Место для этого они выбрали удачное, у самого памятника. Там скопилось большое количество фотокорреспондентов с увесистой съемочной аппаратурой. Проехали автомобили, мотоциклы с полицейскими, потом появилась кавалькада всадников в синих мундирах и сверкающих касках на гнедых лошадях. Наконец на площадь выехала открытая коляска с королем Карлом XVI Густавом и королевой Сильвией, потом другая, с принцем Филиппом...

- Vivat!!! Ура!!! - толпы людей радостно прыгали и махали синими флажками с желтым шведским крестом...

Королевские персоны тоже слали свои улыбки и приветствовали жителей, гостей столицы в строгом соответствии с установленным светским протоколом...

Ключи от Балтики

На площади Ярла Биргера, окруженной полудюжиной дворцов, Белов внимательно разглядывал стоявший там памятник, пытаясь отыскать на лице изваянного воина следы тяжелой травмы, которую нанес Ярлу в честном поединке новгородский князь Александр Невский. "Возложил печать острым своим копьем"... Следов он не обнаружил, здесь

об этом предпочитали не вспоминать. Ему вспомнились и другие события. 12 августа 1187 года, древняя столица викингов Сигтуна, расположенная вблизи современной шведской столицы была захвачена и разграблена карелами и новгородцами. Об этом писали шведские хроники, но умалчивали русские источники. Город был полностью razoren. В качестве военной добычи новгородская дружина увезла с собой знаменитые Корсунские (Магдебургские) врата и установили их в соборе Святой Софии в Великом Новгороде. Правда, многие считали историю с воротами красивой легендой...

На кону стоял контроль над Балтикой, удобные морские пути в Западную Европу. Разрушенный город восстанавливать не стали и рядом заложили другой, получивший впоследствии название Стокгольм. О силе русского влияния того времени говорили и другие факты. В Сигтуне стоял православный храм святого Николая. Значит, там находилось значительное русское поселение. Известно, что принцесса Ингигерда из Сигтуны, дочь шведского короля Олафа Шетконунга, вышла замуж за Ярослава Мудрого, приняв в крещении имя Ирина. Она стала одной из самых влиятельных женщин Руси XI века. После своей смерти Ирина была причислена к лику святых и почиталась как святая Анна Новгородская...

Борьба за господство над Балтикой имела свою долгую и кровавую историю. Войны, в которых участвовало Российское государство, растянулись на многие столетия. Не закончились они и с появлением в устье Невы города Санкт-Петербурга. Ключи к сердцу капризной красавицы Европы по-прежнему хранились в балтийских водах. У России только менялись соперники, желавшие взять их под свой контроль. Теперь Россия имела только то, что сумела сохранить после развала своего великого многонационального государства...

Обо всем этом Белов размышлял, стоя у памятника шведскому королю Карлу XII. Он был изображен стоящим с обнаженной шпагой с правой руке, другой он показывал на восток, в сторону России. Замысел автора был очевиден и понятен. Вообще многим памятникам королевским особам в Стокгольме закладыва-

лась некоторое количество внутренней агрессии. Впрочем, на другом берегу, уже в Петербурге, бронзовый Петр I на вздыбленном коне тоже показывал в сторону Балтийского моря без добрых намерений: «Отсель грозить мы будем шведу»...

Все же современные жители Швеции должны быть благодарны своему королю, разбитому Великим Петром под украинским городом Полтавой. Постепенно теряя амбиции сверхдержавы, претендующей на свою особую миссию в Европе, Швеция, наконец, занялась внутренними проблемами и преуспела в этом. Самым удачным политическим решением оказалось неучастие в мировых войнах и сохранение нейтралитета. Теперь каждый из старых соперников за Балтику получил свое...

В один из последних дней Белов на маленьком пароме добрался до острова Дюргорген. В XVII веке он считался парком для королевской охоты, а теперь был известен музеем «Васа», построенным вокруг самого бестолкового шведского корабля.

В 1628 году трехмачтовый резной 69-метровый флагманский корабль с династическим названием «Васа» прошел меньше мили и быстро затонул в бухте Стокгольма, едва отойдя от берега. От налетевшего порыва ветра он повалился на левый борт, вода хлынула через открытые пушечные порты. Корабль, готовившийся к салюту в честь короля, медленно ушел на дно с поднятыми парусами, флагами на глазах изумленной публики. Его погубили ошибки, допущенные при строительстве, но они же уготовили ему новую долгую судьбу. Через 333 года корабль подняли со дна. Оказалось, что балтийская морская вода прекрасно сохранила его...

В полутьме стоял ярко освещенный огромный корабль, казавшийся странным музеем деревянных фигур. Он был таинственным, мистическим и все еще полным загадок. Корму его украшал герб, который охраняли львы со свирепыми мордами и с коронами на головах, на форштевне тоже стояла массивная фигура льва, львиными головами были декорированы крышки орудийных портов. Всего на корабле было 700 различных консольных фигур. Ради

красоты обводов корабля, по приказу короля его корпус тогда сделали более узким, это и погубило его.

В стеклянных саркофагах музея хранились останки моряков корабля, а рядом были воссозданные по черепным костям их восковые фигуры, облаченные в одежды далекого XVII века. Лицо одной из них почему-то показалось Белову знакомым. Кажется, он уже видел его где-то. Когда и где? Может быть, оно мелькнуло на каком-то старинном портрете великого голландского или шведского живописца в залах петербургского Эрмитажа? А может он видел его в уличной толпе на узких улицах GALMA STAN? У него всегда была хорошая память на лица.

Он глянул на себя в зеркальное стекло и похолодел... Силы небесные! На него смотрело лицо шведского моряка. Отражение в зеркале на глазах разрушалось и превращалось в целую галерею других, незнакомых ему лиц. Возникали целые сцены морских сражений. Самолеты с черными крестами пикировали вниз и сбрасывали бомбы. Выпущенные торпеды, оставляя пенный след от разрывов, дырявили бронированные борта тяжелого крейсера, горело разлитое по воде топливо. Потом было целое кладбище затонувших кораблей, и снова проходили лица погибших моряков. Наконец, возникло его собственное лицо, которое он не сразу узнал, серое и бледное, с широко открытыми от ужаса глазами. Вокруг него плескалась черная вода...

Белов пережил несколько трудных минут. С ним так иногда случалось. Он замечал то, чего не видели другие. Кто-то считал это безумием, но это было его безумие. Белов называл его божьим даром. Теперь у него была возможность рассказать об этом другим. У каждого в мире свое назначение...

Он возвращался домой на пароме. Над водой низко кружили чайки. Они что-то жалобно кричали ему вслед, и Белов снова видел перед собой души погибших моряков...

Город Зеро

У Белова здесь появилась возможность вспомнить этот странный провинциальный город абсурдов из одноименного кинофильма Карена Шахназарова. Город, из которого дороги никуда не вели, они там заканчивались, а на вокзале не было билетов. Фантастика, драма и комедия одновременно с Леонидом Филатовым в главной роли...

Скоростной поезд уносил его в сторону Стокгольма. Утром самолетом из Арландо нужно было лететь домой. Впереди предстояла бессонная ночь. Станция Skondal (Скондал) и до Стокгольма их оставалось всего четыре. Неожиданно бегущая строка в вагоне начала отматывать километры в обратную от Стокгольма сторону. Поезд возвращался назад, в Нюнесхамн. Белов, не теряя самообладания, спокойно вышел на следующей станции, дождался очередного электропоезда и снова поехал в Стокгольм. Поезд опять доехал до станции Скондал и пошел в обратную сторону. Так повторялось три раза, наступала ночь. Оказывается, театр абсурда случался и здесь. Этот странный незнакомый город с характерным для русского слуха названием не торопился его отпускать.

Казалось, что отсюда уже не было дальше дороги. Пустынные вечерние улочки и закрытые кассы, непонимающие застывшие лица пассажиров и прохожих. Тупик. Неприятный, подленький липкий страх внезапно шевельнулся у него в сердце. Ему следовало перестать фантазировать. Это был какой-то компьютерный сбой. В цивилизованном европейском мире все так тонко и уязвимо...

В тот день электронная система впервые ошиблась. Такое случалось, а русскому человеку к отмене движения электричек не привыкать. Это местные шведы переволновались и были близки к панике на ее критической отметке. Они приучены к размеренности и порядку. Белов спокойно пересел на автобус и благополучно доехал до ближайшей станции стокгольмского метро.

Оставалась последняя ночь в Швеции.

Ярко освещенные пустынные залы терминала аэропорта. Ни души, он был здесь один. Мир из стекла, металла и электронной информации. Где-то за его пределами подходили ночные автобусы и такси. Одинокие пассажиры появлялись и снова исчезали. Электронное табло с ближайшими рейсами: Лондон, Париж, Копенгаген и его, на Хельсинки. Все это было уже утром.

Он не спеша принялся вводить информацию с данными своего авиабилета компании Finnair. Компьютерная система регистрации сообщила ему, что бронь на его имя отсутствовала. Белов сделал еще несколько таких же бесполезных попыток и обреченно плюхнулся в кресло. Россия показалась ему далекой планетой. Похоже, что-то все еще держало его здесь. У него оставалось несколько часов, и он закрыл глаза.

Сон навалился сразу, превратившись в мелькающие по кругу картинки. Вначале был странный лабиринт, похожий на огромное человеческое ухо, по которому он попал в мир своих мыслей. Белов ясно увидел себя в зале музея. Гидом и экскурсоводом была полнотелая блондинка. Она показывала открывшуюся здесь выставку: “Новый взгляд на историю и разоблачение мифов”...

- Славяне светловолосые и голубоглазые. Такими на иконах всегда изображали ангелов. Недаром потолок в деревянных часовнях Русского Севера называли небесами. С давних времен в народе жила красивая легенда о звездном ветре и космических пришельцах, подаривших людям священный огонь. Они остались жить на Земле. Скандинавская Сигтуна когда-то была заселена древними славянами. Это открытие полностью подтвердилось последними результатами археологических раскопок. Влияние славянской культуры распространялось далеко на Запад...

Вспомним о походе тевтонских рыцарей и его провале на Чудском озере. Они несли на Русь католицизм. Что же должны были принести шведы? Культы Одина и Тора?.. Но разве источники не указывали прямо на символ поклонения варягов? «И кляшися оружием своим, и Перуном, богом своим...» Так рас-

сказывала Радзивиловская летопись о походе Олега с варяжской дружиной на Царьград в 907 году. Как же могли шведы поклоняться Перуну, если скандинавам не известно даже его имя? Зато славянам он хорошо знаком еще со времен антов. Значит, они были близким и родственным народом. Ни один из современников не отождествлял варягов ни с немцами, ни с датчанами, ни со скандинавами. Зато отмечали многообразие славян. Самые западные из них назывались тогда ваграми...

Находки наших археологов поставили под сомнение многие исторические факты, считавшиеся ранее бесспорными. Впереди большая работа по новому переосмысливанию истории страны с ее первой древней столицей в Старой Ладоге...

Белов хотел что-то сказать, но не услышал собственного голоса. Вокруг него все радостно аплодировали.

Он пошел дальше по залам этого музея. Демонстрировалось оружие, воссозданные национальные костюмы, предметы славянского быта. Предметом особой гордости музея были найденные новые берестяные письмена. Многие залы музея оказались закрытыми. Висевшие таблички объясняли это необходимостью смены экспозиций...

Потом Белов увидел себя на большом пароходе. Было раннее утро, он поднялся на верхнюю палубу. Неожиданно пароход сбавил свой ход, а затем и вовсе остановился. Пассажиры заволновались, кругом было открытое море. Тогда на палубу вышел человек в строгом костюме и заиграл на флейте. Музыка была красивая, ему все поверили и успокоились. В это время пароход начал разваливаться на части и тонуть, а человек все играл и играл на своей волшебной флейте. Белов вместе с другими пассажирами оказался в воде. Скоро она превратилась в страшную воронку, которая кружила его на одном месте и тянула вниз. В последний момент он увидел возле себя лодку, в которой сидел знакомый ему маленький гном в широкополой шляпе. Он протянул ему руку и легко выдернул из воды.

- Ты наделал в своей жизни много глупостей, но ни разу никого не предал. Я отпущу

тебя обратно...

Белов не испытывал облегчения. Ему было уже мало всего этого. Прожив большую часть своей жизни, он по-прежнему задавал себе вопросы: что сделал, достоин ли жить на этом свете...

Проснулся Белов от шума работавшей уборочной машины. Продолжалась регистрация пассажиров на его рейс. Теперь у него она прошла без малейших проблем...

После пересадки в Хельсинки в салоне самолета снова зазвучала знакомая русская речь. Через час под крылом самолета уже открывалась величественная панорама Петербурга. За ней простирались широкие поля, леса и другие города. Мир больше не казался ему игрушечным. Вся эта бесконечность была Россией...

Эпилог

Трясаясь в петербургской «тэшке», Белов смотрел в окно и радовался знакомым улицам города. Нет, он совсем не изменился, только стал еще зеленее под теплым июньским солнцем. Вот и березы во дворе тоже немного подросли.

Дома он вытащил из дорожной сумки металлическую вазу, которую долго и старательно выбирал в магазине. Скандинавский стиль, чеканный повторяющийся рисунок. На нем рыцарь ехал верхом на коне. Дальше было изображение дома и цветущего сада. Белов долго вертел эту старую вазу, представляя ее маленькой планетой. Тогда рыцарь тоже куда-то ехал, но каждый раз оказывался у открытых дверей своего дома. Он всегда возвращался на Родину из своего похода и без этого не видел смысла своей жизни...

ОЛЬГА САФАРОВА

Смерть ювелира

*Только утро любви хороши: хороши
Только первые, робкие речи...*

.....
*Незабвенная, полная счастья пора,
На Земле - отражение рая!..*

.....
*Праздник чувства окончен, погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!*

С.Я. Надсон. 1883

1. Грозное лето

Стояло жаркое, грозное, пахнувшее озонном, лето и, странным аккомпанементом из раскрытых настежь окон звучал голос по радио: «...разноцветные дожди, эти молнии и тучи...мне от них как будто лучше...».

В одном из крупнейших в городе ювелирных магазинов, в своём кабинете заместитель директора молодая женщина мечтательно заслушалась песней про дожди; жарко... родители на даче в Усть-Нарве, муж на гастролях ... суета сует и томление духа... Мысли витали далеко, но надо было вернуться к деловой беседе с бухгалтером, старшим кассиром и представительным мужчиной – церковным старостой Морского Никольского Собора, известного в народе как Никола Морской: через этот ювелирный магазин государство продавало Епархии скупленные у населения подновлённые и отреставрированные предметы церковной утвари.

Мягко сверкали разложенные на столе панагии, кадильницы и кресты; ласково светились глаза старосты, он внимательно выбирал нужное.

Грозное лето царило за окном; слепой, пронизанный закатным солнцем, короткий дождик превратил листья тополя в золотые мо-

неты, как у раннего Маяковского – «...в зелёный бросали горстями дукаты...» - вспомнилось Алёне. Она вернулась к деловому разговору. Опять громыхнул дальний гром, и в кабинет вошла Алёнина приятельница с двумя молодыми мужчинами.

- Вот, – сказала она, – привела тебе, как и обещала, научного сотрудника НИИ Ювелирной промышленности и ведущего ювелира Экспериментальной лаборатории этого НИИ, знакомьтесь – Виталий Р. и Антон В.

Алёна протянула руку Виталию – жизнерадостному рыжеволосому мужчине лет 25-ти с внимательными карими глазами и очень деловым выражением лица, её руку он галантно поцеловал, потом она протянула руку второму. И – внезапно как бы воспроизвёлся знаменитый стоп-кадр из давнего бельгийского фильма «Чайки умирают в гавани», виденного когда-то давно на квартирнике – окружающие застыли, а мчится только автомобиль с влюблёнными, или - как в детской игре «морская фигура, замри». Всё остановилось, зависло легато грома, не шевелились дукаты листьев за окном, потускнели блики серебра столе; белым шумом, смутным фоном звучали речи (или мысли?) присутствующих, за-

стывших в странных позах... Медленноплыли только две их руки навстречу друг другу, вот пальцы и взгляды их соприкоснулись :

- Пани Директор, вы восхитительная женщина!

- А вы, Пан Ювелир, говорят, восхитительный мастер!

Гром выдал коду - финальный раскат, и снова листья-дукаты зазвенели-затрепетали, блики засверкали, люди задвигались... Церковный староста складывал серебро в коробки, бухгалтер положила на стол баланс на подпись, старший кассир, убрав деньги, помогала складывать футляры старосте, подруга Людмила и рыжий Виталий, тихо переговариваясь, опустили в кресла. Антон плавным движением сел рядом на стул, всё ещё держа Алёнины пальцы и разглядывая её кольца - звездчатый кабошон сапфира, затейливую полусферу финифти с красно-чёрной эмалью, обручальное кольцо с алмазной гранью, новинка по тем временам; а она разглядывала его - прямые плечи, стройная шея, ямка между ключиц в небрежно расстёгнутом вороте рубашки, твёрдый подбородок, высокие скулы, медальный профиль, прямые брови - лицо молодого Наполеона с картины Гро «Бонапарт на Акрольском мосту» в светлоглазо - светловолосом варианте. И очень мужская, тигриная, текучая пластика. Голос довольно высокий, уверенный: «Красивые кольца, пани директор, зачем вам я?». «А мне хочется чего-нибудь особенного, Антон-ювелир!» - её голос, модулирующий, с множеством обертонов, прозвучал в унисон с его сердцебиением - так ему показалось. «Такой голос раз услышишь - не забудешь, и лицо - такое нежное...» - подумалось ему.

Петербургские белые ночи правят призрачной жизнью влюблённых... Грозовой июнь дурманит озоном, а любовь, как наркотик, расширяет сознание - ярче цвета, сильнее запахи, слышнее вод подземных ход и звёзд высоких песнопенья. Быт и дела маячат где-то далеко, не в фокусе, у самой рамки картины мироздания и даже за её гранью, в мареве туманного небытия...

Он заходил за ней в магазин, как только

мог вырваться из своей лаборатории и, взявшись за руки, они шли как сомнамбулы, сами не зная куда, доходили до Новой Голландии, светлое небо сквозило в её гигантской арке и пустых оконных проёмах. Тополиный пух плыл по воздуху и по чёрной воде канала и реки Пряжки, как по чёрному зеркалу ледяной пучины адского озера Коцит плывут белёдые семена бывших и будущих трагедий и раздоров.

Дальше, по Неве, мимо разведённых мостов они выходили к Марсовому полю, где запах сирени мешался с ароматом счастья тайных свиданий; обманное пространство города наполнилось знаками и звуками, имеющими для них только им ведомое сокровенное значение. Он протягивал ей тяжёлую влажную кисть сирени - это свою жизнь дарил он ей, - так мнилось им обоим. Издалека приплывал томительный напев трубы уличного музыканта «...сбудется всё, что с тобой мы в этот час загадали...» - это о них пела труба, это у них сбудется всё - «...пел им морской прибор, звёзды в ночи их венчали...»; это они - странники белой ночи, пилигримы любви, вассалы страсти. Странная луна на перламутровом небе, призрачный свет Белой ночи - вознесённый, бестеневой - это их существование, вознесённое над обыденностью...

И над столиком, в подвальчике ресторана «Чайка» на канале за углом Невского, его аквамариновый взгляд был безотрывно прикован к её хризопразовым зрачкам, а вокруг - расфокусированный стоп-кадр застывшей реальности. Да и реальности ли? Единственная их реальность - единение взглядов, сопряжение душ, слияние аур, соприкосновения рук. И аромат вина в поющих бокалах, и скрипка в чьих-то руках над столиком, звучащая сладким ядом любовного томления старого забытого танго; и объятия танца - и плечи, и бедра, и руки, и звуки, и отзвуки грома, смутной угрозой будущих бурь...

(А грядущие бури уже копили заряды молний и собирали отряды фурий - ещё где-то далеко, на самом краю Ойкумены).

Ну а пока белая ночь осыпала бессонницей призрачный город и разведённые мосты,

такси дожидалось у Эрмитажа, когда сведут мост, чтобы помчаться в Гавань – Антон решил не возвращаться домой, а заночевать у старого друга Игоря. Доехали и долго стояли, не в силах расстаться; таксист деликатно смотрел в другую сторону, и только когда Алёна села и машина завернула за угол, он обернулся:

- Здравствуйте, Алёна, куда, на 2-ой Мушинский? Вы меня не узнаете, Алёна?

Та, медленно возвращаясь к действительности, надела очки, узнала: Саша Щедринский... Первый раз она увидела его бледного до зелени стоящего у зеркальных простенков между витринами гастронома угол Невского и Литейного. В стол заказов этого магазина она приехала «отовариться по благу» с приятелем Марком, которого обещала ввести в этот заповедный уголок взаимовыручки. И вот у витрин стоит некто Оскар Корхин, известный в недалёком прошлом фарцовщик с зеленолицым интеллигентного вида субъектом и знакомит их всех между собой, субъект выражает полный восторг, узнав, что Алёна – зам. директора ювелирного магазина и минут через 10 уходит. Марк спрашивает Оскара:

- А что это с ним – бледный и руки дрожат?

- А он мне перед вашим появлением 3 рубля в шмен проиграл и очень расстроился, патологически жаден!

- А что такое – шмен? - спросила тогда Алёна.

- Игра такая азартная, пришедшая к нам ещё в прошлом веке из Франции. Chemin de fer, - неожиданно красиво грацируя, произнёс Оскар и - «шмен-де-фер», - озвучил в русском произношении, – железная дорога в переводе. Это когда в поездах во Франции запретили карточные игры, французы изобрели играть прямо на деньги. Двое зажимают в кулаки купюры одинакового достоинства и называют наугад порядковый номер цифр, 3-х или 4-х, как договорятся, из восьми, составляющих номер купюры. Ну, к примеру, зажимаем по три рубля в кулаке...

Оскар и Марк проделывают это, Алёна с интересом смотрит. Оскар говорит:

- Первая, четвёртая и последняя...

Марк:

- Вторая, пятая, седьмая...

Оскар:

- Складываем каждый свои цифры – у кого больше, тот и выиграл... вот это и есть шмен, или – железка, как до революции говорили...

Трешка Марка переходит к Оскару.

Вот так впервые в их окружении появился Саша Щедринский; он, будучи инженером, работал таксёром, подфарцовывал, крутился понемножку и на антиквариате, а любимая поговорка у него была: если ты такой умный – почему ты такой бедный. Сам он был очень умным и очень не бедным, но очень-очень жадным, что его, в конце концов, и сгубило.

Приехали, 2-ой Мушинский; Саша проводил её до квартиры: глубокая ночь, лифт на ночь отключён, на полутёмной лестнице всякое может случиться.

- Саша, а почему вы сразу не поздоровались?

- Ну, я же не знаю степень ваших отношений с вашим...эээ... попутчиком. Может быть, вы не захотите продолжить с ним знакомство, или не захотите афишировать знакомство со мной. Алёна, можно к вам в магазин зайти, мне сусальное золото нужно?

- Конечно, а можно вам позвонить, если деликатный водитель понадобится?

Обменялись телефонами. У Алёны, правда, был секретный, только для своих, телефон диспетчерской службы такси. Девочки-диспетчеры были её постоянными покупателями «с заднего крыльца» и присылали машину на любые задворки города по звонку (небывалое дело для непосвящённых!) из будки телефона-автомата – мелкие преимущества «услуги за услугу» эпохи тотального дефицита всего. Но такой политесный, почти личный водитель, как Саша, дорогого стоит!

Назавтра, и у неё и у Антона на работе были какие-то неотложные дела, блатные визитёры, звонки, разговоры, и вот - условленный накануне побег от всего по сверкающим лужам после очередной короткой грозы, по дымящемуся асфальту, под звенящим солн-

цем... и всё исчезало, лишь глаза в глаза, рука в руке...

Сбегая с работы, они улетали на его Харлее, куда глаза глядят, она тесно прижималась к его затылку в кожу спине, пряча лицо за его плечом... скорость и ветер, слияние тел, единство душ... Они останавливались где-нибудь в укромном месте и перламутровой ночью купались нагие в шёлковой воде Маркизовой лужи. А потом снова мчались по пустынным дорогам в прозрачную Белую ночь, в предутренний туман.

Он отложил все заказы и делал для неё изумительные украшения – подвески из голубовато-зелёной бирюзы с бледным переливчатым жемчугом, мерцающим, как их бессонные Белые ночи. Он дарил ей перстни - с камнем женского счастья, сверкающим бледно-лимонным хризобериллом и с двуцветным турмалином, сине-розовым, странным, как их тайная жизнь. Он делал для неё затейливые гривны, унизанные звенящими бубенчиками и надевал ей на руки и на ноги браслеты-змеи, соединённые цепочками с кольцами-скарабеем...

Но служебные дела и окружающие требовали времени и внимания, и они сбежали в Москву. Алёна придумала для начальства срочную необходимость командировки, Антон купил больничный - и вот они в гостинице окнами на Красную площадь, через огромные окна было видно, как хоронили какого-то советского вождя. Заунывная официозная музыка была смешным фоном их веселью, чужой город своей эмоциональной нейтральностью не отвлекал их от погружённости друг в друга. По звонку из Министерства торговли они получили по одноместному номеру в разных углах уродливого квадратного здания, и поэтому даже минимальный условно-гостиничный совместный быт не омрачал их романтического побега. Они плутали бесконечными красно-ковровыми коридорами то поврозь - из номера в номер, то вместе – в ресторан или в город на прогулку. Московской тёмной ночью они танцевали на Красной площади под мурлыканье Алёны «...сбудется всё, что с тобой мы в этот час загадали...». И молодой строгий милиционер почему-то не шуганул

их, странников в московской ночи, а покрутил головой, заулыбался и отошёл. Они ловили такси и ехали гулять в какой-то просторный (просторный и странный) сад, и пожилой таксист, высадив их, улыбался вслед: «Счастливого погулять, какие вы похожие, оба высокие, стройные, светлые...». Они забредали в закоулки сада, и заросли давали приют их нетерпеливой страсти.

- Пани Директор, вы - восхитительная женщина»...

- Пан Ювелир, вы - белокурая бестия...

Заблудившись в аллеях, потеряв входы-выходы, они перелезали через ограду и снова ловили такси.

Они перепутали день с ночью и, наткнувшись на колоду карт в ящике стола, играли в очко «на раздевание», хохотали и жульничали. Они восхищались друг другом и бормотали в забытых:

- ...Какая у тебя кожа атласная... какие у тебя глаза, зелёные, хризолитовые...

- ...А у тебя - как аквамарин... как ты пахнешь восхитительно... какая у тебя сильная, стройная спина...

А дальше неразборчиво, на неведомом языке, на невидимых тропинках в эротических садах, в запретных пределах запрещённых пространств их тайной вселенной.

В ресторане гостиницы оркестр играл для них «...пел нам морской прибой, звёзды с тобой нас венчали...», а солист пел «...трии мееесяааа зиии-ма, и вееечнаяя веснааа...», официант, мило улыбаясь, наливал им в певучие бокалы «Алазанскую долину», и все вокруг любовались на них. Странно, обычно явно влюбленная, поглощённая друг другом пара, вызывает у окружающих осуждающие и злобно-завистливые взгляды, но в них была какая-то детская, наивно-эротическая, невинно-бесстыдная, гармоничная чистота, и все им добродушно улыбались.

На третью ночь в Москву из Питера пришла гроза, загромыхало, запылохало, и, в унисон с громом, грянул телефонный звонок – разыскали-таки Алёну, начальство мечет громы, семья разыскивает-беспокоится.

В самолёте они, как два птенчика в гнезде, заснули, прислонившись голова к голове и

взявшись за руки, стюардесса тихо прикрыла их пледом... В аэропорту Питера их встретил на машине друг Антона - Игорь, было около 6-ти вечера. Ах! – семь бед, один ответ – завтра, завтра по домам и на ковёр к начальству, а сейчас – продолжение праздника, и они втроём отправились в «Садко» ужинать....

В «Садко», ресторане в «гой-еси» русском стиле, трудилась метрдотелем прелестная блондинка, постоянная заказчица Антона, она тут же усадила их в центре и, как на скатерти-самобранке, возникло всё то, что обещали Интуристовские рекламные проспекты и чего никогда не бывало в действительности, даже для иностранцев. Поэтому сидящие вокруг немцы и англичане с удивлением косились, а невоспитанные американцы и темпераментные итальянцы тарасились на расписной гжелевский самовар, на блюда и подносы, расписные, огненно-петушинные, на икру пяти сортов в голубых икорницах на льду. Появился и штоф с опоясывающей надписью славянской вязью: «Первая колом, вторая соколом, третья пташечкой...». А вот и блины с пылу, с жару, да ещё приправы к ним – разные варенья, мёд, сметана, да пироги горячие с разными начинками, с визигой даже... Заиграл русский оркестр, поплыли девушки в кокошниках, запела жалейка-сопелка. Ах, хорошо пилаась ледяная водочка да под сопелочку, в ресторане «Садко» в застойные брежневские времена!

Русский оркестр сменился обычным, ресторанным; зазвучала танцевальная мелодия, к столику подседа метрдотель Елена:

- Всё ли хорошо, что-нибудь ещё?

Подошла цветочница, Игорь подарил Алёне белые, а Антон – красные розы, официант принёс вазу. И в этот момент, пританцовывая в ритме звучащей музыки, к их столику прямо к Антону подошла высокая, красивая, яркая, беременная месяцев на восемь, негритянка и застенчиво пригласила его на танец. После всеобщего секундного замешательства Игорь со словами *my friend doesn't dance* (мой друг не танцует) вскочил, обошёл столик и бережно принял в объятия, на вытянутые руки чёрную красавицу и выдал реплику в сторо-

ну по-русски:

- Ежели чего, так я и роды приму, я ведь врач, хоть и хирург...

Отганцевав, Игорь с бережением проводил дирижаблеобразную чёрную красавицу к её столику, где сверкал кровавыми белками глаз громадный негр, вернулся и, садясь на своё место, сказал Алёне:

- Ты знаешь, что такое пассивный бабник? Это тот, кто сам на женщин, кроме любимой, не смотрит, не заигрывает, не распускает хвост, не подаёт сигналов и не пристаёт. Но если, влекомая его обаянием и манкостью, женщина сама проделывает всё вышеперечисленное, - пассивный бабник отказать не может и даже не хочет. Не хочет обидеть женщину отказом, не может допустить даже в незнакомке сомнения в своей мужской состоятельности. Да вот, объясню совсем элементарно: если тебе просто протягивают конфету или иное лакомство на раскрытой ладони и говорят – возьми, ты же возьмёшь, любой возьмёт! Вот наш друг Антон из породы пассивных бабников и есть...

Тот запротестовал, Игорь засмеялся:

- Ну, теперь, может быть, он стал другим, кто знает... - и погладил Алёну по обнажённому предплечью – какая кожа у тебя, шёлковая...

Посидели ещё немного, расплатились и вышли из ресторана на Михайловскую улицу, с противоположной стороны текла толпа - напротив, в Филармонии закончился концерт, публика расходилась, расходились и оркестранты с инструментами.

Игорь около своей машины договаривался со швейцаром, чтобы тот присмотрел за ней до утра. Игорь не хотел во хмелю за руль садиться, ехать к нему в Гавань ночевать решили на такси. Антон обнимал Алёну за плечи, а та обнимала красно-белый букет роз, когда напротив них возникла высокая, огненноглазая, пышная дама со спутницей и изрекла громко в сторону Алёны:

- Как! Почему ты здесь, ты же в командировке в Мурманске!!!

Это была концертмейстер филармонического оркестра и - Алёнина свекровь...

Наутро

Утро начиналось как обычно. Регул пропел: «Ку-ку-реку-у-у», – и солнышко стало взбираться на небо. Ники в спальне уже не было. Алёнка ещё полежала, припоминая, что было вчера, а что ей приснилось сегодняшней ночью. Честно сказать приснившееся казалось большей реальностью, чем то, что происходило вчера на ручье.

Вздыхнув, Алёнка откинула одеяло и встала. Хотелось быстро закончить все утренние дела и побежать к шалашу. Что-то там сегодня творится, и на месте ли шалаш?

Обалдевший Регул с удивлением смотрел, как свободно бегают по двору девочка, совершенно не замечая его, такого грозного. Бим преданно вилял хвостом вслед хозяйке. Отсидевшись за ночь на цепи, он снова был не прочь побегать по лесу.

У него были некоторые сомнения, по поводу вчерашних встреч с Кики и Морой. Дамы весьма неприятные. Но, с другой стороны, ему, сторожевому псу, с большим опытом ночной работы, не следовало бы так реагировать. Дамы как дамы, а где-то даже правильные и справедливые.

Барсик лакал утреннее молоко под крыльцом дома и косился в сторону двора, оценивая обстановку. Вчера он справился со своей задачей и сегодня тоже дремать не собирался.

Люди и глупые собаки боятся духов природы, а коты дружат с ними. Вот и вчера, как только эти Макся и Пакся заявили в девчочный лагерь, он догнал далеко не ушедших Кики и Мору.

Феи, одна в хорошем настроении, другая, как всегда, печальная, прогуливались по лесу. Чтобы успокоиться после всего пережитого, они собирали цветочки, и каждая плела себе веночек. Это восстанавливало нервы после общения с миром людей.

Нервное мяуканье домашнего кота заставило обеих бросить приятное занятие и вер-

нуться вслед за животным к шалашу. Здесь-то феи и поняли, что зловердные мальчишки в их руках. Добрая Кики была против неотвратимости наказания, а вот Мора отвела душу. И негодники получили всё, что им причиталось.

И только Тим ни за что не желал идти в лес. Встреча с лесными феями произвела на него такое сильное впечатление, что сегодня он с утра жался по углам дома и больше всего на свете ему хотелось, чтобы про него все забыли раз и навсегда. Хватит ему прогулок по лесу.

Но баба Тина начала приборку и вымела Тима во двор. А там Бим посмотрел на городского так презрительно, что Тиму ничего больше не оставалось, как пойти куда все, то есть в лес.

Тим и вчера бежал далеко не в первых рядах в этот непонятный и опасный лес, а сегодня и вовсе плёлся далеко позади. Собачья жизнь – вечное служение этим людям, которые всё время попадают в разные истории, а спасать их приходится им, верным псам! В общем, позади Тима шёл, а вернее гулял, сам по себе, только Барсик.

Когда до шалаша оставалось совсем немного, девочки услышали смех, крики, уханье и молодецкие восклицания. Одновременно слышен был треск дерева, и кто-то, низким скрипучим голосом, испуганно вскрикивал:

– Ой-ой-ой! Осторожней – ай-ай-ай!

Алёнка и Ника остановились, прислушались, осторожно раздвинули кусты, которые росли вдоль тропинки и... увидели мальчишек: Паксю, Максю и Ромашку.

На большой поляне, обрамлённой стройными молодыми берёзками, развлекались эти негодники. По очереди мальчишки влезали на молодые, ещё гибкие, но уже достаточно прочные деревца. Взобравшись по стволу почти до макушки дерева, они крепко ухватывались за неё и... с размаху, продолжая крепко держаться за верхушку, прыгали вниз.

Бедная берёзка сгибалась до земли, но не ломалась, а пружинила. И очередной прыгун благополучно оказывался на земле. Отпускал ствол, и берёзка распрямлялась, но не до конца, а оставалась в полусогнутом состоянии. Тогда прыгун выбирал следующую, и процедура повторялась. Мальчишкам было невероятно весело. Зато берёзкам приходилось туго.

Девочки некоторое время смотрели на забаву, не зная, как к этому отнестись. Ника прыснула, когда Макся чуть не упал, неудачно приземлившись в очередной раз. Алёнка резко одёрнула сестрёнку. Она вдруг поняла, откуда взялась свежесломанная берёзка, когда они строили шалаш в первый раз.

И Алёнка, держа за руку Нику, вышла на открытое пространство, так, чтобы мальчишки её увидели, и сердито крикнула:

– А ну, прекратите немедленно, а то я пойду и расскажу, чем вы тут занимаетесь!

В этот момент на дереве восседал Ромашка. Крепко обхватив верхушку ствола ладонями, он пружинил тело, готовясь сигануть вниз. От неожиданного окрика Ромашка вздрогнул, отпустил ствол дерева и... полетел вниз.

Жёсткая посадка была неизбежна, но Ромашке повезло. Он зацепился одеждой за сук и повис на крепко-вязанном свитере, как раз на середине пути от вершины дерева до поверхности земли.

Некоторое время он ещё подёргал руками и ногами, делая движения пловца, пытающегося по воздуху доплыть до ствола дерева, но вдруг затих. Потому что свитер, которым он и зацепился, начал с треском рваться.

До земли было устрашающе далеко, и положение Ромашки с каждой секундой становилось всё более незавидным. Но не в лучшем положении были и девочки, к которым уже неслись мальчишки, полные праведного негодования. И если бы не ощетинившийся в грозном оскале Бим и заливающийся тонким, но нервным лаем Тим, им пришлось бы ой как не сладко.

Про Ромашку все забыли. А он висел на дереве и свитер медленно, но верно продолжал расползаться под тяжестью его тела. Ромашка боялся пошевелиться, чтобы не ускорить неотвратимое падение, боялся крикнуть,

по той же причине, охрипшим от негодующих криков в адрес девочек, друзьям.

Тишина наступила не раньше того, как две девочки и два мальчика, разделённые между собой двумя собаками, устали кричать. И в ней стало слышно тонкое скуление, которое исходило откуда-то сверху. Это скулил отчаявшийся Ромашка. Он висел почти вниз головой и если бы начал падать, то упал бы именно ею. Свитер держался из последних сил. Позвать взрослых никто не догадывался, да они бы уже не успели. И тут Алёнка вскрикнула снова:

– Берёзка! Пакся, Макся! Берёзка!

И мальчишки, как сумасшедшие, бросились к шалашу. Снова раскидали его и, выдернув многострадальную берёзку из кучи веток, потащили к дереву, на котором висел Ромашка.

Все четверо, Ника тоже помогала, упёрли ствол принесённой берёзки в дерево под Ромашкой, а тот, обхватив уже его ногами, никак не мог отцепить свитер от сучка. И как это часто бывает, порвать руками его тоже не хватало сил.

– Да сними ты его! – заорал Пакся.

Ромашка, почти рыдая и путаясь в чёртовом свитере, стал стаскивать его с себя. Потом он сползал по стволу дерева на землю. Потом, обессиленный, лежал на земле. А двое друзей и девочки смотрели на него сверху и почему-то молчали.

Вокруг сидели успокоившиеся собаки. Далеко в стороне, в траве лежал равнодушный кот. Амфелы, которую девочки, как и вчера, вели на лужок и которую в суматохе забыли приколоть, нигде не было...

Лесовик

Считается, что дом хозяина леса, лесовика – весь лес. Конечно же, это так. Но у каждого лесовика, отвечающего за конкретный лес, имеется ещё и своё излюбленное место.

Люди, которые хорошо знают лес, знают и такие места. Места, где водится леший. Нашего лешего звали Пыхтун. Он был немолод, а несколько тысяч лет не проходят бесследно ни для внешности, ни для здоровья.

Поэтому он всё время пыхтел и отдувался, ворчал, ахал и охал. А что делать, старость не радость.

Но в целом Пыхтун был добр и мудр. То, что делали люди, чаще всего не нравилось ему, но он многое понимал и прощал. Но не всё. Вот и теперь Пыхтун был очень рассержен.

– Ну как можно? – ворчал он себе под нос и одновременно как бы обращался к маленькой беленькой козочке, которую только что похитил у людей. – Просто так, из баловства, приносить такие страдания этим беззащитным, ни в чём не повинным деревцам?

Козочка мотала хорошенькой головкой с маленькими розовыми рожками и согласно блеяла.

Пыхтун, сидя на пеньке и ласково поглаживая животное по шёлковой шёрстке, продолжал рассуждать:

– Конечно, людям нужны и дома и мебель и обогреваться чем-то надо. И кто их за это осудит? Но из баловства...

И в старческих глазах Пыхтуна появились слёзы. А тонкие ветки, растущие вместо волос из головы пожилого смотрителя леса, как-то обвисли. И даже листики на них, изображавшие кудри (когда-то буйные, а теперь совсем редкие) поникли ещё больше.

Амфеле, которая была, по молодости лет, ещё очень доброй козочкой, стало так жалко Пыхтуна, что она заблеяла, теперь уже сочувственно. А Пыхтун вдруг словно опомнился:

– Зачем я привёл тебя сюда? – спросил он то ли козочку, то ли себя.

Вообще-то лесовик был равнодушен к домашним животным. Изредка он вводил коров в чащу, чтобы полакомиться молоком, но потом, позволял людям находить их. Козочка же была очень юная, такая милая и так далеко убежала от девочек, что лесовик сначала захотел проучить глупышку, но вдруг понял, что она его очаровала. И он решил ни за что не возвращать её людям.

«Пусть остаётся у меня, – решил лесовик, – лесные звери не посмеют её тронуть, вот и пусть пасётся на сочной травке и радуется моему сердцу своей красотой!»

Поиски

Алёнка сидела в траве, обхватив голову руками и едва сдерживалась, чтобы не зареветь. Ника от усталости тихо ныла. Но как-то ненастойчиво. Она понимала, что если сильно надоест, то с ней управятся быстро: перестанут брать с собой и – всё! Сидеть ей на даче возле бабушки до осени.

Вокруг девочек стояли мальчишки и собаки, усталые и вымотанные до предела. Был уже полдень, хотелось есть. Лес был прочёсан вдоль и поперёк, но коза как сквозь землю провалилась.

Что делать? Возвращаться в посёлок и сознаваться взрослым, что потеряли Амфелу?

– Давайте не скажем пока никому. Сходим поедим и снова поищем, – предложил умный Пакся. – А может, и сама найдётся.

Но Амфела сама не нашлась. Поэтому пообедали и собрались у раскиданного снова шалаша. Нет, этому шалашу определённо не везло. Но детям было пока не до него.

И тут снова отличился Макся. Он вспомнил, что у их родственника, дяди Вити, что живёт в Луговом, в прошлом году пропадала корова.

– Так вот, нашли её в лесной чаще, – вспоминал Макся. – А тётя Лена уверяла, что её туда леший заманил, чтобы молока попить.

– Да ну? – не поверил Ромашка.

– Баранки гну, – настоял на своём Макся, – Её когда привели, это... вымя... было пустое. Так сказал дядя Витя.

При слове «вымя» все переглянулись и как-то неловко заулыбались, а Алёнка гневно шикнула:

– Ты что? – и показала на Нику.

Ника поджала губы и приняла независимый вид.

«Будто я не знаю, что такое "вымя"», – подумала она, но вслух ничего не сказала.

– Так, все за мной! – развеял обстановку Пакся. – Я знаю, где у нас чаща, мы с отцом туда за грибами ходим.

Дело в том, что отец Пакси заядлый грибник и по части лесных даров великий знаток. Но в городе у него работа, и он появлялся на даче только на выходные. И сразу же шёл в

лес! И всегда с сыном.

Кроме того, у отца Пакси было хобби. Он собирал различные коряжки и веточки и мастерил из них причудливые и страховитые фигурки, которые потом щедро раздаривал друзьям и знакомым.

Но у него было твёрдое убеждение, что нужные коряжки не водятся близ человеческих поселений. И искать их надо исключительно в самых дремучих и непролазных чащобах.

Вот почему отец и сын ходили за этими коряжками, будущими произведениями искусства, а заодно и за грибами-ягодами, в самые дальние уголки леса.

Одним словом, дети и собаки, без малейших сомнений, двинулись на поиски чащи за столь многоопытным и знающим проводником, как Пакся.

Где водится леший

Просто удивительно, как быстро вся компания очутилась, в самом что ни на есть, непролазном и дремучем лесу. Он как-то незаметно, исподволь окружил их. Огромные корявые исполины обступили детей и не давали проходу. Высохшие стволы упавших деревьев, обросших мхом и сухими грибами, легли поперёк дороги. Впрочем, какие дороги, тропинок и тех не наблюдалось. В какой-то момент они все куда-то исчезли.

Но дети продолжали переползать через упавшие деревья, продираться через колючие кустарники и густую паутину, пока Ромашка не запнулся о покрытую мхом кочку и не упал под очередную валежину, больно ударив об неё руку и подвернув под себя ногу. Все подтянулись к нему и остановились.

Куда они идут, что ищут? И как можно в этом лесу найти маленькую козочку, особенно, если её сюда заманил леший?

Эти вопросы один за другим стали приходиться в голову детям. Они переглянулись, и все посмотрели на Паксю. А тот оглядывался по сторонам. Он не узнавал те места, в которых они бывали с отцом. Тот лес казался сказочным, и в нём водились те самые необходимые отцу коряжки. Этот же был мрачным, серди-

тым и внушал страх.

– Алёна, где мы? – послышался испуганный шопот Ники.

– Ты куда нас завёл? – тут же переадресовала вопрос кому следует Алёнка.

– Давай выводим! – твердо предложил другу Макся.

– Да ладно вам, – успокоил всех Пакся. – Тропинка же тут, недалеко. Идите за мной, испугались уже все! – добавил презрительно и стал переваливаться через ту самую валежину, на которую только что налетел Ромашка.

– Куда ты? Мы же оттуда пришли! – громко удивилась вслед Паксе Алёнка и, когда тот оглянулся, показала в противоположную сторону.

Пакся гневно оглядел девочку, сказал:

– Без тебя знаю! – перевалился через валежину обратно и пошёл в ту сторону, куда показала Алёнка. Они действительно пришли оттуда.

Алёнка крепко взяла за руку Нику и потянула её вслед за Паксей. Замыкал шествие Макс. Ромашка, качая руку и прихрамывая на ногу, плёлся далеко позади всех. Рядом с ним понимающе вертелся только Тим. Он, городской пёс, волею судьбы попавший в эти дикие условия, тоже страдал от человеческой глупости и легкомыслия.

Бим, носился впереди всех и вёл себя (с точки зрения Тима), как всегда, недостойно. Он суетился, требовательно лаял, даже подскуливал, отбегал всё время куда-то в сторону, словно звал детей за собой. Но они не реагировали. Им было не до него. Они искали тропинку, которая должна их вывести к дачам.

Тропинка не появлялась. А идти становилось всё труднее. Мох был мягким и лежал толстым слоем. Дети брели по нему, как по глубокому снегу. Деревья стояли такой плотной стеной, что в лесу были как бы сумерки. И это чуть за полдень.

Нику всё чаще приходилось переносить через валежины и, так как Алёнке одной это делать было уже не под силу, ей помогал Макся. Пакся впереди прокладывал путь.

Ника уже откровенно ныла. И если поначалу на неё прикрикивали: «Да замолчи ты, я что тебе сказала!» – то теперь просто молча

тащили ребёнка, подхватив с двух сторон под руки.

Все были напуганы, все понимали, что заблудились, но никто не хотел ни остановиться, ни произнести этих двух страшных слов: «Мы... заблудились!».

Ромашка мужественно переносил боль в руке и ноге. Когда Алёнка и Макся совсем выбились из сил, он даже порывался помочь им тащить обессиленную Нику. Он знал, что друзьям надо помогать, так учил его отец.

Но рука ещё сильно болела, ему трудно было удерживать девочку на весу, и Макся, помучившись с ним и Никой некоторое время, рывкнул на Ромашку: «Да иди ты уже... вперёд!». И Ромашка потащился вслед за Паксей. Хоть дорогу утаптывал, да кусты раздвигал, где они росли особенно густо. А Алёнка, которая сначала обрадовалась, что вот сейчас отдохнёт, снова подхватила Нику с другой стороны.

Силы детей были уже на исходе. Исцарапанные, обессиленные от борьбы с лесом, задавленные всё ближе подступающим страхом, они были готовы в любой момент упасть на этот чёртов мох, чтобы больше никогда уже не подняться. Но именно страх не давал им пока этого сделать. А ещё Пакся. Он шёл и шёл, периодически оглядываясь на друзей и покрикивая:

– Сейчас выйдем, не отставать, да знаю я эти места!

И вдруг что-то случилось. Пакся, как вкопанный, остановился и истошно заорал:

– Я же говорил! Ну, вот же... места! Знакомые...

В тот же момент Ромашка, следовавший сразу за Паксей, рванулся вперёд, запнулся о покрытую мхом кочку и со всего маху залетел под ту же самую валежину, под которую уже залетал пару часов назад!

Подтянувшиеся на радостные крики Макся и Алёнка с Никой какое-то время молча смотрели на знакомую валежину, под которой всё так же, но ещё громче, стонал Ромашка. Ника затихла, зато чуть не заскулила Алёнка. А потом ноги у всех подкосились и дети упали в мягкий, как перина, мох.

Сколько времени прошло, никто не знает.

Но первым подал голос Макся.

– Пакся... Павлуха! – позвал он. – Что будем делать?

Сначала было молчание, потом сопение, потом недовольный голос Пакси произнёс:

– Что, что, вставать надо, так до вечера долежимся. Может, мы с тобой одни пойдём? Выйдем к дачам и приведём с собой взрослых.

– Я не останусь, – послышался стонущий голос Ромашки.

– Как ты пойдёшь? Ты же плечо ударил и ногу опять подвернул ту же самую. И с девочками надо кому-то остаться. Они одни заботятся.

– Мы тоже не останемся! – послышался решительный голос Алёнки. – Ника, вставай! Ишь, чего выдумали, бросить нас здесь!

– Тогда все встаём! – снова взял ситуацию в свои руки Пакся. – И не ныть тут мне, а то оставим посреди дороги.

Пакся явно отдохнул. Отдохнули и остальные. Но теперь плох был Ромашка. Едва он встал на ноги, как тут же вскрикнул от боли и снова сел на землю. Идти он не мог! Но и не оставлять же его здесь!

Наступила тишина. Беспомощная и безнадёжная. Теперь уже хотелось скулить всем. К тому же подступал голод. Об этом первая заявила Ника:

– Алён, а я есть хочу, – испуганно прошептала она и замолчала.

И только Пакся водил своим противным носом по сторонам.

«И что принюхивается вечно» – раздраженно подумала Алёнка. А Пакся сказал ни с того, ни с сего:

– Кажется, дымом пахнет... с той стороны несёт, – и торопливо полез через валежину.

А вскоре из-за деревьев послышал его восторженный рёв:

– Сюда, все сюда, избушка!

Лесная избушка

Алёнка перетаскивала через валежину Нику, а Макся – Ромашку. Потом до самой избушки тащил его на себе. И что они поперлись прошлый раз в другую сторону?

В избушке жил дедушка, седой и приветливый. Он всё время ахал и охал. Посреди полянки горел костёр. Недалеко от костерка стоял стол, сделанный из половины ствола, перевернутого плоской стороной вверх. С обеих сторон стола были положены стволы потоньше, но явно из упавших ранее деревьев. На столе стоял самовар!

Взглянув на него, исследователи лесных чащоб почувствовали такой голод, какой не чувствовали ещё никогда в жизни.

– Алёна, я же есть хочу, – уже громче заныла Ника. И Алёнка обратилась к приветливому старичку:

– Дедушка, а у вас не найдётся чего-нибудь поесть? Вот, ребёнок хочет, – показала она на Нику.

– Ну отчего же не найдётся, найдётся, – заохал старичок. – Правда, у меня только грибы да ягоды...

– Ну и хорошо, мы и их с удовольствием поедим, – обрадовалась Алёнка и гордо оглянулась на мальчишек: «Вот чтобы они без меня делали? Голодными бы остались!»

А старичок встал с лавки и, охая и бормоча что-то себе под нос скрипучим голосом, пошёл к избушке. В глазах детей запрыгали банки с вареньем и грибами. Но старичок вышел не с банками, а... с корзинками.

Вот вам по корзинке, идите, в лесу много и грибов да ягод. Принесёте, грибы пожарим, а ягоды так поедите.

Голод не тётка. Не смотря на усталость, Макся, Пакся и Алёнка взяли по корзинке и пошли в лес. По дороге Алёнка вспоминала, где она могла слышать эти «оханья». Ника и Ромашка остались у избушки. Старичок собирался осмотреть ногу у Ромашки.

Удивительно, но лес вокруг лесной избушки был совсем не таким, по которому дети ещё недавно ходили. Он был светлым, со стройными высокими деревьями, кустами малины, красными от ягод, и множеством белых грибов, которые росли всюду под ногами, да так, что пройти было невозможно.

Сначала все трое побежали к малиновым кустам. Ягода была крупная, сочная и такая вкусная, что от неё невозможно было оторваться. Но едва первое чувство голода было

утолено, Алёнка вспомнила про Нику.

– Мы тут обедаем, а Ника с Ромашкой там сидят, – тут же призвала она к совести мальчишек. – А ну, набирайте в корзины, хватит уже в рот класть! Или идите по грибы.

Всё-таки увлекательное это занятие – собирать грибы и ягоды, когда их так много и все они... грибок к грибку, ягодка к ягодке. Корзины набирались быстро. Пакся подрядился относить их к избушке. Старичок давал всё новые.

Наконец дети устали и, набрав по последней корзине, вышли сами к избушке. Картина, которую они увидели, была отрадной. На поляне, недалеко от костерка полукругом были наставлены ни одна, ни две, а... бесчисленное множество корзин с грибами и ягодами.

На костерке, на углях, в большой сковородке жарились грибы. От них исходил невероятно вкусный аромат. На столе в миске была насыпана ягода с верхом, да ещё и политая мёдом. А в котелке парил вкусно пахнущий лесными травами чай.

В общем, пир получился на славу. Даже не хотелось уходить. Но старичок, едва дети наелись досыта, сам напомнил им о том, что скоро вечер, а до дома надо ещё успеть добраться. Показал он им и дорогу.

– Вот по этой тропинке выйдете быстро к месту, – показал он направление и, хитро прищурившись, добавил: – Ягоду-то с грибами забирайте.

– Не, спасибо, – легко отказалась Алёнка. – Это мы вам насобирали. Вам-то самому, наверное, уже трудно по лесу ходить? А мы потом себе ещё наберём. Мы теперь место знаем.

Старичок, очень довольный, всё-таки уговорил их взять хотя бы по небольшой корзинке грибов. Алёнке с Никой при этом дал корзинку с малиной. Ещё раз объяснил, что с тропинки никуда не надо сворачивать, и тогда она приведёт прямо к дачному посёлку и отпустил детей.

Возвращение

Как только дети распрощались с приветливым старичком и пошагали в указанном им

направлении, откуда-то появились Бим и Тим. Дети увидели собак и оторопели:

– Здравствуйте вам, а вы откуда? – на правах хозяйки, удивилась Алёнка. Но собаки ничего не ответили. Хотя, пожалуй, подумали: «А что с вами делать, грибы, что ли, ваши с ягодами есть? Уж скорей бы до дому добежать. А там... миски! Полные...».

Алёнка, Ника, мальчики, собаки весело шагали (и бежали, разумеется) по тропинке домой. И как они с неё сбились?

«Вот повзрослеете и научитесь понимать животных, тогда и удивляться перестанете, – думал раздражённо Бим. – Я бы и сам вас вывел, если бы шли за мной, а не бегали бестолково по лесу».

Ромашка даже не хромал. Пока Алёнка с мальчишками собирали грибы с ягодами, старичок приложил ему к ноге распаренную траву, и нога как не болела. И рука тоже. К ней он тоже траву прикладывал.

А вот и берёзовая рощица со свитером Ромашки, всё ещё болтающемся на той самой берёзке. Начинало смеркаться. Надо успеть добежать до посёлка.

– Как бы не попало, что поздно возвращаемся, – предположила Алёнка и – не ошиблась.

Потому что от посёлка, из леса, от речки к ним бежали бабушки, мамы, папы и прочие жители дачного кооператива. Отовсюду слышны были радостные возгласы:

– Нашлись! Вот они! Слава богу, хоть стемнеть не успело.

И тут Алёнка вспомнила про козу.

– А ведь мы Амфелу не нашли, что я скажу Элеоноре Марковне? Вон она, бежит тоже, – сетовала Алёнка Ромашке, который стоял, втянув голову в плечи рядом с ней. Потом печально обвела взглядом полянку и... наткнулась взглядом на Амфелу! Козочка, как ни в чём не бывало, стояла на том месте, на котором они с Никой её утром оставили, и пощипывала травку.

«Нет, вы посмотрите, мы весь лес облазили, а она стоит тут, травку жуёт», – успела подумать Алёнка и в следующий момент была заключена, вместе с Никой, в горячие и мокрые от слёз объятия бабы Тины.

Что было потом

Их даже не наказали. Никого. От радости, что нашли. Когда немного отлегло, навели спрос. Ну и сами рассказали.

Оказывается, как только дети пошли в лес, Барсик, полежав ещё немного на зелёной травке, а куда торопиться, встал, потянулся и пошествовал домой.

Баба Тина привыкла, что, как только уходили из дому девочки, тут же исчезал и кот. А как только девочки возвращались, появлялось и животное.

Появление кота без девочек не могло не насторожить бабу Тину. Но, так как она знала, что те на речке у шалаша, а где им ещё быть, то отмахнулась от тревожных мыслей и на некоторое время про них забыла.

Однако, кот всё время находился в поле её зрения. Он настырно сидел напротив неё то на кухне, где она мыла посуду, то во дворе, где она развешивала постирушки.

И каждый раз, при взгляде на кота, баба Тина опять возвращалась мыслями к девочкам. Но когда кот стал тереться об её ноги и настойчиво что-то там мурлыкать, а день покатился на вечер, баба Тина решительно пошла в сторону шалаша – проверить, всё ли там ладно.

Каков же был её испуг, когда на берегу речки она обнаружила снова разрушенный шалаш, будь он неладен, и не обнаружила внучек. Конечно же, была поднята тревога. А когда не досчитались ещё троих детей, поднялся весь посёлок.

Допрашивали и детей. Они рассказывали, но не всё. Например, никто не проговорился, что заблудились в лесу, потому что искали Амфелу. Это было бы глупо!

Во-первых, Амфела прекрасно нашлась, потому что никуда не терялась. Во-вторых, что они, дураки, сознаваться, что специально пошли в самую чашу леса, да ещё Нику с собой потащили. Да их бы после этого до конца лета из дачных оград не выпустили.

Но вот то, что они решили набрать грибов с ягодами и набрали, вот же они, корзины, это их должно было характеризовать исключительно с положительной стороны.

Взрослые долго и оторопело изучали содержимое корзины, смотрели на детей и даже ощупывали их. Дело в том, что ни малины, ни белых грибов ещё не могло быть по определению. Начало лета! Ну, какие вам «белые» и какая малина?! Но они были: и грибы, самые что ни на есть белые, и малина, крупная, красная, сладкая! Некоторые пробовали, некоторые опасались.

После настойчивых просьб рассказать правду, Алёнка не выдержала и честно призналась про займку, которая недалеко отсюда, и про лесника. Даже мальчишки подключились и помогали вспоминать подробности.

Но после того, как повествование было закончено, баба Настя с Дарьей Тимофеевной, как и в прошлый раз, махнули руками, вымолвили недоумённо: «Как же, добьёшься от них правды», забрали своих мальчиков, причём, вместе с грибами, и пошли по домам. Было уже поздно. Для их недоверия были веские основания. Никакой займки и тем более лесника в округе не могло быть, потому что не было никогда! Вскоре разошлись и остальные.

А что было?

А было вот что. Как только дети покинули полянку с избушкой и изобилием лесных плодов, на ней прямо из воздуха появились две женщины, рыжеволосая и черноволосая. Они улыбались приятному старичку, который на их глазах превращался в лешего Пыхтуна. Он тоже, как ни странно, был доволен.

– Ну всё, Пыхтун, козочку мы доставили

на место, травку там жуёт. Так что угощай чайком с малинкой? – весело проговорила Кики.

– И жареными грибочками! – добавила Мора. – Что-то ты поторопился с белыми, да и с малинкой тоже.

Пыхтун хитро посмотрел на обеих фей и, подняв заскорюзлый палец, как будто выструганный из деревяшки, загадочно произнёс:

– А вот пусть подумают...

Кто должен был подумать и о чём, Пыхтун не уточнил. Зато пригласил Кики и Мору откушать чайку. На столе, в сковородке вкусно дымилась новая партия жареных грибочков, а в миске была насыпана с верхом ягода малина.

– А ребятишки-то, – хвастался Пыхтун, – Вон мне сколько нанесли и отказывались с собой забирать, мол, мне-то самому трудно по лесу ходить... Едва уговорил по корзинке взять, – и, вздохнув, добавил: – Поэтому и козочку вернул. Хоть и жалко!

– Да не печалься ты, хорошие ведь ребятишки, – сочувствовала Пыхтуну Кики, намешивая в чай мёду.

– Ах, добрый ты леший, Пыхтун, – противоречила, как обычно, Мора, подхватывая деревянной ложкой жареный грибочек. – Забыл, как ахал да охал, когда они берёзки ломали?

– Но ведь не сломали на этот раз, – возражала добродушно Кики, лакомясь ранней малинкой.

А Пыхтун кивал им обоим согласно головой и отшвыркивал с деревянного блюдечка пахнущий лесными травами вкуснейший чай.

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Приключения Нансона

Встреча с Нюсей

Нансон пробирался к дому. Он шёл вот уже третьи сутки, ночуя где придётся: то в брошенной осой норке, то в сухой скорлупе лесного ореха. Последний раз он удобно устроился в шалаше, построенном кем-то из опавших осиновых иголок. Может быть, это был один из жуков, так часто встречаемых путешественником на тропинке? Шалаш оказался темноватым, но вполне пригодным для ночлега. Правда, к утру Нансон сильно продрог, потому что пошёл дождь. Он сидел у входа, скрестив лапы, ждал рассвета и смотрел, как холодные капли стекают по хвоинкам на землю. До луга было ещё очень далеко. Вдруг порыв ветра донёс до него знакомый запах. Нансон поднял отсыревшие усики: так и есть – это был ни с чем не сравнимый аромат лечебной ромашки. Значит где-то поблизости находится колония насекомых, где проживала его знакомая букашка Нюся. Нансон подобрал валявшийся листок подорожника и завернулся в него, чтобы не промокнуть. На голову он нахлобучил растрёпанную былинку и в таком виде выбрался из шалаша. Взобравшись на кочку, он осмотрелся и действительно увидел внизу тропу людей, а неподалёку от неё ромашковую рощу, окружавшую домики, в которых жили песчаные букашки. Нансон благополучно миновал тоннель, проложенный через тропу людей и, взобравшись на холм, постучал в дверь крайнего домика.

- Кто там? – послышался скрипучий голос.

- Это я, Нансон, откройте.

Немного погодя створки приоткрылись и в отверстие просунулись чьи-то усики.

- Вам кого?

Пред Нансоном явилось серое тщедушное

существо в жёстком хитиновом халате.

- Мне Нюсю.

- Нюся, к тебе! – пропуская Нансона пискнула серая букашка и, запахивая халат, проворчала:

- Ходят и ходят, сколько можно.

Нансон увидел в конце коридора крошечную дверь и пополз прямо к ней. Сквозь неплотно прикрытые створки пробивался неяркий свет светляков. Вдруг из-за дверей раздались чьи-то всхлипывания.

- Можно? – Нансон решительно распахнул двери, не дожидаясь ответа.

На тахте среди пушинок сидела Нюся. Она явно была чем-то расстроена.

- Что случилось? – сочувственно спросил насекомыш.

Нюся молчала. Она поминутно приглаживала усики и нервно облизывала их. Нансон подошёл к тахте и пощекотал мокрой лапкой усик подруги. Нюся подняла на Нансона заплаканные зелёные глаза.

- Тебя кто-нибудь обидел? – спросил Нансон.

Нюся безучастно покачала головой:

- Меня обокрали.

Её усики, как плети, безжизненно повисли по сторонам.

- Как обокрали, кто?

- Этого я не знаю.

- Да расскажи ты толком, - Нансон уже начинал сердиться.

Наконец Нюся, немного успокоившись, начала свой рассказ:

- После учёбы мы проходим практику на заготпункте нашего посёлка. Мы собираем смолку. Ну, знаешь, ту самую смолку, которую вырабатывает Смолянка. Это такое растение, может быть, ты видел, оно имеет ещё такие интересные серые цветки, похожие на

длинные кувшинчики. Смолянка специально выжимает из себя смолу, чтобы защититься от моли и других вредителей, а мы эту смолу собираем и используем в борьбе с личинками Шведской мухи. В этом году она просто оккупировала кукурузу, а мы помогаем растениям бороться с этим злом. Мы поставляем на поля смолку и опрыскиваем кукурузу. Смолка склеивает молодые листья, и из этих липких объятий вредителям ни за что не вырваться. Потом кукуруза выбросит злополучные личинки и будет расти дальше. Мы собрали уже несколько бидонов первосортной смолы и готовились отправить их на поля, как вдруг вчера утром моя сменщица Кола, открыв кладовую, обнаружила, что из пяти бидонов, приготовленных к отправке, остался только один. Остальные четыре бидона куда-то исчезли. Куда они пропали, никто не знает. Что теперь делать, ума не приложу. Кола обвиняет во всём меня. Она заявила на собрании насекомых, что я нарочно не заперла дверь и тем самым помогла ворам.

- Какие глупости! – почесал усик Нансон. – Ну, а ты что?

- Я говорю, что не только заперла двери на соломину, но и обернула её паучьей сеткой, но мне никто не верит.

Нансон между тем стоял в луже, потому что с его мокрого плаща-подорожника потоком стекала вода. Расстроенная Нюся только сейчас заметила это и предложила замёрзшему другу скинуть плащ и выпить горячей болтушки. Нансон повесил дождевик в углу комнаты на гвоздик и присел на пуфик, искусно сплетенный из сухих травинок. Нюся сползла с тахты и подогрела чайник. Потом она разложила в вазочки конфитюр из цветочной пыльцы и придвинула угощение Нансону. Путешественник, у которого во рту маковой росинки с утра не было, жадно набросился на еду.

- Я думаю, - прихлёбывая горячий напиток, сказал Нансон, - Необходимо пойти на место происшествия и во всём разобраться.

- Сейчас там работает жук-эксперт и букашки-криминалисты. Они снимают с ли-

стьев отпечатки щупальцев и усов.

- Ничего, мы там тоже будем нелишними.

Нансон положил в рот последнюю крошку и утёр специальной щёткой усики.

- Я готов! Да, я хотел спросить: чего это у вас квартирная хозяйка такая злая?

- Она не злая, а просто очень строгая, борется за чистоту.

- Понятно. Где мой плащ? – спросил путешественник.

- Да дождь уже давно кончился, смотри, солнце выглянуло.

- Тем лучше, - сказал он, вставая.

Действительно в заставленное цветами окошко пробивались редкие лучи утреннего солнца.

Когда Нансон с Нюсей приползли на главную улицу посёлка, где находилась кладовка, то увидели, что там полным полно всякого рода букашек. Одни снимали отпечатки следов, другие что-то чертили усами на песке.

- Как продвигается следствие? - спросил подошедший Нансон.

- Пока ничего нового, - сказал жук-эксперт. – Почти все следы смыты дождем.

Нансон отозвал в сторону Нюсю:

- Я бы хотел чтобы в этом деле разобрались люди.

- Где же ты здесь их найдёшь?

- А давай вызовем сюда Славу и его друзей.

- Как же ты их вызовешь? – потрясла удивлённо усиками Нюся. - Они сейчас далеко, в ином человеческом мире.

- Есть одна задумка! – поднял переднюю клешню Нансон.

На уроке биологии

Славка сидел на своей родной задней парте и занимался тем, что раскручивал свой сломанный телефон. Он хотел починить его, заменив старые детали новыми, но у него ничего не получалось. Наконец он бросил телефон в рюкзак, где и без того было полно всякого лома. В это время Елена Петровна сказала:

- К доске пойдёт Огородников.

Слава заёрзал на месте. Он совсем не слышал, о чём рассказывала биологичка. Метнув быстрый взгляд на соседнюю парту, заметил только, что сидевшая впереди Катя провела по парте извивающейся рукой, изображая змею. Славка вылез из-за парты и, понурился, отправился к доске.

- Ну, - сказала учительница, - Слава, мы ждём.

- А о чём говорить-то?

- Прекрасно, ты даже не слышал вопроса! О чём ты только думаешь?

Вспомнив Катину руку, Слава сказал:

- О червях.

- К твоему сведению, кольчатых червей мы уже повторили и перешли к хордовым. К ним относятся рыбы и другие водные животные, которые имеют твёрдый скелет. Расскажи нам, что ты знаешь о среде их обитания и особенностях скелета, ну хотя бы на примере речного окуня.

- Речной окунь живёт в реке.

- Очень меткое замечание, - сказала учительница. - Продолжай дальше.

А дальше Славка решительно ничего не мог вспомнить, потому что про окуня речного ничего не читал. Правда, ходил он с ребятами не раз на рыбалку и даже уху ел, вытаскивая изо рта попавшуюся косточку, но о рыбьем скелете не задумывался.

- Да, Огородников, - сказала Елена Петровна, - а мне казалось, с некоторых пор ты взялся за ум и начал уроки готовить. Садись. Ну, так кто же, ребята, из вас знает строение скелета рыбы?

На этот раз классной аудитории повезло больше, потому что на смену предыдущему оратору, пришла бойкая Вика Дорощенко. Она всё про всех знала и даже ненароком между делом удосужилась выучить наизусть строение рыбьего скелета.

- Скелет окуня состоит из многих костей, но основа его позвоночник. Он тянется вдоль всего тела от головы до хвоста, - звонко запела Вика. - Когда окунь выклёвывается из

икринки, вместо костей у него хорда и только потом появляются позвонки.

- Позвонки! - Славка усмехнувшись покачал головой, садясь за парту. Он машинально сунул руку во внутренний карман пиджака, но вместо ручки обнаружил там спичечный коробок. Он открыл его: на дне лежало что-то маленькое и круглое.

- Что же это может быть? - подумал он. - Похоже на какое-то насекомое.

После звонка Слава подошёл к учительнице и показал ей содержимое коробка. Елена Петровна взяла крошечную горошину пинцетом и положила под микроскоп. Она внимательно посмотрела через него на предметное стёклышко и вдруг воскликнула:

- Да это же куколка! Если её держать в сухом тёмном месте, то из неё через некоторое время вылупится бабочка. Прodelай этот опыт, Слава, и мы вместе посмотрим, какой представитель отряда чешуекрылых появится.

Бабочка

Дома Слава положил коробок с куколкой в верхний ящик письменного стола и забыл о нём. Прошло десять дней. Как-то в воскресенье, разбирая своё хозяйство, он снова наткнулся на коробок. По началу, Слава хотел его попросту выбросить, но, вспомнив, что говорила учительница, с любопытством заглянул в него. На дне коробка вместо крошечной куколки, сложив крылья, лежала бабочка. Слава пошевелил её карандашом. Бабочка расправила свои крылья. Мальчик был поражён: на спине её, на тёмном фоне чётко проступал жёлтый человеческий череп, а под ним скрещенные косточки.

- Мёртвая голова! Так вот она какая, - выдохнул Слава.

Он слышал от приятеля, что есть на свете бабочки с таким названием и с таким страшным орнаментом на крыльях.

- Надо нашим показать, - подумал Славка.

Он вышел во двор и нос к носу столкнулся с Катей и Викой.

- Привет! – поднял руку Слава. – А что у меня есть?

- Ой! Новый планшет! – ойкнула Вика, которая любила всё новое.

- А вот и не угадала, – Славка осторожно раскрыл коробок.

Мёртвая голова медленно расправила крылья. Девочки с нескрываемым страхом смотрели на бабочку.

- Откуда она у тебя? – спросила поражённая Катя.

- Из той самой куколки вывелась.

- А что ты с ней делать будешь?

- Елене Петровне покажу.

- Давайте сами её хорошенько рассмотрим, – предложила Вика.

- Пойдёмте ко мне, - у меня дома никого нет, бабушка на службе, - дёрнула Славу за рукав Катя.

- А твой кот не съест мою бабочку? – пошутил Слава.

- Он Мёртвыми головами не питается, - сказала Катя, поворачивая в скважине ключ и выпуская ребят в квартиру.

Слава достал из кармана лупу, и ребята сгруппировались над кухонным столом.

Бабочка сидела на столешнице, расправив крылья, и не шевелилась.

- Может быть она умерла? – спросила Вика.

Но Слава направил на бабочку лупу. Ребята замерли. Мёртвая голова вдруг запищала и стала быстро увеличиваться в размерах. Через несколько секунд взорам удивлённых зрителей предстал знаменитый бражник во всей своей красе. Теперь он представлял собой прямо гигантских размеров летательный аппарат. Его тугие крылья, покрытые чешуйками, распростёрлись над столом, словно пиратский флаг. Слава, Вика и Катя с изумлением смотрели на это чудо природы. Они только теперь заметили: какими стали маленькими. Это не бабочка увеличилась, это они во много раз уменьшились под её магическим взором. Ребята с ужасом посмотрели на лапки бабочки и только сейчас заметили прикреплённую к щупальцам кабинку. Славка сорвался с места и, скользя по столу ногами, подбежал к ней. Ещё мгновение и двери кабинки распахнулись. Дети будто в анабиозе зашли в неё. Не успели они опомниться, как створки за ними захлопнулись и Мёртвая голова, пронзительно пища, взмыла вверх. Её крылья то плавно поднимались, то резко опускались, подбрасывая кабину с путешественниками. Сделав круг почёта над кухонным столом, бражник Мёртвая голова вылетел, наконец, через открытое окно на улицу.

ЮЛИЙ ТАГЕР

Дневник на Новый год

Рассказ

1 января — понедельник

Я позвонил мадам Подлецкой и мы договорились, что она приедет за своими сапогами в четверг, привезёт мне для фотосъёмки те сапожки ручной работы, что я сделал ей до этого. И мы ещё с ней посидим за бутылочкой вина. До четверга оставалось два дня, а сегодня — в первый день наступившего Нового года мне ещё нужно было доработать натюрморт с цветком.

У нас в Новогоднюю ночь была в гостях подруга матери Радмила Бендер со своим котом Мохнатей. Общались весь вечер. Я читал ей и маме стихи очень хорошей поэтессы, которой даже посвятил оду, под впечатлением её таланта.

Ну, так и прообщались до утра 2-го января. Натюрморт я так и не доработал, а обуви нечиненой ещё целый мешок, и заказчики ведь ждут.

2 января — вторник

Второго января проснулись все днём. Мама снарядилась в командировку до 21 января. Около 15-00 они с Радмилой вышли из дома. Радмила с Мохнатей поехала к себе.

Но я всё-таки устал от гостей с ночёвками и котом, который ничего не ест из-за диеты (даже в праздник). Потом я расписал этот дневник на будущий (теперь уже наступивший) год по дням недель и по числам. Умаялся от этой канцелярщины. Выходил в магазин. Замочил стирку. Подбил итоги за прошлый год по всем делам. С финансами одни романсы, и рутина, рутина... Подготовил отчёт в налоговую инспекцию за прошедший год и платёжку для уплаты налога. Потом постирал. Почистил селёдку. Поужинал. Посмотрел

кино. Около 1-го часа ночи отзвонилась мама на мобильник, говорит, что городской телефон занят. Это очень странно.

3 января — среда

Встал в 17-15. Очухался. Около 19-40 я позвонил мадам Подлецкой. Оказалось, у неё отвалилась набойка от каблука, я сказал ей, чтобы привезла обе туфли, я сделаю новые набойки. Но поговорить со мной она сегодня отказалась, сославшись на плохое самочувствие.

Настроение у меня испортилось, но я принялся за натюрморт и потихонечку стал приводить его в нормальный вид, и настроение улучшилось.

Около 20-45 позвонила мама из командировки. Она, оказывается, мне Новогодний подарочек захватила — ежедневник на этот год, типографский, с календарём! Здорово!

А этот теперь куда? В нём уже целых три дня... Я перенёс все записи в мамин подарочный ежедневник, немного сожалея о напрасном труде расписывания самодельного. Мне было непонятно — почему же мама не отдала мне этот в ночь праздника, что же ей помешало? Кот, что ли, — она умудрялась наступать ему на лапки, словно и не видя, куда ноги ставит. Меня от этого коробило. Я постарался отогнать неприятные мысли и продолжил работать с натюрмортом, надеясь на завтрашнюю более приятную встречу.

4 января — четверг

Сегодня встал в 9-00, очень бодрый. Стал смотреть, что нужно будет починить в следующей паре обуви. Ходил в магазин, купил к столу кое-что. Приготовил угощенья и положил сапоги мадам Подлецкой на видное место, чтобы сразу же ей их отдать. И, пока до её появления оставалось ещё часа полтора, я частично накрыл стол и вернулся к своему натюрморту. Кисть так и пела в руке, натюр-

морт преобразался, но уже наступило 15-00, а гостя до сих пор не пришла, хотя договаривались к 14-00. Я стал размышлять о дамской привычке задерживаться и продолжал писать натюрморт.

Тут позвонил телефон. Это была мадам Подлецкая. Она сказала, что сегодня не придет. Я говорил ей, что накрыл стол уже, сделал салат и жду её, на что она ответила мне, что салат подождёт, а она пока не знает когда ко мне придет. А я вот тоже не знал, что салат может простоять и не испортиться до неизвестно когда. Настроение упало ниже нуля, кисть стала творить что-то чрезмерное, и я обнаружил, что испортил фрагмент картины. И от того что фотографий собственных эксклюзивов у меня не будет, стало совсем не по себе.

В самодельном ежедневнике всё было как-то гораздо понятней...

14 февраля 2008 г.

Письмо к возлюбленной, которое никогда не было отправлено

Рассказ

Здравствуй, любовь моя, Елена!

Сегодня я ничего не делал, правда, сегодня было воскресенье. Работа практически не продвинулась. Завтра я жду Славку, он поможет мне разобраться в том, что делать дальше. Если не считать того, что он же и сказал мне — как сделать к этой модели литники неправильно, то всё вполне нормально. И это при том, что с самого начала я сделал их правильно, а он мне сказал, что так деталь не отольётся. Вот и думай: он не знает сам, или мне специально свинью подложил? Я столько набегался с литьём деталей для этого заказа, что казалось — всё уже хорошо. Но только начал работать с одной из отливок, как обнаружил опять дефект, и теперь надо решить — пригодна ли она, или надо опять ехать в литейный цех, ваять новую. В общем, из огня да в полымя. Придётся переделывать литники опять

так, как я сделал их сразу. Однако, я по этой причине уже почти не переживаю. Это работа, буду делать то, что нужно. Только и всего.

В основном за последние три дня мне совершенно истрепали нервы из-за этой грошовой пенсии, которую не выдают с января. Но я решил этим вопросом заняться, когда закончу с заказом. Не могу же я, в конце концов, постоянно разрываться на части из-за всякой ерунды. Работа важнее. В целом, настроение моё сегодня лучше, чем в прошлом письме, и я очень хочу спокойно работать.

Сейчас перечитал начало письма и понял, что оно написано придурком. Ну и хрен с ним. Я по тебе соскучился, Лена. Жаль, что я не могу с тобой встретиться. Часто вижу тебя во сне. То кошмары снятся, то вроде неплохие сновидения. Ещё я начал читать «Фауста», прочёл совсем не много, но сразу оценил фантастическую гениальность прочитанного, включая и то, что это перевод. А в остальном, всё у меня по-прежнему.

Браслет, который ты мне вернула, я продал, чему был очень рад. Я только не понял в принципе — почему ты мне его вернула? Только не из-за поломки, сломала ты его специально. Так чем же он тебе не понравился? Или ты решила поправить мои финансы таким способом? Что ж — спасибо и на том. Антикварная коробочка, в которой я тебе его подарил, тебе гораздо дороже... А то, во что я вкладывал свою душу и труд оказалось для тебя столь незначительным. Только это как-то всё по-свински получилось, Лена. Браслет — это не сковородка, с ним надо бережно обращаться. Я потому и говорю, что ты сломала его специально, что бережно с ним не обращалась. Два твоих браслета, которые я починил тебе раньше, всем своим поломанным видом это доказывали. Я вот подумал — а как же нам теперь встретиться? Я ведь первый больше не сунусь. Я уже говорил тебе. А ждать, что ты сама придёшь... — это из области фантастики. Что ж остаётся?

Буду мечтать. И писать письма. Ну, пока. Потом ещё напишу.

Витя.

Ночь 6 -7 февраля 2005 года.

P.S. №1

Я хочу ещё кое-что рассказать тебе в этом письме.

Когда-то, а если точно, то в 1995 году осенью, девушка, которую я любил до тебя, отшила меня по телефону окончательно и бесповоротно. Так что после этого мне уже нельзя было ни звонить ей, ни приходить к ней. И я остался наедине со своей любовью и страстью, объектом которых продолжала оставаться та девушка. В течение года я не общался с ней, но всё это время был уверен в том, что она меня любит, но только ждёт чтобы я совершил ряд каких-то конструктивных действий, и тогда она ко мне придёт, и станет моей женой. Так вот, Лена, это был — бред любовного очарования, в чистом виде, и с ним-то (стоически побеждённым) я к тебе на отделение и приехал, будучи бережно отправлен к тебе безо всякого моего согласия заботливой мамой и двумя проникательными соседками по лестничной площадке.

Что же я наблюдаю теперь? А вот что — замечательная врач-психиатр, которая перевела эти стрелки на себя, за последние восемь лет была гуманна, как только смогла, чтобы не обидеть меня отказом, и поэтому я сохранил полную иллюзию того, что она в меня сильно и страстно влюблена, и к тому же, она ждёт от меня того, что я совершу ряд каких-то конструктивных действий, и тогда она придёт ко мне, и станет моей женой.

И так, остаётся вопрос... когда меня отвезут на Пряжку... с тем же диагнозом?

Бред любовного очарования или же лю-

бовь? Я знаю, что девушка из 90-х годов не любила меня, а значит это был мой бред. Но вначале я этого не знал. Сейчас я тоже не знаю этого, но у меня есть опыт узнавания ситуации.

Так вот, дорогая Лена. Если ты такая же дрянь, как та девушка, то... я даже слов не нахожу и не стану их искать. Но мысль тебе уже ясна. Если же ты настоящая, и любишь меня, и я не брежу, то ты ведь должна, по логике вещей, ответить мне согласием и стать моей женой.

Остаётся вопрос... когда меня отвезут на Пряжку... с тем же диагнозом?

P.S. №2

Мне всё равно не остаётся ничего другого, как писать эти письма, которые ты не читаешь. Как я буду дальше жить в таком состоянии? Не знаю... Но разлюбить тебя не могу, и поверить, что ты меня не любишь я тоже не могу. Каждый день я глотаю таблетки, чтобы крыша не ехала, их мне прописала ты сама, любимая. И я постоянно совершаю конструктивные действия. Наверное, уже целый ряд совершил конструктивных действий. А тебя нет.

Итак, остаётся вопрос... когда меня отвезут на Пряжку? С тем же диагнозом.

Пожалуй, это письмо действительно повеселей предыдущего.

14 апреля 2014

НИНА ОЗЕРОВА

Портрет

(Окончание, начало в №№ 10, 11)

«Куда подевалась эта сумка?» - опять в который раз задавала она себе этот вопрос. Сумка была куплена давно, и вспомнила Леночка о ней потому, что эта сумка опять была в моде. Она была убрана и на глаза не попадалась, как и некоторые платья, убраны до поры, до времени и мода на которые опять возвращалась.

А надо заметить, что у Леночки было особое бережливое отношение к вещам. Можно сказать, священный трепет к платьям, сшитым мамой. Туфли и сумочка к которым подбирались очень тщательно и даже белье... И уж если платье было красным, то и белье должно было быть такого же цвета. Порой, сумочка и туфли к данному наряду ждали своего выхода только вместе с платьем или блузой...

Леночка слыла модницей, а в школе ее дразнили «воображухей» за то, что она не такая как все... и носила красивые платья. Но вернемся к сумке, которая очень была нужна. Во-первых, она была повседневная, вместительная, прямоугольная на длинных ручках, для осени и зимы, из натуральной мягкой черной кожи и очень удобной... Но главной ее особенностью была «апликация» из цветной кожи в виде цветов, что делало ее нарядной.

После долгих и безрезультатных поисков, Леночка вспомнила: «Антресоли!». «Господи! Какая она тяжелая!» - подумала она, наконец-то, доставая сумку, стоя на стремянке. Положив находку на стол, сняла полиэтилен, открыла молнию и удивилась... В ней лежали пачки писем, аккуратно перевязанные ленточками. Пожелтевшие от времени конверты с каллиграфическим папиным почерком, с маминым и своим. Это переписка с родителями из пионерского лагеря. Позже из отпуска, из путешествий. Переписка с мужем из больницы, в ожидании второго сына. История жизни...

И тут же обнаружила большой толстый конверт с фотографиями. Усевшись рядом,

она стала доставать их. «Да, это они, те самые, о которых я вспоминала месяц назад, когда нашла портрет, нарисованный и подаренный Сергеем, цветные фотографии, которые сделал он когда-то в подарок на мое соколение».

Разложив фотографии перед собой, Леночка подумала: «Как быстро летит время. Но я на них выгляжу вполне современно! Вот я в синем платье в белый горошек, отделанном белым крепдешинном в синий горошек. А туфли! Лакированные черные «лодочки» с золотыми носиками на высоких каблуках. В этом наряде я была ведущей на вечере 8 марта на работе и даже прочла тогда стихотворение Андрея Дементьева «Никогда ни о чем не жалейте вдогонку...». Да... и были аплодисменты». Леночка любила поэзию и читала на публику только любимые стихи.

«А вот здесь, - разглядывая другое фото, думала она, - я в любимом платье, тоже сшитое мамочкой ко Дню рождения. Красное крепдешинное, в черную узкую полоску, рукав кимоно с воланом. Фасон, напоминающий платье героини Л. Гурченко из кинофильма «Вокзал для двоих». Нежный макияж, пышные волосы и опять туфли на высоком каблуке, черные замшевые с золотой вышивкой».

Леночка выглядела неотразимо. И так, она завороченно смотрела на эти и другие фотографии, а они на нее, с высоты тех далеких лет.

Леночка вспоминала те свои ощущения, чувство уверенности и осознание своей привлекательности, позируя перед объективом фотоаппарата. И эта уверенность потом не покидала ее никогда. Сергей называл ее «Принцессой». Он-то понимал и знал из ее рассказов, что у нее есть «Король» и что сердце ее занято. И главным ее женским девизом была «безупречность», а во внешнем виде обязательно, и слово «самодисциплина», не очень

сочетающееся с понятием «хорошенькая женщина».

Благодаря знакомству с Сергеем, их общению, его дружескому к ней отношению, этим фотографиям, она увидела себя со стороны. И этот образ ей понравился. Постепенно ее отношение к некоторым жизненным проблемам изменилось. «Если вы не в силах изменить обстоятельства - измените свое отношение к ним», советовал кто-то из мудрых. Слова ее любимой Коко Шанель: «Красота необходима нам, чтобы мужчины любили нас, а глупость - для того, чтобы мы любили мужчин» - она немножко переиначила, изменив вторую часть: «...а трезвый ум, чтобы использовать мужчин в своих целях». Леночка так решила для себя и взяла за правило еще одно высказывание Великой Мадемуазель: «Никогда нельзя распускаться, надо всегда быть в отличной форме. Нельзя показываться в плохом состоянии, особенно родным и близким. Они переживают за тебя, враги же, наоборот, испытывают счастье. Поэтому, что бы ни происходило, обязательно нужно думать о том, как ты выглядишь».

Да, быть настоящей женщиной нелегко... А в личной жизни, по словам Сергея: «У тебя будет все хорошо! Ты когда-нибудь вспомнишь мои слова». Действительно, все налажилось. Леночка пересмотрела в ином ракурсе тему «Принцесса и Король». Смирилась с тем, что жениться по любви не может ни один «Король»... Не стала доискиваться причины этому и решила, пусть будет достойный поклонник-любовник, даже женатый, чем плохой муж. И жизнь пошла своим чередом и завертелась. Совместный отпуск с «другом сердца», путешествия, курорты, компании интересных людей. Встречи по выходным дням и праздникам, театры, концерты и т.д. И у каждого своя семья, а в будние дни после работы - поздний телефонный звонок с пожеланием спокойной ночи... Ее это теперь вполне устраивало. И как иллюстрации к ее жизни - фотографии... Леночка в Сочи, в Крыму, в Баку, в Ереване и даже на Саяно-Шушенской ГЭС. А потом на улицах Будапешта, в Египте на фоне пирамид и у знаменитого музея в Каире, и у Стены плача в Иерусалиме, и на

Кипре, где в ресторане отеля в Лимасоле отмечала свое пятидесятилетие. И везде улыбающаяся, красивая, нарядная...

Она очнулась от воспоминаний и вернулась в своих мыслях к Сергею. После этих фотографий, сделанных им к ее сорокалетию (только что найденных и лежащих перед нею) и подаренного портрета, они с ним как-то само собой разминулись по жизни. Она тогда уехала со своим «Королем» в отпуск по Закавказью...

Прошло несколько лет. Однажды теплым августовским вечером выходя из Пассажа, где Леночка присматривала очередные французские духи, чтобы получить их в подарок от своего «Короля», в толпе прохожих она увидела Сергея. Он шел один, о чем-то задумавшись, с большой папкой из которой торчали листы ватмана, и одет был весьма скромно для художника. Она окликнула его. От неожиданности он удивился, но сразу же удивление сменилось радостью.

- Леночка! Как я рад тебя видеть! - воскликнул Сергей и быстро добавил: - Давай зайдем в кафе и, если у тебя есть время, посидим и поговорим. Сколько лет, сколько зим! Какая ты загорелая, выглядишь, как всегда, потрясающе, как всегда нарядная, одним словом, «Принцесса»! Где отдыхала? Что в личной жизни?

Они зашли в ближайшее кафе, и пока он заказывал мороженое и кофе, она опять разглядывала его: «Немного усталый, как всегда скромен. Не похож на мужчин из моего окружения», - подумала она. И вспомнила, как когда-то сознательно погасила в себе зарождающуюся симпатию к нему, несмотря на его доброту и рыцарское отношение к ней...

Его голос вывел ее из задумчивости:

- По тебе видно, что у тебя все в порядке! Я рад! Рассказывай!

После ее впечатлений о Венгрии, об озере Балатон, где она со своим спутником отдыхала, он спросил:

- Ну, как тебе Будапешт?

- Ты же знаешь сам, нас, ленинградцев разве можно чем-то удивить, - ответила она. - Мы выросли в красивом городе, и все лучшее из архитектуры Европы воплотилось в нашем

городе. Но их курорты, сервис поражают своей культурой обслуживания, ухоженностью. И я могла бы там жить в их красивых декорациях и по их правилам... Я напомню тебе, что моя мама Элеонора Шульц крещена в костеле, а дедушка - поляк, родившийся в Петербурге в 1899 году.

- Я помню, ты мне рассказывала. И я всегда понимал, что ты европейская женщина, что отличало тебя от многих... Но, дорогая, - добавил Сергей, - оставайся здесь, ты еще нам всем нужна. Но раз уж мы с тобой встретились случайно - не случайно, видимо так угодно было судьбе, я открою тебе свою тайну... так уж и быть!

- Пересказывать историю нашего знакомства я не буду, надеюсь ты ее помнишь... Но очень быстро тогда моя симпатия к тебе переросла в любовь.

- И что же ты молчал об этом, не признался мне? - воскликнула Леночка, перебивая его рассказ.

- Подожди, слушай дальше. Перед тем, как я встретился с тобой, в моей жизни произошли две трагедии, но я тогда молчал, не хотел омрачать наше знакомство. Одна - это смерть моей мамы - она блокадница. Отец умер сразу после войны от ранений. Но это все естественный ход событий. Мама растила меня одна, так больше и не пытаюсь устроить свою личную жизнь. Квартиру, в которой я проживаю, она получила от государства незадолго до смерти... Вторая трагедия - погибла моя любимая девушка. Нелепо, случайно, под колесами грузовика. Я оказался один на свете. Пытался забыть ее, рисуя женские лица, но не получалось. А увидел тебя в трамвае - вдруг решил с тобой познакомиться и вышел на той же остановке, хотя, честно, ни на что не надеялся. Ты тогда тоже переживала не лучшие времена, я это почувствовал. Но я сумел подобрать ключик к тебе, расспрашивая о твоей жизни и проблемах. Матушка когда-то дала мне хороший совет: «Если тебе когда-нибудь станет плохо по жизни и ты будешь страдать, то лучшее лекарство от хандры – это сделать кому-то доброе дело, проявить сочувствие и пожалеть, ведь кому-то, может быть, еще тяжелее, чем тебе...». И тогда, узнав достаточно

о тебе из твоих рассказов, я понял: что я - бедный преподаватель фотографии и художник - могу тебе дать? Я не могу быть круче твоего поклонника. И я не показывал виду, что влюблен в тебя, тем самым сохранил тогда дружеское твое расположение и доверие ко мне - лишь бы иногда тебя видеть... Но ты ведь знаешь, что негативы твоих снимков хранятся у меня, если хочешь, я могу тебе их отдать. Тогда у меня на память останутся только несколько снимков. Как хороша ты в платье в горошек! А в красной блузке и белой юбке! А стройные ножки в лодочках на каблучках... Прелесть! Пойми меня правильно, что тебе тогда была бы моя любовь? Ведь я знал, что ты любила своего «Короля» и переживала из-за него. А я не мог его заменить ни в каком смысле. Надеюсь, ты меня понимаешь? Ну и потом мое мужское самолюбие... И я, как ни странно, предпочел быть недостойным твоего женского внимания, да и ни на что не рассчитывал. И это было для меня лучше, чем быть отвергнутым тобой.

- Сережа! - тихо произнесла Леночка, - я благодарю судьбу за нашу встречу. Я благодарна тебе за то, что ты вытащил меня из депрессии. Ты меня вернул к жизни, ты вернул меня к самой себе...

Воспоминания всей истории их знакомства с новой силой прокрутились перед мысленным взором Леночки, словно фильм под названием «Жизнь». Она своей женской интуицией догадывалась о чувствах Сергея, но повода он не давал, и она еще раз убедилась в его самообладании, благородстве и порядочности по отношению к ней.

- Где ты сейчас проживаешь?

Леночка очнулась, услышав вопрос «Вышла ли замуж? Как сыновья?». И она рассказала, что замуж еще не вышла, но по-прежнему со своим поклонником. Родители ее, ветераны ВОВ получили, наконец-то, по очереди от государства трехкомнатную квартиру на правом берегу Невы, поэтому она с младшим сыном и родителями уехала с Васильевского острова и живет вместе с ними. Старший сын женился и остался в старой квартире, зато отдельной.

- А ты как? - в свою очередь поинтересовалась Леночка.

- Работаю там же, беру заказы на фотоработы, рисую. Пока один, - опустив глаза, добавил он.

- Посмотри, который час! - спохватилась Леночка. - Мы с тобой засиделись, мне пора домой, уже поздно. Проводи меня до остановки. С Невского до моего дома идет автобус.

Было уже темно. Август еще дарил вечернее тепло. Ярko светились фонари и витрины магазинов. Влюбленные парочки не спеша прогуливались, желтый диск луны загадочно смотрел на город с бархатного неба. Они стояли на остановке рядом, и вдруг Леночка крепко обняла Сергея и неожиданно и страстно поцеловала его в губы. В этом поцелуе было все: и благодарность за его тайную любовь к ней, и ее, Леночкино, сдерживаемое чувство к нему как к мужчине, сожаление о быстро проходящей молодости, о том, чего уже никогда не вернуть...

Сергей стоял, ошарашенный произошедшим. «Да! - подумал он. - Этот поцелуй дорогого стоит! Я совсем как персонаж пьесы Островского "Последняя жертва"».

Подошел автобус, входя в него Леночка спросила:

- У тебя телефон все тот же?

- Да-да! - быстро воскликнул он и услышал в ответ:

- Я позвоню.

Грустным взглядом он посмотрел в след отъезжающему автобусу, глубоко вздохнул и быстро зашагал к метро. «Да, хотел бы я быть тем Флор Федулычем с его капиталом для Леночки, но мне этого не дано по жизни!» - подумал он.

Прошло несколько дней. Все это время Сергей вспоминал и перебирал в памяти подробности этой неожиданной встречи. Он никогда не забывал ее, а пять лет пролетели незаметно. И вот сейчас, опять он ждет ее звонка. Леночка позвонила через несколько дней, уже шел сентябрь. Она приглашала его в гости на новую квартиру в ближайшие выходные...

«Да, как давно это было!» - перебирая фотографии, подумала Леночка. Сложила их, собираясь убрать в конверт, как вдруг заметила, что там еще что-то есть. И с удивлением обнаружила еще три, но уже черно-белых снимка.

Да это же снимки их последней встречи на ее новой квартире! Это «те» незабываемые выходные «того» сентября!

Прозвенел звонок, еще раз взглянув на себя в зеркало, она пошла открывать дверь. На пороге стоял Сергей с сумкой на плече, какой-то необыкновенно торжественный, с букетом алых роз. Закатанные рукава рубашки открывали его крепкие и изящные руки. Рубашка была голубого цвета и выгодно оттеняла его еще летний загар, короткая стрижка с легкой сединой очень молодила его, придавая всему облику юношеский вид. «Хочу очутиться в плену этих сильных рук!» - пронеслось у нее в голове.

- Проходи, - с улыбкой сказала Леночка. - Теперь ты мой гость!

- А где все? Родители, сын? - удивился Сергей.

- Все уехали на дачу на выходные, с папой на машине, - многозначительно сказала она.

- Разве ты не встречаешься с твоим...? Вы что, поссорились?

- Нет, он на даче со своей семьей на все выходные, - резко ответила она и тут же игриво добавила: - Давай отметим нашу встречу, я приготовила легкий ужин, а в холодильнике у меня полусладкое шампанское «Абрау-Дюрсо».

- Покажи свои апартаменты, - попросил Сергей.

- Да, да, конечно, смотри: вот комната родителей, вот гостиная и одновременно комната сына, а это моя комната, там кухня и ванная с туалетом.

- Очень мило и уютно, - сказал Сергей, присаживаясь за накрытый журнальный столик. - Ужин на двоих, в гостиной, при свечах! Но откуда такое изобилие? - удивился он.

На это Леночка ответила, что теперь работает в этом же районе на хорошем предприятии, она секретарь-референт директора и пользуется продовольственными заказами из директорского фонда.

- Понятно, - заметил Сергей. - Неплохо в наше дефицитное время.

Пока она ставила цветы в воду, он открыл шампанское и разлил по бокалам.

- Давай выпьем на брудершафт за встречу!

- предложил он.

Из нового японского магнитофона тихо звучала музыка, создавая приятное настроение, придавая романтику этому вечеру. Сергей узнал любимую мелодию «Путники в ночи» Фрэнка Синатра. Леночка прошептала: - Это мы с тобой путники на этой остановке жизни и завтра каждого из нас увезет свой поезд в неведомую даль...

- Но пока я здесь с тобой, я хотел бы запечатлеть тебя на фото. Со мной фотоаппарат, на пленке осталось три свободных кадра... В понедельник я уезжаю в командировку на Саяно-Шушенскую ГЭС. Придется перезаряжать фотоаппарат, но я проявлю эту пленку срочно и сделаю эти снимки у себя на работе в лаборатории.

Вечер пролетел незаметно, три кадра были сделаны. Леночка с удовольствием позировала. Сергей стал собираться домой.

- Придется ловить такси или частника, метро уже закрыто, - сказал он глядя на часы. Леночка подошла к нему, положила руки ему на плечи и ощутив его сильные руки на талии, замерла в его объятиях... И, глядя в глаза, тихо прошептала:

- Я прошу тебя, не покидай меня сегодня, останься...

- Я же утону в твоих русалочьих глазах, - прошептал он, целуя ее.

В понедельник Сергей позвонил Леночке на работу и сообщил:

- Я сделал три черно-белые фотографии, ты вышла потрясающе. Я выслал их заказной бандеролью. Вернусь из командировки через три недели.

Получив на почте конверт с фотографиями, она обнаружила от него записку: «Ты вернула меня к жизни. Я твой. Если я тебе нужен - звони. Сергей».

Вместо эпилога

Прошли годы. «Принцесса» была уже без «Короля». Она сама ушла от него. Она вышла замуж за «Мастера». «Король» и «Художник» были в далеком прошлом и жили своей жизнью, ей не ведомой. Однажды, переписывая нужные телефоны из старой записной книжки в новую, она обратила внимание на знакомые цифры, на страничке с буквой «С». Инстинктивно набрала номер.

Знакомый мужской голос ответил:

- Слушаю Вас!

- Сергей! Здравствуй! Я Елена Ларионова, помнишь меня?

Пауза.

- Леночка, это ты? Сколько лет, сколько зим! Ты меня еще помнишь? А как твой портрет? Еще жив?

- Представляешь! В связи с переездом к мужу, он таинственным образом исчез. Но, фотографии я храню. И это моя тайна.

- А я, - продолжал Сергей, - в возрасте дедушки стал папой! У меня молодая жена и маленький сын! Моя жена похожа на тебя, такого же типа! А ты как? Все с «ним»?

- Нет! Я замужем за другим человеком, уже десять лет. И я уже бабушка - у меня внучка. Родителей уже нет, Царствие им небесное... Я очень за тебя рада, Дай Бог тебе всего хорошего!

- Леночка! Я благодарен тебе за то, что ты «тогда» вернула меня к жизни. Твоя нежность вселила в меня уверенность, я почувствовал себя настоящим мужчиной. Храни тебя Господь!

- Сергей, я желаю тебе и твоей семье счастья и любви и всегда буду тебя помнить!

Август 2015

*С благодарностью Селезневой С.П.
за оказание технической помощи.*

ВИКТОР ПЕРМЯКОВ

Соединяется душа с природой

Рассказ

Дача! Райский уголок первозданной природы! Именно туда лежал путь из душного, летнего Петербурга четы пенсионеров Игоря Ивановича и Ксении Васильевны. Их участок в двенадцать соток зарос травой и походил на лесную поляну. Радовали глаз полевые цветы, над которыми хлопотали пчелки и бабочки. Особая прелесть была в том, что участок расположен на берегу пруда. Берег водоема, с годами зарастая все сильнее, образовал живую стену из тополей, осин, кустов калины, который укрывал владельцев небольшого дачного домика от шумных соседей. Весь участок по периметру был усажен деревьями: елями, березами, черемухой, которые стояли на страже заповедной территории. Лет десять назад, когда в округе людей было гораздо меньше, а стало быть и тише – по участку бегали ежики, на деревьях супруги частенько видели дятлов, неустанно работавших над сохранением здоровья стволов деревьев. Под крышей гнездились ласточки. Игорь Иванович радовался тому, что домик у него находился, как будто в лесу.

Стремление уединиться на природе было вызвано не только желанием полюбоваться ею. У Игоря Ивановича была страсть, которая только с выходом на пенсию, смогла расцвести – это резьба по дереву. Он оживотворял высохшие поленья, корявые стволы, корневища, которые хорошо вписывались и в интерьер домика, и в пейзаж участка.

А началось все с того, что однажды Игорь Иванович не стал отправлять в печь приглянувшееся ему необычное полешко. Взяв ножовку по дереву и резцы, он оживил деревяшку. И вот перед нами старичок с ноготок, который хитро улыбается себе в усы. Игорь Иванович мастерил мебель для дома, обивал «вагонкой» стены, строил на улице столики, скамейки. Даже создал домашний иконостас, где в красном углу, как положено по-русски,

стояли его любимые иконы и медный крест, купленный им в Новгородской Софии. Но больше всего он любил заниматься скульптурой. Откуда в нем зародилась эта страсть, он не смог бы объяснить вразумительно. Правда, раздумывая над этим он припоминал, что и отец его, пришедший с войны, будучи дома любил шить. То подушечки на диван, то покрывало на кровать, даже верхнюю одежду. Откуда это у него? Тут Игорь Иванович вздыхал: «Пути Господни неисповедимы...»

Этим летом уже три недели стояла невыносимая жара, под тридцать градусов. Город опустел. Игорь Иванович с супругой добрались до заветной прохлады, которую они нашли в тени под большой яблоней. Хозяин долотом и киянкой трудился над большим бревном, усматривая в нем сходство со стражем в шлеме и которого он намеривался поставить охранять ворота. Ксения Васильевна хлопотала по дому. Тут неожиданно появился старый приятель Сергей Петрович - тоже дачник.

- Здравствуйте, труженики садов и огородов, – громко приветствовал он приехавших соседей.

- Приветствую тебя, Петрович! Как жизнь – отвечал хозяин, не прерывая своего занятия.

- Смотри, что я тебе принес – уже потише произнес Сергей Петрович, вынимая из газет подарок.

Игорю Ивановичу пришлось оторваться от работы и взглянуть на подношение.

- Вот это да! – ахнул скульптор.

- Смотри какой кап здоровенный. Он давно у меня на чердаке лежал. Может чего и смастеришь, - продолжал Петрович.

Приятели сели на скамейку и продолжили беседу. Петрович жил один, и поговорить о своих делах ему было не с кем. С Игорем Ивановичем они давно не виделись. Сделав

приятелю подарок, Петрович чувствовал себя нужным, тем более, что Иваныч так обрадовался.

- Представляешь, Иваныч, дети мои на выходные приезжали. Давай, говорят, отец, спилим деревья, да и траву скосим – газон сделаем. Насмотрелись, видно, иноземных журналов; либо в интернете видели. Неправильно, вишь, живу. А надо как американцы – культурно и цивилизованно. Как тут Федора Михайловича не вспомнить. Как он в «Бесах» подметил. Вот я и говорю деткам своим: «Ну извините, что усадьба моя не похожа на Ваши иноземные мечтаница».

Расстроенный старичок умолк. Собравшись с мыслями Петрович подвел итог разногласиям с подрастающим поколением:

- У них там все хорошее, а у нас тут все плохое. Пытаются на русскую корову надеть седло и сделать вид, что это лошадь. Пока детей «жареный петух» не клюнет в задницу – не поймут.

Опять наступила тишина и слышалось только щебетанье пташек, цоконье кузнечиков. Петрович успокоился.

- Хорошо у Вас здесь, Иваныч, душой отдыхаешь. Вон там, около елок, я заметил, даже грибы растут.

- Да, знаю, знаю, – отозвался хозяин, – жена любит с картошечкой грибочки, да и банку-другую замаринует. И в лес ходить не надо, когда под боком свой собственный.

На крыльце появилась Ксения Васильевна. Поздоровавшись с гостем, деловито прошествовала к огуречному парнику. В руках у нее были ножницы и веревки – надо было срочно подвязать буйно разросшиеся плети, пока еще не очень жарко. А то на солнце до 33 градусов доходит. В Петербурге даже асфальт плавится. Закончив обихаживать растения, хозяйка накрыла чайный стол под яблоней и пригласила мужчин отведать угощение. К чаю было подано варенье, пироги и травки, которые облегчают пребывание на жаре. Мята росла по берегу водоема и почему-то разрасталась особенно пышно под молодым дубком, который несколько лет назад посадил Игорь Иванович.

Чаевники наслаждались чаем и общением

в тени старой яблони. Несмотря на возраст она продолжала радовать хозяев урожайностью. Вот и сейчас крупные яблоки наливались соком земли и бока их розовели под солнечными лучами.

- Смотрите, смотрите, – вдруг встрепенулся гость, – что за мокрое чудо?!

На поляне появилась мокрая, и потому жалкая на вид, кошка Зайка. Игорь Иванович весело посмотрел сначала на кошку, потом на Петровича. Ксения Васильевна, ловко изловив охотницу стала вытирать ее полотенцем и приговаривать

- Нехорошо охотиться на уток и их деточек.

Кошка, пристыженная хозяйкой, молча вынесла процедуру вытирания. В качестве утешения, после перенесенных страданий, ей налили молочка. Зайка пила взахлеб, залив мордочку и усики. Наконец, устав, отправилась на крыльцо греться на солнышке. Нещадно припекавшее солнце заставило зверька ретироваться и залечь в тень от яблони, где она и заснула.

- Я недавно прошелся по Невскому проспекту, – сказал Сергей Петрович, – сплошные иноземные вывески с названиями магазинов, офисов, ресторанов, отелей (по-нашему, по-русски - гостиниц). Я не поленился и переписал эти названия, хотя пришлось потрудиться, ведь все на латинице. Шел я от Московского вокзала в сторону Литейного проспекта. Расстояние небольшое, почти на каждом доме есть вывеска. Всего я насчитал сорок четыре вывески.

Получается, что тот, кто это сотворил не любит Русский народ, страну, русский язык. Или они уже, заранее, сдались Европейскому сообществу – фактически врагам России...

- Я много раз смотрел военную хронику – откликнулся Игорь Иванович, – в Великую Отечественную войну немцы на оккупированной территории СССР первое, что делали, так это автоматами сбивали вывески с русскими названиями и заменяли их на свои, на немецком языке. Далее шли кадры с улыбающимися немецкими солдатами, играющими на губных гармошках – радовались захвату новых земель.

- Представляешь, Иваныч, – продолжил Сергей Петрович, – как горько видеть, когда по Невскому проспекту идет Крестный ход или идут ветераны с боевыми наградами в День Победы, а со всех сторон их обложили вывески «победителей». Впечатление, что их прогоняют сквозь строй. Непонятно что мы празднуем?! Какой-то абсурд, шизофрения... Александр Невский был бы в шоке, увидев, что проспект его имени завешен иноземными вывесками.

- А что удивляться, – неторопливо молвил Игорь Иванович, – если именем президента-пьяницы и убийцы русского народа названа библиотека в центре Петербурга. Ведь этот гад расстрелял из танков в октябре 1993 года парламент России, причем законно избранный. В прямом эфире транслировали на весь мир. Двадцать с лишним лет под игом существуем.

Наступила тишина. Разговор прервался. Каждый думал о своем.

Игорь Иванович вспоминал о своих многочисленных поездках по России. В красивые русские города, как железобетонные сваи, забивают иноземные постройки. В газетах это называют новым архитектурным решением. Взять, например, Петербург или Москву. У каждого из них было свое лицо. Видимо, перестройщики сильно ненавидели эти лица, поэтому они прошлись по ним бульдозерами (тоже иноземного происхождения). Что могли – сломали, что-то сожгли, а на местах системного погрома строят спроектированные на западе сооружения. Все застраивается остекленными параллелепипедами. И что интересно – они не хотят строить на незастроенных территориях, нагадить надо именно в историческом центре.

Несколько лет тому назад Игорю Ивановичу довелось побывать в Великом Устюге – жемчужине Русского Севера. Город небольшой и новострой в евро стиле бросался в глаза сайдингом и штампованной красной, как в Европе, черепичной крышей. А рядом безропотно стоят белокаменные храмы, белокаменные и деревянные двухэтажные дома. Несколько евродомов стояли, выпучив незрячие глаза-окна (так Игорь Иванович называл

затемненные новомодные стекла, которые должны были укрывать от взглядов прохожих хозяев особняков). Когда по небу плыли облака, отражаясь в этих окнах, то создавалось впечатление «бельма в глазу». Как пугало, стояли они в центре города. Вздохнув, Игорь Иванович, отправился к мэру города (почему не градоначальник, а мэр?). Матвей Степанович (мэр) опустив глаза, выслушал с печальным терпением. Не впервой приходилось выслушивать ему критические замечания от гостей города, особенно от художников, которые ежегодно приезжают в город на этюды. Но кое-что хорошее в сем граде Игорь Иванович все же увидел – там не было иноземных вывесок.

- Может, поживем еще, – резюмировал путешественник.

Больную душу лечить можно только любовью. Именно с любовью, Игорь Иванович, обустроивал свое жизненное пространство. Простым горбылем обил кухню в домике. Каждую досочку ошкурил наждачной бумагой и покрыл лаком. Смастерил для крохотной кухоньки соразмерную ей мебель. Жена сразу заполонила полки утварью. Замысловатый обломок горбыля, предназначенный для растопки, превратился в рыбу, да не простую, а летящую: со спинным плавником, похожим на крыло. Так появилось декоративное панно для кухни. Особой гордостью хозяина была веранда, где они с женой в непогоду пили чай. Компанию им составлял страж веранды, стоящий в углу, изваянный из трехметрового бревна. Иваныч дорожил стражем. Высушивалось это бревно в течение трех лет на чердаке. Весь дом был маленьким музеем.

Вечерело. Жара спала. Закончив все дела, Игорь Иванович читал стихи любимых поэтов. А любил он – Тютчева, Лермонтова, Рубцова, Клюева, Кузнецова. Прерывалось чтение виршей размышлениями о жизни. Игорь Иванович вспоминал студенческие года, путешествия по городам и весям СССР. Большая часть его жизни прошла в той стране. В такие часы, когда любованье природой переплеталось с воспоминаниями, на ум приходили сами собой стихи, которые Игорь Иванович, вполголоса декламировал вслух.

Светило, весь день нещадно палившее землю и ее обитателей, медленно приближалось к горизонту, словно не хотело уходить. Последними, прощальными лучами освещало деревья, деревенские домики, озеро с поросшим кустами берегом. Весь Божий Мир! Игорь Иванович был счастлив в такие минуты. На душе спокойно и тепло – соединялась Душа с Природой!

Настало утро нового дня. Деревья трепетали листьями, видимо, от радости встречи с хозяевами.

Супружеская чета любила и холила свои деревья. Несмотря на засуху, листья были темно-зеленые, сочные. Сад отзывался на ласку и уход, сокрывая от жары людей. Так и жили в любви и согласии люди и деревья. На ум Игорю Ивановичу пришла мысль о городских деревьях. Асфальт плавится от жары, а кто польет деревья? Теперь за каждую каплю воды в городе жители платят немалые деньги. А сколько заграничных растений по весне не дали ни одного листочка. Чиновники с маниакальной настойчивостью высаживают и высаживают иноземные саженцы, которые не приживаются. Тратят на это бюджетные деньги, как будто в России нет своих деревьев. Свое – плохое, чужое – хорошее.

Слава Богу у супругов есть уголок живой природы – их дача. Приближалась осень, поспевали яблоки. Их было так много, что Ксения Васильевна неустанно трудилась: то варенье варила, то джем, то компот. Запасов хватало до следующего лета. А Игорь Ива-

нович радовался наливающейся целебным соком калине. Сбор ягод откладывался до поздней осени. Дачные хлопоты прерывались чаепитием и чтением художественной литературы. Если Игорь Иванович увлекался поэзией, жена его читала и перечитывала Ивана Шмелева, Мельникова-Печерского, Достоевского, Хемингуэя, Бальзака. Иногда она читала вслух Игорю Ивановичу, неотрывающемуся от резьбы по дереву.

Сегодня чета пожилых супругов отправилась почитать раньше обычного. И устали, и вставать завтра надо раньше обычного.

Проснулся Игорь Иванович от легкого царапанья в стекло окна – это ветка яблони, наклонившаяся под тяжестью плодов, как будто, говорила:

- Вставай, Иваныч, вставай!

Утреннее солнце светило в окно, и тени от ветвей яблони качались на стене комнаты, придавая таинственную загадочность интерьеру. Вся комната с иконостасом оживилась чистотой и праздничностью.

- Пойду-ка разбужу Ксению Васильевну... Ну, Ксения, пора вставать, а то на литургию опоздаем. День-то какой светлый да радостный. Праздник! Праздник Преображения Господня.

- Спас-то нынче и впрямь яблочный! – откликнулась жена.

Август 2015

Петербург

ЕЛЕНА СТУКОВА

Смерть Деда Мороза

Дед Мороз был лысым. Нет, Деда Морозы бывают разными: в детстве, когда мне было четыре или пять лет, Дед Мороз приходил в очках, без Снегурочки. Я тогда очень удивился: Дед Мороз и в очках, и я спросил его об этом, это уже когда я стих рассказал тоненьким голоском – папа записал на видео, потом мы часто смотрели запись:

Корней Чуковский

Были бы у ёлочки
Ножки
Побежала бы она
По дорожке...

И уже после того, как Дед Мороз вытащил из своего дедморозовского мешка для меня железную дорогу и вручил её мне, потому что я боялся, что до этого он передумает и я останусь без подарка, на что Дед Мороз ответил:

- Чтобы детишек получше рассмотреть: кто шалит, а кто не шалит.

- А я не шалю, - ответил тогда я, испугавшись, что он заберет подарок обратно.

- Вот и молодец, я сразу это увидел сквозь свои волшебные очки, - улыбнулся Дед Мороз.

На этой веселой ноте он хотел было уйти, но вдруг взгляд его волшебных очков остановился на нашем лысом, без бороды, целлулоидном, улыбающемся Деде Морозе, одетом по всем правилам, в ватном кафтане, с разноцветным бело-сине-красным кушаком с узорами, в ватных рукавицах.

Дед Мороз сначала, молча, подошел поближе к нашему Деду Морозу, даже очки свои волшебные снял. Потом он отошел подальше – волшебные очки надел. Постоял минуту. Потом сказал: «Бывает же такое! Волшебно!».

Потом его осенило. Он посмотрел на моего тоже лысого, тоже улыбающегося, но с бородой деда, улыбнулся: наверное подумал, что

они очень похожи, а они и вправду были как близнецы-братья, сказал опять: «Волшебно», - и быстро-быстро ушел, качая головой.

Я тогда не знал, что мама и папа заранее покупают подарки и кладут в мешок Деду Морозу, чтобы я не видел, и я не знал, что без подарка я всё равно не останусь. Это я сейчас знаю, когда я большой, мне уже пятнадцать и у меня уже есть паспорт...

Когда мне было восемь лет, пришел такой веселый Дед Мороз и со Снегурочкой. Когда он только вошел в квартиру, он поднял свой посох, пробасил: «Издалека я к вам пришел по заснеженным лесным тропинкам сквозь метели, добирался, волки воют, а я иду...»

Мы плясали и хохотали, водили хороводы под народные или уже ставшие народными, песни «В лесу родилась ёлочка» и «Маленькой ёлочке холодно зимой». Хороводы водили все и мама, и я, и мой совсем маленький брат Вовка, и дедушка. Мы, чтобы было побольше народа, пригласили Семёна, нашего соседа по дому, который, как он говорил, «холостиковал». Папа снимал наше веселье на видео. Только Снегурочка, мне тогда показалось, как-то наигранно смеялась и всё Деда Мороза толкала чуть-чуть под локоть, но я заметил и дед заметил – спешила, мол, давай побыстрее, торопилась на следующие адреса. Но Дед Мороз не замечал этого или делал вид, что не замечает. Он просто хорошо и весело делал свое дело. Я тогда всё стих хотел рассказать. А Дед Мороз басил: «Нет, еще загадку разгадай!» - и после правильного, как всегда, ответа, потому что загадки были очень простые, хохотал, и его смех передавался всем остальным – это смехотерапия называется – отдельный раздел медицины, про это я по телеку смотрел. Один засмеется, а за ним - другие. Потом целый зал смеется, и у всех улучшается одновременно и настроение, и здоровье. Потом Дед Мороз сел на диван, грузно так, что диван чуть не проломился и сказал: «Ну, давай твой стих».

И я начал стихотворение Лучиано Пизани, итальянского поэта:

Дед Мороз

Вечером мальчик взволнован до слёз:
Должен наутро прийти Дед Мороз.
С кучей подарков. И всяких затей.
Для лучших, для самых послушных
детей!

Мальчика очень волнует вопрос:
а вдруг не придет к нему Дед Мороз?
Вдруг Дед Мороз постучит не к нему?
Мальчик в тревоге.
И потому
мальчик не спит,
Он взволнован до слёз.
Должен наутро прийти Дед Мороз!

Дед Мороз, который всё время веселился и безудержно хохотал, вдруг стал серьезным, торжественно встал с дивана, взял свой посох, ударил им по паркету на полу, так что мы испугались, что сейчас прибежит наша соседка снизу Анна Ивановна и громогласно пробасил:

- Я Дед Мороз – это звучит... - не вспомнив, как это звучит, продолжал: - замету дорожки, заморожу-разморожу... - Но тут он увидел вдруг нашего лысенького Деда Мороза, наклонился к нему, пробасил восторженно: - Петро!..

Потом, видимо забыв, что мне надо вручить подарок, он сказал: «Ах, да», - погладил меня по голове, подарил мне мой первый мобильный телефон с кнопками, такой простенький, не как у меня сейчас с прибабасами и, подгоняемый Снегурочкой, ушел. Было слышно, как в лифте он что-то декламирует и смеётся, но что – не разобрать.

- Он, наверное, выпивший немного, - резюмировал тогда папа.

- Может и не немного, - сделала предположение мама, - но какое веселье!

- Как ты плясала, как смеялась, а как Семен веселился! Да никогда не было у нас такого хорошего Деда Мороза. Какой артист! Надо ему благодарность написать!

- Самый настоящий Дед Мороз, шел к нам... - начал было дед.

- Из Лапландии, - весело добавила мама.
- Был бы из Лапландии, - сказал папа, - говорил бы на финском.

- Он из Великого Устюга, - парировал я. – Мы всем классом писали письмо Деду Морозу в Великий Устюг, чтобы он нам подарки привез. Каждый написал о своём. Я написал про телефон. Вот и получил. Какой хороший подарок!

- Из Великого Устюга тоже не близко до Петербурга добираться по заснеженным лесным тропинкам, сквозь метели, волки воют, - повторил дед слова Деда Мороза, а потом добавил своё: – По кочкам, по ухабинам на лыжах – это какой у него разряд по лыжам должен быть, чтобы столько километров преодолеть, потом на санях...

- Ну ты даешь, папа, - сказал мой папа моему деду, - Сани сразу застрянут в наших пробках, а потом парень уже давно знает, что Дед Мороз – артист или Дед Мороз просто люди – мужчины высокого роста с хорошей дикцией, которые хотят подработать на Новый год. А таких желающих в нашем пятимиллионном городе, наверное, много. Вот, наш сосед Семён, например, он лейтенант полиции, а мог бы быть Дедом Морозом – у него и рост, и голос. Но там целый конкурс проводится на Дедов Морозов.

- Нет у вас романтики, - махнул рукой дед. Тогда я поддержал деда:

- А я и не знал, что это - артист, - хотя я, конечно, знал; я продолжал: - И я тоже думаю, что Дед Мороз бежит к нам издалека по заснеженным лесным тропинкам, и еще я знаю, что Дед Мороз очень устал...

- Вот, молодец, внучок! – сказал тогда дед и ушел в свою комнату, где на старом комоду у него стоял тот самый любимый лысенький Дед Мороз.

Благодарность артисту Деду Морозу папа написал от нас всех, но фамилии Деда Мороза ему не сказали – не положено, а на его просьбу, чтобы на следующий год пришел этот же Дед Мороз, ответили, что до следующего года дожить еще надо и что Деда Морозы приходят к детям согласно разнарядке, хотя, по возможности, нашу просьбу учтут. Но не учли.

На следующий год прислали, видно, мо-

лодых Деда Мороза и Снегурочку – они всё говорили:

- Вау! Какая красивая елка с игрушками, с фонариками! Вау! Какая большая красивая звезда горит!

На что дед сначала молчал, потом засопел, а потом его прорвало:

- «Вау!» - это по-английски, а давайте лучше по-русски говорить. Мы же в России живём – значит на русский этот ваш восторг «Вау!» переводится «Ух ты! Вот здорово!» Или «Как здорово!».

Дед мороз со Снегурочкой переглянулись.

- Запомните, друзья, - продолжал дед, я ни в коем случае не хочу вас учить или что-то навязывать, но я русский человек и хочу восторгаться в России в своем доме по-русски, а не по-английски. Англичанин же, сидя в своем доме в Лондоне, не будет говорить по-русски: Ух ты! Вот здорово, какая елка! Он скажет: «Вау!». Пусть говорит себе в Лондоне, а в России: «Ух ты! Вот здорово! Или как здорово!» Мы раньше говорили:

Ух ты! Ах ты! Все мы космонавты!

Потому что все хотели быть космонавтами, как Юрий Гагарин – первый человек, покоривший космос. И он был гражданином нашей страны! А еще я люблю песню Олега Митяева: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!». Это тоже восторг, радуемся, что встретились, а вы заменяете это всё одним английским словом вау! Русский язык велик!

Я прямо так и прыснул от смеха, глядя на сконфуженных Деда Мороза и Снегурочку – ведь правильно дед говорил, мама стояла и от изумления не знала, что сказать, а папа тогда гордо поднял подбородок:

- Это мой отец, и он всегда говорит правильно – надо его слушать. Давайте все вместе скажем: «Ух ты какая елка красивая!».

Его все поддержали и даже дед Мороз и Снегурочка. и им это даже понравилось.

Потом дед:

- Вот здорово, какая большая красная звезда на елке, как на Спасской башне в Кремле! Там только рубиновая!

И дальше так уже и пошло. Потом хоро- воды водили:

В лесу родилась елочка

В лесу она росла...

Маленькой елочке

Холодно зимой

Из лесу елочку

Взяли мы домой...

Затем к нам присоединилась еще соседка снизу Анна Ивановна, которая якобы зашла к нам за спичками, а на самом деле посмотреть, как там Дед Мороз у нас, потому что Дед Мороз со Снегурочкой сначала перепутали этаж и квартиру и зашли к ней, а потом, узнав, что перепутали, к нам. А у Деда Мороза всё время отваливалась борода, и он её придерживал одной рукой и, когда наконец, она всё-таки упала на пол, мы увидели, что Дед Мороз совсем молодой, а Снегурочка всё время торопила его и они заторопившись, даже не стали стих мой слушать только получили от меня положительный ответ, что я учусь на четверки и пятерки, вручили подарок-конструктор «Лего», потому что я тогда хотел быть, как папа и дед конструктором, а не музыкантом как сейчас, и быстро убежали.

После этих Деда Мороза и Снегурочки дед сказал: «Теперь я буду каждый год Дедом Морозом, а без Снегурочки обойдемся - они всех Дедов Морозов торопят. У меня хоть борода не будет отваливаться, и очки я не ношу, только когда читаю, и спешить я не буду, и стих мой внучок всегда расскажет, и деньги сэкономим, и по-русски будем восторгаться нашей искусственной елочкой - вот здорово, что она искусственная, сколько настоящих елок мы в лесу сберегаем».

И теперь, каждый год, дед брал холщовый мешок, клал туда подарки всем членам семьи, даже соседям, а не только мне, надевал свою светлую дубленку, белую шапку-ушанку, валенки, которые у него хранились с незапамятных времен, поднимал вверх и стучал по паркетному полу лыжной палкой-посохом и декламировал, стараясь походить на того замечательного Деда Мороза-артиста: «Я шел к вам на лыжах по заснеженным тропинкам, по кочкам, по ухабинам... Тяжело это, а я иду, потому что я кандидат в мастера спорта по лы-

жам, всегда делаю зарядку. Шел я сквозь темный лес, где волки воют, через лесные чащи спешил к вам, потом на санях с воронными конями ехал с мешком подарков. Заморожу-разморожу!

Потом водили хороводы под «В лесу родилась елочка», причем допевали всю песню до конца, и «Маленькой елочке холодно зимой».

Еще в репертуар мы включили песню «Пока часы двенадцать бьют» из фильма «Чародеи»:

Когда в дом входит год молодой
А старый уходит вдаль...
А потом:
Пока часы двенадцать бьют!

Загадывали загадки, причем дед выбирал заковыристые – не сразу отгадаешь. Также заходили веселиться на Деда Мороза Семен, он так еще и не женился, Анна Ивановна, потом я подружился с Женькой. Народу стало больше. Стихотворение я читал обязательно новогоднее и каждый раз – разное, каждый раз борода у Деда Мороза не отваливалась, очков он не надевал, он никуда не спешил, а было очень весело и лысый Дед Мороз, стоя под ёлкой, также весело улыбался, если не веселей.

- Этого Деда Мороза мы купили с моей ненаглядной женой. Сразу после войны идем – Дед Мороз в витрине стоит. Тогда он был в белой высокой шапке. А когда я облысел, - провел дед рукой по своей голове, тогда вдруг и у него шапка отклеилась и куда-то затерялась – сколько не искали – не нашли. Так мы стали с ним лысыми. Сколько с этим Дедом Морозом Новых годов встретили. Когда в гости идем - его обязательно с собой забираем, гостям под елку ставим, потом едем домой и обратно под свою елку. А так он всё время до зимы, до елки у меня на комодке стоит среди фотографий моих родных и друзей.

- Да, - сказал Женька, - у меня деды померли. Я здесь хотел медаль моего деда продать, у него их много осталось – на айфон денег не хватало. Но не стал этого делать. Не хорошо – память.

Дед одобряюще взглянул на Женьку:

- Молодец, – и продолжал: - Мне бы

дружка своего бы загадычного найти Ивана Петровича, может жив еще. Дружок у меня строитель, всё по стройкам. И семью свою по стройкам возил. Главный инженер!

- Найти человека сейчас проще простого, - сказал тогда Женька, - в компьютере сейчас весь мир... Я даже свою подружку нашел. С 5-ти лет не виделись, а она меня вспомнила.

- Пробовал, - сказал Дед, - не нашел. И в контакте, и в ютубе.

- Я помогу, постараюсь, - сказал Женька. - Если надо.

- Да. Это было бы здорово, - мечтательно сказал дед.

И вот один раз Женька пришел ко мне, а я как раз уроки доделывал.

- Подожди, чуть-чуть, - говорю я ему, - сейчас доделаю уроки.

- А я не к тебе, - сказал Женька.

- Как не ко мне?

- Ты что ли один в этой квартире живешь. Здесь еще твои папа, мама, твой младший брат Вовка, правда, сейчас он уехал в санаторий и придет 10 января, кошка Симка, черепаха Егор Кузьмич.

- Так ты что, к Егору Кузьмичу пришел или к Симке?

- Да нет, я к твоему деду, я нашел.

- Что нашел? – удивился я.

- Не что, а кого. Друга его загадычного нашел.

Когда Женька сказал об этом деду, дед сначала даже не поверил, что его друг Иван Петрович жил, оказывается, здесь рядом с нами, в области, в Комарово!

Оказывается, Женька сначала обратился в передачу «Жди меня», потом сам поискал во всех сетях. Там друг деда Иван Петрович как изобретатель проходит, и он очень много чего изобрел, и патенты его есть, и контакты.

Дед сразу ему позвонил, только решил его немного разыграть:

- Иван Петрович, - написал он, - очень заинтересовался одним вашим изобретением.

Тот сразу ответил, что готов сотрудничать. А потом, когда дед написал ему свое имя и отчество и фамилию, то он сразу всё понял. Сказал, что тоже искал деда, но не нашел. Иван Петрович так обрадовался, а потом они разго-

варивали, общались в компьютерной сети два дня напролет по скайпу, а потом Иван Петрович сказал деду, что он совсем не изменился – только полысел, да сейчас и молодые все лысые – это сейчас модно, а я сказал по скайпу, что это брутально - деды засмеялись: ха-ха-ха. Еще Иван Петрович и со мной поговорил, и с моим папой, и с мамой, и с Женькой.

А также кошка Симка сказала ему: «Мяу». Егор Кузьмич ничего не сказал, он только от испуга, что его показывают, даже голову втянул. Потом Иван Петрович сказал, что жаль, что он своих не может показать только фотографии, так как один сын у него служил на Черном море, да так там и остался с семьей, там у Ивана Петровича внука Даша в институте учится. Другой сын – как и Иван Петрович – строитель, тоже главный инженер с семьей на Севере. Он что-то там строит. Там у него внук Дима, тоже будущий строитель. А он один в большом доме, правда, зашла к нему соседка Дарья Николаевна, пироги ему принесла – мы её тоже увидели. А так он один.

На что дед ему сказал, что страна у нас во какая огромная! Так просто дела не бросишь и к нему к Ивану Петровичу не прилетишь. Пусть, мол, он не расстраивается.

В общем, они сговорились встречать этот Новый год вместе. А когда дед показал Ивану Петровичу своего Деда Мороза, Иван Петрович всплеснул руками. Тот самый! Значит молодость возвращается! До 31 декабря оставалась неделя.

Новогодний подарок моему деду Женька сделал загодя! Причем какой!

31 декабря дед уже пришел к нам с подарками, загадками.

- Что так рано, - спросонья спросил я.

- Дед же сегодня к Ивану Петровичу уезжает, - напомнил папа.

Дед, наряженный Дедом Морозом уже говорил: «Я шел к вам на лыжах по заснеженным тропинкам, по кочкам, по ухабинам... Тяжело, а я иду, это потому что я мастер спорта по лыжам...».

- Почему в прошлом году Дед Мороз был кандидатом в мастера спорта, а в этом году мастер спорта? - удивились мы и засмеялись: ха-ха.

- Это потому что сегодня я отправлюсь на природу, в настоящий лес, и мне действительно пригодятся тут мои навыки ходьбы на лыжах.

- Какой лес? - удивился папа. - Ты едешь в большой дом с садом.

- Всё равно, на природу, - ответил дед.

Потом мы минут сорок водили хороводы, разгадывали загадки, я сыграл на трубе, рассказал новогодний стих, раздал подарки, и мама стала собирать деда в дорогу в Комарово.

Мы с папой пели, чтобы было веселей собираться, известную песню, которую исполнял Игорь Скляр:

На недельку до второго
Я уеду в Комарово...

- Когда приеду обратно, сообщу, - сказал дед.

Моя мама в дорожную сумку дала деду мисочку холодца, банку хрена, собственноручно натертого папой, мисочки салата «Оливье» - новогодний салат нашей страны, селедочку под шубой и без шубы, котлет и всего-всего, чем можно накормить, наверное, взвод солдат, и бутылочку. Дед взял бутылочку:

- Фронтные сто грамм, - сказал он.

- Чуть-чуть, - попросила мама.

Дед положил в полиэтиленовый пакет домашние тапочки, в другой пакет – фотоальбом и в отдельный пакет – нашего Деда Мороза.

- Не поднять, - пошутил папа, и всё понёс к своей машине.

- Развлекайтесь тут без меня, - сказал дед.

- И без меня, но только где-то часов до восьми, – папа уезжал на корпоратив. Корпоратив – это когда все сотрудники работы собираются и дружно празднуют, чтобы коллектив был сплоченнее в работе.

- Деда отвезешь на своей машине, а после корпоратива едь домой на такси, - кричала мама.

Дед помахал нам на прощание рукой и уехал.

Мама опять встала у плиты и стала готовить опять холодец, салат «Оливье», селедку под шубой и без, и... Потом мы с мамой

проводили старый год, затем принимали поздравления с наступающим от всех, кто нас любил, смотрели по телеку, как всегда, каждый год, под Новый год, и в Рождество, и в Старый новый год показывают «Золушку», «Карнавальную ночь», «Чародеи» и, конечно же, «Иронию судьбы или с легким паром», и мы всегда, каждый год смотрим эти замечательные фильмы, хотя они у нас и на дисках есть и в интернете можно посмотреть всегда, и удивляемся, сколько лет прошло, а всё также новогодне, весело, смешно, сколько доброты в этих фильмах, наверное и через 100, 200 и 500 лет их будут смотреть и радоваться!

- Пять минут, пять минут!

Бой часов раздастся вскоре!

- пела наша великая артистка Людмила Гурченко по телевизору.

Папа поехал на корпоратив, но всё время оттуда звонил, и мама всё время, каждый раз ему напоминала: «Бери такси, так как нельзя, если немного выпил, за руль садиться». Женька прибежал нас поздравить часов в восемь вечера, принес с собой хлопушки, бенгальские огни, подарил мне новую компьютерную игру и сказал: «С Новым годом», я побежал домой.

Только он хотел уйти, как дверь открылась, и в дверь вошел запорошенный снегом, мой дед с сумкой, полиэтиленовыми пакетами и его нашедшийся спустя долгие годы друг. Иван Петрович тоже весь в снегу, с сумками и пакетами...

- Иван Петрович, - представился он.

- Как? Откуда? Вы ведь думали Новый год в Комарово встречать? Под живой елочкой, - удивились мама, я, Женька, кошка Симка, подняв хвост, черепаха Егор Кузьмич молча.

- Уже справили, - ответил дед, отряхиваясь, - всех соседей пригласили.

- Нет, не здесь, на лестнице, - прервала его мама. Сумки и пакеты все здесь поставьте и идите на лестницу с одежды снег стряхивать.

- Ну вот, - продолжал дед, стряхнувшись и раздевшись, - всех пригласили и Григория Давыдовича с женой и внучкой Соней и Дарью Николаевну – зазубу нашего Ивана Петровича. В общем всех.

- Что ты говоришь, - покраснел Иван Петрович.

- А что я говорю, взяли бы и Дарью Николаевну с собой, всем бы места хватило. Весело на природе было, старый год проводили, наступающий встретили, за столом хорошо посидели. Привезли, что не съели обратно, а то испортится, и решили мы с вами Новый год справить.

- И правильно, - обрадовалась мама.

- Сейчас и папа подьедет, - сказал я. – У него корпоратив закончился. Такси взял.

- И мы на такси – удобно, - сказал дед. – Сейчас вытащим нашего любимого лысенького Деда Мороза – он там под живой елочкой стоял в саду, снег на него падал, мне кажется, ему понравилось, как-то еще больше заулыбался, - засмеялся дед.

Мы все тоже улыбнулись его выдумке.

- Теперь пусть под искусственной елочкой постоит, отогреется в тепле, - он стал открывать пакеты.

Открыл один пакет: «Это домашние тапочки. Тапочки всегда вожу с собой».

- А ты проходи, Иван Петрович, - сказал дед своему другу, - не стесняйся. У нас просторно.

Мы уже видели Ивана Петровича по скайпу, а теперь рассмотрели, как говорится, живьем: в отличие от деда у него было много седых волос, а бороды не было, такой же высокий лоб, на правой щеке родинка, он был повыше деда – а так очень похож, такие же живые голубые глаза и такой же приветливый взгляд.

- Я тоже захватил пакеты – вот фотоальбом – своих показать, - подключился к деду Иван Петрович, - тоже тапочки, в сумке, пироги – Дарья Николаевна нам прислала - и всё...

Мой дед вытащил из сумки оставшиеся мисочки с едой.

- В другом мешке шишки я захватил, упавшие, - сказал он, - всем хватит, - и обратился к Женьке: - Вот, Женя, бери шишки - из настоящего леса – пахнут природой.

- Спасибо, - обрадовался Женька, - настоящие из лесу «вестимо».

Еще дед вытащил из другого большущего пакета календарь на стенку на следующий год.

- Я как раз не успел купить, - обрадовался дед, - и всё... А где же Дед Мороз?

Дед снова начал пересматривать сумку, пакеты. Иван Петрович тоже всё проверил. Потом мы с Женькой. Женька остался, раз такое дело. А напоследок мама и приехавший с корпоратива веселенький папа.

Всё пересмотрели – нет Деда Мороза. Тогда Иван Петрович позвонил Дарье Николаевне – он ей ключи от дома всегда оставляет, когда уезжает – доверяет, и её спросил, нет ли в его большом доме нашего Деда Мороза, не оставили ли его. Дарья Николаевна сказала, что минут через пятнадцать перезвонит. Перезвонила – нигде нет.

Папа в это время давал деду валидол под язык.

- Нет, я точно клал его в один из пакетов, - сказал дед и тут он поскользнулся, нет не поскользнулся, а просто стал вдруг оседать на пол.

Папа подхватил деда, а потом и мы с Женькой присоединились – мужики ведь – и общими усилиями мы уложили деда на диван в большой комнате, чтобы воздуху побольше. Там стояла наша елка в ожидании своего лысенького Деда Мороза. Мама вызвала неотложку. Она приехала довольно быстро – через пятнадцать минут – дед у нас ветеран, а к ним в нашей стране очень внимательное отношение. Врач сказал: «Тяжелый случай». И деда увезли в больницу. Папа поехал вместе с дедом.

- Вот как получилось, - переживал Иван Петрович... - Было так весело, а тут такое дело. Помню, как мы встречали большой компанией 196.. год. Пели новую тогда песню, только фильм «Девчата» вышел.

Старый клен, старый клен,
Старый клен стучит в окно...

- Иван Петрович вытер слезу. – Дед Мороз тогда не был лысым.

- Дед стал лысым и Дед Мороз облысел. Дед всегда в хорошем настроении и Дед Мороз улыбается. Они - одно целое, близнецы-братья, - сказал я, - а вдруг дед умрет...

И тут включился Женька:

- Не дадим! Пока не идут титры – есть шанс! Пока есть надежда – дед не умрет! Пока часы двенадцать бьют – мы найдем Деда Мороза и дед выздоровеет. Я в одном фильме, не помню в каком, видел, человек умирал в больнице – ничего не помогало, а убили его врага,

который его душу взял, и он сразу выздоровел.

- Этот фильм «Ягуар» называется, там еще Жерар Депардьё играл. Я помню, дед всегда смотрел на Деда Мороза и вспоминал свою жизнь, Дед Мороз стоял на его комоды вместе с фотографиями близких и друзей.

- Интересно, - Иван Петрович приободрился. Значит вы думаете, что если вы найдёте Деда Мороза, то мой друг поправится?

- Конечно, - ответили мы с Женькой утвердительно и хором.

А мама не знала, что сказать – она просто хваталась за любую соломинку.

- Давайте конкретнее, мы артиллеристы с твоим дедом – люди конкретные. Мы ехали к вам на такси, – пытался составить цепочку Иван Петрович.

- Номер запомнили? – спросил я.

- Нет, - ответил Иван Петрович, - но имя таксиста Александр, он по рации говорил, а фирма – на машине было написано «Таксичков».

- Не таксичков, а таксовичкоф через «ф», чтобы слово выглядело как иностранное, – поправил Женька.

- Вот, вот, - обрадовался Иван Петрович.

Мы узнали телефон и позвонили в фирму «Таксовичкоф». Они сначала подумали, что мы заказ хотим сделать, поехать куда-нибудь и сообщили: «Свободных машин нет. Полчаса ждать придется, метель и Новый год на носу...

А когда узнали, что мы хотим узнать про их такси, где водителем Александр работает, то подумали, что мы жалобу хотим написать. Но я сказал, что не жалобу, а у нас пакет в такси остался с Дедом Морозом. Тогда они нам сказали: «Подъезжайте» и сказали адрес офиса.

- Мы поехали, - сказали я и Женька одновременно, а вы тут на телефоне будьте.

- Сейчас я позвоню Семену и попрошу, чтобы он вас подвез, – так быстрее будет, - сказала мама.

Услышав, что дед в больнице да что-то серьезное, Семен сразу же согласился нам помочь, хотя у него уже и были планы, и даже личного характера на Новый год, а завтра 1 января он уже выходил на работу – он был лейтенантом полиции в нашем районе.

Все отдыхают целую неделю, а он рабо-

тает: кто-то должен охранять граждан, которые отдыхают. И МЧС работает в праздники и круглосуточно, и больницы, и хлеб пекут каждый день, и метро перевозит пассажиров, и пограничники зорко стерегут границы со своими песиками.

Мы сели в «Жигули» Семена и поехали сначала в офис «Таксовичкофа». Там была комната, забитая оставленными в такси вещами, - чего тут только не было: шапки, зонтики, перчатки, документы, но нашего Деда Мороза тут не было. Тогда мы спросили: «Кого еще подвозил наш таксист Александр после деда? Может быть, дед пакет оставил, таксист не заметил, а кто-то из других, кого подвозил Александр, случайно взял пакет с Дедом Морозом».

- Это служебная информация – не разглашается, только сотрудникам полиции можем сообщить, - сказал администратор.

Тогда наш Семен вытащил свое служебное удостоверение лейтенанта полиции, и оно оказалось волшебным. Диспетчер связалась с Александром Седовым, так звали таксиста, подвозившего деда, и он сказал, что, да, помнит двух дедов с многочисленными сумками и пакетами, которых вез из Комарово. Деды были очень веселые, всё шутили, вспоминали молодость, рассказывали анекдоты. Но они все сумки из багажника вроде вытащили – они были легкими, так как два деда взяли быстро сумки и сами довольно быстрым шагом вошли в парадную, он еще хотел им помочь, но они сказали, что всё очень легко, что они и гости почти всё съели – только шишки остались, ха-ха.

- Правда, веселые деды попались, - засмеялась диспетчер, - хочется вам помочь.

- Это всегда так бывает, - философствовал Женька. - Когда много поклажи, обязательно запутаешься. Надо было пакет в пакет положить. И в школе так, когда много предметов, тогда обязательно какую-нибудь тетрадку по какому-нибудь предмету забудешь, а когда мало уроков, то и забывать нечего.

- Правильно, - подтвердила диспетчер и спросила у водителя: - А сейчас у тебя никакого пакета нет?

- Сейчас нет. В багажнике пусто, в самом салоне тоже.

Правда, Александр вспомнил, что, вроде,

один из дедов, тот у которого борода, все время держал какой-то пакет на коленях, и может быть, он его оставил в салоне машины, салон он тогда не проверил – думал, что всё в багажнике, но сейчас ничего нет.

Затем администратор посмотрела в компьютер и распечатала нам информацию о тех пассажирах, кто ехал после деда и Ивана Петровича.

Первым был адрес Пулково – 8-ая Советская ул. д.9/13, тел. Заказчика +7911...

Вторым был маршрут – бульвар Менделеева д. 3, Девяткино, тел. +7950...

Третий маршрут от улицы Руставели до улицы Академика Павлова д. 10, тел. +7921...

Может кто-то из них взял случайно наш пакет. Что было в пакете?

- Дед Мороз был в пакете. Дед Мороз нашего деда и наш.

- Так купите ему другого. Сейчас вон сколько Дедов Морозов продается – сами песни поют. Чего он так расстраивается...

- Такой Дед Мороз нашего деда – он единственный в мире и сейчас мой дед может умереть в больнице, если мы не найдем его.

- Надо же, - сказала администратор. - Тогда давайте позвоним всем, у кого он может быть.

Позвонили сначала по первому адресу:

«Что, таксовичкоф? Какой таксовичкоф? Ах, такси, - услышали мы из телефона и еще там играла музыка, - всё уже привезли, всё хорошо, вай, вай – семья Чубинян в сборе. Пакеты? Нет, пакетов не было. Что? Дед Мороз? Дед в больнице? Вай, вай, ему Новый год встречать, а он в больнице. Старый человек в больнице – нехорошо! Что? Пакеты? Пакетов не было! Точно! У папы и мамы был один чемодан с вещами и сумка с коньком нашим армянским, самым лучшим в мире – пять звездочек. Кто встречал? Я встречал, Ашот, все встречали, они подтвердят».

- Ну, хорошо, - сказала администратор нам. – У пожилой четы Чубинян не было в руках никакого пакета, а сумку и чемодан из багажника взял их сын Ашот.. Есть много свидетелей – подтвердят. Можно верить.

Тогда администратор позвонила по телефону второго адреса – бульвар Менделеева, что в Девяткино. Никто не отвечал.

- Поезжайте сейчас туда, в Девяткино, а я попытаюсь дозвониться.

Мы опрометью выбежали из офиса, сели в «Жигули», поехали.

- Надежда - мой компас земной,

А удача – награда за смелость...

- Запел свою любимую песню Александры Пахмутовой Женька и сказал: - Лучик надежды засветился.

Я позвонил маме, мама сказала, что дед в реанимации – делают всё возможное и невозможное. Папу туда не пускают, он с ней на связи. Доктор хороший, сказал: «Есть надежда».

- И здесь надежда, - сказал я, - тоже хорошо. Надежда у нас плюс надежда у деда – равняется успех, то есть выздоровление.

Ехали быстро – настроение боевое.

- Девяткино – это новый район, - сказал Семен. – У меня там дядя живет. У дяди квартиры в ипотеке. Еще три года назад там был один только новый дом. А сейчас – целый высотный микрорайон, и метро близко.

- А я слышал, - сказал Женька, - некоторым иностранцам у нас очень понравилось, когда они у нас побывали в России, и теперь хотят приобрести здесь квартиры.

- Еще бы у нас не понравилось! Какая страна большая и люди приветливые, как, например, администратор или диспетчер помочь хотели. А кто из звезд хотел бы у нас жить? - спросил я Женьку.

- Кто? Например, Жерар Депардьё. Почему бы ему не купить квартиру, например в Девяткино. Слышал, будто бы какие-то весёлые шутники сочинили фантастические, но прикольные частушки такого типа:

Депардьё Жерар
Вчера поведал миру,
Что он купил в Девяткино
Отличную квартиру.

Или:
Был вчера в Девяткино
У Депардьё Жерара
Пили с ним мы вместе
Чай из самовара.

Мы с Семеном засмеялись: действитель-

но прикольно.

С таким хорошим настроением мы подкатили к Девяткино. Нам еще позвонила администратор, сказала:

- Девушка к парню ехала, вроде, к жениху, как показалось водителю Александру, ехала в такси всего с одной сумочкой. А она не отвечала, потому что не слышала. По-моему, она ничего не знает и не видит, кроме своего Толика-жениха. Раз приехали, сходите – бульвар Менделеева, д. 3, квартира 12.

Позвонили в домофон: «Вы насчет пакета с Дедом Морозом? – спросили в домофоне. – Открываем!»

Миловидная худенькая белокурая девушка с длинными, до плеч, волосами, встретила нас в фартуке, затараторила:

- Толик всё-всё купил по списку, который я ему написала, а я от родителей к нему ехала на такси. С родителями наступающий год встретила, подарки им подарила: маме новый уют, папе – дрель. А к Толику – жениху ехала только с одной сумочкой, там лежит ему подарок. Мы заявление в ЗАГС подали. Пакет? Я не видела. Я как села в такси, так все и думала о Толике. Да вот и он.

Вышел Толик из комнаты: небольшого роста, крепенький, с короткой стрижкой и в очках:

- Да вот, только квартиру купил в ипотеку. Карниз упал. А так всё здорово. Есть квартира – и жениться можно, есть куда жену привести, мою Верочку. Нам администратор всё рассказала по телефону. Хотите, возьмите нашего Деда Мороза. Он поющий. «В лесу родилась елочка» поет.

- Конечно, - согласилась Верочка, - а то, что же ваш дедушка переживает.

- Нет, спасибо, - сказали мы все вместе хором. Счастья вам!

И мы пошли к машине.

- Какие счастливые! - сказал Семен. – Вот Деда Мороза найдем, тогда дед поправится, и я тоже обязательно предложение своей девушке сделаю. Тоже будем такими же голубками.

- Правильно, - одобрил я, - одному никак нельзя.

Мы замолчали. Наше молчание прервала администратор:

- Дозвонилась до улицы Академика Пав-

лова – там бизнесмен из Финляндии приехал, «Порше» его встал, машину эвакуатор увез в ремонт, а он, чтобы добраться до дома, такси вызвал. Сумок, пакетов у него много. Сейчас он дома. Не сказала бы, чтобы он был доволен, что вы к нему приедете пакеты проверить.

- Ничего, - сказал Семен, - поговорим с ним, пакеты проверим.

Слышу, Женька немного вроде захныкал.

- Ты чего? – спрашиваю.

- А вдруг этот наш лысенький Дед Мороз умрет?

- Как умрет?

- Ну, бизнесмен, видя, что пакет не его, а со старым Дедом Морозом – ретро – выбросил его на дороге как ненужный. Пакет запорошит снегом, унесет ветром и всё... и на помойку, и тогда твой дед никогда не увидит своего Деда Мороза.

- Ну, знаешь, Женька, - сказал тогда я. – Пока не идут титры – есть шанс. Пока часы двенадцать бьют – мы найдем Деда Мороза. Пока есть надежда – дед не умрет. И пока осталось хоть пять минут до двенадцати – всё можно успеть и исправить.

- Вот мы и приехали, - сказал Семен. И мы выйдя из машины позвонили в домофон квартиры 9.

- А, это вы. Насчет Деда Мороза, - раздался недовольный голос. - Ну ладно, раз обещал администратору. Поднимайтесь!

- Папа. Папа, - услышали мы, как только вошли в квартиру – это кто? Дед Мороз? Снегурочка?

Нас окружили двое детишек – мальчик лет десяти в костюме паука и девочка лет семи, в белом, как принцесса, платье.

Увидев, что это не Дед Мороз и не Снегурочка, они убежали.

В прихожей мы увидели множество пакетов и сумок:

- Еще не разобрал, - сказал бизнесмен. – эти машины – вечно с ними что-то происходит. Ну, давайте вместе посмотреть.

Он стал открывать сумки.

- Нет, не в сумке, в пакете лежал Дед Мороз, - поправил его я.

- Ну давайте пакеты. Я всё, всё взял, что было и в багажнике, и в салоне машины. Всё – подарки детям, жене, родственникам. Думают,

раз бизнесмен, должен всем подарки дорогие дарить. А вот нет! Когда дела идут – дарю, а бывает плохо идут – тогда уж извините, - сказал он, раскрывая пакет за пакетом.

А мы следили за ним.

- Ба! - сказал он. – А вот и ваш Дед Мороз! Так он же лысый! - бизнесмен изумился и сразу же засмеялся.

На смех прибежали его дети, жена и все стали смеяться и радоваться даже не потому, что Дед Мороз лысый, а потому что хотелось смеяться под Новый Год.

- Миленький ты наш, - я схватил Деда Мороза и расцеловал его в обе щеки. А Женька и Семен подошли к бизнесмену и крепко пожали ему руки:

- А мы думали, вдруг вы выбросите пакет со старым Дедом Морозом?

- Зачем? – удивился бизнесмен. Я прежде чем выбросить что-нибудь, долго думаю. А вообще-то, у меня тоже есть старый кейс - так я всё только с ним на заключение договоров езжу – он мне удачу приносит. Он для меня такой же талисман, как для вашего деда Дед Мороз! С Новым годом!

- И Вас с Новым годом! – поздравили мы его и ушли.

Опять сели в машину.

- Куда теперь? - спросил Семен.

- В больницу! - сказал я, крепко сжимая пакет с Дедом Морозом.

Из машины я позвонил администратору, сказал, что Деда Мороза нашли.

- Мы вам благодарность напишем, - сказал я.

- Это хорошо, - сказала администратор. Но главное, что мы вам сегодня помогли – завтра вы нам. Тогда и жить будет легче. Об этом помнить надо. С Новым годом!

- С Новым годом! - прокричали мы втроем в трубку.

Мы уже подъезжали к больнице в центральном районе нашего города – Мариинская. Дед лежал в реанимации в новом, только что выстроенном корпусе. Папа сидел на скамейке возле реанимации.

- Ну как? – спросили мы.

- Борются, - сказал папа, - а вот и врач.

Врач – высокий крепенький мужчина сорока лет в белом халате, в белой шапочке и с

серьезным лицом, как раз выходил из реанимации:

- Выкарабкается. Должен выкарабкаться.

- Теперь точно выкарабкается. – сказал я уверенно. – У нас к вам будет просьба. Мы нашли Деда Мороза, из-за которого у нашего деда и случился этот сердечный приступ. Если мы ему покажем Деда Мороза, ну, что он нашелся, дед сразу поправится.

Врач посмотрел на меня как-то странно:

- Ты вправду так думаешь? У нас сейчас двадцать первый век! Люди в Космос летают, на Луну, почти от всех болезней излечиваем, лазеры в медицине, нанотехнологии!

- Вправду, вправду, - подтвердил Женька.

- Шаманства я в больнице не потерплю. Только бубна не хватает.

Тогда папа отвел врача в сторону, что-то тихо начал ему рассказывать, а потом подключился и Семен, и сказал, что у него в муниципальной практике всякое бывало. Врач не уступал. А потом махнул рукой:

- Ну давайте вашего Деда Мороза. Когда ваш дед откроет глаза, я ему его покажу, я же ничем не рискую. А потом поставлю на столик, чтобы он его видел.

Я вытащил Деда Мороза из пакета.

- Так он же лысый! - захохотал врач так, что сбежались медсестры, и даже некоторые больные, проходившие по коридору. И все они смеялись, а один из больных сказал так серьезно:

- Я никогда не видел лысого Деда Мороза. Он такой единственный!

Потом врач, сдерживая свой смех, пошел в реанимацию. Что случилось потом, врач всё рассказал так: «Как только дед чуть приоткрыл глаза – он увидел своего Деда Мороза и даже хотел приподняться от радости и неожиданности, но приподняться ему мешали разные трубочки. Но он улыбнулся!»

- Ну и ну! - восторгался врач. – Сколько лет работаю – такого не видел! Чтобы от вида лысого Деда Мороза люди поправлялись. Надо включить этот феномен в диссертацию. Был на волоске от смерти, пережил клиническую смерть - а увидел Деда Мороза и поправляется.

Новый год я, Женька и папа встретили в больнице вместе с дедом. По телефону заказа-

ли пиццу, пирогов разных с капустой, с мясом, джемом. Чокнулись не бокалами, а стаканами из столовой, когда часы на Кремлевской башне пробили двенадцать. Хоровод вокруг большой елки водили все – и мы, и больные, и медсестры, и врачи. Семен поехал к своей любимой девушке и ровно за пять минут до Нового года сделал ей предложение руки и сердца. 1 января деду стало еще лучше. Рождество мы тоже справили в больнице: дед поправлялся. А Новый год мы справили 13 числа – старый новый год, когда деда уже выписали из больницы. Старый новый год справляют только в нашей стране, в единственной.

Дед ехал в машине и говорил:

- И вдруг вся жизнь всплыла у меня перед глазами, вошел в какой-то тоннель, а там моя мама в белом платочке, и говорит: «Рано тебе еще, сынок, сюда».

- Так, значит, дед у тебя была всё-таки смерть.

- Клиническая - так врач мне сказал. Жизнь продолжается, внучок!

На Старый новый год хоровод водили папа, мама, я, мой младший брат, приехавший из санатория, Женька, Семен с невестой, Иван Петрович с Дарьей Николаевной, которая все-таки приехала из Комарово, да еще с пирогами, Анна Ивановна, соседка снизу, кошка Симка – она хвостом виляла около елки. Только черепаха спала – ей положено зимой спать. Наш лысенький Дед Мороз стоял под елкой, улыбаясь, дед сидел на диване, смотрел на нас и тоже улыбался, а праздник вел, да-да, Дед Мороз – артист, которому мы написали благодарность. Это Женька увидел его в одном сериале, он там милиционера играл – не главную роль, но всё-таки играл, пока в пятой серии его не ранили.

- Сейчас на роль прокурора кастинг прохожу, - доложил нам артист, - повышение! Как я рад, что ваш дедушка поправился и лысый Дед Мороз нашелся! Ретро! – сказал он восторженно, как и в прошлый раз.

- Это всё потому, - сказал Женька, - что пока не идут титры – есть шанс! Пока часы двенадцать бьют - есть надежда!

А я добавил:

- Пока есть хоть пять минут – надо успеть изменить жизнь к лучшему!

НАТАЛИЯ СОРОКИНА

На Галапагосских островах бастуют студенты

На уроке географии, чтобы получить «отлично», надо было, кроме знания по основному предмету, еще и рассказать свежую политинформацию. Независимо от ответа, соблюдение данного условия повышало или понижало оценку на один балл. Для этого требовалось читать газеты, ну в крайнем случае, убегая из дома, ухватить задержавшимся ухом какую-нибудь новость по кухонной радио-точке. Хотя в некоторых особых случаях, о которых будет рассказано позже, это условие не соблюдалось. Конечно, в день урока по географии это требование преподавателя, как на зло, забывалось...

Географичку не то чтобы боялись, но пункт о свежих событиях в мире как-то весь класс слегка напрягал.

Тамара неслась стрелой через газон по гипотенузе Пифагоровых штанов родного микрорайона к остановке автобуса с трамваем наперегонки. В голове еще звучал последний тревожный сигнал репродуктора, хрипнувший что – то про Галапагосские острова.

География была первой.

Курсор пальца учительницы пробежал по водопаду фамилий в журнале сверху вниз. Все напряглись. Потом «курсор» подскочил обратно, как столбик термометра, прислоненного к батарее градусника беззаботного маленького сына-симулянта, сибаритствующего в промозглую погоду дома. Указующий перст остановился на середине списка. У класса захватило дух.

- К доске пойдет... - не без удовольствия сделала мхатовскую паузу преподавательница.

- Тамара Набокина.

Тамара, еще не успев отдышаться, так сказать, «сбрасывая пену с боков», вышла на «подиум».

Ответив на основной вопрос о полезных ископаемых Сибири и показав на карте бассейн сибирских рек, Тамара замолчала, демонстрируя всем своим видом, что у нее «ВСЕ» и попыталась сесть на место.

- Подожди-ка. Я тебя не отпускала, - сказала Изольда Аполинарьевна. Ответила ты на троечку... Чересчур схематично... Для поступления в Вуз не пройдет. Но можешь исправиться, – она красноречиво замолчала, и выжидательно поглядела на подопытную ученицу. Сомнений не было. Непреклонная дрессировщица юных путешественников хотела новостных изысков.

Тамара молчала, соображая как же выкрутиться. В голове вертелись Галапагосские острова. Где они находились? Кажется где-то в южном полушарии. И что же могло произойти на этих самых островах вчера или сегодня?

Учительница, давая Тамаре собраться, тщательно изучала журнал.

На первой парте сидел проблемный Петька Кефилов, посаженный к отличнице Наталье Генераловой на исправление. Пользуясь тем, что учительница увлеклась анализом успеваемости класса, выпавшая из ее поля зрения Тамара, шепотом спросила у авангарда :

- Что там сегодня случилось на Галапагосских островах?

Петька нагнул к Наташе, посоветался, и то ли не расслышав, то ли глумясь, таким же жутким шепотом прошипел:

- Студенты бастуют...

Тамара застыла в нерешительности....

- Ну, так что у нас произошло сегодня в мире?

Была не была, отчаянно рискнула Тамара:

- На Галапагосских островах бастуют студенты....

Хохот в классе был подобен внезапному извержению вулкана Вулф на острове Изабелла из упомянутого архипелага посреди акватории Тихого океана.

И Тамаре стало жарко, как на экваторе. «Промазала», - зазвенело в голове....

- Прекрасно, сказала географичка и, сняв очки, медленно и демонстративно сложила их в футляр.

- Ну, бастовать там могут только инструкторы по дайвингу, или морские ящерицы игуаны, если их долго заставлять позировать на суше. Возможно, кто-то из туристов тоже поддержал их протест. Ну что, Тамара. Садись. Двойка!

Возможно это было воспитательное воздействие, но настроение было испорчено на весь день.

Тамара не сомневалась, что исправит оценку в какой-нибудь самостоятельной работе по контурным картам или как-то там еще, но попозже. И никак не ожидала, что ее вызовут к доске ровно на следующий день.

Географичка опять назвала ее фамилию. Но уже в самом конце урока, благородно дав шанс исправить отметку, которая стояла в журнале еще пока карандашом.

- Ну, Тамара. Давай, исправляйся.

У Томки в животе заурчало от волнения. Все самые яркие события дня уже были озвучены предыдущими ораторами, а она опять не успела пролистать «Комсомолку». Ответив на основной вопрос, она вновь рискнула:

- В Чили военный переворот. Власть захватили повстанцы...

Изольда Аполинарьевна сокрушенно вздохнула...

- Ну, Томочка, эта новость уже с бородой... Уж два года, как Коммунистическая партия во главе с Альенде взяла правление в стране в свои руки. Опять неудача. Ставлю три.

Это было 10 сентября 1973 года.

А утром 11 сентября во всех газетах и по радио сообщили, что в Чили произошел государственный переворот и власть перешла к военной хунте.

Томка встrepенулась, замыслив предъявить училке претензию....

Но на следующем уроке Изольда Аполинарьевна, оклонив ее притязания на более высокую оценку и не засчитав случайное прочество, поставила «отлично» Петьке Кефирову, который нагло и торжествующе глядя в глаза Тамаре громогласно заявил:

- В Чили военный переворот, и власть захватила военная хунта.

«Да-а... - подумала Тамара. - Уж лучше бы на Галапагосских островах бастовали студенты!!!».

«Примерная» очередь В ПОЛИКЛИНИКЕ

Кира заняла очередь в кабинет на сдачу анализов крови за скромной тихой женщиной, которая сидела в конце коридора. Очередь была длинная и хмурая.

За ней сразу же встала симпатичная бабулька с лицом, похожим на мопсика. Потом еще, потом еще. Они постепенно перемещались на свободные места ближе к дверям заветного кабинета, строго соблюдая последовательность. Женщина, полноватая с курносом носом, заняла очередь за девушкой.

- Я отойду, - сказала девушка и сразу убежала.

Подшел мужчина, спросил: «Кто последний?» Курносенькая ответила: «Я».

- А вы за кем? - спросил любознательный дядька.

- Вот за этой дамой... примерно.

- Как это «примерно»? - переспросил мужик...

- А то и значит, что «примерно», то есть пока за мной.

- Ну, я отойду, - сказал любопытный и быстренько ретировался.

- Последнего надо дожидаться, - бросила ему в спину курносенькая. – Такой дотошный, а нетерпеливый.

Кира повернула голову влево. Из дверей лифта вышел слепой и направился по коридору, простукивая путь длинной белой палочкой до первого поворота направо. Ушел по лестнице вверх, никого и ни о чем не спрашивая.

Подошли старичок со старушкой.

- Кто последний?

- Мужчина, но он отошел, – сказала курносенькая.

Девушка, которая олицетворяла наречие «примерно», уже вернулась.

- А я была перед такой, - она руками развела очень широко. - В черном.

Курносенькую передернуло...

- Перед вами, перед вами, – вмешалась Кира, чтобы упорядочить «примерную» очередь.

- Ну, знаете, вы так широко расставили руки, когда показали перед кем, что я уже решила не признаваться, – не то серьезно, не то полусуто отозвалась курносенькая.

- Ой, извините, не подумала...

Очередь сдержанно захихикала.

- За мной будете, – сказала курносенькая пожилой паре.

- Да тут один дотошный мужичин занимал за вами и убежал, - решила навести порядок Кира.

- Так что будете за мной, - повторила курносенькая. – Примерно...

- А вы за кем? – спросил девушку подоспевший дотошный мужчина.

- А я за этим... с ушами, - услышала Кира и стала искать в очереди ушастого человека, но, увидев парня в наушниках, сразу поняла, о ком речь. Он сидел в отличие ото всех с каменным лицом.

- Да нет же, вы за мной, - сказала курносенькая с пышными формами.

Назревала путаница.

Слепой вторично вышел из того же лифта уже в сопровождении человека в белом халате. Они вместе проделали путь, аналогичный

первому, и на повороте свернули по лестнице вверх.

Старушка из семейной пары, занявшей очередь за дотошным мужчиной стала втолковывать своему спутнику план стратегических действий:

- Тебя медсестра будет ждать в 34 кабинете в пять часов.

- Вечера?

- Нет, ночи! – резко оборвала она, демонстрируя на людях трения в семейных отношениях.

Очередь снова переглянулась. Кира прыснула от смеха. Мопсик захихикала в кулачок. Курносенькая тоже заерзала не жестком стуле, улыбаясь.

Из кабинета вышел молодой человек с перевязанной в локте рукой.

- Простите, а вы не скажете, где 34 кабинет?

- Напротив, – сказала Кира.

- Вы меня извините. Возможно, я вернусь: у них нет реагентов, чтобы определить группу крови. Надо подождать.

- Возвращайтесь... Нам с вами будет веселее, – ответила Кира. – Все равно порядка нет. Пропустим. У нас же у всех одна группа крови. «Примерно»...

По коридору, нарочито бодро разговаривая с сопровождающей его медсестрой, прошел солидный человек в синем костюме с люрексом.

- Депутат, – припечатала Кира, повернувшись к мопсику.

- Да нет, это, наверное, проверка...

- Какая проверка? Если проверка, то был бы молодой. Молодые теперь стариков проверяют.

В это время из правого проема, оттуда, куда и ушли, медленно возвращались слепой с группой товарищей в белых халатах. Они явно что-то не «примерно» искали... Прошли по тому же маршруту в обратном направлении и скрылись в лифте.

- Как странно, что они ищут? Не могут слепому объяснить, где нужный кабинет? –

удивилась Кира.

- Да нет, – сказала мопсик, это он их по кабинетам водит. Слепой – это доктор.

- Да, с такими поводарями медицина у нас далеко пойдет... – обронила Кира.

Из кабинета вышел «блатной» с согнутой после высосанной из вены крови рукой.

- Я же говорю - «депутат», – повернувшись к мопсику, шепнула Кира.

Фонарь, вызывающий очередного пациента, моргнул. Но очередь не оживилась. Моргнул вторично.

- Кто следующий? - заволновались анализодатели.

Все посмотрели на Киру.

- Наверное вы? Вам уже пора! Вы уже давно сидите...

- Нет, сейчас не моя очередь... А вон той

дамы в конце...

Скромная, тихая женщина, так и оставшаяся в конце коридора, медленно беззвучно встала и так же медленно и беззвучно прошла мимо всех перетусовавшихся очередников. Она шла по проходу плавно, молчаливо и флегматично.

Повернувшись к сидевшим у самого кабинета, она сказала:

- Как родные уже все. Не хочется и заходить...

Все засмеялись.

- Мировой у нас народ! – просияла курносенькая.

- «Примерный», - хихикнула мопсик.

Очередь исполнилась умиления.

Добреют, когда кровь отдают...

Вот так бы всегда и везде...

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Курган побежденных Повесть о любви и смерти в шести главах с прологом и эпилогом

*Был грозен срыв, откуда надо было
Спускаться вниз, и зрелище являл,
Которое бы каждого смутило.*

**Данте Алигьери,
Божественная комедия, песнь 12**

*«Мусью, сколько время?» - Легко подхожу...
Дзззызь промеж роги!.. - и амба.*

Илья Сельвинский

Пролог (1996 год)

Юный искатель приключений находит их на свою голову...

Ведьма Урсула значительно постарела с того дня, когда Ваня видел ее в последний раз, и теперь гораздо больше напоминала обычную русскую Бабу-Ягу, бояться которую стыдно и детсадовцу – не то что вполне взрослому самостоятельному парню, успешно перешедшему во второй класс. Баба-Яга – это для малышни, любой дурак скажет. Да и сама Урсула – всего лишь нарисованная уродина в телевизоре, и, вдобавок, живет под водой и имеет какие-то глупые разборки с Русалочкой, которая хоть и с хвостом – а все равно только наглая девчонка и ничего больше. Откуда взяться настоящей ведьме в подвале развалюхи-дома? И все-таки Ваня униженно пятился на странно ослабевших ногах – потому что как ни уговаривай себя – а вот же она: жирная и бородавчатая, будто обожравшаяся жаба, с мохнатым черным пятном на щеке, с серо-белыми жесткими патлами дыбом, в пестро-рваных тряпках, под которыми ноги или хвост – иди, разбирайся... И – накрашенная! В подвале было вовсе не темно и не жутко, свет уверенно рвался сверху сквозь щелястый просевший пол, и Ваня ясно увидел яркую синюю краску над белесыми Урсулиными глазами, размазанную алую помаду вокруг широкой черной пасти с единственным длинным зубом... Тусклые перстни унизывали корявые бурые пальцы, а на шее среди многослойных лохмотьев зловеще блестели разноцветные стекляшки. Тут и пятиклассник, наверное, вздрогнул бы, не то что Ванечка. Но главное – запах. До этого в подвале просто вполне терпимо пахло затхлостью и чем-то еще неуловимо-страшным и неперебиваемым, как в Петербурге, комнате их чистой и опрятной бабушки перед тем как ей умереть от старости... А теперь отчетливо завоняло протухшей тиной и деревенским туалетом, где мальчик всегда – на сколько б судьба туда ни забрасывала старался дышать только ртом... И

на ногах ли, на хвосте ли – а чудовище, загорая своей сказочной тушей лестницу, по которой только что, кряхтя, спустилось вслед за беспечным исследователем подвалов, неторопливо, вразвалочку, двинулось прямо на мальчика...

Отступать стало некуда, потому что Ваня уже незаметно допятился до балки и распластался по ней всем дрожащим телом, пряча за спиной мгновенно намокшие ладошки. Но он не зажмурился – просто не мог, хотя и очень хотелось – потому что в фантазмагорическом зрелище невиданной старухи было нечто болезненно притягивающее. «А вдруг она – мертвая?» - мелькнуло у паренька смутное воспоминание о недавнем фильме ужасов. Но то, что он сейчас видел перед собой, неожиданно легко вышло за пределы самого ужасного – и заодно вынесло за собой и его. Ваня с облегчением почувствовал, что бурное дыхание выравнивается, исчезнувшие было ноги постепенно возвращаются обратно и даже начинают его держать, а сиплый писк, только что бесконтрольно вырывавшийся из горла, сменяется уверенной способностью к родной связной речи. Он произнес сколь естественные, столь невероятные в данной ситуации слова:

- Здравствуйте, бабушка...

- И ты не более, ведьмакин сынок, - вполне ласково и человечно произнесла Урсула.

Получалась какая-то путаница: на самом-то деле ведьма – она, а не его мама! Ваня заторопился восстановить справедливость и разъяснить ситуацию:

- Я не ведьмакин, я мамы Ксюшин! Мы дом в деревне покупать приехали. Чтоб молоко пить все лето. Мы у тетя Вари комнату наняли. Мама дома смотреть ушла, мне сказала в саду играть с тетя Вариным Витьком – а он дурак, у него даже видика нет. Я и пошел... погулять. А в дом этот случайно залез, просто открыто было... Теть Варя говорит, тут не живет никто давно, мне интересно стало...

- Не живет, - мирно подтвердила ведьма. – Умерла. Вот и хожу к ней на могилку. Рыженькую

такую, молоденькую, не встречал здесь?

- Нет... - что-то смутно странное почудилось насчет этой «рыженькой», и страх снова начал мягко приобнимать мальчика, словно не решив еще – сжать ли в тугих объятьях или уж отпустить на волю.

- А странно... - Урсула медленно повернула голову, пристально взгляделась в дальний беспросветный угол. – Уж тебе-то, кажется, должна бы показаться. Потому что если б не ты – вышла б отсюда тогда еще, летом восемьдесят седьмого. А из-за тебя – не вышла... Только вошла – и с концами...

- Неправда! – выпутываясь из все более настойчивых объятий страха, почти крикнул мальчик. – Я в восемьдесят восьмом родился, в апреле! Меня и на свете тогда не было! – по математике у него была твердая пятерка, да и с цифрами в пределах сотни он еще в детском саду, приготовишкой, легко управлялся; страх отпустил, и пришла злость: - Вы просто старая и сумасшедшая! Все забыли, а на меня валите! Уйдите отсюда, а то я маме расскажу! – еще немного, и Ваня даже решился бы оттолкнуть Урсулу обеими руками и выскочить наверх, на пыльный свет.

- Расскажи, ведьменок, Расскажи... Раз в апреле – так и сомневаться нечего, - благодушно усмехнулась ведьма, как бы даже собираясь добровольно посторониться. – Расскажи, что, когда на свете тебя еще не было – а в другом-то месте сидел уже как миленький – ногу я перед тем сломала и три месяца в гипсе проторчала... У окна. За занавеской тюлевой. Окно-то мое как раз на это крылечко глядит... Меня никто не видел, а я – всех по пальцам пересчитывала, кто вошел, кто вышел... Так, от нечего делать... Туда – обратно, туда – обратно... Загну – разогну, загну – разогну... И один палец – вдруг лишний оказался, хоть отрежь его... Загнуть – загнула, а обратно не распрямляется... - старуха вдруг безумно хохотнула, и скрюченный сизый перст с коричневым косо заломленным ногтем закачался прямо у Вани перед глазами.

Отступивший было страх предательски прыгнул из угла и подмял мальчика под себя.

- А-а! – взвизгнул он, сумев, наконец, зажмурить глаза. – А-а!!! Пустите меня!! – и, хотя его никто не держал, замолотил по воздуху кулаками, несколько раз на ощупь попав в мягкое, рванулся вперед, с размаху врезавшись в деревянную лестницу, махом взлетел по ней и, быстро протоптав по сбившимся гнилым половичкам, вырвался на заросший сиренью и терниями двор.

Только отбежав вниз по некрутому склону холма метров на сто, позволил себе упасть и отдышаться. Все было хорошо. Нежаркое июньское солнце нежно поглаживало его по щекам, будто желая ободрить – мол, испугался? – ах ты, глупенький... Нет, маме он, конечно, ничего не скажет. Что он – недоумок, что ли? Она и так уж сколько раз убеждала папу, что фильмы ужасов расшатывают ребенку психику, и следует их запретить... Ага, вот расскажешь такое – и папа, пожалуй, с

ней согласится...

Ваня поднялся, постоял немножко в задумчивости, жадно и глубоко вдыхая сладко-жирный запах медуницы, потом тщательно отряхнул новенькие голубые джинсы и трусцой побежал к их с мамой временному дому.

Глава 1 А его мама с папой жили душа в душу...

Леониду и в голову не приходило, что она умрет раньше. Ксения была моложе мужа на десять лет и всегда так возмутительно молода, что на нее и шестидесятилетнюю заглядывались мужчины, только-только захваченные знаменитым кризисом среднего возраста – считали своей хорошо сохранившейся ровесницей. Он бы и в ее семьдесят мог ревновать ее к едва вышедшим на пенсию и вставившим по такому случаю бело-розовые челюсти здоровячкам, если б не был уверен с полной несомненностью, что для Ксюши вот уж около тридцати лет не существует ничего, кроме их семьи. А с тех пор, как Ванька, безжалостный, как весь нынешний молодняк, отделился от надоевших стариков, переехав в унаследованную от бабушки квартиру, вся жизнь его матери снова сфокусировалась на муже – как двадцать восемь лет назад в деревне Двуполье на реке Плюссе, когда Ксения совершила свой главный жизненный подвиг... Но это уже походит на патетику. А почему, собственно, нет? Да, подвиг. Потому что если б она тогда не поступилась законной женской гордостью, не приехала к нему на раскопки, то... Страшно подумать, во что бы он вляпался. А зная себя, он теперь с уверенностью мог сказать: не помешай Ксения, так он бы обязательно – «в г...., как в партию».

Летом восемьдесят седьмого она – растерянная, обиженная, с мягким медовым кукишем из волос на затылке, в скромном темно-синем платьице в белый горошек похожая на учительницу младших классов на каникулах, села со своим небольшим, словно пионерским, чемоданчиком вот в такой же междугородний автобус... Ну, положим, не такой же. Тогда ходили простые полосатые «Икарусы» с мягкими креслами в белых чехлах, и даже открыть неподатливое окно там надо было еще ухитриться. А он едет в замечательном двухэтажном дворце на колесах – с затемненными окнами, индивидуальными кондиционерами и таким мягким ходом, что кажется, летишь в спокойном «Боинге» над задумчивым Тихим океаном... («Ага, - вдруг гадким голосом вмешался в ровный поток его мыслей живший в непосредственном соседстве, а может, даже и внутри, привычный собеседник, всю жизнь появлявшийся куда как кстати, - а внизу там, на каком-нибудь совершенно безразличном тебе острове дикарей идет междуусобная распря между абсолютно неизвестными тебе племенами. И одно из племен, чтобы насолить другому и опозорить его перед лицом мирового сообщества,

бах – и сбивает к чертям твой надежный самолет вместе с тремястами пассажирами!» - «Иди ты знаешь куда! – беззвучно обозлился Леонид. – У меня такая потеря, а ты с глупостями!»). На самом деле острого горя он не испытывал – лишь тихую зимнюю печаль, хотя в их родном городе неяркая весна, быстрая временная гостья, уже готовилась передавать права скромному, ненавязчивому лету. Главнее горя был – страх, в котором старик не хотел себе признаваться. Последние дни он все чаще вспоминал пожилую пару отставных военных, незаметных соседей по лестнице. Хотя и были они ровесниками, сплоченно мотавшими всю жизнь по дальним гарнизонам, но жена – здоровая и агрессивно энергичная – неожиданно умерла, не проболев и недели. Вдовец, при жизни ее всегда с иголочки одетый и благоухавший неизменным «Тройным» одеколоном, без жены уже через месяц превратил свой дом в темную берлогу, откуда несло зоопарком, а сам обернулся дряхлым снежным человеком, ушедшим в дальнюю нору из родной стаи навстречу смерти, непредсказуемо заплутавшей в тайге. Когда она все-таки с большим опозданием добралась до соседа, и его, уже тронутого нешуточным тлением, выносили в черном мешке к казенной машине из дремучего логова, куда нельзя было войти без респиратора, замыкавший скорбное шествие Леонид мысленно поздравил себя с тем, что Ксюха ему – не ровесница, и, стало быть, уж от такого-то жуткого конца он гарантирован... («Вот-вот, - подло возвеселился внутренний голос, - и споем мы с тобой песенку про кузнечика... Как там – тря-ля-ля – «...не думал, не гадал он, никак не ожидал он, никак не ожидал он такого вот конца...». Не забыл еще? Вспоминай, пока время есть!» - «Вот тебе! – мысленно сделал Леонид очень мужской, совершенно не по праву используемый в новое время бабами жест. – Сосед – это было мне предупреждение. А предупрежден – значит, вооружен!» - «Ну-ну, милый, - четко донесся издевательский голос (вот бы рожу его подлую увидеть!), - ну-ну... Погляжу я на тебя через полгода...»).

Киевское шоссе он узнавал и не узнавал. Вот уже подъезжали к Луге, и все так же, подкрашенный по случаю юбилея Победы и заваленный увядающими венками, пролетел мимо партизанский мемориал – а ведь он еще помнит, как его возводили... Страшно сказать, он помнит не только тех, кто вернулся с той войны живым и покалеченным, – но и их матерей, в его детстве еще нестарых женщин с подкрашенными «под Орлову» губами... Когда тощим студентиком он ездил в эти же места раскапывать многочисленные курганы, то без всякого пиетета разговаривал в деревнях с теми, кто сейчас стал легендой, и знал, что легенды эти при жизни часто оказывались обычными сорокапятилетними колхозными мужиками, с тупой обязательностью глушившими самогон, – и вовсе не по причине каких-нибудь тяжких душевных травм, полученных на той войне. Они нешу-

точно мутузили и показательно «гоняли» своих выдюживших оккупацию корявых горластых баб, гордились принципиальной нелюбовью ко всему «культурному» и оставалось только удивляться – где там внутри какого-нибудь разве только шерстью не поросшего субъекта запрятан тот синеглазый улыбчивый герой, что шагал двадцать лет назад по Европе добрым победителем... Вот уже скоро и граница с Псковской областью – и Ксения так двадцать восемь лет назад подъезжала, и все чаще колотилось ее целеустремленное сердце, и охватывало вдруг малодушное желание выйти на ближайшей остановке и – пересесть на обратный автобус... Не пересела.

Если бы он верил в Бога, то сказал бы про жену, что она была святая. Но их такому не учили – да и что это меняет, в сущности... Он звал ее «мама», а она его – «папа», потому что, в сорок три года родив ему с риском для жизни (врачи, как водится, категорически не рекомендовали: «В вашем возрасте... С вашим сердцем...» - тьфу) сына Ваньку, Ксения получила право на свой маленький хрустальный пьедестал – и он освободил ее от что ни говори, а унижительной для женщины постельной повинности. Уж чего-чего, а этого дела ему и на раскопках, и в свободное время хватало. Если быть с самим собой откровенным – что в нем так баб привлекало, что сами за ним бегали, даже ухаживать почти не приходилось? Рост у него так себе, да и плечи узковаты, лицо самое простое, ничуть не запоминающееся – словом, типичный русак из северных, без предательской карей примеси, раскрасившей в шоколадные тона всяких там рязанцев и пензюков. Глаза, правда, серо-голубые, пронзительные – ну, так это у половины коренных питерцев. Голос зато достался басовито-зычный, как у армейского прапора, но таким только «Стройся!» командовать, да студентов погонять, когда копать ленятся, а не дамам любезности на ушко нашептывать... Но любили, нельзя пожаловаться. Ксения же была женщиной редкого и ценного склада, и все понимала правильно: их союз для него – единственное настоящее, и всякие там «лапочки», как сама их, бывало, не взаправду гневаясь, называла – ей не соперницы. Но подробности ее, все же, наверно, ранили бы, поэтому, как всегда деликатно и без слов, она сумела поставить ему молчаливое, но безоговорочно уваженное им условие: щадить ее гордость. Он возражать и не думал: мать его сына – звание наивысшее, поэтому, когда задерживался до одиннадцати, то непременно, войдя в прихожую и скидывая ей на руки тяжелое зимнее пальто на вате, целовал как ни в чем не бывало подставленную щеку и с достоинством сообщал жене: «Устал я, мама, как пес последний. В Публичке сидел, монографию по скифам читал. Давай, что в печи – на стол мечи, я хоть барана съем...». И съедал все до крошки – из почтения к ее труду и пониманию, хотя час назад у какой-нибудь аспирантки был насильственно кормлен в постели эклерами... На лице

Ксении никогда не отражалось, что нехитрые его хитрости давно уж ею пересчитаны, и ровно звучал ее домашний грудной голосок: «Ну что, папа, сыт? Или добавки хочешь? Ну, ладно тогда, сейчас чайку подогрею...». С искренним чувством он целовал ей увядающую руку, а она ему – ничуть не польсевшее темя, и говорили за чаем о Ванькиной мымре-учителке, что сживает мальчика со свету почем зря, и прикидывали, хватит ли на покупку нового кресла – а откуда хватит: как перестройка проклятая началась, так, случилось, и ели не досьята... Но ведь все преодолели же – вместе! Если уж не говорить «святая», то почему не сказать – «идеальная»? У других мужиков не жены, а одно огорчение: одна на карьере помешалась, другая, что еще хуже, в политику подалась, третья вдруг великой поэтессой себя вообразила... А у Ксении и здесь была своя, но красивая и простая философия: «Женщине, Ленчик, летать не дано. Она может только встать на цыпочки и помахать руками, будто крыльями. Только пустое это – все равно не взлетит. Проверено, доказано. Зато мужчине, когда он летает, нужно, чтоб на земле его ждали. Вот я и жду, поэтому-то у нас с тобой все так хорошо и выходит». – «Прочла где-нибудь?» - удивлялся в очередной раз умиляющийся на жену Ленчик. «Сама придумала», - с легкой гордостью отвечала она. «Хорошо, что у нас сын, а не дочка, - в другой раз убежденно бросала между делом. – С глупостями бороться не придется. Захотела бы институт там какой-нибудь, карьеру, не дай Бог – все они сейчас такие. А ведь для женщины это – прямой вред. Потому что если профессия или работа интересная – так она захватывает, не пускает в семью, к детям... Вот и рушатся семьи, вот и мужья уходят... А ей уж и работа дороже. Или какое-нибудь там... - презрительно, через уголок рта, - творчество надуманное. А работа у женщины должна быть – только для заработка, самая простая. Чтоб дома мысли не отвлекала от главного. Чтоб не крутилось в голове всякое там... Лишнее... Вот я, например...» - и она улыбалась – кокетливо и наивно-торжествующе, зная, как нравятся мужу ее слова, как ладно ложатся на сердце...

Красивая ли была? Глупости. Что такое женская красота? Могут стоять рядом две прямо противоположные друг другу женщины, и обе – красавицы. Или уродки. Тут надо как-то подавать себя, конечно, – Ксения умела. Всегда на ней кофточка какая-нибудь, брошечка... Или что там еще... Волосы не завивала никогда, гладкие были, светлые, блестящие – ближе к пятидесяти стричь их стала под эту, как ее – ну, певицу-то... Мирей Матье! – еще пластинка у них была с фотографией. В общем, «под горшок», как бабка его говорила, – а ведь шло чертовке! Но главное – это глаза, конечно. Особые были глаза у Ксюхи – большущие, иссиня-серые, с голубыми белками, с темными ресницами... И блестели, словно всегда чуть заплаканные, даже когда улыбалась... Беззащитные... За них и выделил ее когда-то.

Сердце на миг сжалось – нет, все-таки больно, какая там «зимняя печаль!». Леонид откинулся в кресле, зажмурился – и стало еще хуже, потому что мысленно увидел ее в гробу. Похожую на больную бабушку Красной Шапочки из давней Ванькиной книжки. С закрытыми глазами и в дурацком колпаке с белыми кружавчиками, что входил в традиционный «женский похоронный набор» – да кто ж выдумал такое издевательство! Знала бы она – и платье, и шарфик бы в тон готовила... Хотя – не на бал же... Да и как к такому приготовишься...

Ксения пользовалась отменным, завидным здоровьем – во всяком случае, он не помнил, чтобы она на что-то жаловалась. Ну, подхватит иногда простуду какую-нибудь, кашляет тоненько и трогательно: «Кхе! Кхе!», да еще правый локоть последние месяцы побаливал... Он ей лекарство из рекламы сразу притащил – дорожшее. И ничего, помогло, не все, оказывается, в рекламе вранье... Правый бок заболел, как водится, перед самой ночью – она убеждала, что переживет, но, не на шутку испуганный, он впервые не подчинился ей и вызвал «скорую» сам. «Думала, так и помру с неотрезанным аппендиксом – да нет, выходит, придется расставаться...» - подбадривая мужа, шутила Ксюха, когда он вел ее за плечи в роковую белую машину... В больницу поехал с ней, в приемном покое не отпускал родную руку, а когда жену увели в недра районной «истребительной» – не уехал, как иные, с облегчением, а добился неуловимого, как мститель, дежурного врача и долго пытал его в коридоре, будто подозреваемого. И дознался, что никакого аппендицита не обнаружено, а произошел лишь обычный кишечный спазм, и боль уже сняли уколами. Могут хоть сейчас домой отпустить, но неплохо бы до утра понаблюдаться... В вестибюль спустилась спокойная, порозовевшая от облегчения Ксюша и сказала, что боли полностью прошли, но, раз уж все равно привезли и водворили, то уж ладно, «от греха перестраخуеться», и нежно велела ему идти спать, о плохом не думать, а Ванечку попросить утречком занести ей зубную щетку («И ничего больше: сразу после обхода – домой!»), потому что чего она вынести не сможет – так это нечищенных зубов, а все остальное ей – плюнуть и растереть. Он крепко спал в ту ночь и ничего не чувствовал – ничегошеньки... А говорят, должен был... Утром решил все-таки занести щетку сам и, размахивая ею, как знаменем, робко сунулся в унылом «третьем хирургическом» в дверь указанной ею третьей же палаты...

Дальнейшие воспоминания причиняли жгучую боль. Кровать Ксении была пуста. Она умерла ранним утром, перед самым подъемом. Нет, никакого аппендицита – просто оторвался тромб. Во сне, без мучений.

- Да что вы тут знаете о смерти во сне! И что такое «без мучений», когда никого рядом не было! – орал Леонид в профессионально каменное лицо врача над ее уже застеленной новым бельем кой-

кой, ожидающей новую жертву. – Может, она задышалась, металась, хрипела! И никто не слышал, не подошел, не помог!!!

- Я слышала, - раздался тусклый голосок с соседней кровати, и Леонид перевел дикий взгляд на пепельное женское лицо, утонувшее по соседству в неуместно пестрой подушке. – Я вообще не спала. Могу точно сказать, что она тихо лежала, как мышка, а потом один раз только вздохнула поглубже и погромче. И всё – отошла. Смерть праведницы...

В Пскове пришлось пересаживаться, и второй сегодняшний автобус – попроще, местного значения – вскоре бойко поскакал по разбитой грунтовке среди полей. Мысли о Ксюше, которые в первом автобусе кто-то словно писал у него в голове красивым разборчивым почерком, немедленно сбились на каракули, и целый час невозможно было сосредоточиться ни на чем толковом. Ему только все время попадались на глаза – и очень огорчали! – собственные руки, за последний год неумовимо быстро покрывшиеся густым безобразным крапом – а ведь долго оставались вполне приличными, и уж поверил было, что в здоровых генах его, да при общей молоджавости, старческие пятна не заложены... Еще как, оказалось, заложены – а ведь какие красивые руки были: крупные, но замечательно благородного очертания, умеренно загорелые и чуть-чуть мозолистые, так и кричавшие о том, что владелец их – человек хоть и не рабского звания, но ничуть физическим трудом не гнушался, перед простецами не кичился – и о высоком своем предназначении не забывал... Пока сокрушался – уж и время пришло выходить у нужного поворота.

Вылез на узкую обочину, размялся, разгоняя общую скованность. «Что там пятна, – нахально подсказали ему из черепного мрака. – Скоро разогнуться не сможешь, а там и до костыля рукой подать». – «Достал уже! – устало отругнулся Леонид. – Да, так что там я про Ксюшу...». Он стоял в классическом сказочном месте: на перекрестке трех пустынных дорог, ведущих в три разные деревни, о чем и сообщал прозаичный сине-белый указатель со стрелками. Приглядевшись к указателю внимательней, он заметил, что некий шутник, вышедший пару лет назад из автобуса на этом же месте (и, скорей всего, не один, потому что работа была проведена немалая), гвоздем или ножиком под каждой стрелкой с названием и километражем четко и жирно процарапал еще и мрачное, как следовало по законам жанра, предостережение. «Налево поедешь – машина сломается», - обещала подпись под стрелкой влево, указывающей направление на деревню Грязны за 0,5 километра. «Естественно, - обрадовался внутренний голос, с которым Леонид на этот раз полностью согласился. – Если там дорога, как тридцать лет назад, то не только сломается, но и утонет». «Прямо поедешь – деньги пропьешь», - сообщалось под стрелкой, устремленной вперед. Тут Леонид и сам

хмыкнул, потому что в двух километрах впереди по шоссе, в деревне Лехно чуть не с петровских времен располагался единственный в этой дикой степи шалман, куда на закате советской власти студенты-археологи по вечерам пешком ходили за «Столичной», - стало быть, вечно прибыльный бизнес процветал и сейчас. «Направо поедешь – за правду умрешь», - сулил поворот направо в деревню Двуполье за 3,7 километра. «Не очень-то и забавно», - обескураженно, что редко с ним за долгие десятилетия случалось, пробормотал невидимый собеседник. Действительно, несомненная правдивость двух первых обещаний предполагала то же и для третьего – а выходила полная ерунда. Даже если и предстояло там умереть – мало ли что, да в его-то возрасте, хотя, конечно, он так скоро не собирался – но почему за правду? «В конце концов, Ивану-царевичу указатель тоже угрожал гибелью – а он на Василисе Прекрасной женился, - подсказал успевший приободриться голос. – Так что предсказание это как раз хорошее. И вообще, сдурел ты, что ли, на старости лет? Василиса твоя – умерла, а ты о чуши какой-то думаешь». Леонид покачал головой, браво вскинул на плечо нетяжелый спортивный рюкзачок и не спеша, экономя и без того подрастраченные за долгую жизнь силы, тронулся в путь по широкой сухой дороге.

Да, Ксения... Экое странное дело! Ведь ему в тот год было уже за пятьдесят! Хотя и кажется теперь, свысока, что чуть ли не парнишкой был – а ведь дедом уже к тому времени заделался, и внучка уж в первый класс шла! Говорят, невозможно жить начерно, жизнь – всегда беловик, пиши каллиграфически! А вот и нет. До тогдашнего Ксюшиного приезда в Двуполье его жизнь именно такой и была, как черновая рукопись: серая бумага, нечитаемый почерк, кляксы во всю страницу, густо зачеркнутые строки, неожиданные вставки и восклицательные знаки на полях, полное небрежение к орфографии и пунктуации. А с того лета страницы жизни стали как листки, что ловко выплевывают нынешние лазерные принтеры: ровный печатный текст, буковка к буковке, где надо – красный заголовок, в нужном месте – курсив...

А ведь черновик рассказывал – странно теперь и вспомнить! – о первом его браке, в котором жилось не так уж и плохо больше четверти века – нелепость, какая-то, дичь, будто и не с ним было... Приехал в шестидесятом из Крыма с раскопок – увлеченный своим делом, молодой, крепкий, от солнца словно облитый с головы до ног молочным шоколадом – лишь огненно голубые глаза сияли, да пушились ржаные волосы, отросшие за лето и еще хранившие морскую соль... Оголодавший – когда мать позвала к телефону, с аппетитом поедая хрустящий «Городской» батон, разрезанный вдоль и любовно накрытый несколькими толстыми, с аппетитными жиринками кусками «Любительской»... И вдруг непонятная и неуместная Даша (потребовалось напрячь память, чтобы вспомнить – ах да, та, с шестимесячной

завивкой, еще у Толяна дома познакомился; в начале лета, перед дипломом, несколько раз на дачу ее с собой со скуки возил, когда мать велела вещи какие-то туда доставлять) взволнованно потребовала какой-то мелодраматической «срочной встречи» и «серьезного разговора»... А он в те минуты всем сердцем был в лаборатории, куда привезли уже, конечно, их тщательно упакованные и описанные находки, в голове только и стучало: неужели подтвердится – или...? (Забегая вперед – еще как подтвердилось – да так, что после фамилий титулованных авторов солидной статьи о маленькой научной сенсации его фамилия была напечатана со всем уважением, целиком и при инициалах, а не скрылась в унижительном довеске «и др.».) «Не получится, - преувеличенно холодно, чтобы сразу расставить все по местам, ответил девушке Леонид. – Я сейчас очень занят наукой. И не могу ни с кем ни встречаться, ни разговаривать». Подумал еще, что никакой гордости у нее – надо же, сама парню звонит, вообще стыд потеряла. Дальше и слушать не стал – повесил трубку, да и пошел себе батон доедать...

Но, когда вернулся из лаборатории домой к ужину, выяснилось, что ужина никакого нет, зато в гостиной у них, откинувшись от пустого стола вместе с тщедушным стульчиком и накрывая мощным торсом отшатнувшийся к стенке модный торшер, насуплено сидит средних лет с тяжелым взглядом мужчина. При виде воспитанно поздоровавшегося Лени он с презрительным криком встал. «Я вам все сказал – теперь сами решайте», - процедил, мотнув головой в сторону странно поникших родителей и, грузно попирая веселый светлый паркет, зашагал к двери, не удостоив молодого человека и кивком. Вслед за ним метнулась, хрестоматийно промокая концом фартука глаза, бледная, как убегающее молоко, мама... Выражение лица папы было Леониду очень хорошо знакомо с послевоенных школьных лет, когда, излазив с пацанами все окрестные чердаки и подвалы, он, чумазый, с отколотым зубом и надорванным рукавом, наконец, возвращался поздно вечером домой. Несделанные уроки не позволяли ему предаваться удовольствиям безоглядно, но мужская дружба и замечательные приключения того стоили – а родители молча выходил в коридор, уже держа наготове свой верный фронтальный ремень...

- Ты знаешь, кто ее отец? – без гнева и осуждения, так же хладнокровно, как порол сына в детстве, спросил он и сам же ответил: - Завотделом горкома.

- Чей? – пискнул искренне недоумевающий сын.

- Девушки Даши, которую ты соблазнил и бросил беременную, - так же спокойно пояснил отец.

Леня икнул, и сразу же пронеслось смазанное воспоминание о том, как Даша (кажется, именно она, потому что на дачу он еще с одной тогда ездил, но на ту уж точно не подумаешь)

придурковато-счастливо шептала ему в гремящей соловьями ночи: «Ты у меня первый, представляешь, первый!» - а ему спать до одури хотелось, он и внимания не обратил.

- И... что же мне теперь делать, папа? – малодушно спросил он.

- А – всё, - развел руками тот, ничуть не изменив деревянного выражения лица. – Все, что мог, ты уже сделал. Теперь остается только закрепить содеянное штампом в паспорте. Кстати, многие тебе бы еще и позавидовали.

- Да я сейчас уже не уверен, что в лицо бы ее на улице узнал! – отчаянно прошептал Леня.

- Всё, - с легким нажимом повторил отец. – К свадьбе, кретин, готовься. Потому что иначе не только тебя – что еще и полбеда было бы – но и меня эта сволочь в порошок сотрет. А женишься без выкрутасов – карьера, считай, в кармане. Да и я из замов выберусь, наконец, и директору сверху на лысину плюну...

Та карьера, о которой мечтал для сына отец – мирно-кабинетная, пыльная, уверенно ведущая вперед и вверх, Леонида не прельщала никогда. В душе он навсегда остался вечно холостым романтиком и бродягой, без колебаний предпочитавшим тыловому книжному прозябанию трудные экспедиции и изнурительные раскопки с их малыми и большими радостями, случайными победами и серьезными открытиями – но две беспроblemные защиты чиновный тесть, спасибо ему, обеспечил. Да и к родившейся дочке Светочке (Господи, Боже ты мой – она в том году на пенсию выходит! – выстрелила вдруг оглушительная мысль) Леонид привязался нешуточно, тетешкал ее и баловал, благодаря чему и маму ее, а свою жену Дарью вскоре стал считать вполне сносной и лучшей не желал. Она и была такой – тихой, домашней, ухоженной, в душу ему не лезла, с наставлениями не совалась. Жила своей чистой жизнью – дочка, хозяйство (няня и домработница с поваром были у них как само собой, чуть ли не бесплатные – отцу ее вроде бы от государства полагались), подружки какие-то из партийных жен, портнихи всякие, парикмахерши... Он мешать и не думал, даже в театр с ней, когда просила, таскался, перед тещей и тестем раз в месяц показывался в роли примерного мужа – все как положено... Не чуждались друг друга, со временем вроде как и подружились даже, она и посоветовать могла ненавязчиво, и дочку в уважении к отцу вырастила... В общем, о той соловьиной ночи он не то что не жалел никогда, а даже радовался, что «по залету» окрутили: ни в жизнь бы такой партии не сделал по сердечной склонности! Сам жил любимой работой, с удовольствием учил студентов археологическим премудростям – на занятиях его аудитория всегда была полна горячей в своем интересе молодежи, а когда экзамены принимал – по-пустому не зверствовал. На раскопках орудовал совковой лопатой, не чинясь, строго следил при этом, чтоб тяжелой работы – всем поровну, за кисточки-щеточки брался последним,

был справедлив и приветлив. За женщинами сам не гонялся – любовница-наука соперниц не имела – но, если какая сама намеки делала – отзывался охотно: коли бабе нейдет – отчего ж и ее, и себя не порадовать?

Все-таки отмахать без отдыха два километра – где вы, те благословенные годы, когда десять шутя наматывал, да и не с таким рюкзаком за плечами! – в конце восьмого десятка оказалось делом весьма затруднительным. Нет, если бы он с кем-то шел, то ни за что не допустил бы никакого привала для слабаков, наоборот, еще и пристыдил бы пожаловавшегося на усталость младшего путника: «Эх ты, в твоём-то возрасте! Посмотри на меня: я на двадцать лет старше, а вон как топаю. Потому что – привычка». Но рядом никого не было, а внутренний голос ему давно уже разъяснил, что к чему: и про внезапные инфаркты у разных самонадеянных почти восьмидесятилетних попрыгунчиков – тоже. Поэтому, когда дорога выскочила из белой роши с окрепшими и раздавшимися за двадцать восемь лет вечными девственницами-березами, Леонид решительно двинулся к двум знакомым – стол и стул, как специально сделаны – валунам, о которых все эти годы ни разу не вспомнил, но, увидев их, возрадовался прямо жгуче: сел на малый, большой едва ли не обнял... Из рюкзака достал бутылочку минералки, пластиковую коробку с бутербродами – сын Ванька в дорогу настрогал, как дрова рубил, не по-Ксюшиному, аккуратными ломтиками. Вспомнил сразу же те ее бутерброды, тогда сюда привезенные, завернутые в несколько слоев «Известий» – и вареные яйца сохраняли еще слабое домашнее тепло... Ванькины были с мокрой синтетической ветчиной, а растаявшее масло перемазало толстые куски черного хлеба со всех сторон – так что и пальцы испачкал. Женить пора парня... Особенно теперь, когда матери нет...

Страшно сказать – а ведь Ксению он многие годы в упор не замечал, хотя и виделась буквально каждый день на родной кафедре археологии. Ну, сидит себе секретарша за машинкой, равнодушно здоровался... Все-таки не его был круг: он, с тридцати лет доктор наук, с сорока – профессор, образованных предпочитал, аспиранток, в основном – молоденьких, кругленьких и веселых, как яблочко-полосатка. Но чтоб обязательно поговорить можно было о разном, понимание встретить – да и вообще приятней; а секретарша – она ведь где-то чуть выше уборщицы.

Но однажды заболела верная машинистка, что десятилетиями перепечатывала его труды – а ему, как на грех, нужно было срочно сдавать в журнал тридцатистраничную статью – сам-то он одним пальцем всю жизнь печатал. «Да вон хоть Ксюхе халтурку дай, – от души посоветовал кто-то на кафедре, кивнув на прилежную головку, склоненную над железным монстром пишущей машинки. – За ночь настукает».

Так оно и вышло. Только, отдавая ему готовую работу, неяркая эта женщина подняла на него застенчивые влажные глаза и робко проговорила:

- Там у вас... Я заметила несколько фраз – не совсем удачных... С грамматической, так сказать, точки зрения... И взяла на себя смелость исправить... Немножечко...

Леонид вспыхнул – да что она себе позволяет! Мозгов, как у мыши, а смеет исправлять у него, у профессора! Всю статью, наверное, запорол, теперь точно к сроку не успеть! Резким гневным движением он выхватил из ее рук машинописные листы и начальственно рявкнул:

- Где?! Покажите, что вы мне тут натворили!

Пробежал глазами указанные места. Гм... А ведь как-то неуловимо доходчивей стало, читается легче... Мысли те же самые, только какие-то более выпуклые, яркие, что ли... Да и сама ничего... Тощевата слегка – ну, да ладно... Зато ножки какие, лодыжки тонкие... Лицо хорошее, глазки умненькие... Ага, колечко обручальное на пальчике – меньше проблем, если что: к жене ревновать не будет... Вслух буркнул подобревшим тоном:

- Ладно, сойдет; смысл не исказили – и то хорошо...

В те минуты и вообразить не мог, что не она его к жене, а он ее к мужу ревновать станет! Что годом позже холодным балтийским летом будет метаться по маленькой комнатке гостиницы в Юрмале и, едва сдерживая до громкого шепота свой громокипящий голос, почти истерически упрекать ее:

- Как тебе самой не противно – с двумя мужчинами попеременно! Сама же говорила, что он дурак, убудок, что ты его презираешь! Что живешь с ним только ради сына! Думаешь, сын, когда вырастет, спасибо тебе скажет?! Да он и не поймет ничего, все примет как должное – это я тебе говорю! А ведь могла бы со мной стать по-настоящему счастливой, жить полной жизнью, а не скитаться по случайным пристанищам!

- Но ведь ты тоже не уходишь от жены ради меня! Хотя ребенок у тебя, в отличие от моего, почти взрослый! Почему ты сам не разводишься, а от меня требуешь? – тихо и робко станет возражать Ксения.

- Ну, как ты не понимаешь, что это совершенно не одно и то же! – буквально взвывает он, пораженный ее упорным нежеланием понимать очевидное. – У меня на жену и карьера, и вообще все в жизни завязано! Решит отомстить – и конец мне по всем статьям сразу! А вот тебя-то что рядом с ним держит?! Не верю, что только сын!.. А может, ты им просто прикрываешься? А сама хочешь сразу с двоих мужиков сливки снимать?!

- Мне страшно, страшно... - заплачет она... - Я все боюсь, что вдруг я с Жорой разведусь, все разрушу, а тебе надоем... Бросишь ты меня ради очередной молоденькой, и останусь я, дура, у разбитого корыта...

Он и сам не знал, когда и как успел прики-

петь к ней до такой степени, что возжелал держать при себе на постоянной основе, не деля ни с кем и ничего не опасаясь. А может быть, Ксения просто случайно оказалась в его жизни именно в тот момент, когда настагает мужчину закономерная задумчивая усталость, и среди всегда беспокойного житейского моря тревожный взгляд его невольно ищет на горизонте четкие очертания надежного берега – пусть чужого, но ведь и он может стать родным.

Начиналось-то все, как всегда: кафе, шампанское с пирожными; просилась в театр – отговорился нелюбовью – в трапезный не хотелось, а в приличном как раз плюнуть на знакомых нарваться. Вообще в личных делах своих, строго соблюдая конспирацию, он никогда не рисковал пользоваться широчайшими возможностями жены – потому и приходилось часто переносить когда смешные, а когда унижительные тяготы, на каждом шагу подстерегавшие рядового гражданина. Вспомнить хотя бы все те же гостиницы, где требовалось предъявлять паспорт со штампом о законном браке, и даже вложенный в него четвертной билет не гарантированно спасал от бдительного звонка «куда следует». Поэтому гостиницами пользовались только в полузападных прибалтийских республиках, где администраторы смотрели с одинаковым презрительным прищуром – да и то приноровились ездить туда двумя незаконно влюбленными парами. Очень просто: независимо брали два двухместных номера – один мужской, другой женский – и под покровом темноты и все тем же администраторским прищуром, приобретающим к ночи снисходительный оттенок, перемещались сначала в одну комнату – побаловаться «Рижским бальзамом» и дивными местными марципанами, а потом уж расходились каждый по принадлежности... Проще было с мягкими купе в «Красной стреле» - но только тесно, неудобно, да и Ксения всякий раз неуклюже пунцовела на недобро-испытующий проводницын вопрос: «Поменяться, гражданка, не желаете, чтобы с женщиной ехать?». Подумали было, что нашли легкий способ обмануть всевидящее око Большого Брата, изредка отправляясь на теплоходе в невинные Кижи – но только до того жуткого случая, когда пришлось безвылазно просидеть в своей каюте двое суток, потому что повезло ему вовремя заметить, как из номера «Люкс» высокомерно выходит с любовником едва ли достигшая совершеннолетия дочь одного из знакомых горкомовских инструкторов... Он тогда даже в ресторан выходить не решился – впрочем, не голодали, конечно, да и отнеслись как к волнующему приключению: «сухпаек»-то семейный (колбаски твердой палочка, «Арарат» любимый, янтарный балычок из осетра, икорки черной пара баночек, ну, и «Виолы» там сколько-то – сам не свой до нее был) он всегда захватывал с собой в портфеле, потому что одна мысль об общедоступной ресторанной кормежке причиняла страдание...

Если хорошо Леониду было с женщиной – никогда не задумывался он о том, как и когда все это закончится; знал, что всякому увлечению положен свой срок – и от чего зависит это, не гадал. Обычно все само как-то рассасывалось: незаметно защищалась симпатичная аспирантка, переводилась в другой вуз молодая преподавательница, увозил военный муж к месту службы красивую пышечку-доктора... Ксения же всегда была – вот она: стрелочет на своей грозной «Ятрани», красиво склонив набок аккуратную головку, а когда проходит через кабинет он, ее возлюбленный, – поднимает ясный взгляд и незаметно улыбается... Оказывала она ему и вроде бы мелкие, а на деле бесценные услуги: находила, упорно прозванивая десятки номеров, кого-то неуловимого, служила безотказным передаточным пунктом для разных его бумаг, конвертов и пакетов – когда попробуй, поймай того, кому они предназначены – а Ксения тут как тут: не волнуйтесь, Леонид Палыч, я передам – и он знал, что можно больше не беспокоиться. А уж печатала ему все в первую очередь, отодвинув и срочные задания завкафедрой. Работал он много и почерк имел невозможный, так что и опытные машинистки порой возмущались... И стал Леонид считать Ксению своей полной собственностью – с одним только не мог смириться: что этот ее поганый муж-инженеришка из какого-то вонючего КБ (не удержался, съездил раз глянуть – так и есть: козел козлом в шляпе ширпотребовской и пальтишке «накусь-выкуси») по ночам ее истязает своими гнусными ласками. Вот в абортарий она раза три бегала – Леонид ей каждый раз по четвертаку давал без всяких там – говорила, от него, да пойди проверь... В общем, сломал ее, засовестил – и развелась со своим уродом, никуда не делась. Леонид сразу по-честному с ней рассчитался: купил однокомнатный кооператив, первый взнос оплатил, потому что не возвращаться же ей было в отчий дом – ветхую живопырку без ванной. Сын, четырнадцатилетний лохматый парень, уже наживший грязноватую полоску под носом, к матери переехать отказался, демонстративно выбрал отца-хлюпика (тот, понятно, его настроил – мол, мать предала их), а потом и вовсе в Нахимовское поступил. Это Леониду нравилось: никто под ногами в их новом гнездышке не путался, ежедневной заботы, стирок-кормежек не требовал, внимание на себя не оттягивал, волком на мамино друга не смотрел. Уж что-что – а гнезда она вить умела и, свое потихоньку отплакав (он в утешение ей тогда кольцо с сапфиром за восемьсот рублей подарил), обжилась на новом месте – и знай себе закружилась по собственному нежданному дому, захлопотала – а он ей то денежку, то вещичку редкую подбрасывал, нормальными продуктами бесперебойно снабжал... Ксения помаленьку округлилась, поздоровела, ночными халтурками изводить себя перестала, после работы сразу домой неслась – все приготовить и ждать, пока он на часок заскошет... Ждала, то и дело подбегая к

окну, напряженно слушая улицу – и скоро уже начала узнавать шорох шин его въезжающей во двор новой желтой «шестерки» и радостно махала ему, идущему к подъезду, из-за шелковисто-плюшевой портьеры...

В те уютные годы всерьез увлекался Леонид культурой Псковских длинных курганов – казалось бы, за сто пятьдесят последних лет вдоль и поперек перепаханых – ан нет: случилось, случилось ему и вздрогнуть иной раз, когда внезапно отчетливо видел, как Мать-История вдруг с крихтением поворачивается к нему другим боком: на, мол, погляди, раз такой дотошный. Когда, например, вдруг обнаруживалось под его недоверчивой щеточкой в пограничном захоронении ну совершенно там неположенное архаичное каменное кресало – или радиоуглеродная дата труповложения насмешливо не соответствовала исторически доказанному возрасту полного комплекта женских погребальных украшений, только что обнаруженного рядом с точно таким же – но на двести лет старше! Будто какая-то машина времени у них там действовала на близкие расстояния – и знобкая змейка восторга бежала по согбенной под солнцем спине... Копал, извлекал, описывал, отправлял – не разучившись мальчишески восторгаться своей властью над временем... И то сказать: вот эта оплавленная синяя бусина, найденная среди грустной кучки полусгоревших-полуистлевших женских костей, и в зеленую шубу древности завернутый медный наконечник у черного черепа... Не может быть, а точно – любовно касалась их тысячу лет назад юная женщина... Наряжалась, покорная доисторическому инстинкту, узким звериным оком смотрела на молодой мир, не умея разобратся в простейших понятиях, пугаясь каждого шороха – и сама готовая убить и освежевать врага, ничуть не дрогнув дремучим сердцем... И умерла молодой – просто потому что все тогда рано умирали... И вообще, если глянуть на мир философски, оттолкнувшись хотя бы от находок в древних захоронениях, то получалось, что из многих миллиардов людей, дышавших воздухом на этой планете с момента ее появления, очень и очень не многим удалось просто вырасти, и еще меньше перевалило тридцатилетний рубеж... Можно сказать, процентов десять от всех родившихся... Так что он – редкий счастливчик из достигших достойной зрелости... Избранник, можно сказать... Вот и трудился, философствовал...

И такого удара не ожидал – совсем как в подзабытом шестидесятом, когда, ни единой сединки еще в голове не имея, вернулся из Крыма. Приехал со Псковщины радостный, как и тогда; по дороге к Ксении заскочил, убедился, что так же, как и три месяца назад, она мчится к окну на звук его машины – и поехал домой, отдать честный супружеский долг – да и про дочку узнать, Светлану – как там с новым мужем у нее дела...

Даша молча смотрела, неприятно, по-бабьи подперевшись, как он ест любимый суп с фрикадельками, специально заказанный к его приезду,

недовольно косилась на медленную свою горничную («Ну, пусть поменяет ее, если не нравится, зачем перед мужем с кислой миной сидеть!») – мелькнула, помнится, равнодушная мысль), а когда та убралась, наконец, со своими тарелками, вдруг серьезно и тускло глянула Леониду в лицо и безо всякого предисловия брякнула:

- Слушай, мне нужен развод. Ты согласен в ЗАГСе развестись или судиться будем? Сразу предупреждаю – если судиться, то отец мой, хочешь не хочешь, а всю правду узнает. И тогда пеняй на себя.

- Какой развод? Какую правду? Ты что, рехнулась? – оторопел от неожиданности Леонид.

- Обычный, - сухо пояснила жена. – Потому что я давно люблю другого человека – настоящего, имею в виду – и не могу допустить, чтобы он устал ждать меня. Три года я не решалась на это – из-за Светочки. Сам знаешь, как она кричала из-за того мерзавца: «Я жить не буду! Я убью себя!» - (Он, конечно, слышал те девические вопли, но о возможной их серьезности и не помышлял). – И добить ее разводом родителей я не могла, конечно... А теперь, когда у нее нормальный – тьфу-тьфу-тьфу-не сглазить – муж, который и девочку ее обожает... О, теперь я имею право вспомнить и о себе!

- Подожди-подожди... Какого это «другого человека»... - сиплым шепотом начал было пропустивший все остальное мимо ушей Леонид, но вдруг, в один острый миг захлебнувшись оскорблением и потому утратив свой грозный баритон, заорал истеричным фальцетом: - Ты чего – любовника, что ли, завела себе, дрянь?!?! Три года назад еще?!! И вот так спокойно мужу живому об этом говоришь?!! Бабка пятидесятилетняя, старуха уже, внучка есть – и туда же, передок зачесался!!! Какой еще развод – я тебе без всякого развода башку сейчас сверну!!! – и он, не соображая, приподнялся было со стула.

- Только тронь, - не повышая голоса и не двигаясь, сказала Даша. – На той неделе безработным станешь, а с партией родной еще раньше попрощаешься.

- И что, по-твоему, - мгновенно укротившись на треть, но зато продышавшись, все еще напористо загорланил он, - я должен вот так просто проглотить свой позор?!! Уползти оплеванным и еще спасибо сказать, что пинков не надавали?!! И не смей сказать старику-отцу, что его дочь – потаскуха?!!

- А сам ты откуда сейчас ко мне пришел – забыл уже? – насмешливо спросила она. – Напомнить?

- Ах, во-от что... - задохнулся он, как от пощечины. – Ты ко мне, оказывается, шпио-онон приставила... Ну, расска-азывай, расска-азывай, дорогая... Насколько еще простирается твоя низость... Давай уж сразу... Чтoб я узнал, наконец, с кем четверть века прожил...

Даша выглядела озадаченной:

- Мне действительно интересно узнать – ты

всерьез считаешь, что можешь встречаться, где и с кем хочешь, а я должна всю жизнь просуществовать при тебе, как довесок, и сдохнуть так никогда никем и не полюбленной?

Он подскочил к жене и, зверски оскалившись, затряс указательным пальцем у нее перед носом:

- Это разные вещи! Раз-ны-е! Способна ты понять это куриными твоими мозгами?! Просто каждому мужчине нужно иногда расслабиться! Любая умная баба закрывает на это глаза и живет счастливо! А если жена гуляет – то это всё! Это значит, что она попросту шлюха, и ничего больше!!! – помолчал, взял себя в руки и глухо закончил: - Если ты сейчас же... вот прямо сейчас, при мне, позвонишь... этому своему... и скажешь, что передумала, и пусть он убирается к чертям собачьим или куда хочешь... И дашь мне слово, что больше никогда... Никогда... То я буду считать, что ничего не слышал... И все останется по-прежнему... А если нет...

- Нет, - спокойно и нагло ответила она. – И что дальше?

А дальше Леонида заставили подписать унизительное согласие на развод, потом, как бросают кусок мяса с наперсток пожизненно голодному льву на арене, чтоб заставить его проделывать противоестественные трюки, кинули ему захудалую однокомнатную квартиру в спальном районе – хуже, чем он лично в свое время Ксении купил – милостиво сохранили за ним работу, партбилет и научные звания – а потом он запил на неделю, раздавленный, уязвленный... И к Ксении больше идти не хотелось. Он понимал, что сильный человек в подобных обстоятельствах обязан начать новую жизнь, это требовало сильного вдоха, глубокого глотка свежего воздуха – но сначала ведь следовало выдохнуть. И тот мощный трагический выдох, казалось, унес из него навсегда и в никуда и облагодетельствованную им, но прошлому принадлежавшую любовницу, и несостоявшуюся семью, и даже далекую малознакомую внучку...

Через неделю он кое-как оправился, как пес, отлеживавшийся от побоев в вонючей конуре, сходил в местную парикмахерскую, ужаснувшись там мимоходом тем новым общегражданским условиям, в которых отныне предстояло жить, надел ненавистный (всегда ходил в стильных свитерах) итальянский костюм... Предстояла научная конференция памяти легендарного Журавлева, которого Леонид, никогда в жизни не удостоившийся высокого знакомства с этим гордым, непонятно как выжившим в лихолетье ученым, все-таки считал одним из своих немногочисленных учителей.

Глава 2

Откуда ему было знать, что его там ждет...

Ее папа был такой старенький, что своими глазами видел революцию, участвовал в гражданской войне (правда, довольно бесславно),

а Великую Отечественную встретил зрелым мужчиной-вдовцом. Благодаря ему, она ничуть не сомневалась, делясь опасной тайной только с самыми проверенными подругами, что никакого штурма Зимнего вообще в истории не было, а, как, ничуть не стесняясь юной дочери, говорил папа, просто «пьяная матросня ворвалась во дворец, насилуя добровольцев из женского батальона, подвернувшихся на пути, пока не наткнулась на зал заседаний Временного правительства». Следующим летом тщедушный питерский студент Коленька Журавлев, до того проявлявший принципиальное равнодушие к политике и демонстративно интересовавшийся только молчаливо-красноречивыми древностями, неожиданно ни для кого в один день переменив мнение и собравшись в путь, оказался в рядах самонадеянной на первых порах Добровольческой Армии (ну, не считать же было, в самом деле, серьезным противником эту разнородную и плохо вооруженную толпу сбитых с толку инородцами несмышленных, как дети, молодых мужиков). К счастью для восемнадцатилетнего Коленьки и запрограммированной на далекое будущее его единственной дочери Вероники, до первого боя дело так и не дошло, потому что красные захватили его в плен еще во время убийственно трудного с непривычки марш-броска – зазевавшегося у соблазнительного колодца, обнаруженного чуть в стороне от пути следования колонны. О чем пытать на допросе у свалившегося им как снег на голову пленного рядового, белобрысые мальчишки, его ровесники, не имели никакого понятия и потому, с напускной грозностью немножко поспорив для порядка о том, не пустить ли «беляка» за ненадобностью сразу в расход, на всякий случай заперли его на ночь в дощатом сарае, не пожалев для узника даже охапки свежего сена, глиняной крынки с водой и осьмушки в его же подсумке обнаруженного хлеба. Гражданская война только начиналась, и они, вероятно, просто не привыкли еще четвертовать без суда и следствия своих недавних совсем не жестоких господ, ожидали в ближайшем будущем, покамест поигрывая на свободе в мировую революцию, неминуемого возвращения мира на круги своя – и заслуженной порки в конюшне за плохое поведение. Один из них углядел на шее перепуганного барчука золотую цепочку от крестика, обождал, пока вокруг уляжется легкая буча – и припал к самой крупной щели хлипкого сарайчика, громким шепотом предлагая выгодную сделку: ему – золотой барский крест с все равно обреченной шеи, паничу – отодвинутая снаружи щеколда и оловянный крестик на шнурке в придачу, потому как оба они православные – а куда ж русскому человеку без креста... Словом, крестами обменялись, невольно побратавшись, прямо через щель, ну, а дверь была честно отперта теплой и безлунной, как специально созданной для побегов, ночью... Это маленькое, но до крови пощекотавшее нервы приключение мгновенно отбило охоту к ратным подвигам у довольно гладко добравшегося до Петрограда

Николая Журавлева.

Его страстно увлеченной художественной литературой дочке Веронике, родившейся во втором браке отца (от первого осталась только смазанно-серая фотография невнятной женщины в шляпке-кастрюльке), когда тот уже уверенной поступью дошел до середины собственного шестого десятка, казалось, что, написав эту романтическую историю обмена крестами на грани жизни и смерти, жизнь грубо нарушила законы жанра. Словно сказала «а» и забыла про «б». Ника – такое гордое, победное сокращение своего жалкого женственного имени девочка придумала сама, и взрослые вынужденно смирились – рано постигла тайны литературных скрытых смыслов и подводных течений. Он точно знала, что безымянный красноармеец, получивший от ее отца драгоценный крест в обмен на собственный – жалкий оловянный, просто обязан был (но никогда этого не сделал, гад!) в некий драматический момент появиться в жизни своего нечаянного побратима. На таком соблазнительном факте можно было бы построить совсем нехилый рассказ – если бы она, конечно, собиралась в писатели, а не в художники. Но еще по школьным сочинениям, особенно тем, на которые отводились два урока литературы подряд, она с сожалением постигла одно из своих не очень ценных качеств: раскатившись в первые двадцать минут жарким бегучим текстом, она уже к концу первого урока окончательно сдувалась, теряла интерес к написанному, еле-еле выдавливая из себя скучные серые фразы – и, несомненно, давно бы бросила сочинение, если б не требовалось присобачить к нему какой-нибудь скомканный конец. От проверки и правки уж и вовсе с души воротило – и хорошо еще, если ставили за все нетвердую четверку. Писатель же должен торчать за столом часами, а потом еще бесконечно редактировать написанное... бр-р... И как только папа долбил эти свои бесконечные монографии; по ней – так лучше романтические раскопки, с бумажками пусть возится какая-нибудь посредственность!

Изостудия при Дворце Пионеров, куда, поддавшись на бесконечные Никины упрашивания, все-таки отвела ее не одобрявшая внучкиной гуманитарности бабушка, тоже оказалась вовсе не местом бурного расцвета ее таланта. Вместо того чтобы, заглянув в победно распаханную перед ней папку с работами, побледнеть и ахнуть: «Какая мощная кисть! Какое цветовое чутье! Да эта девушка – (Нике тогда едва исполнилось одиннадцать, но слово «девочка» было давно и с позором изгнано из ее внутреннего и внешнего словаря) – мало того, что красавица – да еще и огромный талант!» - похожая на облезлую шимпанзе преподавательница вяло перебрала рисунки и промялила в сторону одобрительно кивавшей бабушки: «Не вижу никаких данных. Обычно даже у младших школьников перспектива интуитивно менее искажена и присутствуют начатки композиции. Здесь же полная сумятица – а ведь ребенок уже в

пятом классе». Слезы брызнули двумя толстыми горячими струями без всякой подготовки в виде предварительного накипания и пощипывания – и особенно болезненным, как незаслуженный удар линейкой по пальцам (практиковался математичкой на лентях), было отвратительное слово «ребенок». Она не ребенок! Она ослепительная красавица-художник с тяжелыми глубоко рыжими волосами, сливочной кожей без плебейских веснушек и ярко-зелеными лужайками глаз! Она – Ника, олицетворение победы! И не позволит всяким там... старым дурам... Но слезы неудержимо заливали ее, как недавно ржавая вода из прорвавшейся трубы – их замечательный, пахнущий свежим лаком паркет. Но бабушка никогда не могла выдержать внезапных внучкиных слез, особенно в последний год, после того, как похоронили ее молодую дочку, Никину несчастную маму. Поэтому, хоть и считала недопустимой блажью глупое помешательство на рисовании – вместо достойного хобби, со временем переросшего бы в уважаемую профессию – биолога, например, или медика – чем плохо для женщины! – бабушка, сама заморгав слезами, тихонько отвела Шимпанзе в сторону. Увлеченная рыданиями Ника не смогла оценить по достоинству отрывочно доносившееся до нее сдержанное бабушкино бормотание: «Как исключение... Ей самой через месяц надоест, она и бросит... Без матери уже год... Отец весь в науку ушел... Из-за внешности переживает очень – видите, какая она у нас страшенькая, прямо беда...». Опомнилась и проглотила последние сопли, только когда Шимпанзе (потом Ника всех студийцев научит этой кличке) подошла к ней и, собрав в смешную кучку все морщинки, что, должно быть, означало улыбку, почти ласково сказала: «Хорошо, Вероника, - девчонка хотела было сунуться с поправкой, но сразу почувствовала, что с этим следует обождать. – Мы тебя пока принимаем. Но, дружок... - в голосе почувствовалась смутная опасность. - Про кисть и гуашь придется забыть надолго. И приготовься – работать будешь много и скучно. С самой первой ступени. Карандашом и клячкой. Одно и то же. Изо дня в день». Ника снисходительно кивнула, за время рыданий успев придумать полностью удовлетворившее ее объяснение: эта макака просто поставлена здесь, чтобы не пропускать настоящие живые таланты; у нее полна студия бездарностей, таких же, как она сама – зачем ей кто-то по-настоящему одаренный, ведь на его фоне разом станет видна цена остальных; говорил же папа, уезжая последний раз в Крым искать золото скифов – запомни, мол, дочь: хочешь достичь чего-то большего, чем похвала за вкусный борщ – приготовься преодолевать препятствия с первого шага... Тут Ника сознательно недовспомнила окончание этой, несомненно, правильной заповеди, потому что заканчивалась она так: «...и не вздумай реветь – никогда, что бы ни случилось, слышишь? Плачет только слабак и неудачник, а такой всегда достоин презрения». Это

она один раз, это случайно вышло, от неожиданности... Чур, не считается...

Папа действительно не плакал на похоронах мамы, своей драгоценной второй жены Зиночки, которая была моложе его на тридцать лет. Ника тоже не плакала – хотя слетевшиеся на труп, как чайки на дохлую рыбу, посторонние тетки одна за другой хищно хватали вежливо отдирающуюся сиротку, и, даже вырывая ее друг у друга, прижимали к своим обширным неприятно пахнущим грудям: «Поплачь, маленькая, поплачь! Поплачь – легче будет!». И каждая мечтала, чтобы Ника – какая гадость! – расплакалась именно на ее груди. А не плакала десятилетняя девочка не потому, что ей не жалко было свою милую и хорошую маму, а потому что та носатая, желтушная, с ввалившимися щеками старушка в гробу – невесть зачем глухо повязанная незнакомым белым платком и с полоской непонятными буквами исписанной бумаги поперек голого лба – не имела никакого отношения к ее жизнерадостной тридцатипятилетней маме – круглолицей, румяной, белозубой, в крупных солнечных локонах Суламифи... И вообще казалось, что происходит странное недоразумение – во всяком случае, никто не заставит ее подойти вслед за отцом и поцеловать дурацкую бумажку на лбу у незнакомой покойницы. Поэтому, когда Нику стали подталкивать к гробу, она специально уперлась ногами, напрягла спину – и сразу была отпущена: «Не заставляй малышку – не видишь, она просто окаменела от горя!».

Папа потом говорил ночью на кухне выплаканной до дна бабушке, что поверил в смерть Зины только на похоронах, когда увидел ее мертвую, – а вот Ника именно на похоронах и разуверилась в смерти матери: как папа не заметил, что им подсунули какую-то чужую старуху вместо мамы! Потому несколько лет, до самой первой любви, когда не до того стало, Ника почти честно ждала дверного звонка. Она придумала за эти годы минимум две вполне правдоподобные версии маминого исчезновения и возвращения – ну, например, ее ни за что арестовали, продержали три года в тюрьме, разобрались и выпустили – она пришла усталая, надломленная, теперь родным предстоит ее выхаживать... Недаром же папа не плакал у гроба – все это был спектакль, затеянный специально для Ники, чтобы она не ляпнула про арест при ком не следует: думали, она маленькая и ничего не соображает, а у них в классе все давно знают, что уже десять лет как возвращаются домой несправедливо арестованные люди, и ничего в этом нет особенного... А может, болезнь, с которой маму тогда, перед праздником, увезли на «скорой», оказалась тяжелой и заразной, ее отправили на долгое мучительное лечение куда-то в далекий горный санаторий, не надеясь на выздоровление, оттого и обманули Нику, чтобы она напрасно не ждала и не терзалась – а мама взяла и поправилась, и вот, преодолев трудности и страдания, добралась домой... Были и другие истории, пусть не такие

достоверные, но тоже надежно занимавшие Нику долгие бессонные часы в постели, когда в темноте постепенно проступали нецветные очертания знакомых, но странно враждебных вещей, и квадратный железный будильник безжалостно отстукивал последние минуты ее так и не пришедшего сна...

Со временем она узнала, конечно, что ее мама Зина умерла от отека легких, до которого неосмотрительно довела себя сама, потому что успела хвататься где-то передовых идей того сорта, что любое лекарство – яд, а организм обязан сам победить недуги с помощью разве что вкусных травяных настоев и надежной народной медицины... Именно так (запаренным в термосе шиповником и контрабандно добытым барсучьим жиром) она и лечила полгода свой изнурительный, напавший еще ледяным летом на раскопках кашель, который то затихал ненадолго («Что я говорила – прошел без всяких таблеток!»), то вдруг начинал рваться из нее сериями грохочущих залпов, словно внутри у мамы сидела маленькая, безостановочно палившая пушка – и тогда она заваривала новый, чудодейственный сорт грудного сбора... «Скорую» пришлось вызывать в ранних сумерках тридцать первого декабря, в самый разгар предновогодней стряпни и уборки, когда Ника только что соорудила для елки красивую голову клоуна в звездастом колпаке – из сырого яйца, выпитого бабулей через маленькую дырочку, папа втащил в гостиную безжалостно избитый палкой на свежем снегу ковер, а бабушка гордо распрямилась на кухне с железным противнем в руках, на котором умудрилась на этот раз не подпалить последний хрупкий корж для «Наполеона»...

В больнице диагностировали двустороннюю крупозную пневмонию, запущенную и уже неизлечимую... Но даже и там капризуля-Зиночка, задыхаясь до синюшности за белой ширмой смертников сразу под двумя капельницами, булькающим сипом требовала у качающих головами врачей: «Только, пожалуйста, без антибиотиков... Они мне начисто погубят иммунитет...». И он у нее, наверное, действительно был очень сильным – иначе она умерла бы гораздо раньше. А так промучилась до самого Старого Нового года...

Официально считалось, что воспитанием сиротки Ники занимается бабушка – да и сама бабушка была в этом совершенно уверена и со всей ответственностью подходила к важному процессу. Идеальный образец воспитателя и конечный результат воспитания тоже никогда не исчезали из ее восторженной памяти, потому что боготворимая ею собственная мама расплатилась жизнью за попытку родить восьмого ребенка, и все выжившие старшие – числом три, все девочки – были переданы отцом, инженером Путиловского завода, в руки русской гувернантки Людмилы Ивановны. Он выбрал ее за целомудренную незараженность никакими вредоносными передовыми идеями вроде высшего женского образования или стриженных волос; первой своей задачей она видела

воспитать из девочек «настоящих барышень», с гладкими, склоненными над рукодельем головками, впоследствии призванных превратиться в благовоспитанных домашних «барынь», ежегодно откладывающих в расшитые шелком пеленки по розовой человеческой личинке.

В воспитании Ники бабушка решила только на одну навязанную временем поправку: она вынужденно согласилась с тем, что внучке следует не ждать жениха у окна за пяльцами, а все-таки выбрать какую-нибудь тихую интеллигентную специальность (почему-то все чаще грезился в этой связи интриговавший ее саму в юности микроскоп), а в остальное не сочла нужным вносить сомнительные коррективы. Так аж до тринадцати лет она провожала Нику в школу, изостудию и обратно, чтоб девочка случайно не столкнулась по дороге со знаменитыми «уличными мальчишками» – и даже в кошмаре не приходил к ней печальный факт, что внучкин класс примерно на треть как раз из них и состоял, и, более того, как раз им-то Ника и симпатизировала. Именно с ними, иногда прогуливая со второго по четвертый урок, она, не заходя в гардероб за своей ладной плюшевой шубкой, в чужом драном ватнике лазала по бетонным гаражам, откуда на спор соскакивала вниз – а навстречу ей выпрыгивали ржавые пружины утащенного с помойки матраца; с ними килограммами поедала посыпанный сахаром снег на заднем дворе и привязывала пустую консервную банку к хвосту шелудивой кошки – а потом, успев на пятый урок рисования, спускалась уже в пушистом красном капоре с бантом у подбородка в вестибюль к улыбающейся бабушке. В четырнадцать, причинив той острое горе («Что я упустила в твоём воспитании?!»), Ника навсегда рассталась с тугой рыжей косой – только на мытье, расчесывание и сушку которой уходила едва ли не четверть жизни – предпочтя ей пушистую сияющую копну, заставлявшую юношей оборачиваться на улице. Еще раньше выкинула длинные бязевые нижние рубахи с рукавами до кисти, глухие, как рыцарские доспехи, жесткие девичьи лифчики на многих пуговицах – и уж тем более без сожаления изгнала нелепый пояс с резинками для чулок, приноровившись попросту пришивать последние к плотным, коротко обрезанным штанишкам.

- Как ты не понимаешь, что это – не-при-лично! – всплескивала аккуратными руками увидевшая непатентованное пока изобретение бабушка.

- А какие, интересно, лица, будут заглядывать мне под юбку? – и Ника, смеясь, убегала.

Тот факт, что бабушка после этого весь день капала себе ландышевые капли, ее не беспокоил абсолютно: правда была на ее стороне и подтверждалась с каждым шагом – хотя бы только потому, что, шагая, не нужно было задумываться о каком-то предательски соскальзывающем чулке.

Долгое время бабушка с полным, как ей казалось, правом поздравляла себя с тем, что хотя бы в области чтения ее своевольный птенец, не упря-

мясь, доверчиво клюет с ее ладони золотые зерна детской классики минувших веков и современную героическую прозу для подростков – и ведь как трепетно обращается с книгой: обязательно обернет плотной бумагой, надпишет четкими буквами: «Сказки Андерсена», «Два капитана», «Витязь в тигровой шкуре»...

Быстрый и почти безболезненный инфаркт унес бабушку незадолго до внучкиных восемнадцати лет – а искренне горевавшей Нике не хотелось углубляться в однажды проскочившую на заднем плане красочной картины ее внутреннего мира идею: не слишком ли близко к трагическому дню (вроде, и недели не прошло) произошел их с бабушкой забавный разговор, после которого девушка, не обратив внимания на в очередной раз окаменевшее лицо бабули и очаровательно показав ей розовый кончик языка, умчалась, кружась, примерять новые узконосые «лодочки».

Она тогда дочитывала в гостиной под желтым торшером, уютно забравшись с ногами на папин любимый диван и обложившись еще мамой вышитыми подушечками, историю о вероломном Милом Друге – и книга, как, впрочем, и все, прочитанные ею в жизни, была надежно обернута и лживо (чтоб бабушка, прочитав название, не взволновалась) надписана: «Война и мир. 2 том».

Вошедшая с мороза бабушка была румяна и оживлена, и, взглянув на книгу, от которой внучка едва оторвалась, чтоб кивнуть ей, торжествующе воскликнула:

- Ну вот, я же говорила твоему отцу! Большие романы Толстого и Достоевского в девятом классе изучать рано! А вот после школы – другое дело: когда человек более зрелый сам берет их в руки – его не оторвать. Ты уже дошла до смерти князя Андрея? Это одна из самых великих страниц русской литературы... Дай-ка сюда...

Ника растерялась и не успела вовремя среагировать, потому что за все минувшие годы бабушка ни разу не вмешалась в таинство внучкиного чтения, инстинктивно боясь спугнуть зачитавшегося ребенка, ни разу не пришло ей в голову проверить – а над той ли книгой, которую она, священнодействуя, выдавала, напряженно склонена медноволосая головка. Книга беспрепятственно оказалась у бабушки в руках, она уже читала наугад выхваченные строки – и на лице проступала изумленная недоверчивость, заставившая ее несколько раз недоуменно глянуть на обертку – и обратно в текст.

- Ну, да, это Мопассан! – с вызовом сказала смущенная Ника. – Не вижу ничего ужасного. Мне через месяц восемнадцать, замуж могу идти! – и в самом деле, коварный писатель-растлитель никоим образом не мог навредить ей, уже знавшей к тому времени наизусть и Вольтера, и Прево, и «Декамерона».

- А все-таки это чтение не для девиц, и я ее у тебя забираю, – педагогически строгим тоном объявила бабушка, захлопывая книгу. – Если тебе оказалось нечего читать – следовало просто по-

дойти ко мне и попросить совета, а не самой доставать из шкафа книгу, которая всегда может оказаться неподходящей, из которой ты ровно ничего не поймешь. Что, как следовало ожидать, и получилось сейчас. В любом случае, не представляю, зачем было ее надписывать по-другому...

Она не представляла! И всерьез думала, что и правда может что-то у Ники взять и забрать! И если за минуту до этого Ника успела придумать оправдание – мол, оберточная бумага кончилась, и пришлось снять с только что дочитанного Толстого, чтобы не испачкать «Милого Друга» – то теперь, разозлившись не на шутку, выпалила:

- Ах, не представляешь – хорошо, я объясню! Я уже десять лет читаю книги только так – с тех пор как вообще читаю сама! Потому что та мать зеленая, которую ты мне подсовываешь, могла быть интересна разве что в прошлом веке! Я покорно брала у тебя книгу, прятала ее подальше и писала ее название на обертке той, которую сама доставала из ваших с папой шкафов! Я прекрасно знала, что такая простофиля, как ты, вовек не додумается меня проверить!

Бабушка внезапно побледнела так, что Ника даже немного испугалась.

- И... И что же ты в результате своей... лжи... прочла? – тихо спросила старушка.

Испуг внучки сменился гневом при слове «ложь»: кто кому лгал, интересно? Кто хотел оградить ее от настоящей жизни? Превратить в сюсюкающую дурочку? И поэтому она жестко и твердо ответила:

- Почти всё это. Практически всё, - и обведя рукой высокие книжные шкафы, битком забитые разноцветными, тонкими и толстыми отдельными томами и полными собраниями сочинений, с еще детской жестокостью и уже женским злорадством добавила: - А знаешь, какое мое любимое произведение? «Яма» Куприна!

Бабушка никогда не ругала Нику – просто не умела этого делать, покрывая любовью все ее подростковые шалости. Ушла, не сказав ни слова, и на этот раз. Недосуг тогда было рыжей девчонке, почему-то ближайšie несколько дней не видевшей бабушку дома (хотя завтрак, обед и ужин по-прежнему в привычное время сами возникали на столе), разбираться, почему та неоправданно долго «дуется» - и так и не пришлось с ней за эти дни помириться...

На совершеннолетие отец неожиданно преподнес ей, тогда уже первокурснице Мухинского училища, любопытную вещицу: бронзовый браслет с несомкнутыми концами, имевшими вид примитивных змеиных головок. Дочь, археолога, она сразу поняла, что это из северочерноморских раскопок, и даже на глаз определила возраст вещицы: она была ровесницей новой эры. Ника подняла на любимого, но вечно далекого папу вопросительный взгляд.

- Да, правильно, я украл его, - весело пояснил известный своей принципиальностью археолог

Журавлев, которому было тогда уже под восемьдесят. – Круглопроволочный женский браслет с ромбическим орнаментированием на концах в виде змеиных голов. Первый век нашей эры. Черноозерный могильник. Накануне того дня, когда мы откопали то женское захоронение – кстати, очень нас разочаровавшее всей этой бронзой, когда мы прекрасно знали, что там кругом лежит золото и даже рубины с Цейлона попадаются – я пешком ходил на далекий междугородный телефон – еле добрался. Твоя мама сказала мне, что ждет ребенка – врач подтвердил ей это, она смеялась и плакала в трубку. И тогда я просто взял – и спрятал один из браслетов. Да-да, спер, пока никто не видел. Мои аспиранты тем временем набожно извлекали все остальное. В Ленинграде я отчистил его и подарил Зине, но она надевала его очень редко и только дома, потому что в нашем кругу все сразу поняли бы, откуда такое украшение. А ты – ты не пошла по нашим стопам, и в твоих художественных кругах он как раз то что надо, все скажут: ах, как оригинально... Так что носи. Он напрямую связан с тобой...

Когда отец сам надел ей на запястье невзрачную медяшку, по спине Ники вдруг прошел смутный холодок восторга – она почувствовала, что кто-то словно протянул ей дружескую руку сквозь мутную толщу их общего тысячелетия – только из самого его начала – в самый конец... И с тех пор она редко снимала папин подарок, словно желая компенсировать те дни, когда он лежал, забытый, в одной из маминых хорошеньких лаковых шкапулочек.

На самом деле те самые «ее» художественные круги, которые походя упомянул отец, втянули Нику в себя еще пятнадцатилетней, благодаря подружке по студии, оторве-Катьке, находившей очень взрослым, необычным и престижным довольно опасное времяпрепровождение, которое она сама называла «шатание по богемным норам». Сама по себе детская художественная студия оказалась местом унылым: Ника и правда чуть не сбежала оттуда в самом начале, потому что хитрая Шимпанзе, решившая сразу же выдать из талантливого коллектива случайную девчонку, заклеившую как «бесперспективная», принялась мордовать ее карандашными натюрмортами, требуя рисовать один и тот же графин с притулившимся яблоком – то в разных ракурсах относительно линии горизонта, то при различных видах освещения. Но, как только ученица окончательно разделялась с этой осточертевшей парочкой, перед ней тотчас насмешливо выставляли другую – гнусный подгнивший апельсин при ноге высокого металлического кубка – и все начиналось сначала. Ника не бросила это безумное занятие только потому, что папа и бабушка никакого серьезного значения ее рисованию не придавали, относясь к нему как к мимолетной детской забаве, и, когда за вечерним чаем заходил вдруг у взрослых разговор о достойном будущем для ненаглядной «малышки», они

рассуждали о нем так, будто планировали жизнь кого-то недееспособного.

- Будут хорошие отметки по естествознанию – отдадим на биофак, - невозмутимо говорила бабушка, отпивая из чашки.

- Нет, лучше на детского доктора выучим: для женщины возиться с детьми правильней, чем с микробами, - отзывался отец из-за газеты.

«Ах, «отдадите»?! «Выучите»?! А меня даже спрашивать не собираетесь?! – сжимала в детской кулачки двенадцатилетняя «красавица-художник». – Так я вам покажу, как мной распоряжаться! Сама решу, кем быть, а изостудию назло вам не брошу!»

Даже опытная Шимпанзе, поразившись упорству похожей на недотопленного рыжего котенка малявки, с которым та остервенело выполняла ее издевательские задания, понемногу смягчилась и чуть ли не тайно заужала Нику, перестала демонстративно игнорировать ее на фоне других, принялась серьезно учить управляться с кистью, начала, кипя противоречивыми сомнениями, вглядываться в «свободные» работы девочки – и даже иногда чувствовала в них смутный скрытый смысл. Она решила понаблюдать немного и, по возможности, разгадать этот странный феномен: некрасивую девочку, почти начисто лишённую традиционных художественных способностей, от картин которой, тем не менее, хотелось то зажмуриться, то застонать, то запеть... И жизнь в студии постепенно начала превращаться пусть не в интересную, но в сносную, Ника приобрела некоторое равноправие с признанными «молодыми дарованиями», ее все реже называли за глаза «чумичкой», а прилежно рисовавшая в свободное время свои фирменные «дышащие» розы первая ученица Катя даже стала вызывать ей едва приметное расположение.

Ничего бы, может, и не случилось в ее жизни, если б не очередное ноябрьское наводнение... Они пришли в изостудию – и увидели на запертой двери кривую бумажку, сообщавшую об отмене очередного занятия: многоболезненная Шимпанзе снова взяла бюллетень. Предстояло идти в мокрой темноте по Фонтанке в сторону озверевшей Невы, нагнув голову навстречу яростному ветру и придерживая одной немеющей рукой норовящий улететь берет, а другой – отчаянно парусящую колленкоровую папку, и жалеть, что нет третьей – для укрощения колотящегося этюдника. А дома бабушка засуетится над ней с ватрушками и учебником по биологии, и невыносимая тоска приступит перед сном при мысли о завтрашнем школьном дне – таком же беспросветном, как предыдущий... По соседству с ней перед высоким зеркалом дворцового гардероба Катя надевала нарядную, неудобно необычную шапочку, не выходя при этом ничуть огорченной. Она вообще всегда держалась задорно, будто жизнь ее была сплошными каникулами.

- Вот это я называю удача, - поймав Никин взгляд в зеркале, улыбнулась она. – Целых три

часа – гуляй не хочу, а мать будет думать, что я в студии.

- Где ж гулять в такую погоду? – искренне удивилась Ника. – Разве в кино сходить? Да я читала программку – тут на Невском везде одна скукота идет.

- Что я, дура – на кино время терять и деньги тратить? – пожала плечом Катя, выправляя из-под своей шапочки продуманно-игривый локон. – Я в гости пойду.

- К однокласснице какой-нибудь? – со скрытой завистью вздохнула Ника.

Сама-то она, продружив до тринадцати лет с малой компанией классных хулиганов, была неожиданно ими отвергнута, когда те спохватились, что на равных общаются с презренной девчонкой, а это им вроде как уже и не по чину. Девичья же половина класса вполне справедливо считала ее «задавакой» и, выброшенную из соблазнительного мальчишечьего сообщества, в свое собственное, пока еще ленточно-платьевое, принимать не торопилась.

- Да к какой однокласснице? Не к соплюхе же зеленой идти! – сморщила тоненький носик с легкой горбинкой Катя. – У меня есть настоящие друзья, художники и поэты, а не этот детский сад... - она испытующе помолчала. – Хочешь – пойдем со мной? С такими людьми тебя познакомлю!

- Да! – с излишней горячностью отозвалась Ника и сразу с достоинством снизила градус: - Все равно погода плохая...

- Только... Это... - новая подружка заговорщицки взяла ее под локоток. – Тебе сколько лет?

- Пятнадцать, - прибавила себе три месяца Ника.

- Слушай, ты там, если что, скажи, что семнадцать, ладно? Одета ты по-взрослому, у меня помада есть – губы подкрасишь. Я тоже соврала, что школу заканчиваю и скоро совершеннолетней буду. А то они с малолетками серьезно разговаривать не станут...

Ника с готовностью согласилась – еще бы, такое приключение! – и девчонки, не замечая свирепствующего ветра и легко управляясь с папками и этюдниками, весело поскакали, подгоняемые ветром, к Казанскому собору, за мощной спиной которого располагалось троллейбусное кольцо.

- Его зовут Олег Мендель, - стала тихо рассказывать Катя, когда девчонки, честно оторвав по билету, уселись на мягкий коричневый диванчик. – Он – художник, из левых. Ну, из тех, чью выставку года три-четыре назад в Москве КГБ за два часа закрыл... Слышала? Не-ет? Да это же целая драма была! Ладно, потом... Ну, короче, он рисует не так, как официально разрешается, и в Союз его не принимают, и на выставки, само собой, не берут... Вроде тебя такой... Нестандартный... Шимпанзе бы его на смех подняла, мазилой бы обзывать стала. А он – гений... Да – гений, сама увидишь... И живет он не в квартире какой-нибудь, а... В общем, не пугайся, но в полуподвале... Чтoб в тунейдцы

не попасть, он устроился художником при каком-то ЖЭКе идиотском – ну, малюет им там объявления и Красные уголки всякие оформляет... Ему выделили помещение – вроде как под мастерскую – вот там-то настоящая жизнь и идет... Увидишь – ахнешь! А люди! Знаешь, к нему все время приходят люди – спорим, что ты со своим папашей-археологом и дореволюционной бабушкой таких и во сне не видела! Художники, конечно, в основном – а еще поэты, артисты... И девушки такие... Необычные... Одеваются... Я так не могу, например, – меня бы мать на месте прибила...

– Богатые очень, наверное? С рук покупают? – проявила взрослые познания Ника.

Катя рассмеялась:

– Что ты! Это у них считается «мови тон» – за импортными шмотками гоняться. Но они... Я даже не знаю, как объяснить... Многие сами шьют, конечно – чтоб ни на кого не похоже, но чаще просто носят самые обычные вещи – как-нибудь неправильно, но оригинально... Рядовые люди сказали бы, что они с приветом... Ну, вот например, прихожу я к нему прошлый раз – а у него там девушка сидит в длинной черной юбке до самых пяток и вроде как в цветастом пиджаке – здорово, просто жуть, особенно с этими ее ожерельями из разноцветной кожи... Потом я пригляделась – а это просто старый байковый халат обрезан, и другие пуговицы к нему пришиты – с пол-ладони размером...

– Олег Попов бы от зависти лопнул, – язвительно вставила Ника.

– Вот и ты туда же! – обиделась Катя, будто ее лично оскорбили. – Не знаешь, так не говори... Сейчас придем – и сама увидишь...

Они вылезли из троллейбуса напротив Фрунзенского универмага – Ника вспомнила, как они с бабушкой ездили сюда прошлой зимой за фигурными коньками – и Катя уверенно свернула с Московского проспекта в узкий темный переулок, кончавшийся и вовсе не освещенным тупиком. Но именно там, немножко слева, оказалась узкая арка, ведущая в глухой двор, а во дворе, в полуподвале совершенно безжизненного на вид дома, празднично сиял ряд разноцветных, словно уже новогодних окон, в одно из которых Никина подружка небрежно постучала носком перламутрового ботика своей мамы. В ответ открылось вовсе не окно, а незаметная дверь в торце, и, подталкиваемая уверенной Катей, Ника стеснительно вступила в свое будущее.

Там волнующе пахло сигаретным дымом – курил и ее папа, но его простые мужские папиросы не источали такого волнующего аромата, а здесь сразу упоительно закружилась голова. Все стены низкого помещения увешаны были невероятными, никогда не виданными картинами без рам, изображавшими крылатых женщин, марсианские кратеры и атомные катастрофы, странными масками не то людей, не то животных, а с потолка свисал потрясающей красоты китайский фонарь.

– Он не китаец, и потому делает китайские фонарики, – загадочно сообщила Катя. – Знакомься, Олег: это Катя, она со мной в одной студии, мы вместе будем поступать в Муху. Катя, это Олег, замечательный художник, о котором я тебе говорила...

И в круг света вступило действительно необычное существо – тщедушный молодой мужчина низенького росточка, имевший волосы такого же цвета, как и у Ники, только не пушистые, а закрученные в мелкие локоны. Борода точно такого же качества достигала хилой груди, огромные бледно-голубые глаза навывкате смотрели с очевидной усталостью. Тихо улыбаясь, он шагнул вперед и как ни в чем не бывало дружески поцеловал по очереди Катю и Нику. Катя кокетливо вернула ему поцелуй, а Ника замерла от неожиданности: как же так – они ведь совсем незнакомы! Но это было только начало: в комнате, куда все они сразу же после этого вошли, оказалось еще человек пять молодых длинноволосых людей в рубахах навыпуск – и все они, как по команде вскочив при виде вошедших девушек, немедленно принялись обнимать и целовать их в обе щеки – и только потом назвали свои имена. Особенно симпатичным показался невысокий шатен по имени Алик, с мягкими волосами и затененным загнутыми девичьими ресницами взглядом. Он сразу как бы присвоил Нику себе, и, будто они были знакомы с детства, приобняв за талию, повел к низенькому столу, где был нарезан батон с толстыми кусками сыра, и стояли расписные глиняные кружки. Юноша поднял с полу уже наполовину пустую пятилитровую бутылку с чем-то бордовым – и деловито налил этой жидкости в Никину кружку до самых краев. «Боже мой, это ведь вино! – мысленно ахнула Ника, которой только последнее время папа стал за праздничным столом перед первым тостом капать чуть-чуть шампанского – на самое дно бокала. – Они хотят нас сначала напоить, а потом...». Она толкнула коленом под столом Катю, уверенно закурившую странную длинную сигарету, и кинула на нее исполненный выразительного ужаса взгляд. Лицо подруги вдруг стало злобным и противным: «Слушай, ты либо веди себя по-взрослому, либо иди к своей бабусечке кашку кушать и не позорь меня перед людьми! – почти беззвучно прошипела она, сделав «страшные глаза». – Никто тебя напиваться не заставляет. Здесь все люди – абсолютно приличные, а не гопота какая-нибудь. Это – интеллигенция – настоящая, а не «трудовая советская»... И ничего тебе здесь не грозит, если конечно, сама себя не уронишь...». С другой стороны светло-ореховые, как у кошачьего хищника, чуть раскосые глаза Алика со сдержанным восхищением смотрели на нее из-за приподнятой кружки – и, храбро с ним чокнувшись, она пригубила свою. Вино отдавало черной смородиной и показалось чрезвычайно вкусным и безопасным – как сок; Ника с удовольствием допила до дна, не почувствовав ничего подозрительного.

- Домашнее, - гордо пояснил Алик. – Бабушка моя на даче делает – вкусно, да?

- Ой, Олег! – спохватилась вдруг Катя. – Я же тебе подарок принесла! Давно уже в папке таскаю, все времени не было заскочить.

Она выхватила старую, на 33 оборота, пластинку в пожелтевшем от времени конверте. Мендель глянул и всплеснул руками:

- «Рио-Рита»! Нет, это надо сразу же слушать!

Только тут Ника углядела в углу толстым змеем свернувшуюся медную трубу настоящего старинного патефона – как выяснилось, вполне рабочего; хозяин «богемной норы» уже накручивал ему ручку – и забавная, прыгающая музыка действительно грянула!

- Катенька, ты – прелесть! – Олег благодарно подхватил ее, и они закружились в центре комнаты в милом и грациозном танце.

Алик ловко вытащил Нику из-за стола, по-мальчишески показав язык нерасторопным товарищам – и вторая пара завертелась рядом с первой. Все было так ново, непостижимо и так отличалось – так не было похоже на ту скучную, правильную и размеренную жизнь, которую она до тех пор вела, что и любимый родительский дом, и ненавистная школа как-то разом встали в один, мгновенно и навсегда отвергнутый ею ряд... Потанцевав, говорили – в том числе и опасно-сладкие вещи о том, как притесняют людей искусства, как удается иногда выставиться в захудалом ДК у недогадливого директора – на один день, потому что на следующий выставку уже громят, но и это победа! О тайных каналах переправки работ на Запад – и тут же было рассказано на эту тему несколько убийственно смешных историй – и прочтено одно грустно-обличительное стихотворение. На куске коробочного картона Алик уже набрасывал пастелью Никин портрет, который, пожалуй, был бы разодран на куски в припадке гнева уже не раз за вечер высмеянным «мастером» – закосневшей в соцреализме Шимпанзе, а Нику привел в такой не испытанный прежде восторг, что защемило сердце... После третьей кружки вина она осмелела настолько, что попросила у местного мэтра Менделя разрешения показать ему некоторые свои картины, и на его дружелюбное «Валяй!» немедленно притащила из прихожей папку с акварелями.

Работы смотрели серьезно – как у равной, иногда задавая конкретные, очень точные вопросы и внимательно слушая ее сбивчивые объяснения.

- Да чего тут обсуждать! – вставая, вдруг хлопнул себя по коленям Алик. – Это же кисть титана – и ежу понятно. Дай угадаю – ты считаешь себя ученицей Сикейроса, верно? Или нет – Ороско! Точно! – и на ее озадаченный взгляд: - Ты чего – правда, не знаешь Ороско? Ну, мексиканца-монументалиста? У которого сейчас выставка в Эрмитаже? Выходит, ты на этот стиль независимо вышла? Вот так вот взяла и вышла? Сама? Ну, тогда я даже не знаю, что и сказать...

За столом, где бутерброды с сыром на булке уже сменились на «Докторскую» на хлебе (кто-то ушел-пришел-принес), разом стало тихо – и все дружно посмотрели на очаровательно покрасневшую в полутьме Нику.

- Значит так, - определил Алик. – Завтра прогуливай к чертям свою школу – ты ведь в десятом, да? – тогда нестрашно – и я веду тебя в Эрмитаж, пока Ороско не увезли. Увидишь сама и заодно себе цену узнаешь, а то таких, как ты, в этих ваших пионерских худшколах обычно заклеивают... Тебя ведь клюют? Ну, и меня тоже – а теперь, в Репе, еще больше, чем раньше... И бросил бы давно – да ведь у нас известно: без бумажки ты... хм... букашка.

- Ну, вот видишь, - толкнула ее локтем Катя, когда Алик выскочил помогать хозяину в крошечную кухню, располагавшуюся в закутке рядом с миниатюрной, но украшенной, наверное, лучше, чем у маркизы де Помпадур, уборной. – Еще и пользу себе здесь найдешь, не только настоящих друзей и поклонников.

Ника отправилась подивиться лишний раз на невиданный туалет и, оглядывая вручную расписанные маслом сверху донизу стены, – изображались забавные приключения в городских трущобах изысканно-тощего, рыжего, очень похожего на Менделя кота – случайно услышала обрывок не очень понятного разговора на кухоньке. Голоса у обоих молодых людей были похожи, поэтому различить, кто что говорит, не удавалось.

- ...смазливенькие, а? И где ты их только берешь...

- Сами летят, я не напрягаюсь... Кстати, насчет этой... новой... ты сбавь пока обороты: она, может, из наших... И волосы эти... И зовут Никой. У гоев тоже, конечно, бывает, но все-таки...

- Зуб даю, что нет, но разведаю... А то действительно, налетит какая-нибудь мама Роза – петлю на шею, и в ЗАГС...

Скрипнула дверь, зазвенела посуда, и Ника осталась с кудрявым котом наедине в полном недоумении: обидно или нет то, что она слышала? Нет, наверное: это, скорее всего, тоже была какая-то элегантная богемная шутка, до понимания которой она еще просто не доросла...

Алик был по-прежнему обаятельно-настойчив:

- Ника, Ника, крылатая Ника, - дурашливо приставал он. – А как твоя фамилия? Журавлева? Очень романтично, но это ведь папина фамилия? А мамину знаешь? Необычная, наверно, какая-нибудь? Э-э... Нездешняя... Рыжее солнце на голове – это ведь у тебя от мамы? Ой, прости, я не знал... Милая, какой же я неуклюжий дурак... Нет, я имею в виду ее девичью фамилию... Петрова? – и он торжествующе обернулся к Олегу Менделю: - Вот видишь! Мой зуб останется при мне!

Прогуливать школу для Ники было делом привычным еще с глубокого детства: всякий раз

она ухитрялась пройти по лезвию бритвы так, что смогла сохранить за собой репутацию хорошей, но несколько шаловливой девочки. Ее бывшие со товарищи по хулиганству, со свойственной мужчинам до старости удалю, закусывали удила и не думали о последствиях – в то время как Ника подготавливала свои безобразия тщательно и бесстрастно, всегда заранее обзаведясь правдоподобной легендой и, в целом, не нагля до бессмысленности. Она знала, какие уроки можно прогулять безнаказанно, а какие – себе дорожке станет, блюла довольно строгие правила непослушания – и потому осталась до конца школы не запятнанной ничем бóльшим, чем случайное детское озорство. Зато теперь ей можно было, пожалуй, целиком прогулять хоть целую неделю, впоследствии «забыв» принести справку от врача – ведь Ника никогда раньше не пользовалась этой возможностью понапрасну.

Благодаря все более настойчивому Алику, в том крутом и снежном, как бывает январь, ноябре Никина судьба в один день словно сошла с рельсов, как ни в чем не повинный пассажирский поезд, увлекающий в бездонную бездну под пологим травянистым откосом сотни беспечных пассажиров, некоторые из которых не успели даже проснуться... В ту бездну разом полетели не сотни, а тысячи предполагавшихся бабушкой и папой для Ники мирных и светлых дней, которые должны были составить ее ясную, достойную и простую жизнь: хороший, тщательно выбранный взрослыми институт, свадьба с приличным молодым человеком - сыном проверенных друзей семьи - после пятого курса, спокойная несложная работа, здоровые послушные погодки мальчик и девочка, воскресные семейные походы в театр и совместные респектабельные отпуска у теплого моря... Вспоминая те, словно Алисой в Зазеркалье проведенные полторы недели, Ника потом ни разу не усомнилась в том, что в этого нежного и странно-го еврейского юношу она вовсе не была влюблена. Но с первого взгляда и навеки полюбила тот загадочный, как подводное царство, мир, в который случайно заглянула, будто попала на минутку в темный зрительный зал, где давно уже без нее показывали пленительную картину на незнакомом языке – и была грубо вытолкнута наманикюренной билетершей за то, что не имела голубенького билета. Не в Алика она влюбилась – в Ороско, потрясшего парадоксальной близостью видения и похожестью приемов, хотя что общего могло быть между ними – маститым художником из Южного полушария и растрепанной ленинградской школьницей? В китайский фонарик и смородиновое вино, в рыжую бороду безотносительно ее хозяйина, в грациозно изогнутую медную шею патефона, в сколь простых, столь же непостижимых людей, посещавших полуподвал Менделя – не то мираж, не то оазис среди очередной беспробудной питерской зимы...

Но однажды в субботу утром, когда Ника

снова добросовестно прогуляла школу, Алик не появился в одиннадцать часов утра в Румянцевском садике – обычной отправной точке их бесконечных удивительных странствий по родному и знакомому, но, как выяснилось, совершенно неизвестному городу. Оказалось, что и на Ленинград можно смотреть с разных ракурсов и при другом – нездешнем – освещении: из-за витринного стекла, например, странной забегаловки со стоячими столиками, где варили кофе такой густой и крепкий, что звенело в голове; или с круглой башенки на проспекте Майорова, откуда открывался вид на старые питерские крыши, на одной из которых, по легенде, был тайный лаз в замурованную во время революции квартиру-призрак, не имевшую входа из подъезда – но Алик положительно обещал ей, что они непременно вскорости ее найдут – и уж тогда Ника точно будет обязана ему поцелуем! Но напрасно она пропрыгала вокруг памятника на ветру и холоде около получаса – так что уши, а также непонятные органы, обозначаемые бабушкой как «желёзки», нестерпимо, до слез, заломило. Напрасно потом еще около часа в черном отчаянье металась по высоким, отталкивающе чужим коридорам и лестницам института Репина в надежде случайно увидеть Алика – но спросить о нем не могла: она ведь не знала даже фамилии своего пропавшего кавалера! И, собственно, даже полного имени: Альберт? Александр? А может – Алексей? Телефона у него, как он стеснительно признался, не было – следовательно, надеяться теперь можно было только на Менделя. И в третьем часу дня – чуть не до звона промерзшая от долгой тряски в нетопленном троллейбусе, жалко втягивая голову в воротник легкого плащика (специально носила его теперь, считая вполне «взрослым» в отличие от теплого, но очень девчоночьего пальто с помпончиками), она отчаянно колотила в наглухо закрытое шторой окно полуподвала.

Ника уже думала уходить, унося с собой целое озеро непролитых слез, когда дверь все-таки открылась. Сразу юркнув в знакомую прихожую, она увидела, что Олег Мендель, нечесаный и опухший, стоит перед ней, завернувшись в куцое верблюжье одеяло, под которым, совершенно ясно, было только голое тело. Невозможно худые, покрытые свалывшейся рыжей шерстью ноги зябко переступали по заляпанному краской полу. Ника рванулась было вперед, в знакомую комнату, но он успел протянуть руку ей поперек пути и раздраженно буркнул:

- Туда нельзя. Там спят.

- Кто там, Олег? – раздался сонный женский голос, и Ника съежилась: все-таки, значит, происходило здесь и «это» – напрасно Катька твердила ей о чисто товарищеских отношениях всех гостей интеллектуального приюта...

- На минутку зашли. Спи, - отозвался он и решительно оборотился к девочке: - Вот что. Иди-ка ты домой, и вообще... Нечего тебе больше сюда таскаться.

Ника отшатнулась, будто он с размаху ударил ее кулаком в лицо: ведь не далее как вчера – ну, хорошо, позавчера! – они с Катей сидели тут часа три вместо студии, и Мендель лично показал ей три аккорда на гитаре, сказав, что в следующий раз они будут разучивать песню на его стихи, и говорил с ней пусть как с младшей по летам, но равной по достоинству!

- Почему... Что я такого сделала... - выдохнула она, преодолев жесткий сердечный спазм.

- Ничего, - ровно ответил он. – Просто я не хочу, чтобы меня в очередной раз выперли на улицу или вообще обвинили черт знает в чем и упрятали куда подальше... Всё, извини. Ты меня разбудила.

Он двинулся к входной двери с явным намерением открыть ее и попросту выставить Нику за дверь без всяких объяснений – и теперь уже она бросилась ему наперерез с обиженным детским криком:

- Ну, скажи мне, что случилось?! В чем я виновата?!!

- Ладно, - скрипнув зубами, ответил он. – Иначе ведь от тебя не отвяжешься. Короче, подружка твоя, которую ты привела...

- Это не я ее привела, а она меня, - тихо поправила Ника.

Он отмахнулся, сморщившись:

- Откуда я помню, кто кого приводит... И какая разница... В общем, она сдуру похвасталась перед старшей сестрой, что ходит сюда. Думала поразить ее оригинальным знакомством, что ли... Та взяла – и рассказала родителям. А папаша-то оказался райсоветовским работником! И вчера утром – а я ни ухом, ни рылом – ко мне вдруг заявляется целая делегация: а расскажите-ка, товарищ Мендель, как вы тут занимаетесь притоносодержанием и растлением малолетних... Слава Богу, что никакого застолья в тот момент у меня не было – иначе бы сразу крышка, но я как раз плакат «Партия – наш рулевой!» на том столе мазал. Не понимаю, говорю, о чем речь – вот, мол, работаю согласно должностной инструкции... А они мне: тринадцатилетних девочек вы тоже согласно должностной инструкции развращаете и спаиваете? Не знаю, отвечаю, ко мне только взрослые коллеги-художники заходят иногда за советом по работе. А сам дрожу – только бы какая из вас прямо сейчас не приперлась! Я, конечно, понимал, что вам не по восемнадцать – думал, ну, может, около шестнадцати, всегда можно списать на то, что не знал – не проверять же паспорт! Но тринадцать – это уж извините! Тут и лесоповал, пожалуй, в полную мощь светит, если Алька тебя, например, завтра возьмет да обрухатит! Потому что когда пятый пункт не только в паспорте, но и на морде, да еще и КГБ за тобой пристально приглядывает... Словом, звоню Алику и говорю – завязывай давай по-быстрому с этой твоей...

- Как позвонил?! У него же телефона нет! – вскричала, обливаясь слезами, Ника. – И нам не

тринадцать – врут они все! Пятнадцать! Почти...

- Отец у Алика – известный зубной врач-протезист. Можно сказать, в прямом смысле на куче золота сидит. Так что как ты сама думаешь – есть у них телефон или нет? Это во-первых. Во-вторых, тринадцать или пятнадцать – это все равно малолетняя. Исполнится восемнадцать – милости прошу. А сейчас – всё, поняла? – и резко, четко закончил: - За-будь сю-да до-ро-гу. Ясно говорю? Еще раз притащишься – такого «пенделя от Менделя» получишь, что враз на крыше Дворца Пионеров окажешься!

Когда ей исполнилось восемнадцать, на руке появился тысячелетний браслет, а в сумочке – студенческий билет Мухи, она туда не вернулась. Хотя подошла, постояла в переулке. Опять, как и три года назад, пугал потусторонним воем колючий питерский ветер – но под арку Ника не свернула. Улыбаясь, медленно пошла назад, к Московскому, благодарно шепча про себя: спасибо, что встретила; спасибо, что выгнал; зато теперь я – это я.

Глава 3

А у других жизнь тоже складывалась неплохо...

Нет, конечно, отдельную палату надо было сразу брать... Хотя кто же знал – да и как ее возьмешь – ночью? А завтра уже и смысла не имеет: утром ей врач на обходе живот потрогает – и сразу выпишут, никто тут здорового человека на койке держать не станет. А может, нужно было сразу с Ленчиком домой на такси ехать, как только сказали, что ничего страшного – сейчас бы лежала себе в своей кровати, читала роман... Но нет, испугалась: конечно, такие вдруг боли на ровном месте! Ленчик Ванечке сразу позвонил, а он, глупенький: раз справа, значит, аппендицит, вызывайте «скорую»! Ксения запаниковала, послушалась – а всего и оказалось-то – спазм толстой кишки, один укол но-шпы сделали – и как рукой... И вот лежи теперь в общей палате с пятью чужими бабами – быдло, конечно, какое-нибудь, приличный человек в такое место не попадет... Одна храпит, как ломовой конь, другая беспрерывно стонет – уколов им тут, что ли, не делают? Соседка ворочается, будто заведенная... А вонь какая – дышать только сквозь одеяло можно, и то вполсилы! Конечно: у кого-то под кроватью стоит себе открытое судно – а санитарку, пожалуй, не дозовешься, так что только утром вынесут – ужас какой! Отвернуться и заставить себя заснуть, чтоб не видеть и не слышать всего этого... Ага, как же, заснуть! Дверь в коридор – стеклянная, там свет, естественно, даже не притушили, и прямо напротив эта долговязая сестра на посту с больным из мужской палаты уже час, наверно, любезничает: он ей – бу-бу-бу, она в ответ – хи-хи-хи... Усни тут, попробуй...

Ксения все-таки улеглась кое-как на бок, натянула на голову худое больничное одеяло и закрыла

глаза – но теперь одолели мысли. Счастье все же, что ей от предков досталось такое несокрушимое здоровье – и то сказать, никто из них моложе девяноста не умирал, даже Микоянами дразнили: мол, от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича (ну, братика ее, и до тридцати не дотянувшего, можно не считать – тут совсем другая история). Поэтому, что такое бесплатная советская, а потом и российская больница, она слышала только от других, натерпевшихся и выживших. Вот хотя бы их факультет взять – были ведь и такие, что во цвете лет из больницы не возвращались: залечили до смерти... Но ее это, слава Богу, не касается – она попала сюда случайно, и ей только семьдесят (никто не верит, кстати: Ксения настолько хороша и моложава, что люди удивляются, узнав, что она на пенсии: поджарая, ухоженная, две пластики сделала – век и подбородка – ну, пятьдесят три на вид от силы)... А если здоровье есть – отчего бы и до ста не пожить? В этом году вся страна бурно отпраздновала ее юбилей – это, конечно, шутили у них в семье так: но ведь действительно – родилась 9 мая 1945 года, следовательно – Дитя Победы не за уши притянутое, а самое настоящее... Да и жизнь, в целом, шла победительно...

Жизнь? У кого как, а у Ксении их было две! Первая закончилась в тот день, когда пришла к ней – поздновато, правда, но и на том спасибо – единственная любовь, ради которой она без колебаний всем пожертвовала... А все-таки любопытно: правда ли, что человек воплощается на земле много раз, и в каждой следующей жизни искупает грехи предыдущей? Если так – то хреновая же ей предстоит будущая жизнь... Ничего, то когда еще будет – да и не с ней вовсе, а с кем-то другим, неведомым, который и родится-то, может, через пятьсот лет – чего об этом сейчас-то думать? Хотя так, конечно, лучше, чем сразу навсегда в ад, как учит христианство... Ну, это нет – сто раз ведь уже доказано: что угодно, только не христианство с его вечными муками, потому что глупо было бы – миллиарды лет жариться на сковородке за какой-то секундный порыв, за который не очень-то и отвечал в тот момент, если честно... А еще лучше – чтоб вообще ничего после смерти не было; в конце концов, мы все ведь умираем каждый день часов на восемь – и ничего. И, если там и правда ничего нет – ты об этом просто не узнаешь... Хотя, конечно, похоже, что есть все-таки: все эти воспоминания о прошлых жизнях – у кого под гипнозом, а у кого и просто так... Нет, с ней, такого не бывало – не хватает еще! У нее, правда, есть другие воспоминания – тоже как сквозь пелену, будто не о своем... Ведь был у Ксении первый муж, инженер... И старший сын – Денис, они даже по скайпу иногда разговаривают, и Ксении странно слышать из уст этого седоусого, почти пятидесятилетнего моремана слово «мама» - она едва ли не морщится... А ведь она его до четырнадцати лет сама воспитывала, уроки с ним делала, а до того – в детский садик водила, буквы на вывесках

показывала, а уж если болел! Сколько ночей не отходила от него, когда в жару лежал – казалось, случись с ним что – и... А вот надо же – как ластиком. Умом помнит – будто фильм, неинтересный и старый, смотрит – а из сердца совсем ушло... Действительно на прошлую жизнь похоже... Когда родители развелись, Денис заканчивал восьмой класс и принципиально остался с отцом – как же, брошенный, преданный, несчастный папочка! А тот и рад стараться: вмиг настроил ребенка против преступной матери (не без помощи свекрови, конечно – ну, да та с первого дня на нее волком смотрела) – а сам-то что дал ей, чем осчастливил? После восьмого сын немедленно поступил в Нахимовское и только по воскресеньям дома бывал – чаще у отца, но и к ней заглядывал... Потом вырос – сразу училище Фрунзе (ей не до него тогда стало, что греха таить: у них с Леной как раз Ванечка родился) – да и во Владивосток служить отправили. С флота, правда, не ушел в перестройку, гнилым не оказался, как некоторые, все бури перенес – да только в Ленинград так и не вернулся уже... Чужой стал... Отрезанный ломоть – но и не пропал ведь! – а у нее зато Ванечка есть... Профессию, себе выбрал настоящую, современную и, главное, мужскую, с высоким доходом – матери нет-нет, а подбросит денжат или приятный дорогой подарок: «Тебе, мам, какие духи больше нравятся – от Шанель или от Диора?» - и сразу огромную бутылку тащит, не мелочится... Занимается компьютерными программами, сам их изобретает, делает сайты большим фирмам – такие умельцы сейчас нарасхват; семью создавать, правда, не спешит – так ведь это, может, и неплохо: лучше уж поздно жениться – да один раз. Ей тогда и к внукам можно будет привязываться без боязни, не страшиться, что завтра молодые разведутся, «бывшая» через год приведет детям другого папу с новой бабушкой в нагрузку – и до свидания...

Ксения почувствовала, что ее бедро и подвернутая рука затекают от долгого лежания на боку, и вынужденно перевернулась на спину, заботливо расправив простыню по нижней половине лица, потому что к атмосфере общей хирургической палаты принюхаться так и не удалось. Не мочой пахло, не лекарствами – страданием, вот чем. А к этому привыкать она не собиралась – хватит уже, отмучилась свое той далекой ночью в деревне Двуполье, когда вот так же лежала в полутьме на спине (только Ленчик рядом безмятежно посапывал, а не эти чужие тетки), мучительно вслушивалась в зловещие звуки и гадала: снаружи дома? Внутри? Внизу?! И сердце обрывалось и останавливалось, когда чудилось, что Рыжая там... Стоп, стоп, стоп! Сколько лет уже прошло – а все нет-нет, да и сворачивают на это мысли! Но ведь кончилось же – хорошо! И, в конце концов, если бы она тогда допустила слабость, растерялась – не было бы на свете Ванечки. Вот за что надо всегда хвататься, когда приходят такие воспоминания: она бы точно не решилась одна родить ребенка, опять бы взяла

у Лени четвертной и побежала к Жанке в абортарий. Хорошо, что хоть Жанка, бывшая соседка, там работала медсестрой – других-то женщин, она сама видела, без всяких там уколов скоблили по две-три одновременно, потом пинком в коридор – и иди себе по стеночке... А ее, спящую, на каталке вывозили и клали на кушетку в бельевой, пока очухивалась. Просыпалась бодрая, с Жанкой в сестринской пили кофе – и, как у той рабочий день заканчивался, вместе ехали домой в автобусе и по дороге травили анекдоты про мужиков... Вот и Ваню пришлось бы так же... Так что – теперь ей жалеть об этом прикажете? Кошмары по ночам видеть? Может, еще к попу сходить и рассказать, как что было? А он пойдет и доложит по начальству, не поповскому – другому, настоящему... И кто от этого выиграет? Правильно, только поп, потому что премию, поди, получит...

Ксения повернулась на другой бок, со злостью ударила кулаком комковатую подушку, но сон даже и не думал приближаться к ее страдальческому ложу. Теперь перед ней вместо бесстрастной бежевой стенки была чужая койка через проход, а на койке тяжело вздыхала тоже бессонная женщина. Та несколько раз протягивала руку на тумбочку, осторожно стаскивала оттуда стакан с водой и, чуть приподняв голову, делала несколько глотков. Осторожно-то осторожно – а все равно звякала в стакане ложка, подрагивала хромая тумбочка, передавая тряску и на Ксеньину кровать, к которой была намертво притиснута – и все эти вместе взятые мелочи тоже не добавляли сонливости. Она опять крутанулась на сто восемьдесят градусов, предпочтя уже немножко знакомую стенку физиологии посторонней безразличной тетки. Нужно не беречь старые раны, а думать о хорошем, приятном, радостном... Ну, Ленчик, само собой... У кого повернулся бы язык – сказать, а мозги – подумать, что брак их неудачный? Нет таких, и быть не может, потому что и дураку понятно: почти тридцать лет люди живут душа в душу, на ребеночка она – за сорок, он – за пятьдесят решились, а это ведь подвиг уже... Дом... Дом – это вообще сказка: сменяли они тогда две свои однокомнатные очень удачно, перед самой перестройкой обзаведясь отличной трехкомнатной квартирой, так что у Ванечки с рождения была собственная детская, да и они не путали спальню с гостиной, жили, как белые люди... Вот тут Ксения и проявила себя по-настоящему, всю душу вложила в свой новый выстраданный очаг («Вот твой дом, вот твой вечный дом...») – как это хорошо у Булгакова). Она превратила квартиру в произведение искусства – гости, зайдя, не хотели уходить; ну, Ксюха, говорили, есть тебе, чем гордиться, три у тебя шедевра: мужа своими руками сделала, сына воспитала о-го-го и дом, можно сказать, собственноручно построила. Насчет мужа – это сущая правда: ни одна здравомыслящая женщина не стала бы спорить с тем, что мужчины со всеми их званиями и регалиями навсегда остаются детьми: даже войны, опустошающие враз по полземли, – просто их

расширенные игры в солдатики. Ракету там придумать – а лучше бомбу новую, книгу написать, чтоб показать, какой умный, скелет тысячелетний раскопать – это пожалуйста. Особенно последнее очень уж смахивает на игру в песочнице... А вот по жизни... По жизни, если не ведет их твердая женская рука – то таких дров наломают, прости Господи... Шагу не знают, куда ступить, все жалобно оглядываются на мамку: правильно делаю? Жениться нормально ни один не может – только знай себе скачет за самкой, ветки ломая, и трубит, как олень в брачный период. И, если самка в ЗАГС прибежит – так и он туда же... Ведь и Леня ее как раз плюнуть на той молодойке женился бы, если б она не приехала тогда в Двуполье... К черту Двуполье – сколько можно вспоминать отболевшее... Да, так насчет мужиков: и Ванька их, программы – программами, а весь в отца: недавно она собралась было сдать бабушкину квартиру – а он вдруг давай орать: я не мальчишка! Я – мужчина, мне самостоятельность нужна! Нужна – получи. Ну, переехал – и что? Мама к нему два раза в неделю бегаёт, как на работу: прибраться – иначе грязью зарастет, приготовить – не то гастрит сухомыткой заработает, совет дельный дать – без этого и вовсе пропадет ни за грош... Так что все правильно: оба они шедевры – ею от начала до конца созданные... Ну, а дом... Тут уж ее царство – никто не отнимет. Потому что каждую тряпочку, каждую чашечку, каждую полочку... Нет, полочку не сама, конечно, прибавала, она ведь женщина! – но вдохновенно придумала, извернулась, чтобы воплотить в жизнь, чем-то, возможно, пожертвовала... Не говоря уж об обоях там всяких, коврах, кафеле... – это она меняла по настроению, чтобы становилось все лучше и лучше... И пространство как бы раздвигалось само, и воздуху прибавлялось... Подумать только, что и дома бы этого не было, а куковала бы она, быстро в одиночестве старея и опускаясь, все в той же малогабаритной «однушке», кинутой от щедрот богатого, но обманувшего и бросившего любовника! И что – будь она «хорошей девочкой», то сейчас бы локти себе кусала на этой койке? Ой, не верится что-то! Или она просто оказалась «девочкой» – плохой?

Кстати, насчет укушенных локтей. Никто не спорит, что иные в чем-то и раскаиваются – но не раньше, чем сама жизнь ткнет их носом в их неправоту, а еще лучше – мордой провезет по какой-нибудь воображаемой батарее. Ну, например, хрестоматийная ситуация: отбила мужа у лучшей подруги – а он все равно тебя потом бросил с ребенком-инвалидом; как хочешь, так и живи, а вокруг злорадно талдычут: на чужом несчастье счастья не построишь. Тут, конечно, и засомневаешься, и каяться побежишь... А жизнь все равно не выправится!

А может быть, действительно: что позволено Юпитеру, не позволено быку? Ни одна религия об этом открыто не скажет, ведь каждый, даже последний дурак и замухрышка, считает себя Юпитером, а всех прочих – быками, и сра-

зу начнет себе позволять что ни попадя... Но как ни взгляни – а странно получается: жизнь наказывает по-настоящему только мелочащихся трусов, сделавших один шаг и боящихся второго – значит, наказывает не за то, что сделали, а за то, что не довели до конца! Ну, чего ты, образно говоря, крадешь пачку тянучек в супермаркете – ты укради со склада контейнер, если уж такой любитель сладкого! Но нет, человеческое большинство именно таково: и хочется, и колется – и охранник на выходе стоит. Вот и косит судьба, не разбирая, где злаки, где плевелы, тысячи и тысячи человечков, сметает их как крошки со стола – за раз тысячами: то взорвется где-то что-нибудь, то цунами какой-нибудь налетит, то самолет рухнет ни с того ни с сего... А если задаться вопросом – погиб ли так, в общей массе, хотя бы один человек, способный на «нечто»? Легко ответить: редко такое случалось – обычно, даже оказавшись в эпицентре катастрофы, сильные люди как-то выживали, исхитрились избежать страшной участи – или это сама Судьба выносила их на руках? Теперь-то, почти тридцать лет спустя, разве не ясно: и ее, Ксению, бережно вынесла она после крушения на безопасный берег – положила там в холодке и выходила, потому что знала, что женщина эта, всем рискнув, совершила Поступок. А плохой ли, хороший ли – все, в конце концов, относительно... И дальше хранила ее Судьба, иногда даже словно лукаво показываясь из-за угла с осторожным напоминанием: это я, помнишь?

Однажды Ксении, уже укрепившейся в своей незыблемости, все-таки пришлось вздрогнуть по-настоящему. В тот день она, накануне управившись с отправкой в летний лагерь давно туда рвавшегося Ванечки, собралась на недельку в гости к школьной подруге, благоразумно переехавшей в более дешевый и спокойный городок в Псковской области. Билет на автобус был куплен заранее и, по железной секретарской привычке пунктуально проверив наличие документов и денег, Ксения вышла из дома с получасовым запасом времени. Деньги в ту ненадежную пору серьезно сэкономили, поэтому соблазнительная мысль о такси была с сожалением отвергнута, а Ленчик в те жаркие дни принимал экзамены – да и вообще она всегда старалась понапрасну его не напрягать: знала, как раздражают мужчин недалекие жены, вечно требующие от них участия в мелких бабьих делах – то в магазин за шляпкой ее сопроводи, то с работы на другом конце города встретить – нет, она была не из таких. Неторопливо пошла в удобных босоножках по улице, внимательно глядя под ноги и по сторонам, потому что очень уж гонять теперь стали эти расплодившиеся водители, аккуратно везла за собой небольшой чемодан на колесиках, и добрые люди, как всегда, помогли спустить его в подземный переход к метро. В вагоне, однако, место никто не уступил: что ж, сама виновата, нечего так молодо выглядеть – да и ехать-то до Лиговки минут двадцать – не больше... И вот тут... Вот тут Судьба взяла – да и остановила поезд в

тоннеле. С четверть часа ко всему уже привычные россияне не возмущались: есть о чем говорить, и не такое терпели – но потом решились с трепетом нажать красную кнопку связи с машинистом. «Поезд стоит по техническим причинам», - равнодушно доложил тот: конечно, ему-то что, он уже на работе – солдат спит, а служба идет – а большинство пассажиров как раз на работу и опаздывало! Ксения навсегда запомнила мерзкое ощущение захлопнувшейся мышеловки и за оставшиеся от ее запасного получаса пятнадцать минут вполне успела прочувствовать красочно описанное многими чувство беспомощности и детской обиды: ведь нельзя же крикнуть машинисту, как водителю автобуса: «Откройте двери, я пешком пойду!» - потому что кто тебя выпустит в тоннель под током – и куда ты там денешься, даже если спрыгнешь с проклятого поезда. Минут сорок возмущение пассажиров звучало крещендо, но напрасно тыкали они в красные кнопки переговорников, зывая туда о помощи: «Я вам что – Ванга? – сквозь хруст и скрежет рывкнул на них напоследок осатаневший машинист. – Откуда я знаю, когда зеленый свет будет?! Сейчас красный горит; погаснет – поедем!» - после чего на связь больше не выходил. Ксения оказалась в благоразумном меньшинстве, решившем отнестись к происходящему с юмором; в конце концов, в ее-то лично жизни катастрофы не предвиделось: она теряла только умеренную сумму, потраченную на билет, но прибавлять к ней еще и какое-то количество невозполнимых нервных клеток вовсе не собиралась. На другой, пусть не такой удобный, но тоже приемлемый рейс она успевала вполне – ну, а место в автобусе с уверенностью рассчитывала достать из брони... Зато она не испытала и такого бурного восторга, как остальные вызволенные пленники, когда под вагоном раздалось долгое змеиное шипение, и кто-то радостно сообщил: «От тормаживает! Сейчас тронется!» - и поезд действительно тотчас дернулся и пополз. На автовокзале Ксения сразу же удачно купила билет на другой рейс, уходящий всего лишь через час, ловко захватила в автобусе место сзади, у затемненного окна, – и вдруг, подчинившись внезапной сонливости, блаженно задремала, уютно склонив голову на собственную сложенную в несколько раз шерстяную кофту... Она проснулась от невыносимой жары и духоты – и еще запомнилась резкая боль в затекшей шее. Автобус стоял с выключенным двигателем посреди Киевского шоссе, и, вероятно, стоял давно – потому что пассажиры уныло курили на улице. Вышла к ним и заспанная Ксения – размять задеревеневшие ноги, узнать, что к чему: нет, решительно, сегодняшний день не задался! Неподвижная пробка из дальнобойных фур и автобусов (ручеек юрких легковушек независимо журчал по узкой обочине) тянулась до горизонта в оба конца. Никто ничего толком не знал. Удалось только вырвать у водителей с трудом остановленных встречных машин неутешительную информацию о серьезной аварии впереди. У многих пассажи-

ров, ввиду смехотворности расстояния, не оказалось с собой ни воды, ни бутербродов. (У многих, но не у Ксении, которую никогда не подводила врожденная предусмотрительность; свой чай из термоса и четыре пирожка с печенью она сочла нужным употребить незамедлительно, деликатно отойдя для этой цели в сторонку и усевшись на холме под юной березкой: кто знает – вдруг и впрямь застрянешь тут надолго, и станет неудобным не поделиться с соседями.)

Тронулись – шагом уставшей лошади – только в условных сумерках, предвещавших полубелую (от Питера все же успели отъехать порядочно) северо-западную ночь – и видимости вполне хватило для того, чтобы часа через полтора рассмотреть в кювете безоконный скелет перевернутого междугороднего автобуса с начисто снесенным задом, несколько разбросанных по трассе там и сям изувеченных легковых машин и наискось стоящую фуру со скособоченной кабиной – будто получившую по морде огромным железным кулаком... Проехав скорбное место, сразу набрали должную скорость – а выпрямившаяся в кресле Ксения все не могла откинуться на сиденье. «Не может быть. Не может быть. Не может быть», - заклинило ее на единственных трех словах, совсем не на тех, на которых заклинивает обычно женщин, хотя уж кто-кто, а Ксения-то знала доподлинно, что бывает абсолютно все.

Исключения не произошло и на этот раз. В утренних новостях, жадно включенных подругой, профессионально взволнованные голоса подтвердили ее бурлившие догадки: в кювете лежал именно тот автобус, на который у Ксении так досадно пропал билет. Заснувший дальнбойщик, уверенно вынесенный в своей высокой кабине на встречную полосу той же всевластной рукой, что ранее застопорила в тоннеле голубой поезд, срубил груженым контейнером, как топором, всю грузную корму автобуса с доверчивыми пассажирами. То, что осталось от одиннадцати человек, доставали по частям из почти напрочь оторванного куска, похожего на смятую консервную банку. Это был тот самый кусок, где обязательно постаралась бы занять место Ксения – и, конечно, преуспела бы в этом, прибыв на вокзал заранее – потому что с детства любила уютную качку кораблей и автобусов... Разметало по асфальту и несколько не успевших затормозить легковушек – но там все выжили, и пострадавших, вместе с теми, кого в передней части автобуса покалечило не до смерти, развезли по окрестным больницам в тяжелом состоянии...

Итак, кто-то все-таки присматривал за ней – и вовремя остановил поезд. Теория подтверждалась, Судьба приветливо кивала из-за угла. И другие улыбки, конечно, были – не такие, правда, ослепительные, но ведь надо уметь читать и неявные знаки! Ну, например, когда в классе у Ванечки случилась вспышка менингита, и детей долго держали на карантине – он за неделю до

этого схватил неожиданную ангину. Как перепугалась тогда Ксения, чуть не свихнулась со страху: ведь у ребенка целых три дня не спадала температура под сорок! А тем временем именно Ванин сосед по парте оказался источником смертельно опасной заразы – и сам еле выкарабкался, и два других ребенка из-за него на год отстали от школы... А когда сокращения шли у них на кафедре? Ха! Леня-то ладно, защищенный-заслуженный, пронесло, а она? Нетрудно опытному секретарю разыскать работу даже в последефолтных руинах, но как мужа без круглосуточного присмотра оставить – как бы чего не выкинул! И ведь, казалось бы, ни единого шанса выстоять в бурю не оставалось, потому что главная ее конкурентка была многолетней любовницей декана, что и скрывать давно перестала – и нате вам: декан себе молодую красотку на другой кафедре приглядел, а старую любовь уволил, не моргнув и глазом. Так Ксения не только не оказалась на улице, но и получила неожиданное повышение по службе, переехала в новый престижный кабинет и мгновенно из Ксюши превратилась в Ксению Анатольевну. Можно бы, конечно, и лет на пятнадцать пораньше, но лучше поздно, чем никогда. Так, Ксенией Анатольевной, она до недалекой пенсии и дослужила... Муж ее, Леня, о заслуженном отдыхе и не помышлял – с таких должностей, известно: только вперед ногами – но и ему не потребовалось особенно надрываться на старости лет. Как и Ксения, позже отдавшая Ванечке скромное жилье своей матери, Леонид унаследовал от родителей большую квартиру в престижном доме. Повезло сразу и надолго сдать ее приличным людям, и, в те тугие времена, когда большинство граждан, улыбки Судьбы во век не видевших, бедовало то голодом, то общей неустроенностью, их семья пусть без роскоши, но вполне уверенно переступила высокий порог нового таинственного века...

Сын тоже никогда серьезно не огорчал родителей: учился без слепой оголтелости, свойственной тупицам, часто выходящим благодаря ей в отличники, но и лоботрясом мальчишка ни в коем случае назвать было нельзя. Ровные его четверки, по мнению Леонида, свидетельствовали не об отсутствии талантов, но о высоком общем уровне развития, что позволяло особенно учебой не перегружаться. Леонид вообще о школе был невысокого мнения, считал ее необходимым злом, которое должен перетерпеть в жизни каждый, ничего полезного для сына от нее не ждал – и не дождался, конечно. Зато в институт Иван поступил с первого раза, не истрепав родителям нервы и не пустив их по миру – они нарадоваться не могли...

Все хорошо складывалось в жизни – так хорошо, как иные и не мечтали: где надо – Судьба соломки подстелила, в другом месте испугала немного, но потом выяснялось – к лучшему! За долгую свою жизнь Ксения очень хорошо усвоила не всем доступную истину: бывают в жизни неприятности, даже и крупные, которые на самом деле –

благо; нужно только не спешить давать событиям очевидные на первый взгляд названия...

Вот и эта внезапная в жизни больница – смутно подумалось ей, наконец, притихшей в удобной позе, – наверняка еще отзовется какой-нибудь неожиданной удачей... И уж конечно, на случившееся тогда в Двуполье, если б не эта вековая общечеловеческая зашоренность, можно было бы взглянуть и с другой стороны...

Глава 4 **Например, с такой...**

«Ну, что, Наполеон, как тебе сожженная Москва?» – глумливо прозвучал в нем на время притихший внутренний голос, и Леонид торопливо опустил руки по швам. Он действительно несколько минут простоял на холме со скрещенными на груди руками, хмуро озирая лежавшую внизу полностью разоренную деревню Двуполье. Почему ему казалось, что она, как счастливый оазис, останется нетронутой, не выпьет из общей отравленной чаши, от которой отпила смертельный глоток вся крестьянская Русь? Он ведь не стоял на этом холме в те годы – тридцать лет назад. И видел – вон там, слева, где теперь простирается до горизонта заросшая сорняками степь, необозримый плюшево-зеленый луг, и паслось там пестрое колхозное стадо племенных коров, иногда поднимавших от сочной травы свои мудрые тяжелые головы – и тогда хотелось поцеловать каждую в широкую кожаную плюху носа. Справа, где сегодня среди диких кустов виднеются искореженные, словно после жестокой бомбежки, руины надежных когда-то стен, стояли аккуратные приземистые корпуса: коровник, свинарник, телятник, целый городок птицефермы... Едва заметная сейчас среди буйных сорняков тропинка, по которой ему предстояло идти прямо, спустившись с холма, – раньше бежала меж двух половин пшеничного поля, и он, бывало, срывал для Ксении яркие васильки, там и тут вспыхивавшие внезапной просинью среди светлого золота хлеба... Прямо за полем стояла школа, где жили в спортзале веселые студенты, еще не опомнившиеся от романтики первой «настоящей» экспедиции, а по классам степенно расселилось парами несколько снисходительно смотревших на мелюзгу вечных паразитов – желавших чужими руками выкопать себе готовые диссертации аспирантов (такой же мелюзги, но чуть покрупнее). Сам-то, ныне заросший до полного схождения с простой сопкой курган, быллой центр всеобщего притяжения, высился на том берегу реки, и отсюда раньше были четко видны аккуратные прямоугольные траншейки на горбу длинной рукотворной насыпи и неутомимых разноцветных мурашей, шевелящихся внутри – то прилежно трудилась его археологическая гвардия. Их с Ксенией дома отсюда не различить – но он, темно зеленый, с белыми наличниками, стоял чуть дальше, над нешироким ручьем, сломя голо-

ву бегущим в полноводную в тех местах Плюссу. Леонида, чьим уже громким в то время именем назывались раскопки, руководителя разношерстной молодежной толпы, очень чистенькая старушка за малую плату поместила тем летом в отдельный дом, полученный ею в наследство после недавно умершей бездетной золовки. Как теперь бы сказали, «в виде бонуса», бабка лично приносила постоляльцу по вечерам литровую банку парного молока... Усталый после дня на карачках, он жадно выпивал его – сладкое, густое – в один присест, и закусывал круто посоленной горбушкой ржаного хлеба... Бабушка, конечно, давно умерла, а дом... Вдруг его просто – нет?! «Вот-вот, – издевательски прозвучало внутри. – Говорил тебе, дураку: куда ты тащишься на старости лет, там ведь давно одни развалины кругом, – нет, поперся, романтик хренов...» – «Циник ты паршивый, – дал ему суровую отповедь Леонид. – Это не просто курган, хотя и он много значил в нашей науке. Это – Курган победы. Не Мамаев, правда, поменьше будет – но зато мой. И Ксеньин – ведь кабы не она... Наш с ней, стало быть. Потому и приехал. И если б мертвые могли что-то чувствовать (чушь, конечно, но иногда приятно предположить), то она бы там сейчас радовалась, что я здесь. Поэтому не суйся, придурок, в то, чего не понимаешь». Прислушался: молчал голос. Ага, застыдился, охламон...

В тот последний год своей прежней беспутной жизни он тоже, помнится, спускался со студентиками с этого холма – только тропинка была вполне проходная, не путался он ногами в длинных травах, не спотыкался о неожиданные кочки... Только думал совсем о другом. Стояло тогда перед его мысленным взором неправильное, но милое женское лицо, в рыжем нимбе пушистых волос... Тридцать лет прошло – что ему, зло на нее держать? Смешно... Почти на двадцать лет моложе него была – вполне естественно, что ровесника предпочла... Тогда шел, от молодняка немного пототав, и думал тревожно: действительно приедет, как обещала? На письма – правда, станет отвечать или нет?

Он бы и внимания на нее не обратил тогда на конференции памяти Журавлева, если бы вдруг у, прямо скажем, невидной стареющей девушки, сидевшей неподалеку, не завернулся вдруг широкий рукав нелепого бордового свитера. На белом, как сметана, запястье блеснул бронзовый браслет – две змеиные головки хищно смотрели одна на другую... Из Крыма его еще в молодости выдавили маститые, да и от золота, часто и жадно выкапываемого там, у него голова никогда не кружилась, и всем раннескифским ювелирным чудесам предпочитал он какую-нибудь скромную, лимонного цвета, огнем погребального костра оплавленную бусину, вдруг найденную за пятьсот километров и лет от места и времени, где могла находиться на законном основании: ведь целый роман об этом можно написать, если умеешь! Но со змейками такими знаком был прекрасно – их десятками в свое

время выкапывали по всему Крыму, у мужских, женских и детских скелетов их часто находили не только на руках, но и на ногах... На тощей белой лапке надета была не подделка или копия – самый настоящий артефакт. Неужели эта молоденькая дура-археологиня поперла его с раскопок и даже не стесняется? Понятно, что все понемногу что-то тащат домой из экспедиций, но все-таки не штучные памятники древности, которым место в музее. В перерыве он подошел к ней, представился и, на правах старшего товарища, не привыкшего церемониться с молодыми и, особенно, некрасивыми коллегами, обхватил ее двумя пальцами за повинное запястье:

- Рекомендую снять. Неудобно будет, если другие заметят.

На него озадаченно глянули зоркие зеленоватые, как иная галька на черноморском пляже, глаза:

- Ой, правда, - и рыжая девица (не такая уж и девица, кстати: при ближайшем рассмотрении не осталось сомнений в том, что тридцатилетний рубеж благополучно преодолен и забыт) робко стащила с руки крамольный браслет и быстро сунула его в объемную, обшитую бахромой матерчатую суму.

- Вот и молодец, - презрительно бросил Леонид, отворачиваясь, чтобы уйти, но она вдруг ловко перехватила его за локоть:

- Вы не так поняли, я – Ника... В смысле – Вероника Николаевна Журавлева. Я вообще не археолог, я художник. А браслет мне папа на совершеннолетие подарил. Я привыкла к нему, почти не снимаю – вот и сегодня забыла. Спасибо, что напомнили, - она извинительно смотрела на него снизу вверх, и он увидел, что глаза ее заметно переменились: из тускло-галечного их цвет стал ближе к глубокому малахитовому – ничего сверхъестественного, конечно: обычные загадки радужной оболочки у рыжих баб – а все-таки...

- Художник, да? – инстинктивно включая свой фирменный заинтересованный взгляд и понижая голос на пару тонов, спросил он. – Что же вы рисуете?

Ника улыбнулась:

- Рисуют дети. Художники тоже, конечно, иногда рисуют, но, в основном, пишут все-таки.

- Ах, пардон! – рассыпался он, тоже фирменно, по-мальчишески краснея. – И что же вы пишете?

- Разное – чаще пейзажи, жанр, портреты очень люблю писать; говорят – удаются... - Ника все так же держалась за его локоть, но только ее ладонь постепенно заползла под него и удобно улеглась на рукаве; получилось, что они уже медленно и уютно идут по длинному коридору под руку, как старые знакомые, и голос Леонида над яркой головкой Ники уверенно жужжал, как меховой июльский шмель над цветком шиповника.

- А вот, к примеру, меня... - волновался он. – Меня вы могли бы нарисовать... Э-э, то есть, мой

портрет написать? Сколько вы за портрет берете? Масляными красками?

В жизни не пришла бы ему такая нелепая мысль – заказать художнику свое изображение: что он, Екатерина Великая, что ли? – а теперь вдруг показалась хорошо и правильно, если от него потомкам останется качественный портрет, профессионально написанный маслом, да и такая работа, сделанная женщиной, уж наверное, в два раза дешевле, чем если бы мужчина писал.

Ника остановилась и остро, оценивающе посмотрела ему в лицо, покачала головой:

- Это от многого зависит. С некоторых я вообще денег не беру – когда работа меня захватывает, и я понимаю, что уже не для заказчика пишу, а для себя. А с других – очень дорого запрашиваю. Одному назвала цену, а он, мерзавец, мне в ответ: вы что, с ума сошли – женщина, а столько заламываете? Были бы мужчиной – другое дело! Противно, правда? – (Леонид виновато кашлянул). – А вы... Дайте посмотреть... Так... Урод первостатейный... - (он удивленно и обиженно промычал, уже готовый стряхнуть ее со своего рукава, как гусеницу: а сама-то, подумаешь, королева красоты – драная рыжая кошка!). – Очаровательно! В нашем деле лучшего и желать нечего! Надо же, как нарочно: ни одной тривиальной черты – зато какая экспрессия... Глаза... Господи, просто Гамлет! Знаете, с таким лицом вам нужно было стать артистом, а не археологом, потому что ваше лицо раз увидишь – не забудешь. Конечно, я вас буду писать! У меня прямо руки чешутся – сто лет не видела такой идеальной модели...

Он уже благодарно бормотал вежливые плоскости, сконфуженный и польщенный, и выяснилось вдруг, что они идут, одетые в куртки, по проспекту Майорова – и когда успели с Васильевского столько отмахать, он и не заметил за разговором... Разговором? О чем они говорили? Разве помнишь, о чем бесконечно говоришь сам с собой? Он только знал, что каждое ее слово в нем, а его – в ней отзывалось уверенным «Да! Да!», словно тревожно-звонкий колокол призывал их друг к другу, чтобы бежали, бросив все дела, – туда, где главное, где будет хорошо... Он уже любил ее в ту минуту? Нет, так все-таки не бывает, наверное... И предстояло, как по нотам, разыграть в четыре руки обязательный прелюд – без которого нельзя, не принято, невозможно...

На следующий день Леонид сидел в ее крошечной квартирке, даже не однокомнатной, а еще меньше, потому что кухню со спальней-гостиной разделяла не настоящая стена, а какой-то ненадежный сквозной стеллаж, уставленный глиняными фигурками и артефактными черепками; стены были, конечно, увешаны картинами – только странноваты они показались на его вкус: фигуры все какие-то надломленные, в необычных позах, словно в будоражащем сне... Он удивился – неужели великий Журавлев не оставил дочери личного жилища?

- Хоть эту квартиру выцарапала – и то слава Богу, - грустно рассказала она, словно прочитав его мысль. – Когда бабушка с отцом один за другим умерли – мама-то раньше еще, давно очень – я в огромной квартире осталась одна, горевала сильно, но никакой новой беды не ждала. А она уж на пороге стояла, беда-то. Как-то утром – звонок в дверь, открываю – незнакомые люди стоят, мужчины и женщины. Меня – без объяснений в сторону и – по-хозяйски на кухню, по комнатам... Я за ними бегу, кричу – в чем дело, кто вы такие?! – а они мне эдак через губу: комиссия из ЖЭКа, у вас здесь площадь освободилась, заселять будем... Я даже не поняла, что происходит – это папина квартира, кричу, он профессор был, крупный ученый! Теперь я здесь живу, уходите немедленно! А они переглядываются, подло так, и смеются: деточка, тут вам не гнилой Запад, частной собственности нет, и вся жилплощадь принадлежит не какому-то папе, а государству рабочих и крестьян. А вы, интеллигенция, – всего лишь временная прослойка, пока терпим вас... Какой здесь метраж? Так, восемьдесят три общая площадь? Пока ваш папа был жив, ему дополнительные метры полагались – заслуженный и всякое такое... А вы, кажется, еще Государственной премии не получали, милочка? Вот вам от нашего государства по санитарным нормам и положено двенадцать квадратных метров. Какая тут комната самая маленькая? Ага, шестнадцать квадратов... Вот и заселяйтесь в нее, да еще за четыре метра излишков будете по жировке доплачивать... А остальные в трехдневный срок – освободить. Мы эти две, что двадцать два и двадцать восемь, предоставляем двум трудовым семьям... Да, из мест общего пользования тоже не забудьте свой хлам убрать... И ушли... Я стояла, как Евгений Онегин после Татьяниной отповеди... Теперь я бы, конечно, такие трудовые семьи им показала! У папы и знакомства наверху были солидные, и друзья в чинах – в общем, нашлось бы, кому заступиться, в два счета бы квартиру за мной оставили. Но я тогда едва восемнадцати достигла, привыкла всю жизнь за папой и бабушкой... Растерялась... Думала – раз закон, то что тут поделаешь... Вот меня и взяли тепленькую... А друзья мои – тоже студенты Мухи, откуда другим взяться – надоумили быстро комнату в центре на отдельную «однушку» на окраине обменять. Ну, чтобы хоть эти самые... места общего пользования... с гегемоном не делить и дерьмо за ним не вытирать по графику... Так и оказалась здесь... С возрастом поняла, конечно, какого дурака сваяла, да жизнь ведь назад не отмотаешь. Была бы членом Союза – хоть на мастерскую могла бы надеяться, так ведь еще попробуй, попади туда; пока только в молодежную секцию приняли, и то со скрипом. Но хоть надежда на что-то забрезжила... Напишите, говорят, серию картин на тему рабочих будней – стройку там какую-нибудь комсомольскую... Ох! Не могу и все, хоть тресни – с души воротит... Кофе будете? – Не дожидаясь ответа, Ника

взмахнула рукой, словно дала сокрушительную пощечину кому-то невидимому, и быстро ушла на кухню.

Вот что, оказывается, происходит с людьми – и не в порядке послереволюционного передела, а в конце двадцатого века, в мирное время, в культурной столице – а он, когда из чужого дома нелюбимая жена в приличную квартиру выперла, еще несчастным себя считал! А вот если б, как у Ники: родной твой, неотъемлемый от тебя дом, где с детства каждый цветок на обоях – друг, взяли и ни с того ни с сего отдали каким-то хамам, а тебя за шкуру – и в эту вот халупу... У Леонида впервые по-настоящему заломило сердце: да как же это можно было – вот так! – с такой маленькой, беспомощной, рыженькой... Прижать бы ее сейчас к ноющему сердцу, погладить, пожалеть, поцеловать в голову... Нельзя – прелюд. Понастали себе люди заборов – шагнуть некуда!

Прелюд их длился с конца осени до начала лета – и все никак не сменялся симфонией. Но удивительно – Леонид не раздражался, не мучился, не оскорблялся! Да устрой ему любая другая баба этакий марафон – он уже через две недели в таких бы выражениях ее послал, что бежала бы без оглядки! А тут... В который раз задавался вопросом: что в Нике такого необычного – ведь если б не браслет тогда, он бы и в сторону ее не посмотрел! Да и к рыжим обоего пола вообще всегда с некоторой опаской относился... И в Союз Художников ее, видно, не напрасно не пускают: мазилато она весьма посредственная. Портрет два месяца писала – ну, совершенно ни с чем не сообразно получилось: глаза у него там выпученные (специально потом перед зеркалом проверял – ничего похожего), руки как клешни, рот до ушей; весь какой-то темный, перекошенный... Он ей этого, понятно, не сказал – похвалил, все как положено – а все-таки – ну, какой там талант! Зарабатывала на жизнь плакатами, лозунги всякие на заказ рисовала... Рассказал ей как-то под настроение о своем военном и послевоенном детстве – так она на трех листах оргалита разразилась многофигурной композицией под названием «Мальчик и война» – просто кошмар, если честно: не люди, а души в аду какие-то... В общем, бедолага-неудачница – а ведь как любил ее! За руку три месяца взять не решался – все ходили под ручку, как пенсионеры в парке, иногда в рестораны ее водил, гриль-бары... Там даже танцевали иногда под оркестр – под тонким платьем у нее все ребра пересчитать можно было – он чуть не плакал от умиления... Опекал ее по-всякому – всегда беспокоился, пообедала ли, и не дай Бог, если всухомятку, надела ли в мороз теплые рейтузы, боялся, не выскочила ли без шапки на улицу... Виделись часто, все набережные, все сады городские обошли. Иногда уезжали к заливу на его верной «шестерке», а когда та зимой закапризничала – перед разводом как раз менять ее собирався на солидную «Волгу», да не пришлось – то на Никином доставшемся от отца четыреста

восьмом «москвичонке». Глядя, как серьезно и деловито – словно девочка играла в маму – управлялась Ника со стальной, капризной и тяжелой машиной, отбивая тонкие пальцы об огромный пупырчатый руль, – он уж и плакать не мог: слезы набухшим комом застревают в сердце – и в то же время хотелось смеяться от счастья! На вид была у них только нежная дружба – и порой его пронзала мысль, как пуля в сердце попадала: а вдруг он ей действительно – просто старший товарищ? Или замена умершему отцу? А что – тоже археолог, тоже, может, стариком ей кажется... Но нет – ловил иногда ее лукавый, чисто женский, не дочковый взгляд – дразняще-призывный – и ободрялся: равнодушна, как на мужика смотрит... И не заметил, что украдкой приблизилось лето, а с ним – время ехать на раскопки, что шли в кургане на Плюссе уже несколько лет, обещали нешуточные открытия и готовились в том году с самой зимы – когда он еще не понял, что жизнь его навсегда перевернулась...

Перед отъездом решил: побритый до полноты гладкости, надушенный французским одеколоном, с приглаженными волосами, пришел к Нике в жаркое воскресенье с букетом уже отходящих в сезоне ее любимых ландышей. Охрипшим от смущения голосом выпалил заученную ночью фразу – и зажмурился: вот сейчас она ка-ак отрежет: «Вы что, Ленья, с ума сошли? Как это замуж – мы же просто друзья! Да и по возрасту вы мне в отцы годитесь».

- Конечно, выйду, - просто сказала Ника. – Я ведь давно тебя люблю. Так же сильно, как и ты меня.

Было решено, что поженятся они осенью, к Леониду на раскопки она приедет месяца через полтора, как только развяжется с большой заказной работой, которую делает вдвоем с напарницей, а пока влюбленные будут писать друг другу письма. Очень часто. Очень длинные. А телефона в ее конурке, конечно же, не было...

И письма пошли – помчались – в оба конца. Три недели Леонид находился в состоянии, знакомом, как считается, каждому – но лично он в начале шестого десятка испытывал такое впервые. Да, увлекался, конечно, и раньше – но совсем уж голову не терял никогда: всегда отдавал себе ясный отчет в обязательной временности происходящего и старался извлечь из очередной любви максимум приятных эмоций, в дебри психологии не вдавался, удивляясь тем мазохистам, что придумывали себе изощренные пытки – и сами же терпели от них впоследствии серьезный ущерб. В те дни он узнал – что такое за час переходить от смертного отчаянья к эйфории, когда на почте утром не оказывалось ему письма от Ники, а потом бегавшая туда за чем-нибудь студентка неожиданно доставляла ему прямо на раскопки все-таки поступивший на его имя белый конверт... Он узнал, что такое, скрючившись над кучкой праха с ситом

в руках и автоматически-внимательно просеивая сухую почву сквозь четвертьсантиметровые ячейки в поисках стеклянных бусин или оловянных бляшек-скорлупок, прогонять набегающую слезу острого счастья, когда в голове всплывал отрывок простой фразы из ее только что прочитанного письма: «...и оба мы слишком много ошибались и страдали в жизни, чтобы теперь, когда она преподнесла нам такой драгоценный подарок, небрежно отнестись к нему...». Никогда он не умел и не любил писать писем – а сейчас в сердце сами собой складывались ответные строки, которые он будет вечером при свете старинной лампы под абажуром быстро-быстро писать ей любимой перьевой ручкой, местными ярко-фиолетовыми чернилами: «...моя любовь похожа на ту древнюю крапчатую бусину, которую я нашел сегодня в земле: она так же опалена огнем испытаний, так же была на столетия замурована и облеплена грязью – и вот теперь вновь увидела солнце – тебя, Ника, – и засверкала под ним, омытая очищающими слезами...». Красиво ведь? Она много читала, должна оценить по достоинству...

Но три недели прошли, до приезда невесты оставалось еще примерно столько же, когда, возвратившись с кургана позже обычного, Леонид увидел, что с крыльца его дома спускается хозяйка, как всегда, поставившая банку с молоком в сенях. Старушка улыбалась и кивала ему издали, а когда он подошел и поздоровался, с доброй лукавинкой сообщила:

- Ну, вот, слава Богу, и кончилось ваше одиночество, Леонид Палыч... Жена к вам приехала. Час уже в зале сидит, дожидается. Я уж ей и чайку... Теперь хоть будет кому по хозяйству управиться. А то мыслимое ли дело – один да один мужик, без бабьего догляду...

- Ника! – он радостно приобнял бабульку за плечи и разве что не расцеловал. – Пораньше, значит, приехала! Вот уж действительно – сюрприз так сюрприз!

Он юношески легко взлетел по ступеням, сияя улыбкой, распахнул дверь в горницу – и там действительно ждал его еще больший сюрприз, чем он думал: у стола напряженно сидела Ксения. Полностью выкинутая им из головы и сброшенная со всех счетов. Нет, конечно, последние полгода они ежедневно виделись на работе, хотя Леонид и старался пореже оказываться в поле ее зрения. Один раз, что греха таить, он даже забежал к ней домой по старой памяти – но, захваченный Никиным образом, потерпел со старой любовницей удивившее его самого фиаско. Оправдался усталостью, рабочей загруженностью, нервным истощением после развода и унижительного изгнания, на ходу вспомнил, что у дочери опять что-то там в семье не складывается – экспромтом выразил свою по этому поводу горячую озабоченность... Словом, все эти месяцы он намеренно вел себя так, чтобы Ксения – умная женщина, хорошо его знавшая – могла раз и навсегда убедиться: их прежние

отношения закончились. Не маленькая – должна понимать. Ему казалось, что она и понимала... И вот – на тебе!

- Не сердись, Ленчик... - смиренно начала Ксения, а его передернуло: ну какой он ей теперь Ленчик! – Если ты скажешь, что я должна уехать, то я уеду прямо сейчас...

Чего он всегда инстинктивно боялся чуть не до паники – так это выяснения отношений с не желающими понимать самых простых вещей дамочками. Вот сейчас как завалит его упреками, обвиноватит с ног до головы, а он должен будет перед ней, как двоечник перед учительницей, оправдываться. Поэтому он не стал входить в комнату и здороваться, сурово остановился в дверном проеме и попробовал сходу предотвратить катастрофу:

- Да, - ответил мягко, но внушительно. – Я думаю, ты и сама понимаешь всю бессмысленность своего приезда.

Ее огромные серо-синие глаза, и без того всегда делавшие ее похожей на большую, безобидную, тяжело раненную извергом-браконьером олениху, мгновенно наполнились тяжелыми слезами.

- Конечно, - сдавленно прошептала она. – Просто я хочу знать... Имею право знать... Скажи... У тебя другая женщина?

Он рубанул наотмашь – другого выхода не было, да и покончить с этой тяжелой сценой следовало быстро и радикально:

- Да. Осенью я женюсь. Извини, конечно, что раньше не сказал, но как-то повода не было.

Ксения на миг закрыла лицо руками, когда убрала их – слезы сплошь заливали лицо, она еле выговорила:

- Ты... ты мог хотя бы позвонить... Ведь ходишь же, наверное, звонить...ей... Вот и потратил бы на меня... пятнадцать копеек... Просто сказал бы... чтоб я не ждала... А то – взял и уехал... Ни слова не сказав...

- Я не хожу звонить ей, у нее телефона нет, - раздраженно объяснил Леонид. – Мы переписываемся. А ты, кстати, прекрасно знала, когда и куда я еду, как и все на кафедре. Если хотела попрощаться – могла подойти в любое время. И не затрундяла бы себя напрасной поездкой.

Отчаявшаяся женщина беззвучно рыдала:

- Я все еще надеялась... Я не верила... Что ты мог так со мной обойтись... Заставил меня разрушить мою семью... Расстаться с мужем, сыном... Вытерпеть всеобщее осуждение... - вдруг сорвалась и отчаянно выкрикнула: - Меня ведь в глаза гулящей называли! Я думала, теперь ты свободен, немножко оправишься – и будешь только со мной... И все кругом увидят... А ты... Ты!..

Ксения сложилась пополам, икая от слез, доходя почти до рвоты – а он стоял в дверях, как дурак, и молчал. Кое в чем она, положим, была права, кто же спорит – но так уж случилось, откуда ему было знать тогда, что все так обернется... Да еще и ночь, как назло, наступает – не выставишь

же ее действительно сейчас на улицу... Хорошо, что в избе есть вторая комнатка за занавеской – вот туда он ее на ночь и определит, а утром проводит до шоссе, благо все уже сказано...

Она пришла, когда Леонид с трудом начал задремывать, – в самый глухой час ночи, когда чуть надкушенная справа луна, извечный сообщник убийц и любовников, уже выплыла из-за края соседской крыши и брызнула жидким серебром ему на постель. Ксения робко показалась из-за своей занавески, серебряно-обнаженная, облитая по плечам душистым медом волос; миг – и ее влажная щека уже прижималась к его лицу, звучал в ушах знакомый грудной голос: «Не отталкивай меня... Пусть это будет наша последняя ночь... Я хочу навсегда запомнить ее... Мой любимый... Не гони меня... Тебя никто не будет любить сильнее...». А он что – не мужик, что ли? Полгода платонических ухаживаний уже не раз доставляли нештучные ночные терзания; с Никой – когда еще, да и получится ли так складно – а тут родная, можно сказать, годами проверенная женщина... Он и не думал ее отталкивать – притянул к себе с первобытной жадностью!

Она еще не проснулась, когда утром Леонид убежал на раскопки, спала, раскинувшись, розовая и особенно соблазнительная во сне. Он постоял над ней, поудивлялся: вот ведь Ксюха – зрелая, во всем подходящая ему баба, и насколько Ники красивей, а он почему-то запал на ту, худосочную и с проблемами, с которой еще неизвестно как сложится... Вечером возвращался беспокойный: уехала ли Ксения? После этой их незапланированной ночи – как теперь прогнать ее с прежней твердостью? И куда, кстати? – вечер ведь опять на дворе. А если останется – опять ночью придет, тут и гадать нечего... Так и вотрется постепенно – потом не отделаешься; бабы это умеют.

Ксения действительно оказалась в доме – приветливая, хлопотливая, улыбчивая. Будто и не было вчера между ними ужасного разговора о далекой невесте, о его жестокости, об их расставании... Топилась белая печка, прогоняя прочь избытую затхлость, на плитке аппетитно скворчало что-то вкусное в чугунном горшочке, стол на кухоньке был нарядно накрыт, нарезан в корзинке на вышитом рушнике хлеб, лежали помытые огурцы на расписном блюде, алала яркая редиска среди свежей зелени, а знаменитое хозяйское молоко было перелито из банки в чистую глиняную крынку... В горнице на белом свежeweыскобленном полу Ксения расстелила славные пестрые половички, пахло глаженным бельем, одежда была собрана со стульев и аккуратно развешана на плечиках в шкафу, занавески и скатерть радовали скромной льняной чистотой, букет ромашек и колокольчиков красовался на подоконнике... За один день его запущенная холостяцкая берлога, по опрятности сравнимая с медвежьей, превратилась в уютное семейное гнездышко с расторопной хозяйкой, не очень-то и прячущей виновато-веселую улыбку:

- Я еще на денек задержусь, ничего? Ты тут так запустил всё за эти недели, что мне в один день не разобраться... Завтра я баньку затоплю и проверну большую стирку – у тебя ведь почти ни одной чистой вещички не осталось! Да и попарюсь с тобой заодно на дорожку – когда теперь в следующий раз придется... А уж потом и поеду, когда буду за тебя спокойна... - Ксения вздохнула с грустинкой и опустила глаза.

Надо было быть уж вовсе бесчувственной скотиной, чтоб теперь не подойти к ней, не поцеловать с искренней благодарностью – а ее такие знакомые руки уж обвивались вокруг его шеи, глазищи сияли... И все-то она за день успела: выяснила, у какой хозяйки брать крупные яйца, а у какой есть сепаратор, чтоб делать жирные сливки, в каком из двух магазинов свежее булка, а где по утрам иногда выбрасывают «Любительскую»; договорилась о бесперебойной поставке укропа с петрушкой, притащила полную сумку отборной прошлогодней картошки – а он до этого только хлебом с консервами питался – и даже достала у кого-то деревенской сметаны и ослепительный кусок сливочного масла...

Весело поужинали вдвоем, балагурия, как встарь, – а про то, в какой комнате ей ночевать, разговор уж и не заходил, конечно. Когда Ксения, нахлопотавшись за день, заснула, трогательно уткнувшись носом в его плечо и, тихонько, как котенок, посапывая, он умиротворенно смотрел в дощатый потолок, по которому снова ходили серебряные тени, и думал о том, что слишком скоро уезжать ей, вроде бы, и необязательно. Пусть поживет с ним пару недель по старой памяти, похозяйничает, раз нравится... Ника ведь раньше августа не приедет – сама сказала; а ему тут что – одному одичать, что ли? Как сообщит в письме дату приезда – так он за пару дней с Ксенией и распрощается по-хорошему, без обид и слез – она ведь все понимает: вон, как по-женски деликатно ведет себя, неудобных вопросов не задает, ничего не требует... Ну, а если кто потом заинтересуется, что за женщина в доме жила, или Нике гад какой-нибудь шепнет, он ответит – сестра гостила. Есть же у него сестра в Москве? Ну, вот и гостила у брата, помогала ему по-родственному. А злые языки пусть мелют, Ника и внимания обращать не станет, она выше всего этого...

Ксения осталась, даже не спрашивая, – истопила в субботу баньку, вместе попарились от души, постегали легонько друг друга дубовыми венниками. После и водочки тяпнули под малосольные огурчики – русские же люди, какой тут грех – а уж соленья у Ксении всегда были выше всяких похвал. Как он Нику ни любил – а все же умом понимал, что никогда у нее в такой холе и спокойствии жить не будет. С ней надо часами вести сложные разговоры, вникать в ее проблемы – нет, он не против, он свой выбор сделал: ведь не зверь же бессмысленный, чтоб на пищу и самку променять свое счастье! Но почему бы хоть напо-

следок себя не побаловать? И отчего-то не особо обеспокоился тем обстоятельством, что письма от Ники уже четыре дня не приходили.

Никаким почтовым ящикам он в деревне не доверял, сговорился с почтаркой, что будет лично заходить за почтой перед работой – и она ему когда письмо, когда два заботливо откладывала в сторонку. На пятый день, слегка встревоженный, снова заскочил:

- Точно нет? Да вы, может, невнимательно смотрели?

- Да что вы, Леонид Палыч, - обиделась простая женщина. – У нас все четко: раз нет – значит, не доставляли.

Не было писем и на шестой день, и через неделю... Леонид уж не знал, что ему делать: волноваться или сердиться на Нику. В глубине души он чувствовал, что все с ней в порядке – а значит, просто остывает к нему, отвыкла понемножку... Через полдня он уже стыдился этих мыслей: быть того не может! А вдруг она в больницу попала и лежит там сейчас одинокая, никому не нужная – почему-то представлялись кровавые бинты вокруг головы – а он тут с бабой в свое удовольствие развлекается! На десятый день поставил сам себе срок: не придет письма еще три дня – и он на следующее утро дневным автобусом отправляется в Ленинград. Разлюбила – пусть так и скажет, он ей не мальчик, чтоб за нос его водить. А если, не дай Бог с ней случилось что-нибудь... Об этом и думать серьезно не хотелось – хотя и подмигивала иногда мыслишка: а вдруг Нике, например, трамваем ногу отрезало? Приходить тогда в больницу или уж лучше сразу, не заходя к ней, обратно вернуться? Но письмо пришло как раз в день предполагаемого отъезда. «Здравствуй, Леня! – бежали перед глазами строчки, мелкие и черные, как зловердные больно-кусачие туземные мушки. – Прости, что долго тебе не писала. Не так уж и легко решиться на то, что я сейчас собираюсь тебе сказать. Видишь ли, когда первая волна радости от предстоящего замужества, на которое я уж в жизни и не надеялась, схлынула, я понемногу начала задумываться: а что дальше? Ну, хорошо, поженемся мы осенью, и может быть, даже родится у нас ребенок. Но все-таки ты мужчина уже немолодой, неизвестно, сколько судьба отпустит нам времени быть вместе. Не обижайся, но ведь это так! Кроме того, мы все-таки очень разные, если внимательней взглянуть. Тебе, быть может, вскоре потребуется уход, захочется моего постоянного присутствия, налаженного быта... А я совсем не уверена, что смогу полностью отказаться от творчества, остаться навсегда нереализованной, посвятить себя целиком тебе и твоим удобствам. Пойми меня правильно: нам лучше остаться добрыми друзьями, а в спутники жизни выбрать себе более подходящих людей – и по возрасту, и по интересам...» - не дочитав это мерзкое письмо до конца, он уже остервенело рвал его – на две, три, четыре, восемь... на шестнадцать частей не

получилось – Леонид скомкал остатки и, обжегшись о горячую дверцу, швырнул в печь... И это перед ней он выплясывал! Клоуном заделался! А она вот какую судьбу, оказывается, ему прочит – прямо как во всенародно любимом фильме: «Хороший дом, хорошая жена – что еще нужно человеку, чтобы встретить старость!». Вообще за мужика его не считает, может, даже думает, что он импотент, раз на постель завалить не пытался! А он-то, он-то! Тоже хорош, нечего сказать! Где глаза его были, когда связался с этой крокодилой! Страшная, как весенняя лисица! Сама же пишет, что на замужество и не надеялась – а им все равно побрезговала! Ему надо, видите ли, выбирать жену себе по возрасту! А вот Ксюха ее всего лет на семь старше – и так, представьте, не думает! Реализоваться мечтает, великим художником себя возомнила, скажите, пожалуйста! А сама только ручки-ножки-огуречик может нарисовать! И все-таки – как она могла, как смела... после всего... после их разговоров... прогулок... нежности... доверчивости... Глаза ее – темно-зеленые, пытливые, серьезно-ласковые...

Лицу вдруг стало горячо-горячо – то ли от печи пыхнуло жаром, то ли слезы – настоящие, не умильные, просились наружу – он застонал в голос, схватившись за виски, как женщина. И сразу сзади на плечи ему легли две теплые ладони, зажурчал ровный, успокаивающий голос:

- Ты чем-то расстроен, милый? Баба Тася нам сливок принесла – хочешь?

Леонид обернулся и порывисто сгреб Ксению в объятия, зашептал, срываясь и захлебываясь:

- Ты одна – настоящая... Единственная... Прости меня... Я идиот... Не уезжай никуда, моя Ксюха... Я пропаду... Я чуть не пропал без тебя...

Даже теперь, через двадцать восемь лет, вспоминать о том дне было трудно. Все-таки предательство не имеет срока давности – а Ника так полоснула его тогда по самому сокровенному, мужскому. Он представил себе, что вот получил бы то письмо, читал, стоя у окна, – а Ксении бы рядом не было... Каким униженным, растоптанным, в прах поверженным он чувствовал бы себя... А просто легли на плечи руки преданной женщины – и жизнь вернулась. Он остро почувствовал тогда слабый аромат тоненьких лиловых стебельков лаванды – Ксюха в те минуты как раз внесла в комнату небольшой букетик, и с тех пор этот запах навечно ассоциировался с чувством преодоления и победы...

Леонид миновал дикий луг – бывшее щедрое пшеничное поле – и уже подходил к школьному зданию. Еще издали он видел, что окна этого старого купеческого дома кое-где выбиты, а некоторые заколочены фанерой, что штукатурка стен большею частью осыпалась, обнажив добротную кладку, сделанную при царе-батюшке – да, пожалуй, и не при последнем – что двор зарос бурьяном и кустарником, а на ржавой крыше, в увенчанном

главную трубу пышном гнезде, стоят два торжественных аиста. Улица в деревне осталась одна – центральная, давно утратившая асфальт, а от нее кое-где ответвлялись полузаросшие тропы. Кусты королевской сирени, окружавшие их дом (приехав в том году, Ксюха уже не застала ее цветения, а он запомнил одуряющий запах тяжелых и фиолетовых, как спелые виноградные кисти, огромных гроздьев, ломившихся в окна), теперь разрослись, превратившись почти в деревья. Леонид не желал признаваться себе в том, как страшно устал, как уже почти готов был пожалеть об этой странной, и что ни говори, а трудной в его лета поездке. Только теперь ему пришла в голову мысль настолько простая, что он поразился – как он раньше об этом не подумал: что теперь делать? Хорошо, сейчас он дойдет до той сирени, посмотрит на не раз являвшийся в воспоминаниях эдаким кораблем спасения старый дом, от которого, в лучшем случае, осталась куча бревен – а дальше что? Обратное через поле и рощу к шоссе – те же четыре километра?! Да он же может попросту не дойти! А когда будет – и будет ли сегодня вообще – обратный автобус? Господи, во что он ввязался? Зачем?! «Вот то-то и оно, – оживился присмиривший было внутренний собеседник. – Вот и оправдаешь ты предсказание под той стрелкой – помрешь тут на куче соломы, только правды не добудешь: чай, не Иван-Царевич». Леонид даже не нашелся, чем отругнуться. Ведь и правда, собираясь сюда, он смутно представлял себе какую-нибудь добрую опрятную бабушку, вроде той, что снабжала их когда-то молоком, у которой он остановится на ночь, и раним утром, глядя в солнечную даль на тяжелую тушу кургана, будет неторопливо пить утренний чай с травами и умиленно вспоминать Ксению... «Какие тебе бабушки, мой юный друг? – глумился голос. – Они все вымерли давно и поголовно, дети их чуть позже спились – и к ним, а внуки, кому охота было жизнь спасти, по городам уже лет двадцать как разъехались! Если здесь и найдется кто живой – так только дачники из того же Питера! Так они тебя и пустили, держи карман шире!» – «Но уж на дом-то я в любом случае посмотрю!» – возмутился Леонид и, ступая, как умел, широко и уверенно, направился к сиреновой чаще.

Насчет кучи бревен – это он чуток погорячился: дом стоял на своем месте. Только был он уже не зеленый с белым, а выгоревший серый, будто поседел от старости. Крыша рухнула внутрь, двери перекошились, крыльцо исчезло, окна, хоть и сохранившие зачем-то несколько мутных стекол в облезлых рамах, все равно выглядели забитыми наглухо... «А чего ты ждал-то? – поинтересовались изнутри. – Что кругом запустение – а здесь тебе сказочный терем стоит?». Леонид не испытывал даже разочарования – только досаду: и впрямь дурак старый! Не раз ведь уже сказано, даже стихи придуманы – как там... Та-та-та-та, та-та-та-та... Ага... «По несчастью или к счастью/ Истина проста:/ Никогда не возвращайся/ В прежние

места...». Написал этот, как его... Смешная фамилия и ужасный конец... Но раз уж бес попутал вернуться, то надо было по-скорому выбираться, пока хоть какой транспорт ходил!

Леонид сообразил, что единственное место, где можно узнать что-то путное в деревне – это сельский магазин с вездесущей и всезнающей продавщицей, да и бутылочку воды в дорогу купить не мешало... И правда – в том же самом белокирпичном домишке с большими стеклянными окнами, чуть ли не под той же самой навеки выгоревшей и так оставшейся вывеской, что и двадцать восемь лет назад, располагался райповский магазин – и даже немножко страшно было переступить его порог. А ну как случится то, что не раз мнилось на раскопках: шаг – и ты в другом временном пласте! Он почти готов был увидеть пустые холодильники с пирамидками кулинарного жира в бело-голубых пачках, сиротливую кучку пожелтевших огурцов, суровый ряд пол-литровых банок с бурым томатным соусом... Но нет, машина времени на этот раз не сработала, все оказалось как везде: пестрое изобилие искусственных, заведомо опасных для здоровья продуктов. Кстати, вот вопрос: как он теперь без жены питаться будет? Она-то знала, где что покупать, что можно есть, что нельзя, да как приготовить... Сейчас была бы здесь – уверенно бы пошла к нужной полке, посмотрела, положила, махнула продавщице – можно вас? – где тут состав продукта написан, покажите-ка – а он бы только шел себе и шел сзади с корзинкой... Но минеральную воду отыскал сразу, именно ту, что с Ксюшей всегда пили – вот чудеса! – и гордо понес бутылку к прилавку с кассой, за которой стояла бабулька в белом халате. Желая сразу наладить с туземкой добрые отношения, Леонид широко улыбнулся, сверкнув новехонькими зубами цвета слоновой кости («Не вздумай сделать белоснежные – сразу будет видно, что протезы», – тотчас с нежностью вспомнил Ксюхино наставление).

- Здравствуйте! – сказал ей приветливо. – Как все тут у вас изменилось... Почти тридцать лет здесь не был... Что же это с деревней-то вашей стало, а?

«Н-да, вопрос по существу. И, главное, оригинальный», – встрял невидимый дружок.

- Что и со всеми, – спокойно ответила старуха и, прищурившись, длинно посмотрела на Леонида: - Почти тридцать, говорите? Так вы из археологов, наверно? То-то я вижу – лицо знакомое.

Он приосанился: вот ведь, почти не изменился, посторонние люди столько лет спустя узнают!

- Время-то, конечно, никого не красит, – продолжала она, – а только глаз у меня наметанный, да и памятью Бог не обидел: раз увидела – и навсегда! По общему облику любого узнаю, как бы ни постарел человек... А вы-то сами меня что – забыли? Я ведь здесь и тогда работала, и раньше еще... Лёлька-гордячка, вспоминаете?

Лёлька? Он мысленно охнул: пышная красotka лет сорока пяти, с пунцовыми губами и в зо-

лотых кудрях, за которой совершенно бесплодно увивалась колхозная пьянь, почему и прозвали мужики тетку Лёлю гордячкой... Вот эта заплывшая, складчатая, криворукая, остро напоминающая старого бульдога, с клоком будто драного поролона на голове древняя бабка – та самая красавица, будто сбежавшая с картины Рубенса? А ведь она моложе него... Да что же это... Как же...

- Вот и я говорю – что с нами время делает, – перехватив его взгляд, вздохнула Лёля. – Теперь я вспомнила – вы точно раскопками тогда руководили, еще в проклятом доме жили, и жена у вас бойкая такая была... Вот только имя-отчество ваше не припомню.

- Леонид Павлович... – механически представился он. – Почему – в проклятом? Хороший был дом, крепкий... Сейчас, правда, развалился совсем – ну, да здесь многие дома теперь в руинах. Время такое...

Лёля прислонилась к высокому стеклянному холодильнику, кивнула:

- А, точно! Это ведь уже после вас было, тому лет пятнадцать, наверно, или чуть больше – ну, когда скелет там нашли...

- Что-о?! – он выпустил теплую голубую бутылку с водой, и она покатила по прилавку.

Лёля ловко подхватила ее у края:

- С вас сорок восемь рублей, Леонид Палыч... А скелет... Ну да, там действительно труп был закопан. Баба Настя умерла когда – так внук ее оба дома унаследовал, ну и однажды в подвале что-то по хозяйству делал... Смотрит – грунт как бы просевший. Подумал – клад там, что ли? А оказалось – мертвая женщина, так-то вот. Милиции понаехало, опрашивали всех, ясное дело – да только глухо, как в танке. Она уж лет десять с лишним, говорили, пролежала – и концов не нашли... Но жить там, ясное дело, с тех пор никому не хочется...

Леонид дрожащими руками расстегнул кошелек, нашел несколько желтых десяток: точно, лучше бы не приезжал, зачем такие новости на старости лет! Они с Ксюшей, оказывается, и знать не знали, что творят свою любовь прямо над закопанным трупом – вот тебе и правда... От такой действительно и помереть недолго... А он и валидола с собой не носит – все здоровяком прикидывается...

- И что, – прошептал, еле справившись с собой, – так и не нашли, кто ту женщину... Ну...

- Какое там! – махнула рукой старуха. – Даже кто такая – и то не узнали. Здесь в округе никто не пропадал – значит, приезжая... Ни документов, ничего... Только браслет на руке нашли – участковый потом с ним весь район пешком обошел. Всем показывал, да без толку...

На прилавок с какими-то пачками и бутылками сунулась, оттесняя Леонида, толстая тетка, обдавшая его запахом хлева, и старая Лёля принялась добросовестно щелкать костяшками доисторических деревянных счётов. Браслет... Что-то было тесно связано в его сознании с такой вещью... Ах,

да – благородный Журавлев преспокойно украл когда-то на раскопках ценный браслет, который носила потом его дочь Ника! Да какая теперь разница... Он уже выходил на желанный воздух, прижимая к себе попку, но все-таки с безотчетной тревогой обернулся в дверях:

- Лёля, а вам-то показывал участковый тот браслет? Как он выглядел – помните?

Она уже была занята другим – быстро записывала что-то в растрепанной общей тетрадке, сверяясь с большим линованным листком – и потому ответила рассеянно, через плечо:

- Браслет? А, да, браслет... Как сейчас... Необычный потому что... - последовала долгая пауза, в течение которой продавщица, пожевывая губами, озадаченно переводила взгляд с тетради на лист и обратно. – Старинный какой-то... Желтый, но не золотой... А на концах - эти... - Она поднесла ручку к открытому рту и начала быстро-быстро постукивать ею по своим металлическим зубам, не отрывая глаз от какой-то строчки. – Ну, эти, короче... Как их... Змеёвые головы...

Глава 5 Тот самый – какой же еще...

Старый питерский двор вымощен неровно отесанным черным камнем, унылые дровяные сараи стеснительно жмутся к высокой кирпичной стене. Мощная кряжистая липа давно уже проломилась себе путь к жизни, разворотив своим сильным стволом мостовую, и вольно расправила ветви в углу двора, создав там что-то вроде непроницаемого для дождя и солнца зеленого шатра. Вся она покрыта душистыми желтыми цветами, напрасно, как и многие десятилетия до сегодняшнего июньского дня, ожидающими полосатых хлопотуний-пчел, что собрали бы нектар и унесли с собой, чтобы приготовить в сотах целебный мед. Вокруг липы на палках, увенчанных деревянными лошадиными головами, возбужденно скачут несколько бедно одетых ребятишек – в коротких штанишках, поддерживаемых перекинутой через плечо лямкой на пуговице – но, по случаю летней жары, без чулок на резинках. Среди них одна девочка в коротком мятом платье – на ее голове подрагивает небольшой, съехавший набок бант. Коня на палке она только что отобрала от бритого наголо, с одной лишь непонятно зачем оставленной светлой челочкой малыша, вытирающего обиженные слезы в сторонке. Ребяшня грозно размахивает игрушечными саблями, а на кого сабель не хватило – те довольствуются просто палками. У одного счастливца есть вырезанный из дерева пистолет, и он упоенно целится из него в небеса... «Ура! – кричат ленинградские дети. – Ура! Война! Бей немцев!». Что именно они кричат – на картине не написано, но зрителю нетрудно догадаться...

Изувеченный поезд стоит среди голой равнины, со всех сторон под откос в панике прыгают обезумевшие люди. На втором плане видно, как

распласталась по земле нарядно одетая женщина в летней шляпке – она закрывает своим телом маленькую девочку с двумя задорными косичками. Ужас этих страдальцев легко объясним: сверху на бреющем полете несутся два черных немецких самолета – они только что сбросили бомбы на беззащитный поезд с ленинградскими беженцами и теперь поливают пулеметным огнем уцелевших при бомбежке пассажиров. На переднем плане мальчик лет шести, в котором внимательный зритель, конечно же, узнает одного из тех питерских мальчишек, что носились недавно вокруг мудрой старой липы, занеся жестяные сабли над головами невидимых врагов. Мальчик – его зовут Лёня, но до публики этого никак не донести – в недоумении склонился над парнишкой-ровесником, что лежит навзничь в серой траве. Лёня удивленно трогает тонкую черную струйку, бегущую из-под затылка его товарища по детскому саду, и не может понять – как это: только что опрометью бежали рядом вон в те кусты, а теперь...

Опрятная деревянная горница в сибирском доме, за оледеневшим окном – будто трехголовый розовый дракон распростер крылья над низким чужим городком, дымящимся от сухого колючего мороза. Это играют с первыми лучами солнца до сладкой боли прекрасные Саяны... В горнице все тот же ленинградский мальчик – вот и упрямый хохолок на затылке в качестве опознавательного знака – среди еще нескольких печальных детей, с головой укутанных в теплые шали. Он один недоверчиво улыбается, сбрасывая с плеч опутывающий его платок и устремляясь вперед: за ним приехала мама – изможденная тень с одними пронзительно-яркими глазами, у нее едва хватает сил протянуть руки навстречу сыну...

А вот он снова в Ленинграде – уже тыловом городе, подросший на вершок, но не утративший хохолка. Два свирепых быка словно стерегут Лёню и его маму с двух сторон – каждый настоящий, не пришлый ленинградец их знает: это каменные быки у ворот мясокомбината. Мать и сын довольны: сегодня удалось по талонам из поликлиники выпить на мясокомбинате по стакану еще теплой бычьей крови – позади видна усталая очередь за ней, ее выдают сразу после забоя очередного животного, пока не успела свернуться...

Три стандартных щита оргалита были смонтированы впритык один к другому в торце большого зала Союза Художников, а композиция называлась «Мальчик и война». Ника написала детство своего любимого, рассказанное им во время их нескончаемых прогулок, и посвятила свою работу ему. Она трудилась в мастерской подруги, которая иногда ненадолго пускала Нику поработать над большой вещью, но тем не менее, упорно отказывалась разделить с ней на законных основаниях свое огромное помещение, позволив взять на себя половину ежемесячной платы. Вот и прибежала Ника в чужую мастерскую, когда дозволялось, на правах благодетельствованной просительницы робко

проскальзывала через миниатюрную кухоньку в пустой холодный зал, заваленный рухлядью, и там творила свою личную «Гернику». Общая мрачная черно-белая гамма только изредка оживала под Никиной кистью неожиданным цветным мазком: желтые цветы липы, оранжевый всполох взрыва, призрачная розовость Саян, голубой огонь глаз Лёниной мамы, пунцовая кровь погибших быков... Убийственное детство мальчика Лёни, родного ее мужчины. И лично для нее как для художницы – высокая, определяющая планка. «Ты забыла еще две доступные темы, кроме комсомольских строк, если уж они так тебе не по нутру, – с морщинистой улыбкой сказала ей ее старая мухинская педагогиня, когда Ника по традиции пила у нее чай с тортом первого января. – Не запрещаются еще Пушкин и Великая Отечественная война. Ну, на Пушкина кистью, пожалуй, не замахивайся: там на две пятилетки вперед ниши распределены. А вот война, блокада... Можно попробовать. В худсовете одна половина блокадников, другая – фронтовиков: могут расчувствоваться, если в точку попадешь... Ну, и кроме того – связь поколений и все такое... Эх, жаль сорокалетие Победы прошлепали!».

На выставке молодых художников-членов молодежной секции Никина многофигурная композиция, благодаря ее масштабности, нечаянно заняла центральное место – но совсем не случайно стала центром притяжения посетителей, которые буквально сгрудились перед ней, толкаясь локтями и разглядывая детали. Не раскрывая инкогнито, Ника подкралась сзади, беспардонно подслушивая. «Вроде, и тема заезженная – а исполнение!» – донеслось до нее. «Соцреализм у всех давно в печенках, а тут...». «...А тут формализм, батенька, формализм чистой воды». «Ну и что, "Герника" – тоже формализм, а весь мир почти полвека с ума сходит». «Так ведь то Пикассо и на Западе, а здесь девка какая-то зеленая и у нас – разницу понимать надо!» «Ну, знаете, с таким подходом...». «Да перестаньте, что вы заладили – формализм, формализм... Это экспрессионизм. То есть, реализм с эдаким вывертом...». «Не нашим вывертом, заметьте – не нашим». «Нашим, не нашим... А как вы к Мунку, например, относитесь?». «Прекрасно девушка исполнила, прекрасно! Вот посмотрите – этот жест матери, прикрывающей телом ребенка...».

Ника на цыпочках отошла прочь очень довольная: эта здоровая, редкая на официальных выставках атмосфера нешуточного спора – и вокруг чего! – вокруг картины неизвестной молодой художницы – обещала многое, заставляла сердце колотиться предвкушением сюрприза, как в давнем детстве, когда еще была жива мама, и подарки в коричневой бумаге, присыпанные конфетти, лежали под елкой до первого удара курантов... Удар прозвучал незамедлительно, только не курантов, а колокола Судьбы. Придя следующим днем на выставку с группой самых близких, призванных

без зависти разделить ее торжество друзей, Ника обнаружила, что работа из зала исчезла, а на ее месте повешены в два ряда шесть веселеньких акварелей. Она металась по выставке, как мать, потерявшая в толпе ребенка, готовая рычать и рвать на куски любого, причастного к исчезновению ненаглядного детища – а за ней бежали искренне поздравлявшие ее наперебой друзья: «Да ты что, Ника, не понимаешь – это и есть настоящий триумф! Картина провисела на выставке сутки, вызвала фурор и была снята! Да о тебе сегодня же вечером все «голоса» трубить начнут!». Но вечером она неостановимо плакала в очередной гостеприимной мастерской – Менделей в городе оказалось пруд пруди, все примерно одинаковые, и у всех она была теперь желанной гостьей – плакала безутешно и до полного опустошения. Нику не прельщала закордонная слава гонимой властями левой служительницы искусства, ей хотелось законного признания у себя дома, среди тех людей, для которых только и предназначалось ее творчество – а чья-то власть имущая рука просто взяла – и смела ее на всякий случай с ее скромной, узкой, ничью чужую – не дай Бог! – не пересекшей тропы...

Дальнейшие репрессии тоже не замедлили: перед ней не только сразу и навсегда закрылись двери Союза Художников, но и молодежная секция в дружном негодующем порыве изгнала ее прочь из своих сплоченных рядов с надежной формулировкой: за отход от традиций соцреализма. Напрасно Ника призывала в свидетели почтенный призрак члена коммунистической партии Франции, автора великой «Герники» - ее быстро и просто осадили неоспоримым: но вы-то пока не Пикассо! Сушая правда; и все более очевидным становилось, что никем подобным ей стать никогда не позволят...

Но странное дело: приключись такая беда полгода назад – впрочем, тогда никакой подобной работы она в принципе написать не могла – и Ника, пожалуй, дошла бы в отчаянье до черты, за которой слабаки режут вены. А теперь, этой бледной и ветреной весной, в сером пальто и сиреневой шляпе, придающей лицу интересную бледность, сидя с Леонидом на скамейке Михайловского сада и просунув руку без перчатки в его теплый карман, она не чувствовала себя несчастной вовсе. Ну, турнули... Значит, она не посредственность – тех не трогают! Успокаивающе урчал у виска его низкий уверенно-ласковый голос, подрагивали у нее на коленях тугие розовые бутоны во влажном целлофане, бесстрашно бежала мимо, обремененная собственными немалыми заботами первая весенняя городская крыска... Мужчина и женщина касались друг друга волосами и коленями, еле заметный в теплеющем воздухе парок улетал прочь от их уже почти общего дыхания. Соблюдая честную очередность, они поровну кусали от последнего пирожка с мясом и рисом, но жалко было вставать со скамейки, чтобы пойти и купить у ворот еще четыре таких же.

Все это было ново и почти невозможно для

Ники, давно и на отлично окончившей жестокою школу красивой богемной любви, расцветавшей в мастерских на дружеских вечеринках со стихами и водкой, под серьезные разговоры о вечности в искусстве и предназначении художника. Она прекрасно знала, как быстро облетают такие райские деревья, какой горький плод познания приносят, если не остаются и вовсе бесплодными. И вот уж недавний возлюбленный дружески-равнодушно наблюдает, как ты, пылая от вина и надежды, спускаешься в ночное метро с другим – таким же неревнивым и нетребовательным, ждущим лишь будоражащей встряски, действительно способной дать сильный творческий импульс – всегда сколь долгожданный, столь и мнимый...

Мужское рыцарство, бережность, уважительное преклонение – все это в жизни не раз искушенной Ники, обреченно наблюдавшей в зеркале по утрам, как на лице все яснее проступает печать нехорошей опытности, оказалось неожиданным и драгоценным. За ней никто раньше не ухаживал так классически – с букетами при каждой встрече, с пирожными в белой коробке из «Севера» – просто так, потому что она хорошая и очень нравится мужчине. А уж танцевать под оркестр в приличном ресторане... Расскажи Ника об этом друзьям – и расценили бы как забавную эскападу, зачем-то предпринятую в ее и без того нескудной жизни, – а она относилась теперь к каждому дню с трепетом и серьезностью! Вот и молчала даже перед подругами, берегла свою странную тайну любви к человеку не их мира, чужих понятий, казалось бы, незатейливых, но на поверку таких правильных представлений. Главное, что с Леонидом Нике не нужно было постоянно держать себя в напряжении, опасаясь уронить высокое достоинство: он и так с первых встреч возвел ее на такой недостижимый пьедестал, что она со временем стала даже побаиваться, что ненароком там оступится и неудачно сорвется. Зато говорить можно было о чем угодно, даже рассуждать о сомнительных, обычно на язык не идущих вещах – и всегда встретить понимание и поддержку, ни разу не наткнуться на пренебрежение или оскорбительную недооценку... Любовь-дружба постепенно окутывала их нестерпимой нежностью, сохраняя от преждевременной страсти, но однажды на Нику внезапно сошла ледяная лавина страха: Леонид твердо и печально сказал ей, что на лето уезжает руководителем на раскопки. Неделю она прометалась, как укушенная то ли бешеной, то ли нет собакой: сказать, что придет к нему, когда закончит очередное панно с рабочим и колхозницей? А в качестве кого, позвольте спросить? Они ведь, вроде бы, друзья и только? А он вернется через три месяца – чужой. И все. Конец света – всего лишь персональный, но какая разница: ведь даже всеобщий конец станет личным для каждого! И опять... В те дни Ника поняла, что душу может тоже тошнить – отдельно от тела.

Она не знала, что уже через десять дней будет

получать от него каждое утро из дальней псковской деревни такие славные, неуклюже-художественные в угоду ее предполагаемой тонкости письма: «...я никогда не думал, что над отдельно взятой человеческой жизнью тоже может однажды взойти собственное солнце, чтобы светить кому-то одному, и что солнце это – взаимная любовь, что это ты, возлюбленная...» – и она каждый вечер станет отвечать: «Ни минуты не сомневайся во мне, слышишь? Моя любовь к тебе теперь не может ни исчезнуть, ни ослабеть: ей суждено отныне идти только в рост и наливаться теплом, как те золотые колосья, которые зреют вокруг тебя...».

Но прошло три счастливых, прошедших в эйфории труда и любви недели, когда она что было сил гнала вперед опротивевшую работу над агитационным щитом пригородного совхоза, чтобы свалить ее с плеч долой, как тяжелую шубу в оттепель, и – рвануться, раскинув руки... А письма от Леонида вдруг как отрезало. Целых семь дней черные глазницы почтового ящика насмешливо встречали ее в подъезде утром и вечером, и Ника понемногу начала с ядовитым энтузиазмом поддерживать днем разговоры напарницы о том, что «лично она любовью сыта по горло».

Но ненадолго хватило законной женской ярости – из глубины души начало накатами подниматься ледяное чувство: что-то случилось; не мог он вот так просто, в один день – передумать. Это было все равно, как если б конь на скаку споткнулся – и грянулся, а уж встал бы или пристрелить пришлось – то зависело от обстоятельств. Самое простое – простудился, лежит с температурой, до почты не дойти; то же самое – только ногу подвернул. Целую неделю? И никто не пришел к руководителю раскопок, не помог, письмо на почту не отнес? Бред. Руку сломал, писать не может... Ужасно, конечно, но накарябал бы левой короткую записку, а адрес на конверте кому-нибудь продиктовал. Во всяком случае, она сама бы именно так поступила – а придет ли в голову мужчине – Бог весть. Но ведь не может же он не знать, как Ника волнуется, и просто наплевать на нее! Леонид – другой человек, и отношения у них особые... Влюбился с первого взгляда в какую-нибудь ослепительную красавицу так, что мозги напрочь отшибло, а все остальное просто смыло с сердца, как губкой? В теории возможно, конечно, – но ведь не мальчишка же, за пятьдесят лет перевалило мужику... Бес в ребро? Но ведь этим бесом – очевидно же! – была именно она, Ника! И валом валят от нее каждый день письма – не в помойку же он их выбрасывает, не может не читать ее отчаянных призывов! Или – выбрасывает? Нет, для этого нужно было просто в бревно за один день превратиться... Вот именно – в бревно. А вдруг он и лежит – бревном?! Да мало ли какой несчастный случай мог произойти: упал в глубокий раскоп, сломал позвоночник... И теперь в какой-нибудь местной больничке – один, при смерти... Да нет, не может же быть... Что за мысли в голову лезут,

тьфу на них... А все-таки... Или машина... Мотоциклист!.. У этих вообще головы нет, а если еще и пьяный – в деревне-то! Или...

Письмо пришло на тринадцатый день, и у Ники не хватило даже терпения подняться с ним на свой шестой этаж – читала на лестничной площадке у ящиков, под высокой горизонтальной щелью тусклого окна: «Здравствуй, Ника! – сердце оборвалось уже от одного обращения: обычно он называл ее «Солнце». – Извини, что так долго не посылал тебе весточки. Видишь ли, все оказалось не так просто и весело, как было вначале. Здесь, в деревенской глуши, невольно размышляешь больше и глубже, чем в суете города, где велик соблазн бездумно поддаться наплыву чувств. Но чем больше я размышляю, тем более безответственной кажется мне наша скоропалительная затея. Не могу дальше скрывать от тебя: у меня есть обязательства перед другой, серьезной женщиной, чувство к которой началось давно, и всегда было свято для меня. Наш с тобой короткий бурный роман лишь отодвинул главную любовь моей жизни на задний план, но теперь, когда я получил возможность на свободе обдумать все...» - Нике показалось, что дальше на бумаге расплылись такие знакомые ей фиолетовые чернила – но нет, это слезы не позволили дочитать... Ей словно надавали жестоких пощечин по обеим щекам – оскорбительно и незаслуженно... Ну, и пусть убирается из ее жизни... Пусть хоть сдохнет...

Только через несколько часов, почти ослепшая и оглохшая от рыданий, Ника начала приходить в себя на своем старом и верном, из отцовской квартиры спасенном диване. Что-то такое не давало ей покоя, скребло, как колючка, попавшая за шиворот. Неправильное что-то... Она с содроганием взяла это отвратительное письмо и стала внимательно читать с начала, пока не наткнулась на царапнувшее словосочетание: «скоропалительная затея». Какая же она скоропалительная! Ведь он полгода робко ухаживал... А вот еще: «короткий бурный роман»... Да он должен был полностью спятить, чтобы так обозвать их длительные равно-ласковые отношения! Она уже сидела прямо, сердце рвалось из грудной клетки, как лесной зверь, угодивший в капкан. Но ведь почерк-то – его! А его ли? Буквы крупней, чем всегда, но можно списать на волнение... Буква «д» очень характерная, с высоким завитком вверх, а не вниз... А вот «з» и «р» - почти стоят на строчке вместе с другими буквами, у них, наоборот, слишком короткие «хвосты»... Эти яркие черты, собственно, и определяли его почерк, остальные буквы были самыми обычными, как у многих... Да, но раз она с первого взгляда нашла характерные отличия – то почему этого не мог сделать кто-то другой? А если тот человек потратил гораздо больше времени, чем она? Но кому это могло быть нужно? Как кому? А зачем вообще люди изготавливают подложные письма? По политическим мотивам – ну, их можно исключить; еще в разведке, когда пойман-

ного шпиона заставляют отправлять подложные радиограммы, а у него есть тайный знак работы под контролем, – это тоже не подходит... А третье что? Да только любовь, больше ничего и быть не может... Та самая «серьезная женщина», которая, можно сказать, проговорилась, что чувства к ней началось давно... Да – бывшая возлюбленная, которая хочет вернуть его любыми путями... Ника придирчиво осмотрела конверт – еще одна деталь так и выскочила перед ней, как живая: почтовый штемпель оказался не бледно-черным, как все предыдущие, а ярко-синим! И вместо слов «п/о Двуполье» и трех всегда одинаковых раньше цифр, на нем стояло совсем незнакомое название и другой номер почтового отделения! Письмо написал кто-то, кто не знал в подробностях об их с Леонидом отношениях, и конспиративно отправил – отправила! – с другой почты!

Решение немедленно ехать к жениху пришло в одну секунду и больше не отпускало, хотя абсолютно все жизненные обстоятельства будто вздыбились протестом против ее жгучего стремления: напарница взвыла от перспективы остаться на несколько дней без помощи посреди гигантского полураскрашенного железного щита, лежавшего на наскоро очищенном от навоза полу в старом коровнике; стартер в отцовском «Москвиче» слушался ключа через раз, со всей очевидностью обещая хозяйке, что машину навеки застопорит где-нибудь на глухом лесном проселке; живой зуб под неудачной цементной пломбой иногда вдруг словно вскрикивал от резкой боли, не оставляя сомнений в том, что недалеко уж и страшная ночь под знаком острого пульпита – и приключится она именно во время поездки... Но после этого неправильного письма – не то провалившегося резидента, не то самозванки-царицы, стало очевидным, что беда при дверях, и Ника, уговорив товарку и наврава ей с три короба, наплевав на зуб и все-таки не рискнув довериться старому автомобилю, села пасмурным утром, грозившим нешуточным ливнем, на рейсовый автобус до Пскова.

Всю дорогу она не могла избавиться от равномерной, не проходившей и не нараставшей дрожи внутри – такой неотвязной, такой противной дрожи! И казалось, что душа будто промокла и теперь трясется от холодной сырости, как редкие прохожие, мелькавшие на обочине шоссе – съездившиеся под дождевиками, втянувшие жалкие головы в плечи. «Если бы сейчас я взялась рисовать собственную душу, - подумалось Нике, - то лучшего образа, пожалуй, и не найти...».

В Пскове долго пришлось ждать пересадки, не по-июльски ледяной ливень буквально стоял стеной, и только незаметно подошедший, как на медленных дрожжах, гнев теперь поддерживал в Нике силы. В местном автобусе, где полностью запотели все стекла, и словно в предбаннике, стоял тепловато-липкий пар, она поняла, что уже способна ударить «ту» - и даже по лицу, если надо. Она читала когда-то, что аистихи – старая и моло-

дая – часто устраивают в начале весны нешуточный бой у гнезда, где стоит невозмутимый аист – и победившая получает право остаться и отложить яйца. Но нет – предстоит не банальная драка двух человеческих самок за право на место у очага – а изгнание гниды, вредителя, паразита, тайком заползшего в чужую душу и присосавшегося там...

Ника не заметила, как вышла в ранних сумерках у нужного указателя, размашистым шагом миновала мокрое пшеничное поле по широкой скользкой тропе и выбралась на край обезлюдившей в шелесте дождя роковой деревни Двуполье. Насчет поисков дома она не беспокоилась: необходимая ей улица Ленина, наверняка, была именно эта, имевшая все признаки главной – асфальтированная и даже снабженная парой-тройкой фонарей – ну, а дому под номером тринадцать – как хорошо, что она не суеверная! – уж точно предстояло найти метрах в пятидесяти...

За кустами отцветшей сирени горели два уютных окошка – и подумалось вдруг: а если Ленка распахнет дверь, и сразу все окажется каким-нибудь диким недоразумением – ведь оба они ошалеют от счастья! Все разъяснится в нескольких простых и понятных словах – есть же тысячи не подверженных учету возможностей! – и вот сейчас какая-нибудь из них... Ника взошла на крыльцо, откинула капюшон, встряхнула влажными волосами и дважды требовательно стукнула в дверь.

- Иду, Ленчик! – отозвался звонкий голос, сразу вызвавший мысленный образ хорошего женского лица с чистым прямым взглядом.

Гнев выплеснулся из Ники, как рвота: «Ленчик, скажите, пожалуйста!» - и, когда дверь стала бесшумно-ласковым движением приотворяться, она рывком распахнула ее и напряженно гавкнула в сторону испуганно ойкнувшей в полутемных сенях женской тени:

- Леонид Павлович дома? Я его жена, дайте пройти!

Не ожидая разрешения, девушка пробежала несколько шагов и рванула на себя внутреннюю, почему-то ярко-синюю дверь.

В светлой, чисто прибранной кухоньке стоял накрытый с деревенском колоритом стол (крынка молока, глиняные горшочки с соленьями, яркий рушник под караваем, чугунок с вареной картошкой), топилась идеально побеленная печь, висели по стенам золотые связки луковиц... Только краем глаза отмечая все это, Ника уже толкала дверь в комнату:

- Леонид!

- Мужа нет дома, он у аспирантов, - ответил сзади все тот же приятный голос и, помедлив, добавил: - А позвольте узнать, милочка...

- Не смей так со мной разговаривать! – задыхнулась Ника. – Имейте в виду... Не знаю, кто вы такая, но...

- Ксения, - с легкой улыбкой представилась женщина и приветливо предложила: - Да вы присядьте на минуточку. Вам, наверное, стоит кое-что

узнать...

- Я не на минуточку присяду, а очень надолго, - все еще с вызовом, но невольно снижая тон в ответ на вежливость, отозвалась Ника и демонстративно, по-хозяйски уселась на стул у окна. – Потому что намерена дожидаться Леонида и поговорить с ним, а не с вами. Про вас я и так все знаю: вы – интриганка! Крали чужие письма, писали подложные... Какой позор! Неужели вы думаете, что с вами после этого хоть один приличный человек станет разговаривать? И рекомендую вам уже начать собираться – чтобы мы с Леонидом после того, что вы сделали, не вышвырнули вас за дверь как есть!

Выплеснув первую обиду и не встретив ответной агрессии, Ника несколько удивленно рассматривала замершую у печи с прижатыми к груди руками соперницу. Женщина была старше лет на десять – но только гнев и презрение не позволили Нике признать, что Ксения намного симпатичнее ее. Эти гладкие блестящие волосы, высокая грудь, подчеркнутая облегающим платьем женственная фигура... Странная беззащитность сквозила в ее взоре, громадные, будто налитые ртутью глаза словно бы кротко вопрошали: «За что? Что я вам сделала?». И все-таки от Ники, как от опытного портретиста, не укрылась общая туповатость ее черт, что-то непробиваемое почудилось в рисунке короткого закругленного носа, чуть выдающейся нижней губе – да и взгляд в глубине своей был пугающе-дремуч, как у заарканенной, но еще не объезженной лошади. Ника невольно поежилась – будто оказалась в одной клетке с общепризнанно безобидным, но все-таки непредсказуемым зверем.

- Я теперь поняла: вы, наверное, Вероника? Но напрасно вы возводите на меня такие ужасные обвинения... - тихо заговорила Ксения. – Хотя я, пожалуй, понимаю, что вы имеете в виду... Да, меня с Леонидом связывают долгие, почти родственные отношения... Не хочу скрывать – я действительно без приглашения приехала сюда, когда мне вдруг показалось, что между нами пробежала... черная кошка...

У Ники изнутри накатило – как бездна поднялась: «Ей что – только недавно показалось?! Значит, раньше, когда Леня ухаживал, он одновременно... любил... и эту... Иначе она давно бы уже все поняла...».

- ...и у нас состоялся серьезный разговор, - спокойно продолжала та. - Нелегкий разговор, надо сказать... Да, Леонид Павлович рассказал мне про свое увлечение молодой женщиной, Вероникой... О своем сделанном под влиянием момента предложении... Я хотела немедленно уехать, но он удерживал... Говорил, что не может предать столько лет настоящей любви, что ему трудно, он на распутье... Просил поддержки... Моя гордость была, как вы понимаете, серьезно ранена, я ни за что не хотела оставаться в этом доме... Но поддаюсь на уговоры, видя, как он мечется, разрывает-

ся... Ведь мы были близки двенадцать лет – такое со счетов просто так не сбросить, согласитесь! Я поставила условие: ваша переписка должна прекратиться, я не смогу вынести двойственного положения... Он, конечно, боролся с собой, все это не в один день получилось... И... вот что... Да, действительно, должна вам признаться... То письмо, которое вы, должно быть, получили... Ведь вы же получили письмо, да? Ну, в общем, он не сам писал его – мы писали вместе... Если точнее, я диктовала... Да... Просто он не знал, как лучше объяснить... Я и отправила – из райцентра, когда ездила на рынок – чтобы скорей дошло... Ну, да, да: если считать это подложным письмом, то, конечно... В каком-то смысле... Но Ленчик... То есть, Леонид Павлович... испытал колоссальное облегчение... Как после кризиса болезни... Так что я даже не знаю – как вам теперь объясняться с ним – и надо ли объясняться... Может быть, его следует просто пощадить... По человечески...

Ника на миг прикрыла глаза, а когда открыла их вновь, увидела, что вокруг разом потускнели краски – перед ней все как вылиняло: бледным показался и огонь в печи, и вышивка на тканом полотенце, и веселые маки на темно-синих прихватках... Вот она, непросчитанная возможность: все так просто, достоверно и человечно... Нет, она не в силах увидеть его сейчас... Выслушивать жалкие объяснения... Что тут можно сказать... Жив – и слава Богу... Надо идти... Куда-нибудь... Господи, как зуб болит... Какая усталость...

И, наверное, она встала и пошла бы – туда, в дождь, в ночь – только уголки губ Ксении произвольно дрогнули с выражением злорадного удовлетворения, тотчас исчезнувшим, – но это решило дело. Ника твердо вскинула голову:

- Даже если все так, как вы говорите, я все равно предпочитаю услышать это от самого Леонида, - она жестко взглянула женщине прямо в лицо: - И не пытайтесь меня отговаривать!

Тут за окном грянул неистовый собачий лай, означавший, конечно, что по улице идет человек.

- А вот и он! - почти с облегчением вскрикнула Ника, отводя рукой оконную занавеску и сиюсь глядеть в дождливый сумрак.

И в этот момент наступил конец света.

Глава 6 Но не для всех...

Ее первым заработком стали не деньги, а немецкая «вечка». У Ленки Сенькиной, главной и записной двоечницы, отметки за последние недели и вовсе стали такими, что показать их родителям означало, скорей всего, быть битой сначала мамой головой об стенку, а потом папой ремнем по попе. Во всяком случае, каждый раз, когда дневник случайно попадался им на глаза, они именно так и поступали. Поэтому Ленка – крупная, красивая девочка, похожая на трофейную куклу, но отнюдь не с фарфоровой, а железобетонной голо-

вой – дневник дома надежно прятала. Уже больше трех недель классная настойчиво интересовалась, почему нет подписей родителей и, наконец, поставила вопрос ребром: в понедельник либо подписи, либо сами родители. Лена впала в нехарактерное для нее состояние раздумья – а за соседней партией прилежная Ксюша что-то увлеченно рисовала карандашом на промокашке. Сенькина рассеяно глянула – и сердце ее подпрыгнуло: вся промокашка была изрисована идеальными копиями сложной, обильно повитой кудельками подписи ее мамы-парикмахера. С тяжелой грацией породистого щенка Ленка перегнулась через парту, едва не опрокинув чернильницу:

- Слушай, Анисимова... А давай ты мне в дневнике все подписи за последний месяц нарисуй! А то меня дома такая трепка ждет, что хоть топиться иди...

Аккуратная Анисимова не подняла головы, но скосила глаз:

- А ты мне за это что?

- Ну, хочешь, я тебе четыре пирожка с повидлом куплю?! – с восторгом предложила Сенькина.

- Да я сама себе пять куплю... - пожала плечами Ксюша. – А ты мне вот что... Ты мне «вечку» свою отдай – надоело, что все ладони в чернилах.

Двоечница помялась: с одной стороны возвращаться к примитивным «вставочкам» решительно не хотелось, а вечную ручку из Германии привез не успевший погибнуть там старший брат, но с другой – именно он будет зажимать ее голову меж своих коленей в понедельник вечером, пока отец станет охаживать ее по голой заднице широким коричневым ремнем... Уловив колебания клиента, Ксения добавила:

- «Вечку» вперед.

Поставить четыре только на вид хитроумные, а на самом деле элементарные закорючки в чужом дневнике было делом быстрым и легким – зато с того дня она до конца жизни разделалась с оживающими свой долгий честный век царапающимися «вставочками», всегда с тех пор имела чистые руки, всеобщее уважение и регулярный доход. Потому что – кто напишет оправдательную записку учителю от родителей прогульщицы, скопирует любую подпись, добавит нужную отметку в дневник? Конечно, Ксюша Анисимова, у которой талант: минутки три-четыре, прищурившись, посмотрит на чей-то, даже очень заковыристый почерк, и – раз! Готова копия, сам автор не отличит... У нее никогда теперь не случалось недостатка в переводных картинках, цветных карандашах, атласных лентах, симпатичных блокнотиках... В их дружном девичьем классе, после того, как по истории начали проходить многообразные безобразия средневековой Руси, где само собой считалось «поклониться ярыжке двенадцатью собольими шкурками», довольно часто украдкой давался серьезный совет, вроде «поклониться Анисимовой альбомом для рисования». Ну и что?

Когда одна девочка по случаю свистнула из поликлиники целую пачку листков с печатями, именно Ксюша снабжала всех желающих любыми справками о болезни и освобождениями от физкультуры – и писала их не абы как, а разными чернилами и очень взрослыми почерками... Весело было, практически – кто ж знал тогда, что так серьезно в жизни пригодится...

Нет, решительно, не помирать же она собралась – почему вдруг так густо вспоминается детство? Большая хирургическая палата почти затихла к самому глухому часу, когда за высокими окнами без занавесок молодая белая ночь настолько померкла, что свет не лез под закрытые веки, и можно было бы даже задремать немножко, если б Ксения хоть сколько-нибудь привыкла спать в одном помещении со всяким сбродом. К счастью, неприятная соседка угомонилась, не хлебала бесконечно свою воду и не ворочалась, как корова на соломе. Подумалось – может, скоро уже и рассвет, а там и подъем не за горами – в больнице свет включают рано... И сразу – толпа врачей в палате, быстрая выписка, такси поскорей вызвать... Ленчика теревить не стоит – пусть спит, не молоденький ведь уже, да и день у него неприсутственный... Она приедет домой, примет теплый душ – вроде, считается, что в больницах должна быть чистота, а ощущение, будто в грязи вывалялась – наденет шелковый халат весь в пурпурных пионах, с наслаждением выпьет чашку зеленого чая с хорошим куском вчерашнего торта для окончательного утешения и – спать. В мягкой родной постели, на любимом голубом белье с запахом лаванды... Да, про детство... Ему положено быть беспечным и беспечальным – если, конечно, войны нет... Так-то оно так, но...

Не у всех, например, детей в самые мирные времена рождается младший братишка с болезнью Дауна. А родители его так ждали, папа все на коленях перед мамой стоял и живот ее слушал! И ее приучили слушать, она, как дура, перестукивалась с не родившимся еще братцем – и было решено, что назовут Митенькой. Она до сих пор помнит, как у мамы иногда вырастал на животе словно твердый напряженный бугорок – «Ой, пяточка!» - умилялась мама. Папа тут же кидался гладить и похлопывать: «Нет, - говорил с уверенностью и разве только слюни не пускал, - это Митенькин локоток!» А пятилетняя Ксюша подпрыгивала, хлопая в ладошки, и невинно подначивала папу с мамой: «Это коленка!».

Когда мальчик родился, и стало ясно, чем именно он болен, папа очень скоро исчез из дома навсегда – завербовался куда-то на Дальний Восток и начал там новую жизнь – без долгожданного Митеньки, а заодно и без дочки Ксенечки. Первое время мама еще неуклюже врала ей, что отец уехал на мифические заработки, что звучало почти как «чертовы кулички», и пусть нескоро

– но обязательно вернется. Но Ксюша откуда-то знала, что ждать не стоит, разговоры о возвращении папы («Что папа скажет о твоей учебе, когда вернется!») не поддерживала, и мама довольно быстро перестала настаивать. Поначалу она пыталась было невинно пристроить дочку в няньки к убогому сыну («Посмотри на него, он такой маленький и беззащитный, и никому, кроме нас, не нужен...»), но встретила ясный взгляд своей хорошенькой дочери: «Никому, кроме тебя, мама», - кротко поправила Ксения. У них была тогда крошечная квартирка в доме у Нарвских ворот – с деревянной лестницей, холодной водой и закутком в роли второй комнаты – там, за плотной занавеской в душном «алькове», она и провела остаток своего отрочества и пол-юности, без нужды не подходя и близко к маленькому косоглазому обманщику с вечно мокрым подбородком... Не справившись с сыном в одиночку, мать с семи лет отдала Митю в интернат для безнадежных, никогда не звала дочь с собой навещать его по выходным – и в доме сразу стало легче дышать.

Ксения мечтала выучиться на инженера и готова была все силы бросить под ноги своей мечте – а сил почему-то не хватало. Каждый день, каждый миг с досадой ощущала она в своей голове непонятную преграду, словно там находилась какая-то потайная комната, запертая на секретный замок – и жизнь забыла дать Ксении волшебный ключик. Что бы она ни делала – неизменно натыкалась на непреодолимую внутреннюю стену и, освоив с трудом любую науку до определенного предела – как с заткнутыми ушами ни зубрила даты, как ни надрывалась ночью над теоремами, по утрам роняя голову на стол – дальше шагнуть не удавалось. Так познания в математике трагически оборвались на формуле дискриминанта – и дальнейшие попытки поймать хотя бы лучик света в своем личном, других не касавшемся мраке оказывались полностью бесплодными... Когда задавали на дом сочинение на тему «Как я провел лето», она физически слышала трепетание мышинного хвоста под деревенскими обоями, равномерный, уже за тишину сходивший стрекот кузнечиков в мокрых от росы зарослях дикого горошка, призывную трель толстого папы-ласточки у гнезда под стрехой сарая; ощущала благодатную шероховатость морского песка под нежной стопой, еще не огрубевшей от беганья босиком, ледяной огонь утренней колодезной воды; видела пунцовый шар солнца, намертво запутавшийся в листьях почти падающей в розовый залив ветлы, бабушкиного охотничьего кота, хозяйственно волокущего в дом за крыло убитую им в лесу куропатку – и многие, многие другие чудеса, о каждом из которых можно написать поэму... Видела, слышала, осязала – а на бумаге уныло тянулись тошнотворно куцые предложения: «Лето было жаркое. Солнце ярко светило. Было много цветов. Мы ходили купаться, а вечером играли в мяч. Я помогала бабушке по хозяйству...». Так же получалось и со всеми осталь-

ными предметами: чуткость и подробность внутреннего видения – и полная запертость внешнего выражения... Единственное виртуозное умение – скопировать любой почерк или автограф – было неприложимо ни к какому нужному и уважаемому делу, и однажды бывшая двоечница Сенькина, неожиданно обернувшаяся лучшей рисовальщицей в классе и нацелившаяся стать модельером, снисходительно похлопала ее по руке:

- Не горюй, Анисимова: не всем женщинам запускать спутники и создавать шедевры... Кто-то должен и детей рожать... А у тебя, вон, как раз бедра широкие – семерых родишь и не заметишь!

Ксения не могла стать даже скромной фельдшерницей – потому что и в медучилище требовалось сдавать биологию и сочинение... Она и пробовать не стала – сразу без экзаменов записалась туда, где учили на секретарей-машинисток... Мама, много лет скупившаяся на любую доброту к дочери, на этот раз похвалила:

- Молодец. Если б в текстильное какое-нибудь пошла или кондитерское – то на всю жизнь бы в работницах, в платке и халате, замуж – только за работягу. А там тебе и пьянка, и мордобой – и все такое. Теперь устроишься секретаршей – глядишь, и за итээра выскочишь.

Но, знакомясь с молодыми людьми в гостях и на танцах, она долго еще врала, что учится в Политехе, и придумывала смешные подробности из своей якобы студенческой жизни: все-таки не так стыдно было за свою неудачливость; казалось, что люди даже говорят с ней иначе, чем если бы знали, кто на самом деле эта миловидная девушка. Казалось – пока один симпатичный студент-киноинженер, серьезно завладевший как-то раз ее девичьим воображением, не отвел однажды в чужом доме Ксению в сторонку – она думала, целоваться, и побежала вприпрыжку. А он оглянулся по сторонам и незаметно, но железно вдавил ее в стенку, выпятил нижнюю челюсть и зашипел:

- Слушай, ты! Хватит тут из всех дураков делать! Ты что думаешь, никто не видит, что ты такая же студентка, как я китайский император? Ребятам просто неудобно за тебя – вот и молчат, а мне надоело, поняла? Не знаю, ткачиха ты или там продавщица какая-нибудь – только в следующий раз ври умнее, ясно? И не в нашей компании. Все, давай топай отсюда, пока я тебе не навешал!

- А что значит – врать умнее? – обреченно спросила растерянная и обиженная Ксюша, вовсе не рассчитывая на подробные инструкции.

Но, к ее удивлению, они последовали. Уже отошедший было юноша вернулся и усмешливо посмотрел на нее:

- Пожалуйста. Пусть это будет мой тебе, так сказать, прощальный подарок. Слушай сюда: во-первых, ври только так, чтобы нельзя было тебя проверить... Во-вторых, сочиняй исключительно в той области, которую хорошо знаешь... В-третьих, ври как можно ближе к правде... В-четвертых, ты должна сама искренне верить в то, что гово-

ришь...

- Я не сумею... - безнадежно прошептала она.

Взмахом руки он отбросил небрежную челку:

- Чепуха, все приходит с опытом... А в-пятых, самая лучшая ложь – это истина. А-а, удивляешься? И напрасно! Настоящий, виртуозный лжец не произносит ни одного слова неправды, и его нельзя ни на чем подловить. Но в целом его слова полностью искажают информацию, являясь стопроцентной ложью... Хотя этому учиться и учиться, но... - он пристально взглянул ей в глаза: - У тебя точно получится.

- Как это? – спросила Ксения, одновременно чувствуя удивительное: та самая намертво запертая дверь в ее сознании вдруг медленно и туго подалась внутрь; появился слабый луч таинственного света – и осталось только сделать последнее усилие...

Она вздрогнула. Паренек с напором продолжал:

- Вот возьмем, к примеру, твою неудачную легенду – второй курс Политеха и прочая чушь... Кстати, кто ты на самом деле? И почему действительно в институт не поступила? Но сейчас – слышишь! – говори только правду!

Ксения всеми клетками почувствовала, что настала сакраментальная минута жизни, и не стала ничего из себя строить:

- Машинистка... В университете работаю, на историческом факультете. А не поступила... Не поступила, потому что у меня тройки по всем предметам... Ну, короче, все говорят, нет у меня никаких талантов, кроме как быть женой и матерью... Только абы за кого идти не хочется... Чтоб потом всю жизнь с битой мордой не ходить... Ну, я и стараюсь попадать в приличные компании, где нормальные парни... На лицо-то я не уродка, и...

Пренебрежительно выставив ладонь, он пресек ее рассуждения и кинул краткий вопрос:

- Мать-отец, сестры-братья?

- Одна мать, на обувной фабрике бухгалтер; младший брат – даун, в интернате; отец бросил, конечно, - с той же похвальной краткостью доложила она.

Он кивнул:

- Правильно сделал. Что там историки на факультете меж собой говорят, что печатать тебе дают – сечешь иногда? – (Ксения торопливо кивала). – Тогда вот что...

Минуты две он размышлял, наморщив лоб, потом лицо прояснилось:

- Вот отныне твоя абсолютно правдивая история. Ты нормально училась в школе (свой троичный аттестат спрячь подальше и никому не показывай), но не на отлично – скажем, хорошистка с парой пятерок. Мечтала поступить на истфак – но дома у вас беда: маленький братик стал инвалидом (в подробности не вдавайся, но помни, что именно стал, а не родился: на девушке, у которой брат с врожденными отклонениями, вряд ли кто

женится), лечение требует много денег, а отец вас бросил. Мать старая и больная, негоже ей одной надрываться... Хм... Бухгалтер, говоришь? Нет, пусть лучше финансист – кто там будет разбираться в тонкостях, а звучит солидней. Ты сама решила помочь матери и не идти пока в институт, а работаешь в Универе на любимом факультете – кем, уточнять не обязательно. В самом ближайшем будущем планируешь идти на вечернее отделение – кто это проверит, ведь планы далеко не всегда осуществляются... Вот и все! Много тут лжи? Да почти ни слова! А человек – другой: не жалкая врушка-неудачница не пойми какого роду-племени, а девушка-героиня из культурной среды, жертвующая собой для любимой мамы и братика. (Ты их обоих терпеть не можешь – я угадал?). И никаких разоблачений: все достоверно, - он помолчал и заговорщицки подмигнул ей: - А я сам-то – знаешь, кто? В кинотеатре механик...

Потрясенная Ксения молчала: из широко распахнутой заветной двери ей в лицо сиял ослепительный свет.

Только она начала задремывать, как мимо двери прогрохотала каталка – в одну сторону, потом в другую – и снова ее хрупкий сон был грубо разбит. Бессонная ночь всегда мучительна и дома – а уж в таких-то условиях...

Случалось ей, конечно, и раньше до утра смотреть воспаленными глазами в постепенно светлеющий потолок – особенно в тот год, когда казалось, что жизнь уже не выправится, что теперь остается только доживать – как-нибудь, где-нибудь... Она тогда лежала и горько думала о том, что ее любимый человек оказался таким же, как и все прочие мужчины: сначала мог предложить ей только несколько напрасных лет унизительно тайных встреч, потом заставил развестись с мужем, потому что гордость его страдала оттого, что он в ее жизни не единственный. Она с пониманием отнеслась к невозможности его собственного развода – но ведь жена бросила Леню сама, и он освободился! Ксения уже мысленно праздновала победу, чуть ли не платье свадебное приискивала себе – ведь он был ей обязан, после стольких-то лет! А любимый, наоборот, вместо радостного сближения, стал стремительно отдаляться, лишь раз или два удостоил милостивым посещением – и пропал. Она снова готова была ждать и прощать, списывая его охлаждение на усталость и стресс: так ласкова, услужлива была на работе – а он и внимания не обращал. Думала, хоть перед отъездом на раскопки подойдет, повинится – но он даже не изволил попрощаться с ней! Уехал, будто ее и не было! Несколько дней Ксению воротило от еды, пропал сон, на цыпочках уходила последняя красота... Она уже понимала, что Леонид попросту решил начать новую жизнь – и, разумеется, с новой зазной – а ее, так преданно ему все годы служившую, просто отставил в сторону, как будто

убрал в чулан отслужившую вещь... Кто та женщина? – надрывалась ночами Ксения. Она знала, что не из их, факультетских: такое известие давно бы уж прополоскали на всех кафедрах! Значит, со стороны – и никаких подходов к ней нет... Преодолев гордость, она написала знакомой аспирантке на раскопки, умоляя ответить, с кем там живет Леонид – и с некоторым облегчением получила обнадеживающий ответ, что один. Может, они расстались с той, и он по возвращении одумается и придет?!

- Ты чего, мать, спятила – сидеть и ждать у моря погоды? – сказала ей, придя в гости, бывшая соседка Жанна – медсестра, сохраненная на всякий случай в старых приятельницах – и для доходчивости звучно постучала пальцем по собственному лобастому черепу. – Так он и примчался – жди с зажженной свечой: если и прилетит разок, то только как на запасной аэродром, пока нет ничего свеженького. На твоём месте я бы, конечно, давно его послала куда подальше, но раз уж ты так зациклилась... Короче – если нужен, то борись за свою любовь, борись до последнего – вот что я тебе скажу! И не вздумай опускать руки!

- Да как бороться, как бороться?... - всхлипывала полностью опустошенная Ксения. – Он, похоже, и знать меня больше не хочет... Письмо напишу – не ответит... Или, еще хуже, ответит, что все кончено... - В ее пальцах ходуном ходила догорающая сигарета, кофе остывал нетронутым. – Мне жизнь опротивела... Псу под хвост пошла... Семью потеряла, сын отвернулся... Мне иногда хочется руки... руки на себя... - оттолкнув пепельницу и чашку, она зарыдала.

Приятельница встала и, обогнув стол, прижала голову Ксении к своему рыхлому теплему животу:

- Надо взять себя в руки... Письмо писать – это, конечно, глупость полная... А вот раз этой сучки его там нет – то надо тебе срочно брать отпуск и самой туда ехать... На месте разберешься, что к чему... Только запомни: никаких упреков... Никаких выяснений отношений – Боже упаси: тут же пинками выгонит! Смотри: главное – приехать не утром, чтоб действительно сгоряча обратно не отправил с какой-нибудь оказией... А попозже вечером, когда ясно будет, что домой тебе не добраться... Если даже автобус туда раньше придёт – хоть в лесу жди, а к нему не беги сразу...

Ксения перестала всхлипывать и высвободилась. Подняв голову, она внимательно смотрела на Жанку; в мозгу опять, как однажды в юности, быстро и чудно прояснилось.

- А на ночь оставит – считай, твоя победа, - спокойно продолжала подруга. – Даже если учесть, что они прямо перед его отъездом переспали – все равно он уже три недели постится. И чтоб мужик при таких условиях красивую бабу из своей постели выгнал – да ни в жизнь не поверю! Да еще бабу, которая ничего не требует, ни о чем не спрашивает, со всем соглашается... А там – сама

знаешь: ночная кукушка всегда дневную перекукует... Тем более ты за столько лет все его слабые места вычислила, знаешь как облупленного... Ну, словом, не мне тебя учить...

- Он ведь наверняка ей звонить бегаёт! Мне же звонил раньше из своих экспедиций! С этим-то как быть? – Ксению уже маятником мотало по кухне: три шага туда, три – обратно.

- Побегаёт и перестанет, - пожалала плечами Жанна. – Да и вопрос еще – бегаёт ли. У нее телефона может не быть, на почте у них не обязательно есть междугородний... Куча сложностей... Конечно, узнать это надо сразу же... Но, скорей, они письма пишут... А тут уж придется проявить фантазию...

У Ксении перехватило дыхание:

- Ты имеешь в виду – письма как-нибудь... того...?

Жанна подошла и крепко взяла подругу за плечи:

- Ты идешь ва-банк, поняла? Ты борешься за свою любовь. За его и свое счастье. За будущее – потому что тебе не поздно еще и ребенка родить – для себя. За справедливость, наконец, потому что ты ее заслужила. А в такой борьбе – даже не сомневайся: все средства хороши. Абсолютно все. Кроме разве что убийства. Даже если на подлянку, например, потребуется пойти – не вздумай отступать из каких-нибудь благородных соображений – слышишь?

- А как же – мораль? – неуверенно спросила Ксения. – Ну, там, нравственное чувство...

- Морально то, что в конце концов приносит пользу, - отчеканила подруга как по писаному. – Вот у нас в абортарии некоторые тетki сокрушаются, что поступают безнравственно. А очень нравственно, интересно, если ребенок будет расти в условиях нашей советской нищеты, а пьяница-отец будет каждый день бить его по голове? Вот и у вас. Очень морально было со стороны твоего Ленчика проматросить тебя десять лет, лишит семью, дома, сына – а потом, когда появилась возможность вступить с тобой в законный брак, вместо этого спутаться с какой-то шалавой? Кроме того, сама знаешь: мужики – это вечные дети, которым подавай мороженое. А если горло больное? Кто остановит такого... лакомку? Только мать, между прочим. Женщина. Ленчик твой и понятия не имеет, что для него лучше, что хуже, ему приспичило здесь и сейчас – а потом трава не расти. Все они такие. Но ты-то знаешь истину: кроме тебя, для него никто столько не сделает, никто его так не полюбит. А мораль, Ксюха... Сколько людей, столько и моралей. Только правда одна. Как в песне.

Ксения молчала: ее особая дверца внутри вновь была широко открыта, и где-то вдали будто вставало другое, более яркое солнце.

Нет, заснуть оказалось принципиально невозможно – но не хотелось и шевелиться. Все тело словно оцепенело в странной полудреме, постепенно светлело за окнами, мысли текли плавней,

с благодарностью вспомнилась Жанна. Надо бы попробовать разыскать ее, ведь с того дня так и не пришлось увидеться – настолько круто повернула жизнь на хорошее, что не хватало времени на праздные встречи с людьми из прошлого. А ведь помогли ее советы бывалой женщины, без них, может, и не управилась бы так удачно...

С письмами получилось – идеальной некуда.

Убедившись, что Ленчик собственноручно относит свои на почту и там же получает послания от зазнобы, Ксения поначалу приуныла: тут уж не украдешь их из почтового ящика, не примешь из рук почтальона... В тяжелых раздумьях отправилась она на разведку к почте и, проходя под ее окнами, раскрытыми по случаю редкого тем летом жаркого дня, вдруг услышала отчетливые женские причитания. Она остановилась и прислушалась.

- Хватит уже, хватит! – сквозь слезы кричала женщина. – Не верю я больше ни одному твоему обещанию... Кобелюкой всю жизнь был – кобелюкой и остался... Троих детей нажили – все неймет-ся! Лучше бы уж пьяницу Бог послал: проспался – и опять хороший... Мне по деревне ходить – срам один, потому что люди пальцами показывают!

- Бу-бу, - приглушенно ответил мужчина. – Бу-бу-бу... Бу.

- Ага, любишь, как же! – еще пуще зарыдала женщина. – Любил бы – не таскался бы к этой на виду у народа! А ты – ты на всех наплевал – на мать, на детей, на меня... Любит он! Вопрос только – кого!.. Как человека тебя прошу – ну, уйди ты уже к ней совсем, не мучь ты меня больше!.. Сил ведь никаких нету – гадать каждый раз, где ты и с кем...

Мужской голос снова успокаивающе загудел – но сразу был прерван истерическим воплем:

- Убирайся с глаз моих! Еще на работу имел наглость припереться! Вон, пока не прибила!

Со свистом пролетело и шмякнулось что-то тяжелое, и по деревянной лестнице сразу дробно затопали шаги; Ксения отпрянула от окна и скрылась за угол. Получалось, что почтарке изменяет муж – а значит, они оказывались полностью подругами по несчастью... Ну, какая женщина не поможет другой в таком горе, особенно той, к которой искренне расположена! – и Ксения решительно повернула обратно к дому.

Была у нее с собой одна драгоценность: едва начатый флакон изысканных духов «Клима», привезенный ей в качестве презента из Москвы, из знаменитого на всю страну единственного магазина настоящей французской косметики, одним очень пожилым профессором, которому только она много лет подряд перепечатывала все его впечатляющие труды. Ксения достала из чемодана плотную квадратную коробку, подняла крышку. На голубом бархатном ложе, как огромный бриллиант искусной огранки, сверкал изящный флакон со светлой жидкостью. Почти полный, потому что его трепетная обладательница только изредка, по торжественным случаям, позволяла себе нане-

сти за оба уха по капле драгоценного аромата – а сюда захватила в качестве тяжелой артиллерии, помня, как в прямом смысле дурел Леонид от запаха ее кожи, когда ловил неземную волну неизвестного ему происхождения. Даже в своей критической ситуации Ксения посмотрела на флакон с горьким чувством предстоящей утраты – но тут же улыбнулась. Она быстро извлекла из сумочки большой темный пузырек с витаминами и вытряхнула остатки в помойное ведро – их оказалось всего ничего! Понюхала – бутылочка ничем не пахла. Тогда с величайшей осторожностью она перелила туда три четверти бесценной жидкости из флакона и плотно заткнула пузырек пробкой. В Ленинграде она перельет хитроумно сохраненные духи в точно такой же пустой флакон от «Климá» в коробке небесного цвета, что остался от лучших времен, когда Леонид тоже делал ей подарки, – и, таким образом, почти не понесет ущерба! Ну, а почтарка... Ксения долила дорогой Лёниной водкой флакон с остатками духов, хорошенько взболтала, понюхала: русская водка нимало не перебила французскую парфюмерию! Пахло почти так же божественно – что ж, пусть вместо духов теперь будет туалетная вода: в этих диких местах люди не слишком разборчивы. От такого подношения что почтарка, что свинarka – одинаково быстро поступят в добровольное рабство...

Она не ошиблась: через двадцать минут переговоров с усталой заплаканной женщиной – иссе-ра-бледной, с вьезшейся в руки землей, в синем штапельном халатике – Ксения без хлопот выторговала безоговорочное право получать в собственные руки письма обоих прелюбодеев, дружно заклеивших честными женами. Всего-то ничего и потребовалось: «Вижу, глазки заплаканные... а я-то уж свои слезы все выплакала... да так, ничего... ладно, скажу, что уж... муж другую нашел... как – и ваш?! – да что вы говорите, быть не может – такая красавица... расскажите, мы ведь товарки по несчастью... трое детей?... ах, какой подлец... ну что вы, что вы, не плачьте так... вот хотите, я вас утешу... смотрите, какая красота... искала, кому продать, а вам так отдам... нет, нет, не благодарите – мне в удовольствие... хоть кому-то радость... а мне-то, старухе, зачем уже... вы такая милая, все у вас еще будет... да нет, со мной все кончено: уходить собрался... двадцать лет прожили, и вот... письма носит ей каждый день... сами знаете, через вас же идут... и она ему тоже... а я уж так... хоть напоследок пожить с ним... помочь чем-нибудь... все глаза проплакала... ой, нет, я и прикасаться к ним не хочу – такая гадость... чужие письма, да еще от этой – нет, нет... вы думаете?... нет, не могу... да?... хотя действительно... может, правда – постепенно забудет, если письма не придут... а что – хорошая идея... хотя не очень нравственная... вы считаете?... ах, умничка вы моя... я ведь и не чаяла...

Тогда вы вот что: все его и ее письма откладывайте в сторону подальше, а я где-нибудь в полдень буду их забирать. Ну, а Леонид Павлович

спросит – скажете, ему, мол, ничего не приходило. Понятно? А если справитесь с этим, я вам потом еще пудру подарю – «Ланком». Так что – можно считать, что мы договорились, милая?».

Почтарка уже не благодарила Ксению за щедрый подарок: она прекрасно поняла, что духи ей вовсе не подарили. Но и расстаться с чудом, никогда не являвшимся даже в мечтах ввиду полной несбыточности последних, было невозможно по определению: вырвать у нее теперь флакончик из рук можно было только вместе с самими руками. Отдать за него хорошей несчастной женщине какие-то чужие письма? Да еще подлеца и подлюки? Да с нашим удовольствием! А вот она к ночи надушится как следует, Толька понюхает – и с катушек. Еще посмотрим, как он к той поскачет после этого – та-то, небось, в коровнике работает!

Так первая и главная забота отпала, оставалась сущая безделица. С самого начала было очевидно, что, долго не получая писем, хоть один из любовников – да бросится к другому выяснять, что случилось – и тогда уж ей пощады ждать не придется! Леонид человек решительный, эту тетку с почты в одну секунду так припрет, что она на месте все свои страшные тайны выложит... Но способ предотвратить их совершенно лишнюю встречу, Ксения придумала сразу, как только получила письма в свои руки. Надо же – Журавлева Вероника Николаевна! Уж не дочь ли того великого Журавлева, о котором вся кафедра, включая и Ленчика, говорит не иначе как с придыханием? И такими делами занимается – рушит чужие жизни, сманивает мужей... Хоть и противно было читать бесстыдные излияния, но чувство законного возмущения человеческой подлостью укрепило ее вполне: ведь нужно было досконально изучить почерки обоих!

Даже теперь, через двадцать восемь лет, в утренних сумерках лежа в казенной постели, Ксения улыбнулась: вот этого бы точно никто, кроме нее, не смог сделать – ни за какие коврижки. Потому что ни у кого не было такого с детства данного таланта...

Чтобы пылкие любовники больше знать друга друга не захотели, требовалось нечто, что обоюдно обидело бы их, оскорбило до самых печенок. Ну, что могло оскорбить Ленчика, ей было понятно из его глупых писаний: он ужасно боялся, как бы молодайка не сочла его стариком – а сам, дурак, ей во всех письмах напоминал о своем возрасте. Ну, а та изо всех сил выставляла себя эдакой неординарной личностью – нагладелась уже на них Ксения. Для такой самое страшное – если кто-то обойдется с ней пренебрежительно, как с примитивной дамочкой без мозгов. На изготовление двух оскорбительных писем времени хватало с избытком: голубки должны были хорошенько дозреть до их получения, измучившись молчанием своих адресатов... Но и передержать было страшно: а ну как кто-то сорвется и полетит раньше времени! Фио-

летовые чернила Леонида стояли тут же, на столе, а за таким же черным стержнем, как у Ники, пришлось даже съездить в Псков – под предлогом купить себе шляпу от солнца – ничего, нашелся как миленький – в отличие от шляпы... И настал день, когда, осторожно отпарив конверты, Ксения вложила в каждый новое содержимое. Тот, что был из Ленинграда, с последней датой на штемпеле («... просто ответ – жив ли ты, мне главное знать хотя бы это, ведь я уже начинаю думать о самом худшем!!!» - напрасно вопияло вынутое из него письмо), аккуратно прислонила к вазе с цветами. А что такого, она честная женщина: захватила на почте послание для друга заодно со своим, от мамы, и, не распечатывая, принесла в дом – почта-то вечером все равно закрыта, не ждать же ему до завтра! Со вторым письмом – для соперницы – пришлось ехать в райцентр, чтоб не показалось честной почтарке странным, что жена вдруг лично принесла на отправку письмо от мужа к любовнице...

А по дороге обратно, когда автобус трясся по усеянной ямами грунтовке, перед глазами у Ксении внезапно позеленело, изнутри поднялась гнусная тошнота, пелена дурноты на минуту заволокла оком, руки взмокли... Она еле отдышалась, еще не веря себе – но сердце уже колотилось бурной радостью: это – оно. Ксения быстро подсчитала дни – точно. И если до той минуты со дна души еще изредка всплывали какие-то сомнения и страхи (например, что сделает Леонид, если обман ее все-таки вскрыется через какое-то время), то отныне они растворились сами собой: она знала, что теперь не одна, и бороться предстоит за двоих. А если правда и выйдет когда-то наружу, то уже поздно и невозможно будет что-нибудь изменить...

Дальше в памяти глубоко копаться не следовало – и благоразумная Ксения, с усилием прогнав уже устремившееся вперед воспоминание, перевернулась на спину и поправила на себе одеяло: дрема все-таки начала одолеваять измученный этой ночью мозг. Но Ксения чуть-чуть кривила душой, убеждая себя, что ее никогда не мучают кошмары. Нет, был у нее один – не то что кошмар, но сон настолько знакомый, что, когда он приходил, она сразу понимала, что спит, и, более того, помнила, что нужно сделать, чтобы немедленно проснуться... Она снова стояла в подвале – и все, как обычно, оказалось в порядке: никто не тронул гнилые доски в углу, из крошечных окошек тек обыденный серый свет, пора было уходить; она знала и почти не боялась, что вот сейчас откинута ею дверь подвала начнет сама закрываться у нее над головой и – да! – станет страшно на миг, но нужно просто взбежать по лестнице, оттолкнуть ее обеими руками, выскочить наверх и – проснуться... Так она и сделала... – уф, больница!.. Ну, конечно, этот сон всегда приходил в моменты волнений! И корни свои имел, и ноги – а как же...

Воспоминание все равно прорвалось к ней –

может быть, потому, что за высокими больничными окнами все еще стояла светлая ночь – почти такая же, как тогда: откуда-то взялся частый утренний дождь (наверное, пошел, пока она лазала по подвалу), ритмично стучали капли по жестяным карнизам... Дождь в ночи либо успокаивает, либо пугает...

Ксению всегда пугал, потому что в тот вечер в Двуполье ливень обещал ночную бурю, а Леонид ушел в обжитую летом школу, к своим: веселые аспиранты уговорили его заглянуть к ним на рюмочку коньячку. Она ждала любимого с некоторой обидой, потому что с собой он ее все-таки не пригласил. Была бы женой – пошли бы вместе, а так получалось, что он как бы не особо стремится легализовать при людях ее положение... Обида нарастала, усугубляясь тем, что все средства воздействия были исчерпаны, оставалось только ждать результат – а все словно повисло между небом и землей... Накрыв на стол к ужину, Ксения приуныла: настало ли время для решительного разговора? Только надумала еще чуть-чуть подождать, как в дверь дважды требовательно постучали. Уверенная, что это вернулся Леня, и готовясь уже сушить его – мокрого, забавного, бубнящего из-под ее настойчивого полотенца о «совершенно несостоятельной теории позднескифского происхождения» чего-то там, она отодвинула засов – и едва не была сметена человеком, стремительно ворвавшимся в дом. Этот чужой человек оказался – женщиной... Слишком молодой для дочери Журавлева – внучка, что ли? Мокрые рыжие волосы падали на мелкое крысиное личико... И вот на эту Леонид хотел променять – ее?... Она запомнила, как в ту секунду словно гладкий ком льда упал от сердца в низ живота – и там остался – вымораживая, губя, истребляя...

Следующие четверть часа в память Ксении не уместились – но она знала, на что это было похоже: словно безвинного человека, грубо сорвав одежду, бросили в прорубь – и мощное ледяное течение подхватило его, унося во тьму. Этим несчастным была она – из последних, но уже нечеловеческих сил цеплялась до мяса разодранными руками за острые ледяные края, на миг выныривала, хрипя и задыхаясь над черной водой под далеким звездным небом, но потусторонний холод уже сковывал с головы до ног, навеки парализуя и тело, и волю. Она отстраненно понимала, что даже терпеливо говорит с той, оскорбившей ее с порога, – и проносит единственно возможные и правильные вещи, подсказанные оттуда, из-за вновь спасительно отворившейся внутренней двери – но ни единого слова не сохранилось в памяти! В мозгу стучало – гремело – грохотало – одно: счет идет на минуты, за которые она обязана удалить, убрать, растворить в воздухе эту мелкую рыжую крысу, все время трогаящую противной розовой лапкой свою подпухшую щеку. Иначе – все напрасно, напрасно, напрасно! Где она просчиталась? Почему из маленьких злобных глазок крысы летят в нее

такие острые, такие победительные искры? Как сделать так, чтобы она уползла, убежала, исчезла – чем напугать? Или усюветить? Но еть ли у крысы совесть?!

В начале улицы захлебнулась лаем собака – страшной этого звука в тот миг не могло быть ничего, потому что это означало: все кончено. Три минуты проходило всегда от первого гавка дурного цепного пса, исходившего хрипом и лаем при виде любого прохожего, до стука в дверь. До катастрофы, разоблачения, позора, изгнания оставались ничтожные полторы сотни секунд. Поняла это и рыжая нечисть, нагло вломившаяся в ее дом и жизнь – глянув на онемевшую Ксению с неприкрытым торжеством, она откинула занавеску... И в этот момент, не думая о том, что делает, только зная, что другого способа нет, Ксения схватила со стола чугунок с горячей, политой пахучим маслом и посыпанной укропом картошкой – и со всей силы обрушила его на затылок вражины. Та повалилась без звука и без единой капли крови. Пятидесятилитровый бидон с колодезной водой Ксения отставила на метр одним движением, мгновенно откинула лоскутный половичок, на котором он стоял, отпахнула деревянную дверцу глубокого лаза в подпол. Подтащить неподвижную рыжую девку к отверстию, ухватив ее за обе ноги в промокших кроссовках, оказалось проще простого. Внутри Ксения спихнула ее двумя толчками своих сильных рук – и та даже перекувырнулась через голову, падая по крутой лестнице, но нельзя было потратить и секунды, чтобы взглянуть на упавшую – осталось только успеть схватить с полу ее рюкзачок и сбросить его следом за владелицей. Закрывая дверцу подвала, наспех постилая обратно половички, Ксения уже слышала боковым слухом неторопливые шаги Леонида под окнами, а бидон поставила обратно как раз в то мгновение, что прошло между двумя его звонкими ударами в дверь. «Иду, Ленчик!» - громко крикнула она, распрямляясь, но, когда он, повесив в сенях насквозь мокрый дождевик, вошел вслед за ней в кухню, бормоча и весело поеживаясь, Ксения уже колотилась в слезах и судорогах на полу среди раскиданной картошки, над пустым, покачивающимся на боку чугуном...

- У нас будет ребенок!!! – кричала она. – Слышишь, ты?!! Я больше не пойду на аборт, не пойду, не пойду, хватит!! Ты отнял у меня одного сына – так дай хоть родить другого!!! Да скажи же ты что-нибудь!! Не стой, как истукан, и не молчи мне тут! Не смей молчать!!!

Леонид подошел и присел с ней рядом, помолчал с минутку и осторожно обнял за плечи:

- Ну, будет, так будет, - примирительно сказал он, наконец. – Иваном назовем. Ты не против? Ну и ладно...

Вот тогда и настала ее самая страшная ночь – ночь, искупившая всю жизнь на тридцать лет вперед... Над деревней, затертой меж двух бескрайних полей, давших ей в давние времена красивое имя, разразился в те часы нешуточный

ураган. Река Плюсса, не хуже великой мастерицы на эти дела неласковой Невы, ярилась где-то под холмом и ревела бешеным медведем, рвущимся из клетки. В окна летели небесные горсти крупного града, колотило о наружную стену сорванный рукой шквала резной наличник... Лицом к стеночке уютно, по-щенячьи посапывал умиротворенный Ленья, а Ксения лежала на спине с широко распахнутыми во внешнюю тьму глазами, не в силах шевельнуть даже пальцем и еле переводя дух. Она вся была устремлена туда, вниз, где кучей ломаного хлама валялась *та* – а может быть, уже не валялась, а очухалась и копошилась, ища выход, как недобитая гадина...

...Мертвая она или нет? Или в любую минуту может, как непогребенный утопленник у Пушкина, постучать холодной рукой в окно?.. Какое окно – она же внутри дома! Нет, нет, она не выберется наружу, ни за что не отодвинет тяжелый бидон с водой! А если начнет кричать, биться... Вот сейчас... Что там за звук – кажется, внизу?!! Нет, показалось, это ветер полощет ветви сирени... А теперь... Шаги!!! Показалось... Или нет?!!

До самого утра обрывалось и стыло сердце, фантастические образы вставали перед лезшими от ужаса из орбит глазами, и закрыть их было нельзя: тогда казалось, что *она* стоит уже прямо над кроватью, и насмешливые глаза горят зеленым в темноте – как и должны гореть у крысы... В какие-то моменты приходило понимание, что после такого удара не мог выжить ни один человек, но сразу набегали сомнения: ведь крови-то не было! Должна была быть или необязательно? А вдруг – она лежит там живая, но не может встать – что тогда?!! Одно дело ударить, не думая, и совсем другое... добить на следующий день... А что же делать?!! Ответ только один – довести начатое до конца, потому что теперь одной из них на земле нет места...

Утром стояла восхитительная, парная тишина. В окне, словно поднимаясь из взбитой сливочной пены, возвышалась на туманном холме горбатая спина тысячелетнего кургана... Ксения все-таки заснула, обессилев на исходе ночи – и Леонид, выпив вчерашнего молока с ломтем сыра на горбушке батона – в двух метрах от нарядного половичка, на котором сверкал отчищенный до блеска бидон, – ушел на раскопки. Он не решился потревожить любимую женщину – ждущую ребенка, подлежащую нежной заботе и слегка приболевшую...

В одной рубашке убийца бросилась к лазу, вмиг, не задумавшись даже, своротила бидон, откинула дощатую дверцу... Она уже знала: если нужно – добьет, и рука не дрогнет: в ней – ее Ванечка. «Ты не против?» - о, еще бы она противилась... Но Рыжая не шевелилась, мертвая давно и бесповоротно. Холодное сомнение ворохнулось в Ксении – как такое может быть? – только вчера ходила тут по-хозяйски, грозила уверенным голосом... И вот лежит поваленным манекеном, вместо глаз – два тусклых слизня, голова запрокинута... Она пригляделась, преодолевая отвращение:

не может так быть повернута голова – ни у живого, ни у мертвого! Что же это? А это – сломаны шейные позвонки! Выходит, не она ее убила – случай! Она просто – стукнула, не зная что делать, просто слепо стремясь пресечь обволакивающий кошмар... А уже падая, женщина сломала шею... Это – случайность! Но кто теперь этому поверит...

Ксения выпрямилась и с шумом вдохнула воздух, босиком стоя на песчаном полу: нужно немедленно прийти в себя – немедленно! Сейчас каждый шаг должен быть выверен – до миллиметра. Она не имеет права совершить больше ни одной ошибки... Но как это сделать – что вообще делают в таких случаях – в жизни, а не в кино?! Она напряглась всем существом, будто уже предстояло родить – и нужно было не только дать новую жизнь, но и выжить самой. И снова вспыхнуло глубоко в мозгу – приоткрылась та самая потаенная дверь, и Ксения изо всех сил всмотрелась внутрь себя, в тот пронзительный свет, указующий путь...

Сделав еще несколько глубоких вдохов, она твердой поступью обошла труп и поднялась по лестнице: прежде всего, следовало обезопасить себя. Заложив древний, еще сто лет назад выкованный местными кузнецами железный засов на входной двери, наглухо задвинула все занавески: она больна и спит – не тревожьте ее! Надев чужой истрепанный халат, висевший в сенях, четкими скупыми движениями вынула все три заслонки русской печи, ловко затопила ее: кто поспорит с тем, что после ночной бури надо основательно просушить дом во избежание плесени? Подошла к серванту, налила себе большую рюмку водки из синего графинчика – той самой экспортной водки, которой недавно еще разбавляла духи для наивной почтарки. Выдохнула – и не стала закусывать; дождала, пока жидкий огонь дойдет до глубины души, придавая ей крепости – и крепость пришла. Ноги не дрожали, и сердце лишь ненадолго ускорило свой ритмичный шаг, когда Ксения, перевернув покойницу на спину и не глядя ей в лицо, обыскала ее одежду: в карманах нашелся паспорт и тощий коленкоровый кошелек – то и другое немедленно отправилось в печь – правда, деньги, поколебавшись минуту, она решилась вынуть. Личность по ним не установишь, а лишний четвертак при ее все такой же нищенской зарплате... Ксения работала на истфаке и хорошо знала, что именно ответил римский император Веспасиан своему сыну Титу – будущему разрушителю Иерусалима, когда тот возмутился тем, что отец обложил налогом общественные нужники: «Деньги не пахнут!» – сказал он, сунув сыну под нос горсть золота. Ксения тоже понюхала две десятки, зеленую трешку и мятые рублики: от них исходил едва уловимый запах незнакомых духов – такой слабый, что им вполне можно было пренебречь. Подкинув дровишек в без того яркий огонь, и на всякий случай чутко прислушавшись, она вернулась в подвал, чтобы проделать самую неприятную часть работы: предстояло проверить, какие на той украшение – потому что именно они-то и могут послу-

жить, в случае чего, лучшими удостоверениями личности. Подумала – не выпить ли перед этим еще водки, но вспомнила про Ванечку: нет уж, пришлось ей увидеть в жизни одного мальчику-дауна, хватит... Проглотила быстро набравшуюся слюну и отогнула высокий воротник на ледяной шее: так и есть – золотая цепочка с кулоном; дернула что было сил – и она лопнула. Кулон оказался крестиком – и Ксения от неожиданности чуть не выронила его: выходит, покойница – верующая, что ли, была?! И теперь Бог, чего доброго, за нее покарает?! Сердце сорвалось, задрожали руки... Глупости, глупости, глупости... Суеверия... И вообще, если Бог и есть, то Он знает, что все произошло случайно... Она же не убийца – просто так вышло... Преступнице снова удалось взять себя в руки – и уже почти спокойно она принялась сдирать единственный малахитовый перстень с холодного твердого пальца покойной; рванула по сильнее – и он довольно легко соскочил. Потом она выбросит то и другое в заброшенный колодец за околицей – туда, где на дне стоит мутная тухлая вода... В маленьком кожаном рюкзачке оказались всё тряпочки, тряпочки да картонный блокнотик – это-то бабское барахло в печи сгорело за полчаса – вместе с рюкзачком...

Отдышавшись, Ксения снова полезла в проклятый подпол, критически осмотрела одежду на трупе: ширпотреб. Индийские джинсы, польская голубая куртка (у нее самой такая же была, только бежевая), свитерок из Прибалтики – она там тоже себе однажды чуть такой же не купила... Так что раздевать ее – Ксения крупно содрогнулась – не придется...

Когда-то она ненавидела свою бывшую свекровь – фанатичную труженицу на затерянном среди партизанских лесов и болот под Лугой дальнем садовом участке. Волевая и властная женщина, она с восходом в любую погоду выгоняла на грядки и постройки невестку, сына и внука, приехавших отдохнуть на недельку – и на следующий же день начинавших горько раскаиваться. Но теперь Ксения вспомнила ее с настоящей симпатией: ведь это благодаря свекрови она теперь ловко и грамотно управлялась с лопатой, знала, как уберечь руки от пузырей, правильно надев перчатки – и через несколько часов в углу подвала, в мягкой, песчаной, податливой почве образовалась пусть и не слишком глубокая – но надежная и, можно сказать, уютная яма.

Время поджимало – потому что солнце уже уверенно перевалилось ближе к западу; земля над безвестной могилой была утрамбована почти до каменности, а сверху навалены старые серые доски из другого угла; лишнюю землю – ее оказалось не так уж много – Ксения равномерно рассыпала по всему подвалу, размела истлевающим вербным венником, найденным там же... На своем месте лежал миленький лоскутный половичок, красавец-бидон, как нелепый памятник на могиле, уверенно попирая замаскированный вход в подвал... Уже прибравшись, Ксения спохватилась о единствен-

ной своей, теперь неустранимой оплошности: как она не догадалась отвернуть рукава голубой куртки – ведь наверняка же там остались часы! Но сразу себя и успокоила: ну, какие там часы? «Заря» какая-нибудь или «Луч» - пусть бы даже и золотые... Все равно выпускаются массовыми партиями... Да и кому придет в голову искать пропавшую – здесь? Даже если кто-то и знал, куда та отправляется – зачем станут копать землю в подвале? Вероника Журавлева сюда не приезжала – никогда. Это с полной уверенностью покажет любому следствию Леонид – кто посмеет усомниться в словах заслуженного ученого? Ее не найдут. Она навсегда останется пропавшей без вести. Мало ли людей ушло из дома и не вернулось...

Ксении предстояло спуститься в тот подвал еще раз – через девять лет. Когда с восьмилетним умницей-Ванечкой по дороге в другую деревню не устояла перед искусом завернуть в Двуполье – и просто убедиться в том, что мертвецы не встают из могил. Что тайна любви и смерти надежно сохранена временем, и ничто не угрожает ни благополучию ее семьи, ни самой жизни... Прикинувшись, что подыскивает себе деревенский дом, Ксения размотала почерневшую тряпку, служившую теперь замком для наружной двери, и спустилась по разошедшей лестнице в подпол. Увидела мирный пыльный свет из щелей и крошечных окошек, почти в труху распавшиеся доски на том же месте, где она их оставила, – и такой покой снизошел в душу! Никто ее уже не тронет... Все позабыто... Правда, когда она собралась подниматься вверх, сумасшедшая грязная старуха в рваном тряпье, которая все время околачивалась вокруг с неразборчивым безумным бормотанием, зачем-то вздумала захлопнуть над ее головой дверцу подвального лаза – пришлось отшвырнуть ее в сторону и с криком выбежать – впрямь неприятное воспоминание...

Оно и превратилось со временем в этот навязчивый сон, приходивший то еженощно, то раз в десятилетие – вот опять, уже второй раз за ночь... Неудивительно – когда сама себя так разбередила... По куче трухлявых досок беспечно скакали в полутьме солнечные зайчики, подрагивала искусная паутина в плоском пыльном луче... Безотчетная тревога нарастала изнутри, гоня прочь из сумрачного места – наверх, к настоящему свету. Надо только подняться по лестнице – и вот она уже на нижних ступеньках. Сейчас выход начнет накрываться дощатым прямоугольником двери – да, как всегда, нависает, грозя запереть ее в подвале, как в гробу! Не страшно, не страшно... Просто оттолкнуть легким движением, как делала десятки раз, и вырваться, вздохнуть полной грудью... Ксения увидела свои молодые руки на бурых занозистых досках – один толчок – и... Там, в больнице, наверное, уже утро...

Но легкая деревянная дверца не поддавалась послушно, как в предыдущих снах... С силой и нажимом бетонной плиты она давила вниз, делая

усилия двух ее жалких ладоней просто смешными... Тогда Ксения уперлась в доски головой – как же больно!!! сил нет терпеть!!! – но нельзя позволить двери замкнуть последний свет! Она судорожно вдохнула в последнем усилии и выдохнула – а-а-а! Остановите! Так нельзя! Это нечестно!! Пустите!!! Но силы иссякли, перехватило дыхание – и следующий вдох сделать все не удавалось... С глухим стуком дверь-плита рухнула вниз, и в тот же миг навек захлопнулась и другая – та, заповедная... Ксения в смятении обернулась, панически ища взглядом другого выхода – но никакого подвала не было. Вокруг стояла непроглядная тьма, и со всех сторон напал живой, запредельный ужас.

Эпилог (2015 год)

Не все так плохо, как кажется...

- А вот этот дуб посадил Иван Грозный, - с улыбкой сказал молодой монах вполне светскому парню лет двадцати семи – шатенистому, светлоглазому, румяному, но очень грустному здоровяку.

- Вряд ли. Он на пятьсот лет не тянет, - нехотя отозвался парень.

- Ну, не знаю, я при том не был – просто здесь так считается, - не стал спорить веселый чернец – и вдруг легко подпрыгнул, на лету сорвав хилый дубовый листок; приземлившись, незаметно оглянулся – не успел ли кто увидеть и осудить его неподобающий маневр. – Давай-ка, Ваня, по стене лучше походим – туда туристы реже суются...

Он, разумеется, ошибался, потому что, как только молодые люди начали чинно, гуськом подниматься по каменной лестнице на широкую крепостную стену, навстречу им с голодным кошачьим мявом бесцеремонно поскакали, небрежно толкнув обоих, сразу четыре долгоногие девицы в майках и шортиках, условно повязавшие вокруг тощих бедер полученные на входе в монастырь цветастые платки. Монах и не оглянулся на них, но товарищ его проводил девушек суровым взглядом:

- Слушай, Серый, как вы тут такое терпите?

- А, привыкли, - равнодушно отозвался Серый и потом деликатно подкашлянул: - Только это... Я теперь, типа, иеромонах Иона...

Они сели на замечательную широкую скамейку, сработанную под старину местными черноризными умельцами. Иван печально махнул рукой:

- Ну, не могу я так тебя называть – хоть ты что делай. Язык не поворачивается. Десять лет за одной партой... В одном дворе росли... А уж если детский садик посчитать! Помнишь, как в черепашек-ниндзя играли? Ну, какой ты мне отец Иона – Серый ты, Серый и есть. Ну, Серега, в крайнем случае. То есть, я помню, конечно, что ты грехи отпускаешь и советы даешь толковые. Но езжу-то я к другу, а не к священнику!

- Который по благу тебе все смертные грехи молодости без епитимьи отпустил, - добавил монах. – Кхм. Шутка, - и было видно, что он действительно шутит, потому что глаза его искренне

смеялись из усталых провалов глазниц на заметно осунувшемся лице.

Кроме церковной службы, послушание его было одним из самых тяжелых в монастыре: трудился он хлебопеком и спать мог только урывками, пока подходило на быстрых дрожжах то ржаное, то пшеничное тесто. Он и сейчас бы лучше вздремнул полчаса перед вечерней – как лампочка бы выключился хоть на этой скамейке, но долг любви всегда оказывался в нем сильнее слипавшихся глаз, даже когда меж веками было «хоть спички вставляй».

- Что случилось-то, говори, - тихо сказал он. - Мать-отца похоронил – это я понимаю, но ведь тому месяц уже. Недоговариваешь – что? Ты ведь все равно именно с этим приехал, я тебя как облупленного знаю. Так не молчи уж, я ведь тоже человек. Мне на вечерне сослужать еще, а я с трех ночи присел первый раз. Говори давай.

- Ну, сам напросился – слушай, прозорливый ты мой, - с усилием выдохнул Иван, запнулся на секунду и бухнул: - Мать моя, когда мной беременна была, человека убила и в землю закопала. Как поп собаку. Я не шучу.

- Тетя Ксюша?! Ты чего, Ванёк, мыла поел?! – ахнул никакой не отец Иона, а питерский школьник Серега, не раз и не два забегавший к другу и соседу то порубать горяченьких пирожков с мясом, то супчика грибного тетя Ксюшиного навернуть от души. Его-то собственная мать профессор была настоящий – не кислых щей, и от плиты шаралась быстрее, чем от вирусов в своих пробирках, а отец-филолог только картошку в мундире варить умел...

Друг его молчал, тяжело уставившись в землю, и недоверчиво отодвинувшемся от него Сереге вдруг стало ясно – может, недаром тетки глупые прозорливым зовут – что переспрашивать Ивана на тему «А ты уверен?» или, еще лучше, осторожно вызнавать, не переутомился ли тот ненароком – дело лишнее и неправильное. Шепотом спросил:

- Случайно, да? – предположил: - Дневники какие-нибудь нашел, письма, да?

Иван, все так же глядя вниз, стал тихо рассказывать:

- Нет, сам дотумкал. Постепенно. Вот как дело обстояло. Я мальцом еще был, во второй класс пошел, кажется, когда мать захотела дом в деревне купить. То есть, это она мне так сказала. Мы ехали к какой-то ее подруге в деревню – и вдруг она вышла со мной из автобуса и потащила меня совсем в другую сторону... «По пути, говорит, быстренько несколько домов в одном месте посмотрим, а завтра дальше поедем». В деревне, конечно, разорение – а что ты хочешь, середина девяностых. Остановились мы на ночь в каком-то вонючем доме, и мать мне велела сидеть во дворе, а сама ушла, вроде как дом присматривать. Мне восемь лет было – что я понимать мог! Сбежал, короче, через часик и забрался в один дом – развалюху такую. Видел, как мать оттуда выходила, и

испугался – вдруг, думаю, купит, и нам придется в нем жить! Увидел дверь в подпол – да и полез из любопытства... По подвалу хожу, сам себя пугаю, будто в ужастик наяву попал. Оборачиваюсь – и никакого ужастика не надо: прямо передо мной ведьма стоит. Настоящая...

- Слушай, - деликатно перебил отец Иона. - Ты – это... Может, действительно, детский кошмар какой-нибудь или что-то вроде этого?

- Кошмар, - согласился Иван. – Только взрослый. Понятно, что не ведьма это была, а просто страшная сумасшедшая старуха. Ведьму из «Русалочки» напоминала – Урсула, помнишь? Которая ей ноги вместо хвоста приделала? Ну, так вот, похожа была на нее до дури. И начала эта бабка мне чуху какую-то нести... Кстати, ты ведь духовный у нас, лучше меня понимать должен. Сумасшедшие – они ведь знают и чувствуют что-то такое... Ну, что нормальные люди не видят и не понимают. А психи – они...

- Знаю. Видел, - коротко и серьезно вставил монах и незаметно содрогнулся. – У нас здесь такому никто не удивляется. Ты продолжай.

- Короче, тогда я не понял, конечно, ни хрена, – но в память врезалось, ведь не каждый день такое слышишь. И не перескажешь, потому что звучало, как бред. А суть такая. Во-первых, назвала она меня «ведьменок». Во-вторых, спросила, не показывалась ли мне там какая-то «рыженькая», которая откуда-то «не вышла» по моей вине. В-третьих, летом восемьдесят седьмого она сломала ногу и, похоже, из дома не выбиралась – а торчала у окна, наблюдала через тюлевую занавеску за соседским двором и домом – тем самым, где мы с ней в подвале стояли. Я, конечно, со страху чуть не обделался – такая она ужасная была... И воняла хуже помойки... В общем, следила от безделья за всеми – кто вошел, кто вышел. Считала их... И вдруг обсчиталась. Кто-то вошел в дом – да так и не вышел. Судя по предыдущим словам – «рыженькая» та самая. Причем, сказала, что на свете меня и правда еще не было, но «в другом месте уже сидел как миленький»... А где бы это, кроме как не у матери в утробе... Когда я сказал, что родился в апреле – она как бы уверилась в своей правоте... И мать мою она вполне могла в тот день видеть – ведь та в дом прямо передо мной заходила... И узнала ее, наверно, – ведь лет-то всего девять прошло...

- С чего? С чего девять лет? Ванёк, при чем тут эта рыженькая – и твоя мама? Ты сам-то не запутался в дедукции, Шерлок Холмс хренов? – давно и окончательно проснувшийся Иона вновь чувствовал себя вихрастым восьмиклассником Серым.

- С чего? Да с того, как предки меня зачали. В июле восемьдесят седьмого – в том самом доме – как раз когда она в гипсе сидела у окна... И когда некая рыжая женщина вошла в дом – и больше не вышла. И которая могла кому-то «явиться» или «не явиться» - то есть, она умерла. Но, если б своей смертью, то ее бы открыто вынесли оттуда

и похоронили на кладбище... Значит, ее убили, - бесстрастно разъяснил Иван.

- Что за бред?! - вскипел спохватившийся отец Иона. - Это же форменная чушь! Как тебя могли зачать в том самом доме, где ты случайно пацаном оказался? Если там даже пристукнули кого-то, прости мя, Господи, грешного, то твои-то родители тут причем?

Друг медленно, словно лениво, повернул к нему лицо:

- А я не сказал? Не сказал, значит... Так слушай. Деревня эта - Двуполье называется, недалеко здесь, на Плюссе стоит. Там курган какой-то рядом, я специально проверять ездил. Так вот, курган этот батя со своими студентами как раз тем летом и раскапывал. Студентов в школе разместили на матах - а отцу пустой дом выделили. И мать с ним там жила, хозяйничала - месяца два. Ну, а я, как и положено, в апреле следующего года родился...

- Хорошо, но откуда ты знаешь, что именно этот дом, а не другой? И что вообще убили кого-нибудь? Ты же не можешь всерьез верить словам тронутой бабки, которую видел двадцать лет назад! До поноса испуганным пацаненком! - не помонашески вспылит Серый; ему ужасно, просто до рези в душе хотелось, чтобы вот сейчас все разрешилось какой-нибудь глупостью, бесовским наваждением - и они бы рассмеялись оба с облегчением, и Ванька бы потряс своей шелковистой, как у девушки, головой со словами «Да, действительно, что-то понесло меня не в ту сторону!», и стукнулись бы они кулаками, будто кружками с пивом, как бывало после удачно списанной контрольной...

- Я не идиот, - враждебно сказал Иван. - И не чокнутый, чтоб собственную мать просто так обвешивать в убийстве. Я тоже гнал от себя все эти мысли, когда приходили. Несмотря на то, что батя мой патологически ненавидел рыжих баб. Знаешь, сквозь всю мою жизнь красной нитью прошла его главная заповедь: «Только с рыжими девками не вяжись - хоть с негритосками, только не с ними! Огребешь по полной, вспомнишь отца - да поздно будет...». Как он про рыжих начинал - так я сразу тот подвал вспоминал, и в угол тянуло жаться, как твоего, прости, труса-лабрадора... Но только, когда мама... мать моя... умерла... Отец решил после похорон снова туда съездить - один. Про это Двуполье он и раньше как-то сказал, что там - главный курган его жизни. Курган победы, типа. Я думал, он это в том смысле, что нашел там что-то важное или редкое какое-нибудь... Хотя что там можно было найти - эти курганы вдоль Плюссы все как под копирку. А он имел в виду, что именно там его жизнь круто повернула в нужное русло - ему уже за пятьдесят было тогда - вроде как какую-то победу одержал - то ли над собой, то ли над обстоятельствами... И это как-то связано было с... ней. С матерью, в смысле. Жена-то она вторая у него была. И меня они там слепили - как ни крути. Любили дико, поздний ведь я у них ребенок... Вот и поехал старик поклониться тому кургану... Атеистами они с матерью были - сам знаешь. А все же потянуло к чему-то такому... А может, про-

сто романтика - археолог все-таки... Не хотел я его пускать, старый же был, под восемьдесят... А как отговоришь, если уперся? И меня с собой не взял ни в какую... Ну, и все. Вернулся на себя не похожий - и в ту же ночь инфаркт. Навестить я его в больнице только один раз успел, да еще врач, гнида, сказал, что, может, и выкарабкается - старикан-то крепкий. Я и поверил. А отчего инфаркт - сказать? Приехал он к дому, где с женой жил - а от того уж одни развалины. Но нашел тетку какую-то местную, она и рассказала: дом этот вроде как проклятый теперь, потому что лет пятнадцать назад там в подвале скелет нашли. Женский.

- С рыжими волосами?! - схватив друга за руку, возопил Серый.

Иван глянул недоуменно:

- Не-ет... Насчет волос не знаю... Но с древним браслетом. И не из тех раскопок. Вообще не отсюда, а из Крыма, кажется. Его участковый по всей деревне носил - думал, может, признает кто. Не признали. А батя - по описанию узнал. И даже бумагу просил, нарисовать мне его пытался - сил не хватило. И заплакал тогда... Молча. Так, плача, и умер.

- Да уж... - потрясенно протянул монах. - Тут даже не наешь, что и сказать...

Они и не говорили - долго. Колокола к вечеру отзвонили давно, снизу напозвала влажная сырость.

Было уже почти темно, когда отец Иона, переодевшийся в рабочее, но так ни минуты и не поспавший, появился в жаркой, как преддверье ада, пекарне, где два молодых инока в белых робах и смешных колпаках деловито замешивали очередную порцию скользкого желтого теста. Он автоматически положил земной поклон перед «Спорительницей хлебов» и тоже шагнул к чану.

- Отец Власий рвет и мечет, весь вечер тебя искали - и на службу ты не пришел, - обернулся к нему ближний инок, по локти погрузивший руки в теплый будущий хлеб. - Где пропадал-то?

- Исповедовал, - глухо буркнул иеромонах, которого сон душил медленно и коварно, будто накинута ему на голову ватное одеяло.

- И что, подождать нельзя было? Власий ведь опять разорется. Или важный кто? - руки инока привычно быстро перетирала случайные комки муки.

Отец Иона выпрямился, глянул на «Спорительницу» - но Она вдруг легонько качнулась перед ним в прозрачном мареве отрешенности. Он зажмурился и быстро помотал головой, в которой с готовностью отозвался целый оркестр разнородной боли. Предстояла длинная ночь утомительной однообразной работы, а потом его, накануне проштрафившегося, никто уж не благословит уйти с утрени, сразу после которой - новый замес...

- Да. Насельник наш будущий. Пока Иоанном зовут... - одержав над сном мучительную победу, ответил он.

4 августа 2015 г.

д. Букино

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

- Виктор Орешкин 5
Евгений Смоляков 9
Светлана Панова 13
Людмила Гордеева 14
Юлий Шагер 16
Патьяна Николаева 20
Лемпи Карзова-Головина 23
Галина Иванина 25
Наталия Кострицына 28
Дмитрий Удовкин 31
Патьяна Беляева 32

Проза

- Сергей Псарев 104
Ольга Сафарова 117
Валентина Сибирякова-Горак 122
Светлана Панова 130
Юлий Шагер 134
Нина Озерова 137
Виктор Пермяков 142
Елена Стукова 147
Наталия Сорокина 157
Наталья Веселова 161

Публицистика

- Евгений Раевский 36
Сергей Псарёв 39
Алексей Воронов 44
Елена Сакс 51
Антонина Липина 56
Ольга Полякова 63
Вячеслав Поляков 69
Нина Озерова 81
Иван Ильин 83
Макар Алпатов 90

Золотое Слово № 12
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2015 г., 210 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: www.rmssp.pro
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 15-я линия, д. 34, кв., 17
Контактный тел.: 8-921-908-97-16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»
Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15
Заказ № 69 Тираж 1887